

Ж О В Ы И
М И Р

2

Ж О В Ы И М И Р

1950

2

1950

НОВОЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXVI

№ 2

Февраль 1950 г.

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
СЕМЕН ГУДЗЕНКО — Дальний гарнизон. Поэма о пехотинце	3
ГЕОРГИЙ ГУЛИА — Чёрные гости. Историческая повесть	39
ВАСИЛИЙ ЛОЗОВОЙ — В долине Стрипы. Рассказ агронома. Авторизованный перевод с украинского А. Константинова	117

ПОЭЗИЯ ВЕНГЕРСКОГО НАРОДА

Певцы мира и демократии. Предисловие Анатоля Гидаша	161
ЗОЛТАН ЗЕЛК — У могилы советского солдата. Перевёл Леонид Мартынов	162
ДЬЮЛА ИЙЕШ — Кровельщики. Перевёл Мих. Зенкевич	163
ПЕТЕР КУЦКА — Рукопожатье. Перевёл Мих. Зенкевич	165
ЛАСЛО БЕНЬЯМИН — Весна в Венгрии. Перевёл Леонид Мартынов	166
ФЕРЕНЦ КАПОШИ — На деревянном блюде. Перевёл Мих. Зенкевич	168
М. ИСАКОВСКИЙ — Из венгерской народной поэзии	169
МИХАЙ ФАЗЕКАШ — Мати Лудаш. Поэма. Перевёл Николай Тихонов. Предисловие Анатоля Гидаша.	172

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

П. ХРУСТАЛЁВ, Герой Советского Союза гвардии подполковник. — На аэродромах американской авиации. (Из записок советского лётчика)	182
--	-----

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Литература и искусство 229

Е. Книпович. Весна в Европе. — Лев Озеров. Поэзия борьбы за мир. — Майор В. Хабин. Роман об армии героев. — Вл. Николаев. Повесть о молодости. — Александр Чаковский. *На большой дороге. — С. Григорьева. Поэмы Антона Белевича.

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР“
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
<i>История. Международные отношения. Военная наука</i>	243
Академик Е. Тарле . Заокеанские гитлеровцы. — В. Мочалов . Югославия под пятой фашизма. — Инженер-контр-адмирал А. Юровский . Морская слава нашей Родины. — Полковник Н. Денисов . СССР — родина парашютизма. — Член-корреспондент Академии наук СССР Н. Дмитриев . Новый труд по истории культуры Азербайджана. — Кандидат технических наук инженер-майор В. Кириллов . Конструктор стрелкового оружия.	
<i>Право</i>	255
Член-корреспондент Академии наук СССР А. Трайнин . В лабиринте английского права.	
<i>Техника</i>	257
И. Пешкин . Школа новаторов. — А. Иглицкий . Создатель «огненной машины».	
<i>География и антропология</i>	261
Сергей Марков . Дневники писателя-путешественника. — Подполковник П. Корзинкин . Землепроходец XX века. — Кандидат исторических наук М. Салманович . На пороге новой науки.	
<i>Физкультура и спорт</i>	267
Михаил Ботвинник . Книга о М. Чигорине.	
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ (Январь 1950 года)	269

ДАЛЬНИЙ ГАРНИЗОН

Поэма о пехотинце

СЕМЁН ГУДЗЕНКО

★

Глава первая

Подвиг рядового

Красных кровель черепица.
Венский пригород в дыму.

...Приказали зацепиться
пехотинцу одному,
приказали подобраться
к амбразуре угловой,
приказали постараться
возвратиться с головой.

Приказали.

И дорога,
что по карте пролегла,
стала улочкой пологой
от угла и до угла, —
не с дворцами, где в коронах
львы и туры на гербах,
а рябая от воронок,
в навзничь рухнувших столбах,
в нефти радужных накрапах,
в битом намелко стекле, —
но идущая на запад,
к жизни,
к миру на земле!

Вот по ней-то, выполняя,
как положено, приказ,
мимо синего Дуная,
не сводя с брусчатки глаз,
на локтях да на коленях,
мимо вражьих мертвецов,
взяв на запад направление,
полз Василий Горобцов.

Что сказал перед уходом
другу лучшему солдат?
Попрощался ли со взводом?
Попрощался, говорят.

И сказал:

— Беда случится,
всё бывает на войне,
жаль, не вышло поучиться
в офицерской школе мне!
Я все годы коммунистом
на переднем состою:
принимали в поле чистом
под Орлом ещё в бою,
так что если молодую
жизнь огнём пересекут,
так что если упаду я
через несколько секунд, —
попрошу не в павших числить,
а на линии огня.
Вот какие нынче мысли
потрвожили меня.

И ответили солдаты:

— Не прощаемся с тобой!
От твоей, земляк, гранаты
дот обвалится любой!

И ещё сказали:

— Что же?
Всё бывает на войне...

И, вздохнув, на город строже
посмотрели в тишине.

...И ползёт по мостовой он
к доту, что вмурован в дом.
Видит только угловой он
дом на перекрёстке том,
где кладбищенской ограды
обрывается гранит,
где из дота, из засады,

без умолку говорит
пулемётчик, что ни шагу
нашим сделать не даёт.

На твою, земляк, отвагу
положился весь народ!
Ожидает взвод, когда ты
чёртов дот угомонишь!

(На часы глядят солдаты —
фосфорятся циферблаты
в темноте глубоких ниш).

За кладбищенской оградой
клёны,

вязы,
тополя.

За кладбищенской оградой
вся эсэсовская тля
истлевает.

Но вот эти
трое смертников живут!
Им сегодня на рассвете
дан приказ держаться тут,
возле каменного склепа,
где над пыльной плитой
так не к месту, так нелепо
жмётся ангел золотой.

Лёгких крыльев взмах тревожный, —
понимает херувим,
что пора, пока возможно,
унестись к брегам иным!

...Мы от Волги и от Дона
шли за Вислу и Дунай,
схоронив в земле бездонной —
никого не забывай! —
сотоварищей весёлых
по нелёгкому труду,
оставляя в дымных сёлах
самодельную звезду,
что из ящичной фанеры
вырезается ножом,
что горит в тумане сером
над последним рубежом.

Ну, а здесь гробниц фамильных
пышный мраморный уют —
круглый год горит светильник,
круглый год цветы цветут.
Здесь воздвигла дочь для папы —

группенфюрера —
дворец.
(Обломали папе лапы
под Вапняркой, наконец!)

Здесь на каждом пьедестале —
ангел,

лавры,
письмена.

Мы их позже прочитали,
а пока гремит война
и над всем этим барокко
парниковая жара,
орудийная морока,
назревавшая с утра.

Не об этом были мысли
в трудном рейсе
(вдоль стены).

Он узнал об этом после,
а сейчас —

в разгар весны! —
полз с гранатами в карманах,
с карабином на груди,
в мятой каске,
в брюках рваных,
ватник скинув по пути.

О, весеннее кипенье
в сорок пятом на войне!
Дым над сизою сиренью,
плющ на взорванной стене,
терпкий запах тополёвых
почек, смешанный с золой,
голубей белоголовых
вихрь над стонущей землёй!
И с кладбищенской ограды
всё сильнее,

всё живей
бьющий дробью из засады
без умолку соловей!

То ли он под оккупантом
к ряду восемь лет молчал —
отощал без провианта
и без песни заскучал;
или, позабыв о воле,
думал: больше не жилец...
то ли вышел из подполья
тот неслыханный певец?!
Только он на всю катушку
дал томительную трель,
заглушая даже пушку,
даже звонкую капель!

И в полку, услышав трели
и слезу сдержав с трудом,
пехотинцы вдаль смотрели:
— Потерпи, певец! Идём!

Не случайно пели птицы,
пели рощи и холмы
там, где выходили биться
за весну, за правду мы!

Не забуду я, как дети
той весной плели венки,
чтоб, встречая на рассвете,
нам бросать их на штыки.

...И солдат, услышав пеньё,
удивился:
— Ишь, поёт!

Приподнялся на колени
и метнул в мордатый дот
полновесную гранату.

Взрыв!

И —

каменный обвал!

Помоги, земля, солдату!
Он к тебе, как сын, припал!

И, забывшись на мгновенье,
он следить уже не мог,
как пошли ребята к Вене
через взорванный порог,
мимо обороны смятой,
знамя вскинув на бегу,
под ноги постлав проклятый
флаг со свастикой в кругу.

Генерал сказал:

— Дать орден!

С делом справился герой!

Врач звонил:

— Он будет годеи.

Через месяц встанет в строй.

Генерал сказал:

— За эти

дни окончится война.

Нам на подступах к Победе
ситуация ясна!

И товарищи сказали:

— Жаль, прощаемся с дружкой!

Сёстры вмиг перевязали,
поспешили за полком.

Полк вошёл в прорыв.
(Пехота
шла за танками в прорыв).

Горобцов сказал:

— Охота

быть с полком, поскольку жив!

Я в боях с ним все четыре
неразлучных года был.

Мы сражались, чтобы в мире
мир желанный наступил!

...И над миром в ту минуту
грянул гром из синевы
чистым отзвуком салюта
торжествующей Москвы.

С первым громом —

с пятой раной

сдали в госпиталь бойца; —

поместили в иностранный
древний замок

Горобца.

И под красной черепицей,
в лазаретной белизне
Горобцову стала птица
часто видеться во сне;
а ещё о карабине
8206

в лазарете на перине
думал:

— Где теперь он есть?

Где он?

Кто на поле боя,
там, где ранило меня,
взял его,

унёс с собою
дальше — к линии огня?

...О, весеннее кипенье

в сорок пятом на войне!

Дым над сизою сиренью,
плющ на взорванной стене,
терпкий запах тополёвых
почек, смешанный с золой,
голубей белоголовых
вихрь над стонущей землёй!
И с кладбищенской ограды
всё сильнее,

всё живей
рассыпающий рулады
в честь Победы

соловей!

...Мы идём по майской Вене,
как на праздничный парад,
и на маршала равненье
держит фронтовой солдат.

И за нашими полками
люди трудящийся идёт,
тот, который вместе с нами
«Интернационал» поёт.

На дворцовых парапетах,
у дунайских синих вод,

встал под сень знамён воспетых
Австрии простой народ.

И тогда сержант, волнуясь,
в дело радио введя,
в прифронтовый гомон улиц
передал приказ Вождя.

И пошли мы не в последний
бой за счастье всей земли —
правый,
Сталинский,
победный —
в бой, что столько лет вели.

Глава вторая

Едет офицер...

В тридевятый гарнизон,
с чемоданом книг,
из училища служить
едет выпускник.

Под колёсный перебор,
мерный перестук,
едет младший лейтенант
с севера на юг...

Третий час уже пески,
без конца — пески!
Точно в море за кормой
волны высоки.

Точно в море, берегов —
как ты ни гляди —
не найдёшь по сторонам,
нет их впереди.

Только дымным островком
промелькнёт завод,
подпирая в десять труб
знойный небосвод,
или город вдоль путей
выстроит сады —
в белой кипени цветов
яблонек ряды.

И покачивается
воинский вагон.
...И поблёскивает там
золото погон.

Не отходит молодой
парень от окна.
Видно, по сердцу ему
жаркая страна.

... Три медали и «Звезда» —
небольшой набор,
да с казачьим козырьком
головной убор,
да нашиты под «Звездой»
лычки на груди.

...Парень молод, но боёв
много позади.
Парень молод, невысок,
тоненький такой,
всё приглаживает чуб
смуглою рукой.

А сосед его — майор —
кряжист, как пенёк,
и поблёскивает весь
с головы до ног:
гладко брита голова
(попрохладней так!),
ни пылинки на ремнях
и на сапогах.

Сразу видно: строевой,
старый кадровик.
Сразу видно, что к жару
человек привык.

И не плохо прослужил
двадцать лет сполна,
раз за выслугу ему
вышли ордена.

Весело ворчит майор:
— Припекает, чёрт!

Что ты там ни говори,
это не курорт!
Мне в лихих не довелось
побывать делах
и с десантом не пришлось
кочевать в тылах.
Там, наверное, пекло,
друг, погорячей?
Здесь, брат, медленно текло
время, как ручей.
Здесь, в глуши, погранотряд
всю войну трубил!
...Ты, однако, друг-солдат,
что-то загрустил!
Дальше Кушки не пошлют,
меньше взвода не дадут!
Не горюй, младшой!
Не более душой!

В кружке тёплый, как чаёк,
привозной портвейн.

— Выпей, младший лейтенант!
Это — не трофей.
Это мне отец в Крыму
флягу нацедил.
Нынче ездил я к нему,
отпуск проводил.

Выпили.

— Меня, майор,
незачем жалеть!
Мне, по правде говоря,
хочется запеть!
Я ведь сам сюда просил
предписание дать.
Думаю, что хватит сил.
Нам не привыкать!
Ну, конечно, здесь не рай.
Правда, и не ад.
Трудный край. Хороший край!

— Значит, вправду рад?!
Говоришь, что сам в пески
попросился, друг?

...За окошком в тугаях
птичий перепуг —
над студёною водой
визг и суета
(а вода в Аму-Дарье,
как песок, желта).

— Да, ты прав: совсем не рай!
Жаркий дальний юг.
Мы теперь — передний край.

Вам — учиться, друг!
Трудно здесь. Но где трудней --
лучше для солдат.
Азия! У нас о ней
лишнее твердят.

И альбом из вещмешка
вытащил майор:
— В Крым возил издалека.
Думал, выйдет спор.
Думал, что не знают там,
как в песках живут,
как по выжженным местам
яблони цветут,
как арычная вода
в зыбуны идёт,
как в пустыне города
строит наш народ,
Казахстан даёт прокат,
льёт металл Ташкент —
всё расскажет в аккурат
фотодокумент!
...Значит, к рубежам страны
едешь, командир?
Вот такие и нужны
для борьбы за мир!

Встал майор, взглянул в упор:
— По-отцовски дай
расцелую за приезд
в наш далёкий край!
Мне солдата своего
посылать во мглу
поспокойней — есть ТУРКВО¹
у меня в тылу!
Служит там попутчик мой —
парень боевой!
И такую дружбу, брат,
не разлить водой.
А в песках у нас вода —
жизнь и смерть — вода!
Наша дружба навсегда!
Да, товарищ?
— Да!

...Едет младший лейтенант,
ветеран войны,
в тридевятый гарнизон,
к рубежам страны.

¹ ТУРКВО — Туркестанский военный округ.

И недвижно, как в парной,
воздух раскалён.
И нагрет до синевы
чистый небосклон.

— Познакомиться пора,
дорогой сосед.
Вместе встретили уже
не один рассвет,
вместе выпили уже
не один стакан.
Ермолаев!

— Горобцов.
Младший лейтенант.

...Мог бы и не говорить
званья Горобцов —
то, что младший лейтенант,
видно и без слов.

Но бывает, промолчать
трудно иногда.

Это надо понимать:
первая звезда,
первый офицерский чин,
золото погон!

...Едет младший лейтенант
в дальний гарнизон.

Родина!
Твои сыны
жизнь хранят твою.
Испытала их огнём
ты в большом бою.

И над ними, как в бою,
твой победный стяг.
И в песках твои сыны
дома, не в гостях.
И по нраву им всегда
твой передний край!

— Здравствуй, Азия!
— Саям!
— Сына принимай!

Глава третья

В Берлинском полку

Вечернею порой
на лагерной поляне
сошлись в парадный строй
друзья-однополчане.

Оружие бойцам
в нежаркий час заката
вручал комроты сам
и говорил им:
— Свято
беречь его везде —
ваш долг и ваше дело!
Кто первым был в труде —
на фронте дрался смело!

И Зыкову вручён
был карабин комвзвода.

Сказал комроты:
— Он
за все четыре года
не выбит был из рук
комвзвода Горобцова.
С ним повстречался вдруг
здесь лейтенант ваш снова.

Вот — восемь
два
ноль
шесть —
вручаю вам!

Храните!
Для вас большая честь
служить с ним на границе.
Вам лейтенант ещё
о нём расскажет много!

И роте:
— На пле-чо! —
скомандовал он строго.

Шли дни.
Но не влекло
к оружию солдата.
Всё видел Головки:
— Что, Зыков, трудновато?
Наверно, снится дождь
и жарко, брат, и душно?..

И думал:
— Молодёжь!
Ей по привычке нужно.

Привыкнуть нелегко:
то край, как печка, жарок,
то речка далеко,
то скучноват приварок.

Черкнёшь домой —
придёт
с гостинцами посылка:
там и цветочный мёд —
литровая бутылка.
Перегребёшь до дна —
брусок хороший сала.

Дивился старшина:
— Казённых, Зыков, мало?
Начнёшь служить — всегда
в харчах, солдат, нехватка:
«и это не еда,
и то тебе несладко».
Послужишь — и поймёшь,
какой в полку приварок!
Ну, до того хорош —
не пища, а подарок!
И сила от него,
скажу тебе, большая!
Посылки — баловство.
Питайся.
Не мешаю...

И думал Головко:
— К жаре этой, конечно,
привыкнуть нелегко,
но кто привык —
навечно!

...Был Головко бойцом
высокого закала —
не просто храбрецом,
каких в полку немало:
испытанным войной,
сверхсрочником,
служивым,
примерным старшиной —
бывалым, бережливым;
не просто горячо
влюблённым в труд пехотный —
был на войне ещё,
с Днепра, парторгом ротным.

Он первый на доске
форсировал преграду.
Он был на волоске
часов двенадцать сряду.

Но честно, как всегда,
держал плацдарм прибрежный.

И выбрали тогда
(был тяжко ранен прежний).

...Не перечислить всех
за долгий зимний вечер
форсированных рек,
ручьёв,
речушек,
речек,
где первым —

смел и строг,
на слово скуповатый —
шёл фронтовой парторг,
от мины рябоватый.

Шёл до Берлина так,
неутомимым шагом,
пока победный стяг
не взвился над рейхстагом.

Тогда штыком парторг
на стенке расписался,
и пыль со скул обтёр,
и громко рассмеялся:
— Парили высоко
чертяки-гитлерята!
Не знали Головко —
советского солдата,
не думали, что он
придёт под эти своды!
Нет, хлопцы, то не сон,
то реет стяг Свободы!

...В Берлине алый шёлк
сияет и поныне.
А полк?
А полк ушёл
и встал в родной пустыне.

И Головко в песках
освоился, как дома.
В горах и кишлаках
всё старшине знакомо.

Он говорит:
— Меня
на шаг никто не сдвинет!
У линии огня
я насмерть встал в пустыне.

И старшину опять
секретарём избрали.
— Кого же выбирать? —
товарищи сказали.

— Ты — молодым пример,
ты — первым шёл в сраженьё! —
дополнил офицер
сержанта предложенье.

И вновь, как на Днепре,
вошёл он с ходу в дело.
И о секретаре
замначполитотдела
сказал:
— Я узнаю
парторга фронтового!
Он стал, как там, в бою.
душою роты снова.

И перейдя на «ты»,
сказал ему:
— Надеюсь,
с партийной высоты
сумеешь здесь, гвардеец,
смотреть на всё всегда.
Ну, что же — секретарствуй!
И не жалея труда
на благо государству!

И снова старшина
перед бойцами роты
речь говорит:
— Страна
ведёт теперь работы
по насаждению рош,
дубрав, садовочков, скверов!
Учёл, конечно, Вождь
солдат и офицеров.
И наша честь, друзья,
включиться в наступленье!
Откладывать нельзя.
Вперёд! К озелененью!

И Зыков дотемна
над саженцами бился.
Дивился старшина:
— Земляк переродился!

И к Зыкову уже
явилось вдохновенье
не там на рубеже,
в пыли перед мишенью,
а здесь —
когда кленок,
с утра хлебнув водицы,
встряхнулся, как телок:
вот-вот мелькнут копытца!

Зелёные огни
блеснули на барханах.
Не значились они
во всесоюзных планах.

Но Сталин, говорят,
узнал об этом чуде
и похвалил солдат:
— Испытанные люди!
С такими в коммунизм
придём ещё быстрее.

И слух тот —
сверху вниз —
дошёл до батареи,
до взвода.

И в полку
пошёл он шибче песен.
И каждому стрелку
стал сразу же известен.

Деревья по взводам
приписаны приказом.
Положена вода
им на день по два раза.

И зыковский кленок —
солдатский иждивенец —
на полный продпаёк
зачислен, как армеец.

Гребут ему к столу
суперфосфат дроблёный
и из костров золу,
чтоб рос малец зелёный.

У малого кленка
есть бирка из фанеры
с фамилией стрелка,
чтоб знали для примера.
Он вроде б за отца
кленку тому отныне.

У каждого бойца
есть деревце в пустыне!

И секретарь в свою
послал газету как-то
подробную статью:
фамилии и факты.

Статья была о том,
что дружный труд прекрасен
и что живым кольцом
весь лагерь опоясан;
что встали в караул
у выжженной долины

верба, и саксаул,
и родич тополиный;
а старый карагач,
обрубленный грозюю,
бессменно, как карнач¹,
следит за полосую;
и что растут ряды
зелёного заслона
у каменной гряды
пустынного района.

...На первой полосе
во «Фрунзовце» прочтёте
о лесополосе
в одной стрелковой роте.

Прохладны вечером
кусты после полива.
И звёзды над полком
толкуются молчаливо.

За сопками стоят
палатки полукружьем.
Задумчиво солдат
склонился над оружием, —
синеет перед ним
пружина на холстине.

— С таким дружком стальным
не пропадёшь в пустыне!
Нигде не пропадёшь!
Мы были с ним под Веной.

— Хорош-то он хорош,
да я вот не военный!

— Обучитесь!
И я
такой же был сначала:
«и хата не моя,
и разбираюсь мало».
А вот пришёл с войны
в края эти, поверьте:

другие не нужны
теперь до самой смерти!
В пустыне получил
по полной норме счастье:
учился и учил,
и вас учу сейчас я.
Вот здесь, — и Горобцов
обвёл простор глазами, —
мой дом,
семья бойцов,
друзья!
Глядите сами!

И Зыков поглядел,
но сразу у арыков
кустарник поредел —
и ширь увидел Зыков:
пески,

пески,
пески
легли до окаёма!
И не видать ни зги,
ни деревца,
ни дома.

Не унывай, солдат!
Они до перевала,
а там огни горят
в колхозах вдоль канала —
поля,

поля,
поля
лежат до окаёма!
Богатая земля
под всё идет, как дома!
Цветущая, она
садами знаменита,
углей и руд полна,
арыками изрыта,
и хлопка снегопад
укрыл её, родную.
Не унывай, солдат!
Знакомься с ней вплотную.

Глава четвёртая

Соловьиная тревога

Молчаливы,
выжжены,
пусты,
подступают к лагерю пески.
Над арыком тальника кусты,
как на Украине, высоки.

Среднеазиатский соловей —
курскому ровесник и родня —
на исходе солнечного дня
песней упивается своей.

Сыплет на палаточный брезент
серебро с прохладного листа.

¹ Карнач — караульный вачальник.

Прилетают птицы на концерт —
занимают лучшие места.

И не только птицы —
целый полк
слушает весенний перещёлк.

Нарушая лагерный режим,
в час отбоя отгоняя сны,
мы на нарах глиняных лежим
в сопках на окраине страны.

И дневальный не тревожит нас —
той же песней парень увлечён.
Может, миг прошёл, а может,
в этот вечер не ответит он. час, —

Клёкоту и трелям нет конца.
Каждый миг особенная трель!

...Мать-природа милого певца
нарядила в серую шинель,
в серенькую, жёсткого сукна —
в честный и бесхитростный наряд.

Говорят,
что только старшина —
строгий парень —
соловью не рад.

Старшина сегодня карначом,
он обходит медленно посты:
— Соловью-то, Зыков, нипочём,
что о доме размышлялся ты!
Он живёт без службы, без забот,
песенками душу веселя.
Прилетит, посвищет, попоёт —
и прощай, пустынная земля!

...Соловей!
Ну кто тебя просил
над арыком с песнями кружить?
Знаешь ведь, что нехватает сил
в Туркестане Зыкову служить.

Полк не спит.
Во тьме костры чадят.
На посту задумался солдат.

Знал бои за Вену и Берлин
по газетам,
по рассказам он.

Дома был
всегда, как младший сын,
от любой напасти заслонён
мамкиной любовью и слезой,
а на фронте —
батькиным штыком.

Был парнишка опалён грозой,
с голодом и холодом знаком.
Детство в громе кончилось.
Подрос.
Как домой, пошёл в родной колхоз.

Не последний парень на селе,
знаменитый пахарь на земле!

Он
живёт у мира на виду,
потому что дед его батрак
в Октябре в семнадцатом году
поднял целину врагам на страх,
а отец в колхозе запахал
первый вековечную межу.

Фёдор к плугу вместо батьки
встал —
и сказал:
— За батьку похожу!
Зыковскую хватку покажу!

Зреют правды сильные хлеба.

Есть в колосьях нашего герба
курской ржи ядрёное зерно,
что святым трудом озарено
хлеборобов Зыковых —
солдат
славной Революции.

Они
людям путь в грядущее торят.
Коммунизма ясные огни
ими зажжены,
для них горят!

...Не дождались Зыковы отца.
до ночи дежуря у крыльца.

Не пришёл он с поезда в село —
 снегом его тропку замело.

В танковой атаке потерял
 старого солдата генерал.

И зажглась на холмике звезда —
 из фанеры сделали её.

Генерал запомнил навсегда
 Зыкова последнее жильё.

Разве позабудешь о таком,
 как лесами шли, махру деля,
 как холодным ножевым штыком
 под могилу вырыта земля,
 как за пядь, за каждый ком
 земли —
 не единоличной, не чужой —
 трудный бой колхозники вели,
 смерть была единственной межой?!

...И во тьме, душою не кривя,
 каждому о самом дорогом
 пел певец.

И с песней соловья
 Зыков навестил родимый дом,
 и в палатке рядом

карнача
 укачала ласковая трель.
 Не заметил даже, как с плеча
 на щебнистый пол сползла шинель,
 не заметил, как из котелка,
 что стоял на стынувших углях,
 выкипел чаёк.

...Издалека
 задымил широкий пыльный шлях.
 И по шляху, мягко топоча,
 в Азию из Харькова идёт
 Галочка —

дочурка карнача.

Вот уже разлуке скоро год!

— Ласточка, до батьки далеко!
 Где ж тебе, малесенькой такой?

...И погладил Павел Головка
 чей-то чуб шершавою рукой.

Улыбнулся искренней мечте,
 доченьке,
 и встрече,
 и певцу,
 что хранил ту песню в чистоте
 и в разлуке спел её отцу.

В караулку входит Горобцов:
 — Скоро смена, а певец поёт!
 Будит полк. Тревожит мне бойцов!
 На рассвете нам итти в поход.
 Каждому, наверное, сейчас
 хочется из лагеря домой,
 в дом войти наощупь, не стучась,
 чтоб вздохнула мать:
 «Сыночек мой...».
 Правду говорю?

И как в огне,
 щёки разрумянились, горят.
 — Как он догадался обо мне? —
 думал Фёдор Зыков.

— Что, солдат?
 Угадал! Ну, это не беда.
 Погрусти сегодня, повздыхай,
 только не забудь, что та гряда,
 те пески — уже передний край,
 самый настоящий боевой!

Месяц плавно выплыл из-за скал.
 И на кряж в опушке снеговой
 лейтенант солдату показал.

Там
 стоят дозорные страны,
 всматриваясь в ночь из-под руки.
 Там

курки винтовок взведены
 и протёрты насухо штыки.
 А за рубежом
 ведётся торг,
 с каждым днём коварней и наглей,
 продаёт оружие Нью-Йорк,
 покупает —

жизнь простых людей.
 И с клеймом заморским «USA»
 пушки дальнобойные глядят
 на мои пески,
 поля,
 леса,
 на моих товарищей —
 солдат.

Но в чужих песках,
 в чужих горах
 треплет злых непрошенных гостей
 то ли малярия,
 то ли страх
 перед Правдой Родины моей.

Глава пятая

Подъём!

Заря ещё там,
 за горами,
 накапливается к броску,
 на реках восходит парами
 и стелется по песку.
 Заря ещё там,
 за лесами,
 на передовом рубеже.

Свои —
 со стенными часами
 дневальный сверяет уже.

Трубач занимается делом:
 покусывая губу,
 толчёным рассыпчатым мелом
 надраивает трубу,
 надраивает толково,
 с осколочной вмятиной, медь.

И дело становится словом,
 и слово готово запеть!

По тусклой поверхности горна
 до самого мундштука
 суконка мелькает проворно,
 как птица, тепла и легка.

Труба постепенно теплеет,
 ей блеск возвращает мелок.
 Светлеет,
 светлеет,
 светлеет
 труба,
 и трубач,
 и восток!

Трубач улыбнулся и губы,
 как мальчик, лизнул языком.
 Зари золотистые трубы
 запели над спящим полком.

— Подъём! —
 безотказное слово.

И полк уже весь на ногах,
 в начищенных с ночи
 керзовых,
 на крепком ходу,
 сапогах.

В трусах молодые солдаты —
 могучие, как на подбор! —
 столпились у «агрегата»,
 стучат в рукомойный прибор

Вода вырывается с громом
 и рвётся на землю из рук.

Стоит за брезентовым домом
 лихой металлический стук,
 и запах ядрового мыла,
 и фырканье сонных ребят.
 Со всей громобойною силой
 гремит «боевой агрегат».

Он Зыковым сделан из цинка,
 в котором патроны хранят.

— Фантазия, хлопцы!
 — Картинка!
 — Неплохо придумал солдат!

Да здравствуют руки солдата,
 которые сделают всё:
 и праздничные плакаты,
 и мельничное колесо,
 и в полный классический профиль
 окоп,
 и кирпичный завод,
 и вырастят в топях картофель,
 и выстроят водопровод!

...Подтянутый,
 выбритый гладко,
 медали на солнце искрят —
 идёт Горобцов по палаткам,
 как будто спешит на чарад.

Комвзвода с подъёма заботит:
 как люди вернулись с постов,
 как физподготовка проходит,
 как взвод к переходу готов.

Он знает, когда и какую
 солдат его
 книгу читал.

Кто тихо по жинке тоскует,
 кто писем давно не писал.

Идёт справедливый и строгий —
 солдатам он снится таким —
 встречают его на пороге,
 сердечно здороваясь с ним.

Для каждого хватит советов,
 понятных и ласковых слов:
 — Получше обуйтесь, Соседов!

Ремни подгоните, Козлов!
А вы почему не готовы?
Больны? Отстаёте опять!

— Здоров...

— Ну, так если здоровы,
нам вместе сегодня шагать.
Нас ждёт с вами, Зыков, дорога:
конечно, она нелегка!

И парень вгляделся с тревогой,
в застывшие волны песка.

...Трубач пересохшие губы
облизывает языком.
И неторопливые трубы
поют над Берлинским полком.

— В столовую!
Весело!
С песней!

И кольцами вьётся пыльца.
«Махорочка» —
друг разлюбезный —
с пехотой идёт до крыльца.

Там повар белеет у входа
и, так уже заведено,
орёт:

— Отощала, пехота!
Наваливайся на пшено!

Ох, пшённая каша на сале
да с мясом, чтоб невпроворот!
Бывало дадут на привале,
и лёгок любой переход.

Бывало, в заваленный, тесный
окоп, где отрезали взвод,
негаданно манной небесной
тебя в термосах занесёт.

И скажет боец, что из тыла
обед на хребте приволок:
— Рубайте, пока не остыла!
В дороге пробит котелок.
Орудуйте осторожней:
осколки застряли в пшене!

И в ночь уползёт он
с порожней
посудиной на спине.

Да здравствует добрая пища!

...И пар над котлами встаёт.
И ложку из-за голенища
трубач за столом достаёт —
он первый в полку заработал,
солдат разбудив, трудовень.
И первую капелькой пота
в песках начинается день.

А к ночи сойдёт на ученьях
с пехоты шестнадцать потов.
Зато уж к походным лишениям
наш брат-туркестанец готов!

(От самого рядового,
неопытного стрелка
до генерала Багрова,
бывалого старика, —
курянин ты или рязанец,
но если ты служишь в песках,
зовут тебя «туркестанец»,
как фрунзевцев в тех же местах!)

И знает давно туркестанец:
неласков, но радостен труд,
когда трёхлинейка и ранец
без жалости плечи трут,
когда до глухого колодца
песками итти и итти,
и слава землепроходца
тебя догоняет в пути!

И если ты в пекле песчаном
колючим огнём обожжён,
любовью к однополчанам
и к Азии вооружён, —
ты в топких песках не устанешь,
пройдёшь по джейраньей тропе,
жара,

бездорожье,
«афганец»¹,
безводье —
подвластны тебе!

С тобой всё Отечество вместе
стоит у великих границ
в суровом,
гористом предместье
пяти азиатских столиц;
пяти равноправных, любимых
Москвы нашей младших сестёр —
у кромки непроходимых
песков и заснеженных гор.

¹ «А ф г а н е ц» — ветер.

Готовятся к выходу роты:
связисты,

стрелки,
пушкари.

У каждого прорва работы:
подшей,

подкрути,
перетри.

И щёлкают сухо затворы,
сапожник стучит молотком.

Закончены быстрые сборы,
начальство довольно полком.

Орудия в полном порядке.
Водители тягачей
ещё на заре, до зарядки,
споили машинам ручей;
солдаты на совесть, как надо,
продрали литые стволы.

В хозяйстве соседа-комбата
бывалые служат орлы!
Орлы с обстановкою новой
освоились не торопясь.
В мишень из тесины дюймовой
им с ходу не трудно попасть
без всяких там «недо» и «пере»,
а дай им мишень из брони, —
уж будьте покойны, от цели
обломки оставят одни!

Играет труба построенье,
на плац пехотинцев зовёт.
Такое у всех настроенье,
что самое время в поход!

И песня готова над взводом —
над каждым особая! —
взмыти.

И миг этот перед походом —
торжественный — как не любить?!

Бодрятся бойцы молодые:
пугает их Чёрный песок,
где сохнут колодцы глухие,
где солнце колотит в висок.

— Живые барханы там, братцы.
Чуть ветер подует — ползут.
— Чего ж тебе, парень, бояться?
Садись на пески — доvezут!
— Итти нам не близко, ребята!
— Прибудем в текущем году!

...И Зыкову страшновато:
— А вдруг не дойду, упаду?

Узнать его в роте не трудно:
он неразговорчив и юн,
ни лычек,
ни знаков нагрудных,
не выцвел на солнце костюм.

И трётся всегда под щекою
ворсистой шинели сукно —
видать, неумелой рукою
заправлено в скатку оно.

— Да, Зыков, хлебну я с тобою, —
подумал комвзвода, — беды!
Не сразу привыкли мы к бою
и к маршу в жару без воды!
Не сразу привык к передрягам
комвзвода, товарищи, ваш!

Полковник командует:
— Ша-гом...
(протяжно).
И властное:
— ...арш!

И двинулся полк, покидая
палаточный рай на холмах.
И пыль, на керзу оседая,
густела на сапогах.
И тяга окуталась пылью,
орудия сдвинув вперёд.

Так первым совместным усилием
в песках начинался поход.

...А солнце ещё за горами,
готовилось только к броску,
на реках клубилось парами
и стлалось росой по песку.

Но сегодня в одиночестве пехота
отрабатывает пеший марш
в песках.
Отрабатывает выдержку и силу
в стороне от кишлаков, колодцев,
рек —
там, куда отару редко заносило,
где нечастым гостем пеший человек.

По дороге за колонной туча пыли.
Не заметил замыкающий солдат,
как в зелёном фронтовом
автомобиле
генералы из дивизии катят.

Впереди сидит, плечом к плечу с
шофёром,
загорелый и обветренный старик.
Он за три десятилетия к просторам
государственной окраины привык.

Обошёл он пять республик и
объехал,
азиатское безбрежье пересёк.
Гул шагов его хранит в ущельях
эхо,
след сапог хранит разбуженный
песок.

Он, как в юности, вынослив,
непоседлив,
как на фронте, всё спешит увидеть
сам.

Он с бойцами по-отечески
приветлив,
знает тысячи людей по именам!

К генералу обратиться можешь
смело, —
знают люди из полков и кишлаков,
что всегда и до всего в пустыне
дело
депутату скотоводов и стрелков.

Приходи к нему и штатский и
военный,
он на месте — даже в полночь
приходи.

Как с отцом родным —
прямой и откровенный
разговор неторопливый заводи.

И выкладывай, какая есть забота.
Если требуется помощь — попроси.
На открытие сельгэс или завода
генерала непременно пригласи.

Он приедет не для славы и почёта,
не в президиуме время проведёт.
Обойдёт он территорию завода,
будто роту поверяет, не завод!

Для него всегда законы службы
святы:
ищет смысл во всём — не только
«внешний вид».
Потому, волнуясь, ждут его
комбаты,
услышав, что он на стрельбища
спешит;
потому обеспокоен предколхоза
из соседнего со штабом кишлака,
потому в песках «не нашего»
вопроса
нет для старого бойца-большевика!

Он вернётся с заседания горкома:
ждут дехкане депутата своего,
ждёт начштаба,
и с утра заждался дома
старый друг,
что прибыл в отпуск из ПРИВО¹.

И полночи вспоминают генералы,
как от кушкинских редутов на
Герат
интервентская орава удирала,
удирал английской армии отряд;
как влюбились в край
(тогда пустой и дюнный)
два солдата из Орловской стороны,
как мечтали жить всемирною
Коммуной
и мечте своей по-сталински верны.

...Вот он встал.
Усы свисают по-казацки,
как у старого учителя — пенснэ.

— Генерал Багров приехал!
— Ух, горячий!
— И подвёл же нас курянин!

Как во сне,
вдруг увидел генерала Фёдор Зыков.
Дверца хлопнула,
идёт к нему Багров:
— Поотстал, солдат?
— Так точно. Непривыкший.
Первый раз иду!

¹ ПРИВО — Приволжский военный округ.

— А может, нездоров?
 — Нет, товарищ генерал, я не болею.
 Я из Курска. Трудновато мне в песках.
 — Понимаю. Хорошо б сюда аллею, чтобы тень от лип да речка в камышах!
 Значит, курский, Зыков будешь? А района ты какого?
 — Ракитянского.
 — Бывал...
 ...Генерал с бойцом шагают вдоль колонны.
 — Письма пишешь?
 — Нынче только отослал.
 — Не родителю?
 — Убит под Инкерманом...
 — Говоришь, под Инкерманом? А отца, ты скажи мне, Зыков, звали не Иваном?
 — Да. Григорьевичем...
 — У меня бойца раkitянского, припомнил, так же звали.
 Подкосил его у знамени свинец.
 Мы с ним вместе в Черноморье воевали...
 Слышишь, Зыков! А тебе он не отец?
 — Это ж батя мой!
 — Не может быть...
 — Отец мне!
 — Что же сын его на марше поотстал?
 Видно, плохо разобрался ты в наследстве!
 И солдату улыбнулся генерал:
 — Помни, Зыков: эти алые погоны завещал тебе отец.
 Учись, сынок!
 — Есть, учиться!
 Вдаль уходят батальоны.
 И вернулся в строй смущённый паренёк, — молча встал он под прославленное знамя

и пошёл за ним вперёд,
 вперёд,
 вперёд!

Старшина тогда сказал:
 — Самосознание!

Горобцов кивнул:
 — Теперь не подведёт...

И живой стоял у парня пред глазами
 в плащпалатке,
 в каске
 батька-фронтовик.

Как Багров —
 был невысок,
 плечист,
 с усами.

Как Багров, спросил:
 — Что, малый, не привык?
 Трудно, Федя? Я ведь знаю — трудно, Федя!
 Завещал тебе отец нелёгкий путь.
 Но иного нет, сынок, пути к Победе!

...По колено пыль,
 по пояс пыль,
 по грудь!

Полк в дороге от восхода до заката — с каждым часом тяжелей походный шаг.
 И в барханах сапогами отпечатан не отмеченный картографом большак.

Вечереет.
 И пустыня постепенно остывает,
 отдувается,
 скрипит;
 точно взмыленная лошадь, белой пеной солонцовые излуины кропит.

Вечереет.
 Перевернута страница.
 И пески уже повиты синевой.
 И по берегу реки молчит граница.

— Вот и край страны увидели впервой...

Глава седьмая

Встреча на рубеже

Только ночью необманчива
пустыня —
стынет, вспаханный пехотою, песок;
солонцы напоминают лёгкий иней,
припушавший саксауловый лесок.

Небо звёздное и тихая пустыня,
как песочные часы:
в один сосуд
вдруг звезда скользнёт
крупницей светлосиней,
а в другой —
ветра песчинку унесут.

И такая тишина здесь и прохлада,
словно берегом морским идёшь
шурша.
Кто сказал, что диверсанты бродят
рядом?
Кто писал, что шлют шпионов США?

...Первый взвод застыл у самого
кордона,
у ручья, куда дозором головным
он пришёл, торя тропу для
батальона,
где страна чужая встала перед ним.

Но в тишайшей тишине как будто
молот
вдруг срывается за каменным
бугром:
сумрак выстрелом отчаянным
расколот,
вслед за выстрелом плывёт недолгий
гром.

И пустыня оживает, наполняясь
мягким шлёпаньем подков и
башмаков.
И звезда летит счастливая, отмаясь,
к нам на землю с необжитых
облаков.
Старшина, не размышляя ни
минуты,
вмиг патрон дослал, винтовку
сняв с плеча.
И защёлкал взвод затворами, как
будто
шёл он по лесу, валежником треща.

И откуда-то из ночи молчаливой
свет фонарика мигнул,
потом померк.
И шагнул из тьмы майор —
неторопливый,
коренастый
пограничный офицер:
— Кто такие? Из какого будем
края?
Знаю, знаю, — закаляетесь, как
сталь!

За старшего кто?
— Я буду, — козыряя,
лейтенант выходит, всматриваясь
вдаль, —
Горобцов. Комвзвода.

— Вот тебе и встреча!
Ермолаев я! Узнал меня, орёл?
Значит, вправду наши хаты
недалече!

— Недалече...
— Ты не в гости ли забрёл?
Ну, выкладывай!
— Да расскажите лучше,
кто стрелял сейчас?
— Постой, солдат, постой, —
Ермолаев улыбнулся. —
Кто? Лазутчик!
Не давался! Видно, мистер
непростой.
Пострелял, поверещал перед
заставой.
Ты, небось, уже велел окопы рыть?
Что поделаешь с соседнею
державой!
Ведь нельзя рубеж стеной
огородить?
Вот и пробует оттуда просочиться
поджигателями купленный бандит.
Но неизбежна советская граница —
и ещё один задержанный сидит!
У него в карманах яд — травить
колодцы.
Так и шёл к нам с жёлтой ампулой
в руке.
Обеспечен всем в Нью-Йорке! Всё
найдётся
у запасливого мистера в мешке.
...День и ночь у нас горячая работа.
Вот она тебе — «холодная война»!
В обстановке разбираешься, пехота?

...Над кордоном фронтовая тишина.

И комвзвода говорит:

— Я у границы
не узнал своих безусых молодцов.
Понимаете, друзей окопных лица
вдруг увидел...

— Понимаю, Горобцов!

— ...всё мне кажется, что снова по
приказу
занимаем оборону вдоль реки.

— Понимаю, Горобцов!

Ещё ни разу,
с Октября, не отмыкались здесь
штыки.

Зыков слушает от слова и до слова
и увязывает всё двойным узлом:

— Значит, эти, как фашисты, лезут
снова

в мой отцовский, честно
выстроенный дом.

Значит, если крепко любишь край
свободный,

где открыт тебе широкий светлый
путь,

ничего, что шаг тяжёлый, шаг
походный,

ничего, что пыль по пояс, пыль
по грудь.

...Я об этом отошлю письмо
Татьяне,

о товарищах подробно напишу.

Пусть узнает на далёком
расстоянье,

как я нашему отечеству служу!

Зыков слушает.

И словно перед первым
боем ясно всё становится юнцу.

(...Небо синее вдруг стало
темносерым,
капля пота покатила по лицу.
И готов он, по условленному знаку,
из окопов, подтянувшись на руках,
с одногодками пойти в контратаку
здесь, в родимых и неведомых
песках.)

Первый взвод расположился на
ночёвку
в котловане за обрывистым бугром.

Старшина сказал:

— Пожалуйте в столовку!

Повара заколдовали над костром.
И когда вода забулькала, запела,
старшина в неё засыпал
концентрат.

— Лейтенанта будем ждать?

— Нет. Он по делу
неотложному
ушёл в погранотряд.

Так что я за командира. В ложки,
братцы!

И пошёл горох, дымясь, из котелка.
Есть, где после перехода

разгуляться:
всё нашлось в бездонных недрах
вещмешка!

На шинелях пехотинцы закусили,
обстоятельно, по норме фронтовой.
А потом они шинели постелили
и шинелями укрылись с головой.

Тихо-тихо...

За рекой такой же вечер
и в колючках побуревшие холмы.
И обрывки незнакомой курдской
речи
вырываются, как бабочки, из тьмы,
на огонь костра летят и, обгорая,
затишают, осыпаясь в саксаул.

Тихо-тихо...

На краю родного края
без задержки,
по-солдатски,
взвод уснул.

Туркестанцам ничего не будет
сниться:
крепок сон у них и помыслы чисты.
И по берегу реки молчит граница,
и не спят всю ночь трёхсменные
посты.

И спиной к спине —
как в поле на привале
или в тесном полутёмном
блиндаже,
где ненадолго солдаты забывали
о тревогах на переднем рубеже, —
спят солдаты

и винтовки с ними рядом,
старшина храпит с фуражкой на
глазах.

...А за речкой,
за прибрежным перекатом,
в драных юртах,
в неприютных шалашах
спят издольщики —
рабы на землях бая, —
как всегда, им снятся вольные луга,
где архары ходят, травы приминая,
опустив свои тяжёлые рога.

И огонь костра нещедрый карауля,
на кошме лежит оборванный
пастух.

И в изогнутом, как кости, саксауле
огонёк вдруг оживился
и потух...
и возник над переправой,
у дувала¹,
где басок то громыхал, то утихал,
где собака по-шакальи подвывала,
и мотор по-человечески чихал.

Видно, гость пришёл негаданный в
селенье —
может, требует воды, проводников
или молит, встав у юрты на колени,
спрятать в стойбище от каторжных
оков.

Нет!
На «виллисе» за помощью не
едят —
есть вода своя, свои проводники.
Дело важное у «виллиса», уж если
ночевать он задержался у реки.

Дело важное у путников —
к чему же
забираться в непролазные пески.
Для прогулки не найдётся места
хуже —
зыбуны вокруг.

Подохнешь от тоски!

И услышал Головка, сквозь дрёму,
близкий
разговор на непонятном языке.
И подумал Головка:
— Кто ж по-английски
может знать в кочевье курдском
на реке?

¹ Д у в а л — глинобитный забор.

И подумал:
— Почему это у нашей
пограничной полосы они торчат?

А мотор по-человечески закашлял,
ветерок принёс бензина лёгкий чад.

И проснулся взвод, как будто в
час подъёма.

Старшина сказал:
— На Эльбе видел жизнь
тех союзничков! Повадки их
знакомы!
Что сказать про них? Скажу одно:
фашизм!
Ясно, хлопцы, что им нужно у
кордона?

— Понимаем!

— Это всё — ученики,
черчиллята, дети Черчилля
Пистона
или как его там?

Грохнули стрелки.
Дружный смех, как дружный залп
из автоматов.

Головка, звеня медалями, прилёт.
И за речкой,
за прибрежным перекатом,
как подстреленный, осёкся говорок.

— Что случилось? — подошёл к
стрелкам комвзвода.

И по форме отчеканил старшина:
— Провожу политбеседу тут с
народом:..
«Для чего нужна «холодная война».
За рекой лопочут гады. Вот
беда-то!

— В чём беда твоя?

— Да не моя, а тех,
кто решил, что раз за синим морем
хата,
так огонь войны и не коснётся
стрех!

Пусть узнают всё у Гитлера
подробно,
план бредовый утрясут с ним
господа!

Правда, раньше им придётся в мир
загробный
перебраться из Нью-Йорка
навсегда.
Фюрер выложит, как драпал
во-свояси
и не мог на битый зад ни сесть, ни
лечь!
Мне сдаётся, что вопрос, солдаты,
ясен.
Я заканчиваю кратенькую речь...

И как будто ослепительной
зарницей
осветилась вся земля на миг один.
...Лёг курянин над притихшею
границей,
словно друга, прижимая карабин.
И удобней примостившись на
шинели,
рядом с Павлом Головки —
спиной к спине —
спал солдат,
пока побудку не пропели
полковые трубачи по всей стране.

Глава восьмая

Дорога к подвигу

Пока ещё
на Карпатах,
на западе нашей страны,
на горных заставах
к солдатам
приходят высокие сны;
пока ещё
в Туркестане,
в районе сыпучих песков,
пехота по горну не встанет
с шинелей и вещмешков —
светило восходит на Дальнем.

На радость дневальным идёт,
искрясь,
по казарменным спальням,
на запад,
на запад,
вперёд
к Восточной Сибири,
к Уралу,
к Поволжью,
к Донским берегам.

И так оно, мало-помалу,
проходит по всем округам.

Проходит,
проводит побудку
в стране от Днестра до Курил.

И Сталин короткую трубку
на фото в углу
закурил.

Дневальный задумался глядя.
И взор посветлел, потеплел:

— Все ночи он с нами в наряде!
А сколько без этого дел?!

...Творец Сталинградской победы
и двадцатилетний солдат,
храня Коммунизма рассветы,
на главных участках стоят!

— Подъём! —
безотказное слово.
И солнце уже в небесах.
И всё начинается снова
у нас в туркестанских песках!

И на
знаменитых знамёнах,
и на
знаменитых стволах;
и на
непривычно зелёных
в пустыне
колхозных полях;
и на
знаменитых заводах,
где только что выдан металл;
на стёклах умытых,
на водах,
которые рвутся в канал;
и на
убелённой вершине —
весеннего
солнца
лучи!

И зорю играют в пустыне
полков боевых трубачи.

Трубят под безоблачным небом,
где только сейчас рассвело,
где за ночь пехоту, как снегом,
обильным песком замело,
где только улёгся «афганец»,
солдата в песках схоронив.

Но двинул солдат сапогами,
чихнул —
и попрежнему жив!

И к маршу готов без отсрочки,
и только с ухмылкой ворчит,
что весь аж до нижней сорочки,
как сахар толчёный, хрустит.

Смеётся:
— Я за ночь гостинца
припас для чаёвников, друг!

И снова шинель пехотинца
в спасательный скатана круг:
она и от снега спасала,
спасла от сыпучих песков.

...Под ней высекало кресало
искру для бивачных костров.

На ней, заслоня собою,
четыре окопных дружка —
несли мы зовущего к бою,
израненного политука.

И ночью в минуты привала
над чёрной германской рекой,
как мать, нас шинель согревала,
как мать, приносила покой.

Писалось на ней заявленье:
«Навеки считайте меня...».
В шинели моё поколенье
вернулось домой из огня.

О, шитая ладно и просто,
ты в самую пору бойцу,
ты только бесстрашным по росту
и только бессмертным к лицу!

С тобой подружились недаром,
родные по жарким боям:
солдат, и седой командарм,
и генералиссимус сам!

Отечеством призванный, воин!
В стрелковый придя батальон,

будь серой шинели достоин
и алых достоин погон!

...Играет трубач построенье,
по взводу равняется взвод.
Такое у всех настроенье,
что самое время в поход.

Пора!
За спиною граница —
под утренней дымкой ручей.
Уходит домой вереница
приземистых арттягачей.

Цепями полязгав на спуске,
плывут по барханам в пыли
машины при полной нагрузке
легонечко, как корабли.

И двинулись роты...

Но с ходу
«афганец» ударил с высот,
где он караулил пехоту,
готовую выйти в поход.

Он ночью провёл уже поиск,
хозяйничал у рубежа —
солдат засыпая по пояс,
глаза часовым пороша.

Он между хребтов, как в туннеле,
спрессованный,
сжатый с боков,
накапливался недели —
и вырвался из оков.

И двинул пески навесные,
рванул на себя зыбуны.
Пошли они злые,
шальные —
да так, что уже не видны
друг другу в шеренге солдаты,
да так, что хоть наземь ложись.

— Ох, будет работка, ребята!
Начнётся весёлая жизнь.
Эй, Зыков! Ты жив? Страшновато?

— Живём ничего, старшина!

— И правильно, парень! Солдата
не свалит такая волна.
Ты голову, друг, поупрямей
нагни и шагай напролом,
буран разгребая руками,

...Мы опытней стали и старше,
уже серебрятся виски,
но наши учебные марши,
«атаки»,

«прорывы»,
броски,
как школьные дни, незабвенны.
И ты благодарен был им,
когда на переднем у Вены
пополз под огнём проливным.

Азы героизма —

в учёбе:
и в преодолённом песке,
и в первом стрелковом окопе,
и в первом пластунском ползке,
и в первом полёте под тучи,
и в первой прицельной стрельбе.

Комвзвода!

Ты мужеству учишь!
Бойцы подражают тебе!

Да здравствует подвиг бессмертный
и к подвигу верный маршрут:
учителя труд беспримерный,
солдат ученический труд!

«Афганец» не справился с нами —
он сдался,

пополз по земле.
И снова развёрнуто знамя,
хранившееся в чехле.

Но не забывай, туркестанец,
что в зоне советских песков
не только ветрище «афганец»
всегда объявиться готов!

Есть люди, которым в наследство
оставлены яд и ножи,
которым мерещатся с детства
советские рубежи.

Что этим бродягам простые
механики и чабаны?
Им видеть бы пашни пустые,
пожарища нашей страны!

Спокойна их чёрная совесть:
в дыму голубой небосклон
от полымя междоусобиц
афганских и курдских племён.

Прислушайся:

там за рекою
пальба не стихает в ночи.
А было, брат, время такое:
врывались и к нам басмачи.

Их сотни четыре, отпетых,
за опиум купленных псов,
английским каптёром одетых
в мундиры туземных стрелков —
твой батька встречал в гарнизоне
с десятком солдат-храбрецов.
Встречал!
И афганские кони
несли в стременах мертвецов.

На танки теперь пересели
британцы и басмачи.
Теперь в их полуночном деле
не к месту кривые мечи.
Куют им за океаном
оружие новых сортов.

Но к встрече с бродягой незваным
солдат-туркестанец готов!

Стоит он, солдат Коммунизма,
на страже свободной страны,
и мощные механизмы
покамест зачехлены.

Но там под брезентом зелёным
помалкивает металл.
Мир видел его раскалённым,
когда он фашизм выжигал.

Задумывается над этой
недавней историей враг!
...Проверенное Победой
оружие в крепких руках!

Стоит, к салугу прижимая
окованный прочно приклад,
хранитель цветущего края,
страны справедливой солдаг!

Ему и колодцы и тропы
открылись в пустыне родной.
Табунщики и хлопкоробы
живут за широкой спиной.

Земля обновлённая рада
защитникам Октября!

...Зовёт на открытье Фархада
монтажник к себе пушкаря.

В президиум просят сержанта —
стрелка из подоблачных мест.
И речь его слушают жадно
досармовцы из МТС.

Голодной степи новосёлы
танкиста позвали на той¹.

В Хиву на открытие школы
шагает курсант молодой.
Он школу окончил в Сибири,

в пустыню приехал служить.
И дети стихи не забыли
о дружбе с армейцем сложить.

Во все кишлаки Туркестана —
на каждое торжество:
на свадьбы, на праздники званы
солдаты дивизий ТУРКВО!

...Да здравствует дружба солдата
с народом республик родных,
граница, хранимая свято
под сенью знамён боевых!

Глава девятая

Здравствуй, оружие!

Когда играет «по-па-ди!»²
трубач на полигоне
в тылу, на крутосклоне,
и сердце трепетно в груди
стучит с прикладом рядом
под лейтенантским взглядом —
ты приглядишься к мишеням
(чернеют впереди!),
вооружись терпеньем
(точнее наведи!)
и пулю к пуле точно,
как зёрна, посади!

Какая это радость
увидеть на щите,
что сели они рядом
в положенной черте
(как будто лист бумаги
дырявили гвоздём!)

...В трёх километрах —
лагерь,
в трёх километрах —
дом.
Там на Доске почёта
должны наклеить фото
отличного стрелка.
Должны...

Ну, а пока
в последний час похода
приказано залечь —
охота не охота,
а порох надо жечь.

За лагерем ложбина —
сплошные пустыри.
Простор для карабина —
куда ни посмотри!

Стреляй, да поточнее,
чтоб пуля в цель вошла,
звения и сатанея,
стремительна и зла;
чтобы свинец калёный
прожёл бумажный лист,
где издавна зелёный
изображён фашист.

Но если взять повыше
в прицеле —
над щитом
посвистыванье слышишь
свободное потом.

Ушла на волю пуля,
умчалась в никуда
и в пыльном саксауле
исчезла без следа.

Та пуля
(на излёте
не ранит, не убьёт)
могла пропасть в болоте,
могла вонзиться в лёд,
могла, преград не встретив,
уйти и молча лечь
в сенате, где о Третьей
войне заводят речь.

Предупрежденьем грозным
войдёт она туда.

¹ Той — праздник.

² Сигнал на стрельбах.

ДАЛЬНИЙ ГАРНИЗОН

Напомнит всем нервозным:
— Спокойней, господа!
Бойцы за дело мира
точные, стреляя в цель!

...Одна ушла из тира
за тридевять земель.
И та недаром время
в пространстве провела —
поговорила с теми,
кому война мила.

...И вспомнив наставленья
(не жмурься и не рви,
не потеряй мишени
и мушку не скриви;
как старые солдаты,
прицелься под обрез,
не вздрагивай, когда ты
сухой услышишь треск!) —
прилежно наводил он,
потом нажал крючок —
и точно вколотил он
все пули в пятачок,
аж ухнуло в пустыне!

— Вы, Зыков, молодец!

...Засел, скрипя, в лесине
чуть сплющенный свинец.

Так вот оно свершенья!
Сбываются мечты —
к простреленной мишени
спешишь по дюнам ты.

Жаль, никому не слышно,
как хвалит командир:
— Стреляете отлично!
Ходили раньше в тир?

Бегом, бегом к исходным
по полю напрямик!

А старшина со взводным
толкуют:
— Попривык
к безусому народу,
скажу я вам, вполне!
— Да, привыкают к взводу
не только на войне...

...Бойцы после отстрела
устроились в тени.

Приятно ломит тело.
Приляг,
но не усни!

И ты, с друзьями лёжа,
спросил:
— Скажите мне,
стрельба у нас похожа
на ту, что на войне?

— Похожа, да не дюже, —
ответил старшина. —
Условия там хуже.
На то, брат, и война!

— Действительно, не лучше, —
заметил Горобцов. —
Поэтому и учат
не в комнате птенцов
летать, а на просторе!
Жизнь — лучший педагог!

И с Зыковым на взгорье
он рядышком прилёг.

И снова,
словно в жизни,
вдруг встретились друзья!
И снова
солнца брызги
ударил в глаза
с патронника, где стёрты
годами и огнём
четыре цифры гордо
сошлись в луче одном.

И гомон венских улиц
почудился ему,
и вспомнил, как под пули
полз в утреннем дыму.

...Солдаты полукругом
присели на песке.
И встал комвзвода с другом —
с оружием в руке.

И рассказал он снова:
как шёл на смерть солдат,
как сёстры неживого
снесли его в санбат,
как там о карабине
он думал:
где ты, друг?
как встретились в пустыне
на полигоне вдруг.

И Зыков поднял руку,
и слова попросил:
— Так вот какую штуку
я на плече носил...
Друзья-однополчане!
Я буду до конца...

...в задумчивом молчанье
взвод слушает бойца.

— ...всегда присяге верен!
Клянусь, ребята, в том!

Открыты настежь двери
в армейский светлый дом.
Входи, хозяин юный!
Наследство принимай:
оружие

и дюнный
далёкий отчий край!
И мужество,
и братство
окопное бери!
Солдатское богатство
не разбазарь смотри!

...На дальнем крутосклоне
горнист играет сбор.
Затих на полигоне
солдатский разговор.
По падям и увалам
домой взвода идут.
Работку запеваłam

в пути всегда найдут!
Но песня не выходит —
в пыли не продохнуть.

И только в первом взводе
поют про славный путь
от Сталинской твердыни
и до дунайских волн.

И подхватил в пустыне
ту песню дружный полк,
а с ним весь край родимый —
большие города,
песок непроходимый,
высокая вода!

Хорошей песне можно
сердечно подпевать.
Хорошую не сложно
запомнить и понять.

И голос запеваłam
узнав издавека,
дехане у канала
запели песнь полка.

И на лугу запели
седые чабаны,
девчата из артели,
что на краю страны.

...Шла песня над песками,
как вал морской, бурля.
Под полковое знамя
вставала вся земля.

Глава десятая

Солдатские будни

Легко солдаты служат,
когда сердечно дружат —
читают письма вслух
от матерей из дома,
из школы, из райкома,
от девушек-подруг,
сойдясь под вечер в круг.

Легко солдаты служат,
когда в свободный час
с хорошей книгой дружат,
по ней всему учась,
над каждою страницей
о действующих лицах
толкуют горячась.

Бывает, что о долге,
о славе спор зайдёт.
И вдруг стихи о Волге
прочтёт стрелковый взвод.

И образ сталинградца
всё озарит огнём.
И будет взвод стараться
себя увидеть в нём!

...Не сходит солнце с неба —
как днём, лучи разят,
да комары свирепе,
что «мессеры» звенят.
Но у арыка тесно:
лежит, сидит народ,

никто не встанет с места,
в палатку не уйдёт.

Полроты у арыка —
не стирка там сейчас —
солдат собрала книга —
взволнованный рассказ.

Жить легче с умной книгой.
— Читай, земляк, читай!
В ней правда о великой
войне за милый край!

И слушают солдаты,
и мнится молодым
за горным перекастом
чужой фугасный дым.

— Как быть?
— Как в книге честной!
— Как жить?
— Как Кошевой!
— А если смерть?
— Так с песней!
— А — рана?
— Снова в строй!

О, книга!
Друг заветный!
Ты в вещмешке бойца
прошла весь путь победный
до самого конца.
Твоя большая правда
вела нас за собой.

Читатель твой и автор
ходили вместе в бой.

...Я видел в Туркестане,
как в предвечерье
полк
над книжными листами
задумчиво умолк.

Чуть губы шевелились, —
казалось, в страшный зной
в пустыне наклонились
солдаты над Десной,
над Волгой,
над Онегой...

У каждого стрелка
любимая есть книга,
родимая река!

...А я такую в жизни
ещё не сочинил,
чтоб воин Коммунизма
в ней жажду утолил!

У старшины в каптёрке,
в палатке на пригорке,
картинки на стене
из фронтового быта,
чтоб не было забыто,
что было на войне.

У старшины в каптёрке,
где сладок дух махорки
и запах гуталина
от сказочных сапог,
в которых из Берлина
пришёл в пустыню полк,
где обмундированье
лежит на стеллаже,
где есть всему названье,
всё людям по душе, —
солёную от пота
боец одёжку снял:
— Нарядным быть охота!

Кто чувство это знал?!

И сразу для героя
нашлись у старшины
отличного покроя
зелёные штаны,
мундир по лучшей моде,
знак гвардии на нём.

— Устал, герой, в походе?
— Под старость отдохнём, —
ответил Зыков басом.

В палатке старшины
курянин подпоясан
и с каждой стороны
придирчиво осмотрен,
ревниво обсуждён,
как на осеннем смотре,
где скоро будет он.

...Весёлый и опрятный,
спешит в райцентр солдат.
На нём мундир парадный
и пуговики горят,
на нём ремень, уставом
положенный бойцу.
И всё на парне бравом,
как на показ —
к лицу!

И пусть не в этом счастье,
но знает, выйдя в путь:
перед соседней частью
обязан он блеснуть
и шагом знаменитым
(он стал уже бойцом!),
и выправкой,
и бритым
обветренным лицом.

Стучат подковки звонко —
сапожник был мастак!
Заслушалась девчонка,
пошла, замедлив шаг.

А мальчики —
те следом
бегут вперегонки:
— Гляди, Витюк, на этом
со звоном сапоги!

И даже два майора
довольны были им,
когда он вдоль забора
ударил строевым.

До парка недалече —
умерил Зыков пыл,
расправил шире плечи,
пилотку набок сбил.

И отойдя в сторонку,
к тесовому крыльцу,
достал солдат суконку,
смахнул с керзы пыльцу —
и в самом лучшем виде
пред публикой предстал.

Эх, если б это видел
товарищ генерал!

Сказал бы:
— Что я вижу!
Не узнаю орла!
Ну, подойди-ка ближе.
Как служба? Как дела?
Боишься, Зыков, марша?

И Зыков бы сказал:
— Почётна служба наша,
товарищ генерал!
Хотя и трудновата,
да знаем, что нужна!

...Но тут мечты солдата
нарушил старшина.

На старшине медали
за подвиг боевой
и прочие детали
эпохи фронтовой.

Он в том же направленьи
из лагеря спешил.
Он Зыкова волнение
по-братски ощутил:
— Вдвоём повеселее! —
окликнул старшина.

...Вечерние аллеи.
Темнеет.
Тишина.

Прошли солдаты парком
солидно три кружка.
Один заметил:
— Жарко!
Другой:
— Хлебнём пивка.

...Багряного заката
в полнеба полоса.

В запасе у солдата
ещё есть полчаса.

Прошли друзья к витрине,
где «Красная звезда»,
бывает, о пустыне
напишет иногда.

Потом пошли на почту —
и Павел Головка
рассказывал про дочку,
вздыхая глубоко:
— Курносая солдатка!
Ей там не до отца:
ходила в марш по кладкам
от тына до крыльца...

На почте описали
друзей,
жару,
песок.

Всем родичам послали
привет на двадцать строк.
И передали милым
поклон от трёх взводов.

Жаль, кончились чернила
и нехватило слов!

...Легко солдаты служат,
когда сердечно дружат —
читают письма вслух
у старшины в каптёрке,
в палатке на пригорке,
сойдясь под вечер в круг;
у старшины в каптёрке,
где сладок дух махорки,
картинки на стене
из фронтового быта,
чтоб не было забыто,
что было на войне.

А на войне, бывало,
идёшь,
идёшь,
идёшь.
Ни хаты, ни привала —
болото,
ветер,
дождь...
Но приказали — значит,
и день,
и ночь —
иди!
И щей не жди горячих —
бой жаркий впереди!

А на войне дружили
(всегда бы так дружить!)
и дружбой дорожили
(нельзя без дружбы жить!).
И Головки, парторга,
прикрыл в бою дружок.
Под сердцем гимнастёрку
дружку свинец прожёт...

А на войне Победа
не сразу к нам пришла —
четыре знойных лета

большая битва шла.
Бесстрашно и сурово
дрались фронтовики.

...Так будет,
если снова
пойдут на нас враги!

Остужен жаркий воздух
в кленках,
в карагачах.
И полог в крупных звёздах —
у сопок на плечах.

О старшине заходит
беседа у солдат:
— Он прослужил в пехоте
все десять лет подряд.
— Душевный он.
— Бывалый!
— Толковый человек.
— Толковый? Это мало!
Он, знаешь, лучше всех
у нас в гвардейской роте,
где нет плохих бойцов!
Он — сталинец!

(В народе
не знают выше слов...)

— Он был под Сталинградом
в тот самый важный год!
— С таким я, если надо,
пойду в любой поход:
лет сто без остановки!
— Хороший он у нас...

...Час самоподготовки —
учёбы строгий час.

Глава одиннадцатая

Вечерняя поверка

Вечерняя поверка.
Над плацем лунный диск,
и Марс или Венера
посматривают вниз.

В палатках пахнет мятой
иль порошком зубным.
Сигнала ждут солдаты
над письмами к родным.

«Новый мир», № 2.

Спокойное затишье —
закончен жаркий день.
Ещё взошла повыше
пехота на ступень.

Ещё раз отработан
весь комплекс штыковой,
солдатским куплен потом
успех на огневой.

И марша завершеньем —
в полдневную жару
был «бой» на окруженье
посёлка на юру.

...Оркестр ударил лихо!

(Флейтист влюблён в мажор,
не знает слова «тихо»
литавщик до сих пор.

С войны привычка эта:
тогда гремел окрест
с рассвета до рассвета
совсем иной оркестр).

На плац побатальонно
идёт Берлинский полк,
шаги граня влюблённо
и в песнях зная толк.

И сердце, как сквозное
раненье, защемит,
когда он вдруг родною
«Махоркой» задымит.

И я припомню снова
товарищей в строю,
и песнь полка родного
вполголоса спою.

...Ты был мне колыбелью,
2-ой стрелковый полк!
В подоткнутой шинели
и я в атаку шёл.

Я был стрелком не лучшим,
не первым храбрецом,
но на снегу скрипучем
упал вперёд лицом,
упал, метнув гранату,
чтоб земляки прошли
быстрее к Сталинграду
и дальше —
полземли!

Я был простым солдатом, —
милльоны нас таких,
крещённых Сталинградом!

Пусть нас учтут в живых
и к строю снова годных
в сенате,
в той стране,
где господа сегодня
готовятся к войне.

Равнение на знамя!

И вот уже плывёт
оно перед бойцами,
как по волнам.

И вот,
песка касаясь краем,
горит багряный шёлк,
в лучах луны играя
и озаряя полк.

Легко у знаменосца
наклонено древко.
Оно не шелохнётся
в руках у Головки.

И он несёт, как пламя,
как свет большой души,
простреленное знамя
перед полком в тиши.

Как будто снова солнце
взошло в ночную высь, —
в руках у знаменосца
его лучи зажглись.

И полк на месте замер.

Кто знает этот миг?

Влюблёнными глазами
проводит фронтовик
военную святыню
гвардейского полка.

Он с ней пришёл в пустыню
и с ней уйдёт в века.

И на гвардейском стяге, —
где Ленин, как живой,
где кровь, что мы в атаке
теряли под Москвой, —
он видит путь свой долгий:
года,
недели,
дни;
разбитый дом над Волгой,

ракетные огни,
припал губами к стягу
молоденький солдат:
— Клянись тебе, ни шагу
не отступать назад!

И вот уже солдата
ведёт война вперёд.
И слава Сталинграда
с ним рядышком идёт.

И на границе к стягу
опять припал солдат:
— Клянись тебе, ни шагу
не отступать назад!

...И Зыков глаз не сводит
со знамени полка.
И кровь по жилам ходит,
как жаркая река.
И дышит глубже, глубже
под гимнастёркой грудь.

— За этот самый лучший
на белом свете путь
с хорошими друзьями
под полковое знамя,
пробитое в бою,
я, пехотинец Зыков,
все силы отдаю!
Тебя, святыня наша,
сумею уберечь!

...Торжественного марша
медлительная речь.

Берлинский полк на месте
застыл.

И в этот миг
солдат, убитый в Бресте,
в строю, как свет, возник.

— Фомин!

И помкомвзвода
ответил:

— Пал в бою
геройски за свободу,
за Родину свою!

...Из стороны болотной,
где след траншейный свеж,
Фомин, солдат пехотный,
вернулся на рубеж —

воскрес под шёлком алым
у мира на виду,
на правом фланге встал он
в незыблемом ряду!

Так вот оно бессмертье,
не в песнях — наяву!

И пуля, что в предсердье
вошла, свалив в траву,
солдата не отнимет
у молодых друзей.
Он даже мёртвый с ними
стоит у рубежей!

Да,
как на обелиски,
во всех концах земли
мы в полковые списки
товарищей внесли.

Они своё оружие
вручили нам, живым.
И ты сегодня служишь,
не расставаясь с ним,
в пустыне приграничной,
храня Отчизну-мать!

...Есть в армии обычай
при знамени снимать.

На фоне полкового
запечатлеют вас —
гвардейца рядового,
как принято, анфас.

И полетит далёко
в письме, за сотни вёрст,
в парадной форме сокол
во весь немалый рост.

И девушке приснится
при знамени герой.
И станет мать гордиться:
— Весь род у нас такой!

Ждала вестей Татьяна,
но почтальон не нёс.

Вернулась с поля рано —
грустит чуть не до слёз.

Как наказал ей Федя:
на поле — за двоих.

А писем нет...

Соседи
прошли,
и вечер тих.

Одна, одна Танюша
ступила на крыльцо.
Кто обогреет душу,
заглянет кто в лицо?

Но только отворила
нескрипнувшую дверь —
сорвался белокрылый
к её ногам конверт.

В конверте том на фото
при знамени заснят
гвардеец Зыков Фёдор,
Отечества солдат.

Он снова в жизни верный
ориентир берёт.
Он сделал уже первый
в учёбе шаг вперёд.

Он суше стал и шире,
и выше стал чуть-чуть.
Он страж покоя в мире,
он встал на батькин путь,
как все, простым солдатом —
миллионы нас таких!

Пусть, расщепляя атом,
враги друзей моих —
мои враги — прикинут
активные штыки:

от Праги до Пекина
полки,
полки,
полки...

Об этом он Татьяне
прислал письмо в село.
Ни дни, ни расстоянье
не выдули тепло —
солдаты, офицеры
прислали ей привет,
и в каждой строчке
и силы чистый свет!

И Таня сочинила
любимому ответ.

Жаль, кончились чернила
и слов в запасе нет!

Всему не уместиться
страничках на пяти.

Пошло письмо к границе
по авиапути.

К брезентовым палаткам
опустится оно,
где после марша сладко
солдаты спят давно,
где на ночь, для прохлады,
подвёрнуты края.

...Поэму про солдата —
был сам таким когда-то! —
заканчиваю я.

Глава двенадцатая

Говорит пехота

Нет, орлы,
пехота не забыла
силу
сокрушающего ИЛ'а,
не забыли мы,
как в час атаки
на штурмовку
выходили ЯК'и,
как бомбили,
как долбали немца
прямо
в бронированное сердце,
как в щёбёнку
превращались доты —

после этой
творческой работы!

Нет, друзья,
пехота не забыла,
как с прямой наводки
пушка била,
как входила
в дело корпусная,
как шумела
буря навесная,
как трудились
пушкари на славу,
извергая огненную лаву!

Не забыли мы,
не позабыли,
как в завесах
снега или пыли,
по таёжным трактам,
по шоссейным,
по весенним травам,
по осенним —
танки шли,
ломаю оборону,
танки шли
к Хингану или Грону,
танки шли
с границы до границы.
Танки мыли
в Эльбе гусеницы!

Нет; бойцы,
пехота не забыла,
что связисты —
это тоже сила!
Пол-Европы вымеряв
и Азии,
знаем толк
в бесперебойной связи мы,
понимаем смысл
поддержки с моря,
видим друга верного.
в сапёре,
помним ход
днестровского парома
и минёров знаем
в годы грома!

Уважаем нашу медицину —
докторов
и медсестёр весёлых,
выносивших нас,
взвалив на спину,
врачевавших нас
в сожжённых сёлах!

И, хотя
без лишнего восторга,
признаём
заслуги Военторга.

Ну, а нас —
а матушку-пехоту,
к дальнему привыкшую походу,
и — в атаку прямо с ходу,
с места,
при поддержке
мощного оркестра —
музыки военного сезона —

приданного нам дивизиона,
тоже помнят
все друзья по фронту,
уважают
спутники по флоту,
признают
приоритет за нами,
нас, простых,
чеканят на медали.

Под одно
мы собирались знамя!
Под одним —
врага мы побеждали!

В Армии —
как в боевом ансамбле —
сыграны все трубы и гармони,
сыграны орудия и сабли,
танки вездеходные и кони,
малые сапёрные лопаты,
и в одном строю с броневиками,
толом начинённые гранаты
и штыки, гранёные веками!

За бронёй
машины многотонной,
под водой,
высокой и студёной,
в небесах
или в тени орудий —
были наши братья,
наши люди!

Их дыханьем
были мы согреты,
уходя в разведки
и секреты.
Их поддержке
были благодарны,
атакуя
батальон ударный.

Им спасибо —
их глазам лучистым,
их сердцам открытым и
бесстрашным!

Слава понтонёрам
и танкистам,
слава боевым артиллеристам —
всем соседям,
всем солдатам нашим!

...Отслужив сполна четыре года,
рядовым пришёл я из похода.

Мне в бою, как честному солдату,
командир полка вручил награду.

И от имени друзей походных —
от солдат,
 фронтовиков пехотных —
я хочу напомнить тем, которым
мы уже не раз напоминали:
только им нужны
 да их конторам
годы бури,
 крови
 и печали.

Мой народ
к святой работе призван —
мой народ
на стройках Коммунизма!

И солдат
чеканят на медали
в память
о походе и Победе, —

для того они и побеждали,
чтобы мирно жить на белом свете,
чтобы шире хлебные просторы,
чтобы больше чугуна и стали,
чтоб не мины, а руду сапёры
щупом намагнитченным искали,
чтоб согласно сталинского плана
степи покрывались лесами.

...Не смотрите из-за океана
мутными недобрыми глазами.

Мой народ
на стройках Коммунизма.
Мой народ
его построить призван!

И хранят покой моей державы
от Амура и до Уж-реки
зоркие и чуткие заставы,
сильные и славные полки.

ТУРКВО--МОСКВА.

ЧЁРНЫЕ ГОСТИ

Историческая повесть

ГЕОРГИЙ ГУЛИА

★

Пролог

Морские волны подступили к самой Сухумской крепости. Южная стена её местами обвалилась. От старого княжеского дворца и следа не осталось. Внутри крепости сохранилась лишь одинокая могила. Остатки крепостной стены огромными скалами торчат на берегу. Морская вода урчит в расселинах, она пенится и без усталости подмывает древнюю кладку...

Народная молва окружила доброй славой и крепость, и одинокую могилу внутри неё. Толстые стены не раз падали под могучими ударами иноземных пришельцев, но со временем поднимались вновь, чтобы вновь защищать родную землю.

Люди сложили песни о Сухумской крепости. Из поколения в поколение передавался рассказ о храбрых защитниках её и подлом отцеубийце...

Я не могу не вспомнить этой маленькой истории. Обаяние древних развалин, горячие свидетельства народа, подкреплённые архивными материалами, газеты и журналы тех времён и современные изыскания дали жизнь этому повествованию о небольшом эпизоде далёкого прошлого...

1. В бурю

Всё смешалось в природе: чёрные, рычащие волны бешено рвались к небу, а небо, обременённое тяжёлыми тучами, спускалось до самого моря. Казалось, две стихии — водная и воздушная — вступили в смертельное единоборство; ещё мгновение — и они кинутся врукопашную. А между двумя враждующими силами, словно брошенный на произвол судьбы, плыл военный корабль...

Вот начало этого небольшого рассказа — начало, которого, говоря откровенно, автор не прочь бы избежать. Мне кажется, что внешне романтическая обстановка, сопутствовавшая плаванию новоявленных аргонавтов, может настроить читателя на особый лад, а это ни с какой стороны не вяжется с событиями, происшедшими весной 180* года на берегах Колхиды. Я бы не хотел, друзья мои, чтобы тысячи молний, прорезавших бурое небо, и чёрная пучина, жадно раскрывавшая свою пасть с намерением проглотить целый свет, хотя бы на мгновение поразили вас своей необузданной мощью и величественной красотой и заслонили собою мрачную сущность тех времён и событий. Но правда,

которой мы с вами верны, властно требует начала, вполне соответствующего действительности и не допускающего произвола рассказчика. Вот почему мы и начали с бури...

Итак, штормовая погода на Чёрном море была в полном разгаре. И в такую-то погоду плыл военный корабль к Сухумской бухте.

Мореходы всех времён с благодарностью взирали на чистые небеса и спокойные воды, если совесть у них была столь же чиста и спокойна, и тогда благодарственные молитвы устремлялись к таинственному владыке пучин. Так бывало всегда, и свидетелей тому немало. Но в эту апрельскую ночь 180* года дело обстояло иначе.

Капитан «Великого пророка» молил аллаха о ниспослании такой жуткой темени, чтобы собственного капитанова носа не было видно, и такого дождя, чтобы стёрлись границы тверди небесной и хляби морской — разумеется, чтобы экипаж при этом оставался в полной невредимости. Впрочем, просьбы оказались излишними: и без них море и берега лежали в кромешной тьме первозданья, а дождь лил, как в первый день ноева плаванья.

Весна на Чёрном море — обычно прохладная и дождливая. Весенняя непогодь похлеще зимней. Капля дождя, упавшая вам на голову, пронизывает всё тело до пят. Ветер, ударивший вас в левый бок, свистит в правом. Уши на сырой прохладе вянут, как листья осенью, а нос синее и делается ужасно плаксивым.

Капитан, стоя на мостике, испытал все прихоти черноморской непогоды при северо-восточном ветре. Время от времени его обдавали озорные волны, перекатывавшиеся через корабль; они держали его в постоянном напряжении, отгоняя сладкие мечты о домашнем мангале и глиняном чубуке. Капитан считал своим долгом иногда выкрикивать слова команды. Матросы то спускали, то вновь поднимали паруса, шлёпали босыми ногами по палубе, бурча себе под нос: «Аман, аман...».

Корабль бросало из стороны в сторону, словно ореховую скорлупу. Он, казалось, не идёт на дно только потому, что этого ещё не пожелало море, играющее им, как кошка с мышью.

Однако волнение вскоре угомонилось, и на корабле решили, что их приняла Сухумская бухта. Зачерпнули воду с правого борта — она оказалась почти пресной: стало быть, где-то близко Кодор, река бурная и невоздержанная в своей свирепости. Скоро покажется и Сухум, — так полагал капитан. Но городские огоньки были бессильны пробить толщу дождя, а свет крепостного маяка, будто назло, был погашен стражей.

Корабль продвигался вперёд ощупью, как человек в потёмках. Он стонал и скрипел на все лады. Вдруг заголосили все швы, не осталось буквально ни одного гвоздя, который не повернулся бы в своём гнезде и, повернувшись, не пискнул. Этот кошачий визг ничего доброго не предвещал — корабль словно расплзался на части.

Капитан забеспокоился не на шутку. Страх перед случайной встречей с русскими судами уступил место опасениям иного рода. Теперь капитана занимали не темень и дождь, о ниспослании которых он ещё не так давно молил аллаха, а судьба самого корабля. Корабль с каждой минутой скрипел всё сильнее и сильнее, словно люлька, взраставшая не меньше трёх поколений и снова извлечённая с чердака, где почивала, отслужив свой век.

Скрипу, казалось, не будет конца, как и одинокой песне, которой аккомпанировала в кубрике визгливая кеменча. Этот скрип, красноречиво свидетельствующий о почтенном возрасте морской лохани, именуемой «Великим пророком», мало соответствовал высокой миссии, возложенной на корабль самим султаном. Впрочем, о подлинных качествах

судна не принято было говорить в присутствии высокопоставленных особ. Дело в том, что «Великий пророк» несколько лет назад был закуплен у англичан и не без труда доставлен в Трапезунд — акт, возведённый султаном в степень государственной мудрости. По поводу этой скромной покупки в Стамбуле три ночи подряд жгли бенгальские огни, а посол Великобритании блеснул речами, посвящёнными бескорыстию английской короны. Турецкая сторона также немало попотела над тем, чтобы достойно запечатлеть в истории сие проявление великой дружбы.

А в это самое время производился ремонт корабля. Корпус подвергся основательной очистке. Количество ракушек и разных морских животных, нашедших приют на тухлявых подводных частях судна, достигало чудовищных размеров; по своему разнообразию эти существа могли поспорить с подводным царством всего Эгейского моря. Турецкие мастера, многое перевидавшие на своём веку — особенно, всякой корабельной трухи, — просто диву давались, наблюдая, как растёт гора ракушек и как угрожающе отошала бока «Великого пророка». Однако рвение и страх перед султаном сделали своё: в корабль влили изрядную порцию смолы и тщательно законопатили все щели и червоточины. Но это ещё не всё. Пушки, установленные много лет тому назад, представляли серьёзную опасность для собственной команды. Поэтому корабль предстояло вооружить заново. Это было бы не так просто, если бы и тут не помогли друзья: англичане прислали десяток подержанных фальконетов с какого-то средиземноморского острова. Таким-то образом и был решён вопрос о вооружении корабля — факт, неоднократно отмеченный дипломатами в Стамбуле, факт, до слёз умиливший султана и его высокое окружение. Наконец, после устранения запахов, хоть сколько-нибудь напоминавших запах бекона, судно зачислили в состав боевого флота Великой Порты. И «Святой Яков», верно охранявший места господни в восточной части Средиземного моря, безропотно перекочевал в услужение новому хозяину и не без достоинства стал носить имя «Великий пророк».

Появлению «Великого пророка» на Чёрном море было придано особое значение. По этому случаю в Лондоне были произнесены речи. Дипломаты прозрачно намекали на будущие подвиги «Великого пророка» в борьбе против некоей черноморской державы. Дошло до того, что, прослышав об этих речах, один из вельмож в Стамбуле потребовал немедленного выступления в поход. Сей достопочтенный муж до хрипоты орал на главной площади: «На Севастополь! На Севастополь!», и ближайшим друзьям его пришлось на время упрятать храброго турка в дом, где обитали умалишённые... Это было ещё в то время, когда Англия играла в дружбу с султаном, а между Портой и Россией существовал мир. Но вскоре погода изменилась, и довооружали корабль уже французы в подкрепление новой дружбы. Они великодушно преподнесли туркам несколько старых пушек, брошенных ими в египетских песках ещё во времена похода Наполеона... Одним словом, «Великий пророк» в своё время наделал немало шуму. Этот шум можно было уподобить разве что скрипу, которым сопровождалось плавание корабля по зыбким черноморским просторам.

Как видите, спустя несколько лет «Великий пророк» попрежнему бодрился и скрипел. Если он заставлял капитана всего-навсего морщить мясистый нос, то на пассажиров судна — их было двое — он производил более сильное впечатление. Пассажиры, сказать по правде, были ещё молоды, и в них говорило оскорблённое тщеславие.

Молодым пассажирам казалось, что Порта могла бы снабдить их более молчаливым кораблём. Когда эта мысль достигла ушей капита-

на, — очевидно, она была высказана вслух, — он скорчил во тьме очень смешную гримасу, смысл которой моментально угадали бы при дневном свете. Гримаса эта выражала откровенное презрение к тем двум выскочкам, ради которых заставили стонать «Великого пророка» и побеспокоили старого капитана, а может быть, и подвергли грозной опасности.

Корабль бросало волной то вверх, то вниз, относило ветром то вправо, то влево. Современные Кастор и Поллукс попробовали высунуть носы из капитанской каюты, но тут их, как нарочно, окатила струя воды в сорок вёдер, и они полетели назад. Только после больших усилий им удалось осуществить своё намерение.

Между тем на палубе послышалась какая-то возня и вскоре раздался радостный возглас капитана:

— Кучук-эффенди! Кучук-эффенди!

По правому борту в кромешной тьме горел костёр, он горел бурно, и искры его возносились высоко. Это с берега подавал сигналы Кучук-эффенди. Капитан приказал взять курс правее, и через час корабль вошёл в пределы Сухумской бухты. Здесь было спокойно, а самое главное — прекратился надоедливый скрип.

Матросы приготовили к спуску плоскодонную шлюпку.

— Почему плоскодонную? — не без тревоги спросил один из молодых людей.

— Она надёжней, — соврал капитан, которому было жаль другой, новой шлюпки с килем. Впрочем, для очистки совести к бортам шлюпки были привязаны две пустые бочки из-под солёной хамсы.

— Вы поплывёте, как рыба, — сказал капитан не без тайного злорадства. И присовокупил: — Сохрани вас аллах!

Молодой человек, с носом, похожим на орлиный клюв, и беспокойными глазами, блестящими при свете молний словно осколки стекла, подумал, что рыба, пожалуй, могла бы обойтись и без доброго пожелания. Он спросил:

— Далеко ли до берега?

— Нет, — последовал ответ сугубо безразличный: дескать, ближе, чем до смерти — всего один шаг.

Обладатель беспокойных глаз стоял в нерешительности, словно рассчитывая свои силы. Он промок, как говорится, до мозга костей, и это скрючило его статную фигуру. Более того, молодой человек настолько озяб, что зубы у него выстукивали мелкую, сухую дробь.

Было похоже на то, что Кастор или Поллукс трусит, не решаясь сесть в лодку, — говоря откровенно, далеко не безопасную. Он принадлежал к категории людей, которые умеют быть храбрыми, когда плоды подобной храбрости гарантируются благоприятной обстановкой: иными словами, когда мало риска и дело верное. Но, не имея в жизни ясной и благородной цели, такие люди трусят, как зайцы, в минуты действительной опасности, таких людей обычно подхлестывают, словно клячу, и обычно ими руководит чья-либо злая воля, воздействующая на них непрерывно. В данном случае для обеспечения такого непрерывного воздействия к молодому человеку был приставлен другой молодой человек, по имени Мамед, который нетерпеливо оглядывался, сидя в шлюпке, подвешенной на канатах.

— Аслан! — крикнул он, пересиливая шум моря. — В чём дело, Аслан?

Голос его звучал твёрдо, повелительно — голос настоящего господина, прикрикивающего на раба своего. И тот, кого звали Асланом, мигом пришёл в чувство.

— Сюю минуту, — сказал Аслан и прыгнул в лодку.

Тотчас стали травить канат, шлюпка коснулась воды, завертелась на месте и тут же исчезла во мраке, словно её и не бывало на этом свете.

Дождь продолжал лить как из ведра. Тучи проносились над самыми гребнями волн. Они неслись тяжело, будто огромные перелётные птицы, которым недостаёт больше сил. В их чревах ухали громы, раскатистые, долгие, и всю небесную ширь прорезывали молнии, узкие и извилистые, как тропы в горах...

2. Город

В красках дождливого, тусклого-претусклого рассвета город производил самое удручающее впечатление. Пыль, которой, точно пушистым ковром, были устланы немногочисленные кривые улочки, смешиваясь с чистой небесной влагой, превращалась в такую липкую грязь, что прохожие едва вытягивали из неё ноги.

В глубине естественной бухты тогда находилась крепость, остатки которой видны и сейчас. Крепость имела прямоугольную форму. В середине высился двухэтажный дворец — добротный деревянный дом, ладно сколоченный из каштановых и дубовых досок. Ко дворцу от крепостных ворот, пробитых в восточной и северной стенах, вели аллеи тополей.

Недалеко от крепости помещался рынок, а вокруг рынка толпились закопчённые харчевни и низенькие домики. В двух шагах отсюда, на берегу моря, было свалочное место. Впрочем, мусора хватало везде. Власть мало интересовалась чистотой улиц, а повальные болезни летом приписывались различным вредоносным ветрам, которые, в свою очередь, оказываются, зависели от положения светил на далёком звёздном небе. Однако, не считаясь с этими объяснениями мудрых людей, князь строгонастроено повелел содержать крепостной двор в чистоте, словно девичью горницу. Летом вся княжеская семья питалась только цыплятами и пила горную ключевую воду, которую таскала на себе в бурдюках дворцовая челядь. В самую знойную пору князь обычно выезжал в одну из своих деревень. Город славился лихорадкой и влажным, вредоносным климатом. Болота, затопившие пригороды, тщательно оберегались стараниями многочисленных цырюльников, промышлявших пиявками наравне с основным своим делом.

В восточной части города, именуемой Тубун, брала начало древняя стена — гордость сухумцев. Она начиналась, эта стена, от самого берега и поднималась в горы, вытянувшись в длину почти на сто вёрст.

Здесь в давно прошедшие времена стоял город Диоскурия, выстроенный трудами колхов. На причалах города-красавца грузились добром корабли различных заморских стран. Город процветал, вызывая злобу и зависть у недругов. Сюда, к сердцу Колхиды, устремились многочисленные иноземные враги, и они быстро расправились с городом и его населением. В конце концов Диоскурия, покинутая людьми, поросшая травой, стала жертвою волн и оказалась на дне морском, где почивает в мире и поныне. И только могучая древняя стена напоминает потомкам о былой славе предков.

Сухум — отпрыск города-великана Диоскурии. Пережив нашествие греков, римлян, византийцев, генуэзцев, венецианцев, город к пятнадцатому веку начал было оживать. Так больной, потерявший сознание, постепенно открывает глаза и просит первый глоток воды. Население горячо взялось за работу; на рейде замелькали паруса кораблей; детский смех снова раздавался на песчаном берегу.

Но недолгим было это счастливое время. Вот как определила народная молва пору, сменившую его: «Словно кончился день и настала ночь». Появились на Черноморье турецкие орды. С приходом янычаров

в стране установились разбойничьи порядки. Они принесли с собою работорговлю. В свои чёрные деяния они втянули большинство князей и дворян, которые быстро стакнулись с пришельцами.

Вся плодородная прибрежная полоса оказалась под пятой турецких пашей, и эта земля, некогда именовавшаяся Золотой, стала называться Долиной Слёз. Народная память — это верное хранилище — донесла до наших дней незабываемые картины человеческого горя и кровавых зверств. Турецкие султаны преднамеренно и хладнокровно уничтожали непокорные народы. От многих племён и народов сохранились лишь одни названия. Янычары попытались уничтожить старую религию края — христианство. Древние храмы и монастыри приводили захватчиков в бешенство, и немые камни, сложенные талантливыми строителями, полетели со своих высот. Кладка, сцементированная веками, дробилась под ударами ломов. Нет, никогда не забудутся кривые сабли янычаров, лицемерные муллы! Никогда не забудут горцы и не простят их злодеяний!

К концу восемнадцатого века султанская власть на Черноморском побережье Кавказа подверглась серьёзному испытанию. Горцы поняли, что владычество янычаров далеко не вечно, что твёрдость кривых сабель не столь уж безотказна. Это придало доблесть многим прежде слабым сердцам. Но борьба, настоящая борьба только начиналась. Предстояли трудные времена.

Среди тех, кто возвышал свой голос против султана, кто оттачивал свои кинжалы против янычаров, был и маленький абхазский народ.

Город Сухум и страна под началом владетельного князя Абхазии Келéша Чáчба выказали неповиновение турецкому султану. Князь, следуя политике грузинского царя Ираклия Второго, обратил свои взоры на север, к Петербургу. Это был маленький бунт, маленький эпизод в большой борьбе народов Кавказа против султанской Турции. Но и этот маленький пример сопротивления врагу ещё раз убеждал в том, что только в смертельной схватке против несправедливости можно сохранить честь и достоинство народа и что потеря в такой схватке гораздо меньше, чем при коленопреклонённом принятии рабства и признании господства злодеев... В то время, когда народам Кавказа грозило физическое уничтожение со стороны янычаров и иранских полчищ, просьба о покровительстве, обращённая к Петербургу, была верным и единственным выходом из бедственного положения.

У маленького города, который под дождём выглядел таким жалким и убогим, было своё горячее сердце. Сердце это билось неровно, но оно обещало жить, жить и здравствовать...

Однако двое молодых людей видели перед собой лишь вымокший город и не слышали ничего, кроме рёва утихающей бури. Они только что сошли на берег.

Легко сказать — сошли! Их просто-напросто выбросило могучим накатом волн, и плоскодонная шлюпка разлетелась в щепы. Одна из злополучных бочек подлетела кверху и, падая, ударила Мамеда по голове — турок растянулся на песке.

Не в пример древнему завоевателю Карфагена, сумевшему находчиво пошутить над своим падением, Мамед, как щенок, заскулил от боли и обиды.

Аслан успокаивал его как мог, беспokoйно озираясь вокруг. Берег был пустынен — песок да галька, да цепь бешеных валов.

Перевязав голову своему другу куском, оторванным от рубашки, Аслан зашагал к прибрежному леску. Мамед, ковыляя, последовал за ним.

Город, как видите, встретил таинственных путешественников неприветливо. Туман и дождь, холод и слякоть... И потом эта дурацкая бочка... Не к дурному ли это?..

Первое, что требовалось, — обсохнуть, обогреться. Аслан, после небольшого раздумья, направился лесом к древней стене, маячившей в пелене тумана. Они шли торопливо, оставляя за собой рычащее море.

Город ещё спал. Там и сям в окнах домов мерцали бледные огоньки, побеждаемые светом нарождающегося утра.

3. Отец и сын

Домик Бирама Айба прилеплен к толстой стене, выложенной две тысячи лет тому назад. Это дало возможность сэкономить доски, которые приходилось покупать в княжеском лесу.

Нельзя, однако, сказать, что хитроумная изворотливость бедняка принесла большую пользу: не потому ли всю жизнь страдала костной болезнью хозяйка и сошла в могилу раньше срока?

Внутреннее убранство жилья отвечало самым скромным требованиям: грубо обструганные доски, тяжёлый стол, две скамьи, нары да большой сундук. Невода, фелюга и прочие ловецкие принадлежности хранились около домика, под навесом. Их стерегла лохматая овчарка, умная, как человек, — так казалось хозяину. Звали овчарку Кремень, ибо норовом она была тверда, как этот горный камень.

Бираму шестьдесят лет — возраст для рыбака почтенный. Старик походит на высокую прибрежную скалу, источенную водой и ветрами, но сохранившую прочную основу, — такая скала ещё долго будет украшать собою берег. Рыбак поседел, а кожа потемнела с годами, и этот контраст, в сочетании с высоким морщинистым лбом, густыми бровями, тоже седыми, и живым, пронизательным взглядом, невольно вызывал в мыслях образ мудреца, в тяжёлом труде усвоившего горькие уроки человеческой жизни.

Даур — сын Бирама. Ему двадцать лет, и стан у него, словно девичий — тонкий и гибкий. Двадцать лет — изумительный возраст мужчины, чудесные годы, когда сила бьёт через край и ищет достойного применения, когда сердце неутомимо, ноги не знают покоя, а голова полна самых светлых планов и необузданных дерзаний.

Я часто думаю, друзья мои, об этом возрасте. И знаете ли вы, что приходит мне в голову? Я говорю себе: что, если бы в двадцать лет обладать хотя бы четвертью того опыта и той осмотрительности, которыми владеет человек в сорок? Сколько великолепных талантов получило бы человечество! А сколько гложет способностей потому только, что не все умеют по-настоящему, по-хозяйски распорядиться собой ещё в ранние, молодые годы!

Взять хотя бы Даура. Ну чем он не молодец? На коне он скачет быстрее ветра, стреляет из кремнёвки без промаха, он храбр, статен, здоров. Недаром взял его князь в свою охрану и недаром благоволил к нему. Человек, умеющий ненавидеть врагов своих и врагов своего народа, человек, безгранично любящий свою землю, — таков Даур.

Но как жаль, друзья мои, как обидно, когда человек вдруг, как говорится, слепнет. Не миновала Даура сердечная болезнь: полюбил он прелестную Сайду, дочь Кучука-эффенди, того купца, что торгует в городе шелками и шерстью. Но суть, разумеется, не в том, что он полюбил, а в том, что полюбил слепо... Вот я и говорю: немного бы опыта в его двадцать лет, чуточку бы осмотрительности!..

Отец удивлялся, глядя на сына: откуда столько огня и живости? А главное, откуда эта бешеная страсть? Как и многие отцы, Бирам почти забыл собственную молодость и свои поступки тех лет, поступки, которые тогда не казались ему странными... Счастливец человек, друзья мои, который до конца своих дней в какой-то мере сохранит мироощущение молодости или, во всяком случае, не забудет пору, когда он сам любил и страдал, мечтал и ошибался, да просто был молод и нетерпелив!..

Как ни умудрила Бирама жизнь, но он жестоко просчитался. Старик не остановил сына во-время, а сын многого не разглядел. Если Дауру этот промах непростителен даже в двадцать лет, то Бираму — тем более. Отец мнил себя судьёй в делах сына и, в некотором смысле, был сторонним зрителем, ему всё было виднее... Не будем торопиться с пояснениями, ибо эта правдивая история не так уж велика, а события ясны сами по себе и лежат они нынче пред нами, как на ладони, и мы взираем на них, словно соколы...

Всю ночь скулил Кремень — а это, как известно, дурной знак. Бирам, не раз просыпаясь, пытался унять его. Пёс, должно быть, боялся грозы, и старик повторял про себя: «Умён, как человек».

Под утро старик развёл огонь в камине и, кряхтя, снова улёгся. А незадолго перед тем он видел сон. Очень трудно рассказать, что приснилось старику, ибо, как только явилось сознание, сон развеялся, словно утренний туман, оставив приятный осадок в душе. Но кое-что припоминается... Годы молодости... Первые радости... Светлый мир, высокое небо и песня детства:

Морские просторы,
Живые просторы,
Голубое небо,
Голубая даль..

Но ничего определённого, осязаемого, как это бывает в иных снах... Да, чудны порою стариковские сны!..

Бирам, затагиваясь трубкой, глядит себе на руки. Смуглая, сухая кожа, вздутые синие жилы. Неужели это и есть старость? Он прислушивается к биению собственного сердца. Нет, пока не старость!.. Словно вчера ещё он бегал мальчиком. «Как торопится время», — думает Бирам и, точно ища подтверждения, переводит взгляд на сына.

Даур спит на противоположных нарах. Его прямой нос ясно вырисовывается на фоне потемневшей от времени дощатой стены. Он укрыт буркой. Одежда, по-военному, сложена на скамье — потёртая черкеска, батистовый архалук, шерстяные ноговицы. Сын дышит ровно, и его грудь могуча и спокойна.

Снова скулит собака, дождь постукивает по кровле настойчиво, как ночной путник. Ветер тормошит неплотно пригнанную дверь. Слабый свет проникает в окно. В стене верещит сверчок. Но над всеми ночными звуками господствует могущественный, глуховатый рёв моря.

Раннее утро, тишина да горящая трубка — вот, казалось бы, прекрасная обстановка для размышлений. Но не кажется ли вам, что такая обстановка способствует сгущению красок, а мысли в ней тяжелеют, омрачая события? Не кажется ли вам, что ясное утро, дневной свет на берегу моря более подходящи для подобных занятий? Не кажется ли вам, что живые размышления, словно люди, готовящиеся в поход, требуют света и радости и добрых напутствий? Я совершенно в этом уверен. Я согласен с утверждением одного из моих друзей, который

говорил, что светлые мысли рождаются в живой и радостной обстановке. Надо мыслить и мечтать в самые радостные моменты своей жизни — это придаёт ту силу и красоту мыслям и мечтам, которые так необходимы человечеству во все времена... Вот вам наглядный пример. Призадумался Бирам над своей жизнью, и она показалась ему дымом от трубки, который тает в воздухе, не оставляя после себя и следа. Он попытался заглянуть в будущее, и оно представилось ему мрачным, обгаренным кровью, озарённым пожарищами, безвыходным. Старик не думал о том новом, могучем голосе жизни, который уже окрылял его сына. Мы ещё увидим, как ошибался старик в это утро, оценивая жизнь и собственную участь.

Вдруг прервалось полудремотное состояние, в которое завели Бирама недобрые мысли: он услышал стук в дверь. Кремень захлёбывался в хриплом лае.

— Хозяин, хозяин! — слышно за дверью.

Проснулся и Даур. Он вмиг оделся и, на всякий случай прихватив кремнёвку, вышел в тесную прихожую. Отпер дверь и благоразумно отошёл назад шага на два.

— Доброе утро... или доброй ночи, — сказал незнакомец, стоявший на пороге. — Не пойму: ночь или утро?

— Входи, — сказал Даур, увидев насквозь промокшего человека.

— Я не один...

— Входите все.

Аслан и Мамед — это были они — не заставили упрашивать себя. Они прошли в комнату, обозначив свой путь мокрыми следами. Шли они не очень-то горделиво, как полагалось бы гостям для поддержания собственного достоинства и как того требовало одно из условий в написаном уставе горского обычая.

Бирам успел одеться и приветствовал гостей. Он засветил коптилку — льняной фитиль в глиняной чаше, наполненной рыбьим жиром.

— Хозяин? — коротко справился Аслан.

— Да, — ответил старик, всматриваясь в незнакомца.

— А это твой сын?

— Он самый...

— Огонь очень кстати, — сказал Аслан, легко переводя разговор. — Нельзя ли его раздуть?

Даур водворил кремнёвку на прежнее место и принялся раздувать огонь. Сказать по правде, ему не очень-то понравился развязный тон гостя...

— Мамед, — обратился Аслан к своему спутнику, — присаживайся к огню.

Однако Мамед не нуждался в приглашении: он разделся чуть ли не донага и принялся сушить одежду у камина.

Отец и сын не пытались узнать, кто такие эти гости, откуда они и куда держат путь — это было бы неприлично, разумеется. Сами же гости пока не считали нужным представиться хозяевам, хотя это было ещё неприличней. Возможно, правда, пришельцам было не до церемоний...

Даур обратил внимание на их одежду. Брюки у пояса были собраны в многочисленные складки, словно взяли широченный мешок и тесьмой стянули в талии. Такие брюки носят только турки, это ясно. И Даур нахмурился.

«Откуда они? — думал молодой человек, рассматривая гостей исподлобья. — Если они потерпели бедствие, то об этом следовало бы сказать ещё за порогом. Ежели они пришли из-за моря с недобрыми

мыслями в дом Айба, то они слишком самоуверенны и их следует прогнать, как паршивых собак... Как видно, у них есть основание скрываться от людей. Хоронятся только князя Маршаны да эти Диапшипа — враги нашего князя Келеша»...

Даур потуже затянул пояс из сыромятной кожи. Бирам уловил это движение и угадал, что творилось в душе молодого человека, вспыхивающего, как архангел (в представлении скромного рыбака эти небожители почему-то отличались горячим характером). Словно без всякого умысла, отец сказал гостям:

— Да, оскудел дом старого Бирама Айба...

Аслан отлично понял намёк хозяина, назвавшего себя и ожидающего того же от гостей.

— Знаю, Бирам, — проговорил он, выжимая рубаху, — это твой дом. Потому-то мы и явились сюда.

Старик изумился.

— Ты знаешь меня?

— А ты — меня? — спросил вместо ответа Аслан.

Старик замотал головой: дескать, никак не может признать гостя.

— Мамед, — сказал Аслан, — меня не узнают. Хорошо это или плохо?

Мамед взглянул поочерёдно на отца, на сына и на Аслана. Его острый глаз уловил враждебность, которую, впрочем, Даур и не скрывал. Но старик казался добродушным. Возможно, он просто утаивал свои мысли. Или сотни глубоких морщин смягчали то, что на свежем лице сына проступало ясно, как печать на султанском фирмане?.. Мамед не торопился с ответом. Он обдумывал его, плотно поджав губы и прищуривая бесцветные, водянистые глаза.

— Это значит, что ты изменился, — изрёк, наконец, Мамед и снова занялся собою.

Хозяева удивились несурзному ответу. Аслан поднял коптилку и, приблизив её к своему лицу, спросил:

— А теперь, Бирам?

— Аслан! — воскликнул старик и от удивления опустил на нары.

4. Опальный княжич

Бирам беззвучно шевелил губами, словно шептал заклятие от злого наваждения. Даур машинально схватился за кинжал, готовый пустить его в ход. Но он всё ещё не верил своим ушам. В противном случае, его долг состоял бы в том, чтобы немедленно ринуться вперёд, на врага.

Я не знаю, будет ли достаточно ясно, если я замечу, что неожиданный гость поверг хозяев в крайнее замешательство. Попробуйте представить себе: перед вами вдруг появился человек, которого вы давным-давно считали исчезнувшим с белого света, настоящий покойник — что вы почувствуете тогда?.. Вот почти то же самое испытывали и отец с сыном Айба.

Аслан, старший сын князя Келеша Чачба, был изгнан из пределов страны, а имя его предано проклятию. В среде простых, но честных людей его считали мертвецом.

Мы сказали — мертвецом. Нет, это неверно. Стать предателем — гораздо хуже, чем умереть. Предатель разлагается ещё при жизни. Вид покойника у иных может вызвать страх или сожаление, а предатель встретит у всякого честного человека только ненависть и омерзение.

Это Аслан понимал очень хорошо, но он, должно быть, отлично знал, куда и зачем едет.

Аслана выдвинули на роль главаря оппозиционной туркофильской партии князя Маршаны и Диапш-ипа. Они ловко играли не только на болезненном тщеславии княжича. Его окончательно покорила щедрость султанской казны. Так началось грехопадение. Торговец родиной ещё выдаёт себя за честного политика, важно рассуждает о том, о сём, но на его лбу уже давно горит печать предательства.

Аслан оказался предателем — он бежал в Турцию. Он плюнул не только в отца своего и семью, но, что ещё страшнее, в народ свой и страну. Он перебежал в стан врагов — совершил наихудшее преступление из всех, что заклеимлены с тех пор, как у человека появилось сознание и чувство собственного достоинства. Он изменил своей родине — преступление столь же чудовищное, сколь и мерзкое. Изменив своим, он превратился в послушное оружие врага, в проклятое и отравленное оружие. К таким существам, потерявшим облик человеческий, нет и не может быть снисхождения! Поправший святая святых — родину и народ — достоин не только презрения, но и самой жестокой смерти... Всё это, должно быть, понимал Аслан, направляясь в родные края...

Нынче он вернулся к себе, но борьба его не прекращалась. Именно во имя своей победы он должен был приехать сюда, и он приехал. Он поступил так, как ему велели в Стамбуле.

Жизнь его подвергалась на родине смертельной опасности. Как же он надеялся остаться в живых? — спросите вы. Расчёт простой, сказал бы я: во-первых, совершенно неожиданное появление, так сказать, внезапность действия; во-вторых, столь же неожиданное смирение, раскаянье блудного сына, публичное осуждение турок — оно должно было произойти, но главное — убеждённость в политической дальновидности владетельного князя. Зачем казнить Аслана? Не лучше ли предать его появление, как крушение турецких планов и интриг, а самого использовать в общей борьбе против султана? Именно так поступит князь — в этом и Аслан, и там, в Стамбуле, были почти уверены. И Аслан, к сожалению, не ошибся, как не ошиблись его хозяева в Стамбуле...

Захватчики живучи. Они продолжают существовать во многих частях мира и в наше время, предательство, потворство предателям всё ещё имеют хождение на нашем земном шаре. Предатель, покрытый пылью истории, и тот не может не вызывать в нас чувства брезгливости. Поэтому необходимо со всей решительностью заметить: всякое снисхождение к предателю типа Аслана, милость к нему, если её проявление даже мгновенно, есть роковая и непростительная в глазах народа ошибка. Вот почему, даже спустя полтора столетия, мы не можем не бросить упрёка отцу и сыну, которые в присмирившем опальном княжиче не разглядели тот же час своего смертельного врага, а не разглядев, выпустили его из рук. Правда, говоря языком житейским, Бирам и Даур — люди маленькие. Но в это серое утро от них зависело многое, и они не воспользовались большими правами маленьких людей.

И словно радуясь их промаху, теперь уже промаху роковому, Аслан освещал коптилкой своё лицо с разных сторон. Глаза его глядели насмешливо. В них явственно ощущался холодок воронёной стали, та врождённая жестокость, которая передалась княжичу от его матери (она была в разводе с владетельным князем и жила в горах у своих родичей). «Тот же прищур, — подумал Бирам, — и взор, бегущий куда-то мимо».

Аслан чувствовал себя вполне уверенно; он по-княжески нагло вы-

тянул ноги, чуть не полулёжа на скамье. Бирам стоял неподвижно, а Даур почтительно отошёл в угол и, казалось, был настороже.

Мамед не без интереса наблюдал за этой короткой сценой; он заметил, что княжич в глазах простолудинов, повидимому, остался человеком той породы, которую и побаиваются, и уважают. Это обстоятельство было отмечено турком многозначительной ухмылкой.

Не зная, как дальше поступить, и не сразу приходя в себя, старик предложил пришельцам крепкого вина, чтобы «предупредить простуду». Мамед, как истый магометанин, от вина отказался. Он попросил чёрного кофе.

— Мы не пьём его, — мрачно заметил Даур.

Аслан, приняв штоф, пил вино жадно, залпом.

— Давно не пробовал, — оправдывался он.

— Значит, ты и в самом деле... оттуда? — спросил рыбак.

— Откуда, Бирам?

— Из Турции... — пояснил хозяин.

— Прямой дорогой. Корабль погиб, а мы, как видишь, едва спаслись.

Аслан говорит громко и чётко — барская привычка. Он бросает слова — и словно огромные камбалы и лососи вываливаются из сетей.

Не зная, как отнестись к чудесному спасению опального княжича и не желая насиловать свою совесть, старик предпочитает поговорить о погоде.

— Такая жуткая погода... И откуда она только взялась? Наверное, завтра мы не увидим неба — оно всё обрушилось за ночь... Но, слава богу, кажется, немного утихает...

— Теперь это безразлично, — говорит Аслан, — кто на берегу — тот жив, а мёртвому нет дела до погоды.

Княжич посмотрел на Даура. Тот насупился, будто не верит ни единому слову Аслана. Турок продолжает приводить в порядок свою одежду с прилежностью иной хозяйки. Однако прилежность эта более чем наиграна. К чему, скажем, дважды снимать и снова надевать шерстяные чулки? Мамед, как видно, чувствует себя далеко не в своей тарелке...

Аслан просит воды. Старик выходит в прихожую, и сын следует за ним.

— Отец, — шепчет он, — мне не нравятся эти люди. А насчёт Аслана есть княжеский приказ: задержать его, ежели вступит на нашу землю. А второго, этого турка, и подавно — он лазутчик!

— Что ты! — говорит осторожный старик. — Нельзя так. Мы ещё ничего не знаем. Княжич — хоть и опальный, а всё-таки княжич.

— Есть приказ, — упорствует сын.

Отец властно приложил палец к губам.

Гости, как это водится, похвалили воду.

— А что у вас нового? — обратился Аслан к Дауру. — Как здоровье моего отца? Его уважаемой жены?

Выделяя последние слова, княжич хотел выразить своё презрение к новой княгине — женщине из простой крестьянской семьи.

— Всё в должном порядке. В семье прибавление. Мальчик.

— Вот это я понимаю! — воскликнул княжич весело. — Смастерить сына на семидесятом году — совсем не плохо! Это крепкого здоровья старик, ничто его не возьмёт, никакая болезнь!

— Господь храни его, — прошептал рыбак с подчёркнутой преданностью.

Аслан метнул острый взгляд. Сейчас, как и всегда, он ревновал к княжеской славе, и малейшее проявление чьей-либо любви к его отцу почитал личным оскорблением. «Постой, постой, старикашка, — подумал Аслан, — я дождусь того, когда ты запоёшь по-другому». И, плотно стискивая зубы, бросил сухое, как хворост: «аминь».

Отец и сын обменялись неммым вопросом. И, словно читая на лицах, княжич ответил на их недоуменный вопрос:

— Все мы ходим под луною, — изрёк он мрачно, точно ему надоело ходить под этим светилом, — и все мы — люди... — Сделав эти сногшибательные открытия, Аслан продолжал с чутью просветлевшим взглядом: — Ты, Бирам, думаешь так: «Аслан явился неспроста. Может быть, связать его?» — Княжич жестом остановил запротестовавшего старика. — А вот сын твой полагает, что не мешало бы попросту пристрелить нас обоих.

Даур не стал опровергать это утверждение.

— Видите, я всё знаю. И даже больше того. Вы ждёте не дождётся рассвета, чтобы сообщить во дворец о нашем появлении... Однако имейте в виду, мы пришли искать не убежища, но помощи... В чём состоит ваш долг? Вы должны помирить нас — меня с отцом. Да, да, не удивляйтесь. Вас я знаю хорошо и не хочу прибегать к посредничеству других. Человеческий язык опасен, и я научился остерегаться его. Я только прошу об одном: идите к отцу моему и скажите, что явился блудный сын и стучится в отчий дом. Скажите, что на родимый порог он принёс сыновнее покаяние и горечь жалкого прозябания на чужбине. Идите и скажите ему: отныне враги его — мои враги... Но прежде вы должны поклясться вот этим очагом, что не выдадите меня раньше, чем я буду прощён.

— Клянусь! — вскричал рыбак, на которого речь княжича произвела сильное впечатление.

— А ты? — обратился Аслан к Дауру.

— Тоже клянусь, — подумав, менее восторженно проговорил тот.

Всё это было поразительно! Вражда владетельного князя с сыном давно стала притчей во языцех, давно приобрела столь дурную славу, что о ней не вспоминали без содроганья. А вот нынче сын возвращается во-свояси, побитый, скулящий, как собака... Чудно, ей-богу, чудно!

У старика на глазах, кажется, блеснули слёзы.

— Слава богу! — воскликнул он.

Аслан с видом победителя смирил Даура взглядом с головы до ног. А Мамед, не желая выдавать никаких своих чувств, усердно разгребал золу в поисках жара.

5. Красотка

Восемнадцать лет... Изумительный девичий возраст, особенно тогда, когда, как говорится, и жизнь светла и безоблачна, и все тебя величают красавицей. Саида и в самом деле красива. Судите сами: лицо матовое, чуть смуглое, на щеках — румянец, будто нарисованный от руки, стан, что лоза, а ножки так милы и так малы, что невольно — нечего греха таить! — заглядишься на них.

Да, Саида красива... Это та восточная красота, которую не раз и не два воспевали юные поэты, красота необычайно тонко вычерченных бровей, больших, великолепных глаз, длинных-предлинных ресниц и кос, и шеи, словно выточенной из слоновой кости. Два тысячелетия поэты-словыи всех времён и народов неустанно твердили об этой несравненной красоте, списывая её с бездарных миниатюр, где опытная рука мастера

умертвила всё живое, где цветные изразцы на стенах живут одной жизнью с чудо-девами.

Но когда смотришь на Саиду, то приходят на ум сочные весенние пейзажи, прохладные речки и высокие небеса, а не холодные и надуманные миниатюры. Саида красива по-земному, она полна жизни и действия. Она обладает живым и, несомненно, любознательным умом. Это был воск, из которого можно было лепить всё что угодно — и хорошее, и дурное.

Отец её, Кучук-эффенди, с малых лет заменил ей умершую мать. С тех пор он жил холостяком. Отчасти это объяснялось кочевым образом жизни купца, отчасти некоей таинственной миссией, навсегда связавшей Кучука по рукам и ногам. Саиде постоянно внушалась мысль о необычайной доле, уготованной ей судьбою. Она не умела ни писать, ни читать, но душа её была подготовлена для восприятия самых диких идей. На умело взрыхлённую почву полился яд бредовых мечтаний, которым, как бездонный сосуд, был полон её почтенный отец.

Очень трудно угадать, где предел человеческого тщеславия, где оно кончается, и где начинается настоящее безумие. И то и другое развивалось у Кучука исподволь, и зараза эта шла из султанского дворца, где в тиши сераля и под плеск фонтанов созревали коварные и жестокие планы, направленные против соседних государств и народов.

Кучук обратил внимание на свою дочь — не без посторонних советов — и сделал из неё отличную приманку. Это была деловая сделка с совестью. Дочь превратилась в покорное орудие лазутчика, и, к её собственному удивлению, эта роль пришлась ей по нраву. Заражённая религиозным фанатизмом, обуреваемая умопомрачительными планами, девушка вдруг вообразила себя одною из спиц в скрипучей колеснице султанской Турции. Отец и дочь поделили роли: он разит врагов Турции умом своим и коварством, а она — пленяя их своей красотой.

Саида с детства проявляла все признаки послушания и покорности. Её тщательно обучили искусству туалета в чисто турецком понимании этого слова. Она умела красить ногти особым способом, известным лишь в Аравии, да и то в каком-то отдалённом оазисе. Она владела секретом чернить брови, знала состав мазей, которыми некогда пользовались женщины Вавилона. Однако большинство этих секретов пока оставались ненужными, ибо восемнадцатая весна — лучшая в мире мастерица по части косметики, о чём красноречиво свидетельствовали восхищённые взоры молодого Даура Айба.

Он стоял у изгороди, играя концами шерстяного башлыка. По ту сторону забора находилась Саида. Утреннее солнце падало ей на затылок и, казалось, насквозь пронизывало её хрупкое тело.

Это было утро после грозной и внезапной бури, разыгравшейся ночью. И, как всегда в таких случаях, день казался особенно ярким и радостным. Небесная лазурь и зелень гор, синева моря и белые стены домов в такие дни спорят друг с другом своей свежестью, и природа, молодея, сбрасывает с себя добрые полтысячи лет.

Даур время от времени, словно невзначай, касается руки девушки своей грубой, как вяленая рыба, ладонью. Саида не протестует против такого открытого проявления нежности. И каждый раз, когда он прячет свою руку, боясь обидеть возлюбленную грубым прикосновением, она обращает к нему взор то лукаво-сердитый, то поощрительный. И он снова осмеливается повторить эту невинную проделку. Тогда улыбаются оба: она — дерзновенно, потворствуя ему, а он — виновато, как неопытный в любви человек.

Нынче Даур больше склонен к молчаливому выражению своих

чувств. Обычно оживлённый, разговорчивый в присутствии возлюбленной, он погружён в состояние созерцательности, словно разглядывает воду на дне глубокого-глубокого колодца. А девушка, как и тысячи её неведомых сестёр, требует слов и желает слышать голос влюблённого.

— Ты сегодня скучный, — говорит она капризно, как и подобает красотке. — И ничего про себя не рассказываешь.

— Мне приятно постоять возле тебя...

— Ты бледен, — продолжает Саида. — Ты плохо спал?

Даур утвердительно кивает головой.

— Почему?

Вот вопрос, которого всегда боятся мужчины. Лучше всего не доводить до него. Это «почему» обычно заставляет изворачиваться и лгать, с тем чтобы в конце концов во всём признаться...

Даур попытался взять себя в руки, решив на этот раз не уступать девушке и ни в чём перед ней не открываться.

— Почему? — повторила турчанка, учуяв мгновенную нерешительность молодого человека.

— Я почти не спал...

— Разве ты вчера не был свободен от службы?

— Страшная буря... — начал Даур так неуверенно, что и младенец уличил бы его во лжи.

Тогда, ради ускорения допроса, Саида прибегла к простому, но испытанному веками приёму.

— Я знаю всё, — заявила она твёрдо. — Эта девушка живёт за рынком...

И она уронила голову на руки, и плечи её судорожно дрогнули — одно из чрезвычайных происшествий в любовных сценах.

Даур опасливо оглянулся вокруг. «Какой позор, — подумал он, — сжали кто-нибудь застигнет меня с плачущей девушкой. Что скажут люди?» И этот крепкий человек, не ведавший страха, вдруг размяк от двух капель женских слёз.

Теперь вы сами, друзья мои, можете убедиться в том, что достоинства мужского характера Даура были не только не полными, но имели весьма существенную брешь. Дело заключалось не в том, что молодой человек был чувствителен к женскому полу, а в той наивности, которая, если, не дай бог, разрастётся, превращает мужчину в тряпку, — это состояние презирают, в первую очередь, сами женщины.

— Саида... перестань, Саида, — сказал Даур, всё ещё озираясь, как преступник. — К нам неожиданно-негаданно явились гости... Гости из самой Турции.

Саида продолжала вздрагивать.

— Как ты думаешь — кто? Сам княжич Аслан. И с ним ещё молодой турок...

— А ты меня мучил, — проговорила девушка, осушая глаза кончиком кисейной шали.

— Как тебе идут слёзы! — воскликнул очарованный Даур.

Но этот взрыв лучших чувств не произвёл большого впечатления на Саиду. Она спросила:

— Зачем он приехал?

Этот деловой тон несколько смутил Даура.

— Я спрашиваю потому, что... — спохватилась Саида, — потому, что всё это волнует тебя.

— Что правда — то правда, — ответил Даур просто, — каждый человек, любящий свою страну, не может теперь не волноваться... Он должен волноваться, если он мужчина.

— И он разговаривал с тобой?

— Кто? Княжич?

— Да.

— Мой отец и я уполномочены посредничать между ними, — не без гордости проговорил Даур, кивая в сторону крепости. Девушка поняла его. Молодой человек продолжал: — Я уверен, что их удастся помирить. Аслан уже не тот Аслан. Он стал шёлковый. Наконец-то кончится глупый раздор. Князя Маршаны и Диапш-ипа лопнут от злости. И поделом им! Родина есть родина, и никому... — Даур угрожающе повторил: — никому не дозволено превращать её в игрушку!

Саида положила руку ему на плечо. Даур продолжал с воодушевлением:

— Каждый человек любит мать, отца, любит сестёр и братьев. Он берёт себе жену и делает её хозяйкой своего сердца. Но над всеми близкими и дорогими, над всеми родными и бесценными, словно Эльбрус, высится одно великое чувство: любовь к родине. Безграничная любовь! Мать обидишь — она простит. Жена смирится перед раскаявшимся супругом. Но родина ничего не простит, она запомнит и доброе, и худое — тем и прекрасна она!

Молодой человек весь преобразился. Исчезла несловоохотливость. Казалось, дай ему крылья — и он взлетит. Он говорил то, о чём искренно думал, во что свято верил... Даур стиснул кулаки, точно в них были зажаты души всех его врагов. Куда испарилась нежная сосредоточенность? Слова его звенели, как медь, в груди его клокотал вулкан...

Девушка прижалась щекой к его руке и прошептала нежней родниковых струй:

— Хороший, хороший...

Может быть, ничего более обидного не говорили женщины, чем два простых слова, произнесённых в эту минуту, два слова, лицемерных до предела. Молодой человек в слепоте своей ничего странного в них не заметил. Он чувствовал себя на седьмом небе, и с тех заоблачных высот мир казался ему добрым, весёлым, а мелкие земные страсти уступили место возвышенным, воплощением которых, разумеется, являлась Саида... Вот вам результат той слепой любви, о которой я вам говорил.

Взгляните на эту пару. Я знаю, что вы скажете о девушке: это красивый, но ядовитый цветок... Посмотрите, как она ласкается к нему, как прячет от него глаза, в которых нет и намёка на любовь... Да, это цветок ядовитый и опасный.

Каков же её духовный мир? — спросите вы. Что заключает в себе это привлекательное существо? Надобно заметить, что, несмотря на свои восемнадцать лет, Саида обладала вполне сложившимся характером. У неё были свои определённые житейские взгляды и, если угодно, определённая жизненная цель. Прохладные покои сералей уже не привлекали молодого воображения. Треволнения, вызванные небезопасной специальностью её отца да и её самой, наложили свой отпечаток. Она научилась искусно лгать и притворяться, овладела искусством обольщения — одним словом, она при помощи отца сумела стать тем, что в народе именуется змеей подколодной.

Ей казалось — она в этом была совершенно уверена, — что вскоре должно случиться нечто такое, что потрясёт мир к большой выгоде для её страны. А после этого будут богатство и роскошь, мраморный дворец в Стамбуле и беззаботная, весёлая жизнь...

Пустые мечтания испорченной девчонки! — воскликнете вы. Нет, я этого не сказал бы. В конце концов, подобными бреднями жила вся правящая верхушка султанской Турции. Всем этим вздором начинил

мозг девушки её отец, терпеливо беседуя с нею из месяца в месяц, из года в год...

Саида всё теснее прижималась к Дауру. «Ты всё выложишь, мой миленький, — думала она. — Я-то сумею развязать тебе язычок»... И она обратилась к нему, как воплощённая кротость:

— Ну, Расскажи, милый, что произошло у вас.

Даур припомнил все подробности ночного происшествия, весь разговор с гостями, и обо всём этом он поведал Саиде. Она слушала его внимательно, не прерывая вопросами. А он не замечал, что творилось вокруг: ни солнца, поднимающегося всё выше и выше, ни людей, топчущихся на рынок, ни гусей, вперевалку идущих на болота и неистово гогочущих.

6. Купец

Представьте себе паука: он сидит в углу, сидит долго, неподвижно, уверенный, что жертва всё равно не минует его. Он ощущает дрожь паутинки, но не торопится...

Словно паук, сидит купец посреди четырёх стен, но всё его существо там, у изгороди, где дочь разговаривает с сыном рыбака. Каждое утро приносит какую-нибудь новость. Что услышит купец сегодня?

Перед Кучуком стынет чашка кофе. Из маленького, высокого, как в тюремной камере, окна льётся скупой свет. Окно на три четверти занавешено плотной материей. Всё устроено для того, чтобы надёжнее отгородиться от любопытных ушей и глаз: и дорогие ковры на стенах и на полу, и тяжёлые занавески на дверях, и это мрачное освещение.

Купец перебирает янтарные чётки, не попробовав вкуса любимого питья. Это невысокий плотный человек с едва заметным брюшком. Редкие волосы всегда прикрыты феской. На лице почти естественная деловитость, так необходимая торговому человеку. Ему за пятьдесят, он нетороплив в движениях. Если внимательно присмотреться к его глазам, то нетрудно заметить некоторое несоответствие между спокойной внешностью турка и огоньком, мерцающим изнутри. Этот огонёк порою разгорается весьма бурно, но купец отлично умеет во-время взять себя в руки.

Торговые дела Кучука — если это кого-нибудь интересует — шли неважно. Та часть grosсбуха, которая учитывала расходы, росла из месяца в месяц. Людям было не до шёлка, и купец терпел явные убытки. Другой бы на его месте давно прикрыл свою лавочку. Но дело тут поважней шерсти и шёлка. Расчётливый бог торговли давно уступил место в этой тесной лавчонке богу воинственному, и Кучук являлся купцом лишь постольку, поскольку над его головой висела солидная вывеска.

Роясь в событиях тех времён, знакомясь с деятельностью многочисленных купцов, вроде Кучука, нельзя не удивляться той наивности, с какой иные местные правители смотрели на верноподданных Гермеса. С провинциальной благовоспитанностью принимали такие правители у себя купцов и пригревали их под своим крылышком, пытались всячески понравиться этим иностранцам. Многим и в голову не приходила мысль, что заморские торговцы вместе с шелками и разными безделушками везут яд, действие которого рано или поздно ощутят не в меру гостеприимные хозяева. Жизнь беспощадна — она зло наказывает зевак. Но если человек, которому доверены бразды правления, почему либо не воспользовался своей властью и не сумел уберечь государственные интересы от врагов явных и, что ещё важнее, от врагов тайных, тот со-

вершил, по крайней мере, два тягчайших преступления: перед собственным народом и перед своими потомками.

В то время, о котором идёт речь, куриная слепота во многих внешне-политических вопросах была болезнью распространённой, и этой слепотой пользовались в своих тёмных целях различные люди вроде Кучука-эффенди и их высокие патроны. Рыцарские времена, когда врагом считался тот, кто закован в латы и сверкает копьём и мечом, давно миновали и уступили, пожалуй, главное место тайным — и оттого более опасным — козням. Турция подала примеры коварных и неожиданных ударов в спину, и тот, кто, ещё не испытав их, жил старыми иллюзиями, совершал тяжёлую и непоправимую ошибку. Мы с вами ещё увидим результаты гостеприимства, оказанного Кучуку-эффенди.

Купец получил некоторое образование в европейском смысле этого слова. В молодости плавал на английских купеческих судах, позже — на военном корабле, где обучался артиллерийскому искусству. Он познал — так полагал Кучук — мудрость Востока и коварство Запада и попытался соединить в себе эти два качества. Коммерческие способности развивались постольку, поскольку того требовала специальность лазутчика. Военные убеждения Кучука основывались на тактике бедуинов — стремительность, внезапность: «Подул самум, убил всё живое и исчез так же мгновенно, как и появился». Все неудачи турок на Черноморском побережье купец относил за счёт недостаточно решительных действий в отношении горцев. «Они ещё продолжают жить! — восклицал Кучук. — Они живут нам на позор!» Теперь, спустя полтора столетия, мы можем с уверенностью сказать, что это не было частным мнением одного шпиона, но программой султанской Турции, программой, проведённой в жизнь с необычайной жестокостью во второй половине прошлого века.

Политические вождения Кучука выросли из мечты о великой Турции, лежащей в гигантском многоугольнике, охватывающем Кавказ, Персию, бассейны рек Евфрата, Сыр-Дарья и чуть ли не Ганга, — Турции, которой суждено поработить и юго-восток Европы, и северные районы Африки. В долгие часы безделья, когда в мангал подсыпалась душистая смола и весело булькала вода в кальяне, мечты о великой Турции не казались неосуществимыми. Напротив, думалось, что наступила пора для величайшей военной и политической комбинации, вдохновляемой Францией, пора, которая положит конец черноморской мощи России и приблизит к ней вплотную с юга неодолимого врага — великую Турцию... Надо, говорил Кучук, чтобы все, до последнего турка, прониклись этой священной идеей и отдали себя ей на служение. Что касается самого Кучука — он принёс в жертву этой идее всё: и себя, и дочь, и своё будущее, тем более, что служба на этом поприще давала ему верный заработок...

Вошла Саида — словно невидимые руки внесли подснежник.

Она уселась на ковёр. Отец наклонил голову — дескать, готов слушать. Она передала отцу весь разговор с Дауром... Нет, это не был живой девичий пересказ. Саида скорее докладывала, обдумывая слова и выражения, подбирая наиболее короткие и точные — так приучил её отец. От неё не требовалось ни мнения, ни выводов — всё это делали за неё. В её обязанности входили также и ответы на вопросы.

Кучук отставил кофе в сторону, задумчиво повёл бровью и спросил:

— Куда, говоришь, торопился он, дочь моя?

— В крепость. Там ждёт его отец, старый рыбак.

— Как долго он простоял с тобой?

— Полчаса, — отвечала девушка.

Турок немного помолчал.

— Не так уж много для влюблённого,— заметил он. — Они, ты говоришь, известят князя о прибытии его сына?

— Да, так он сказал.

— Они очень довольны? Они рады примирению?

— Очень.

— Так. Твой возлюбленный, как я понимаю, хорошо относится к князю.

— Он предан ему душой и телом.

— Он говорил тебе об этом?

— Он это твердит без конца.

— Что именно?

— Он боготворит князя.

Турок покрутил длинный ус.

— Очень жаль,— буркнул он. — Ему следовало бы боготворить свою возлюбленную. В его возрасте это вполне естественно... Он с тобой откровенен?

— Мне кажется, что да.

— Что он ещё говорил?

Саида вскинула глаза к потолку, постаралась припомнить, что ещё говорил Даур.

— Больше ничего.

— Так,— сказал турок и скрестил руки на груди. Он приготовился к чтению обычной морали, которая следовала после каждого соприкосновения юной дочери с внешним миром. Это была почти молитва, обращённая в пространство и, будто между прочим, прочитанная при Саиде. Кучук говорил: — Слаб человек, он очень слаб. Он обязан постоянно следить за собой и, рассчитывая каждый свой шаг, неустанно спрашивать себя: кто я, зачем я здесь, какова моя обязанность? Без этого человек теряет веру и забывает свою обязанность... Твой отец с детского возраста задавал себе эти вопросы, и они помогли ему дожить до нынешних лет. Мы — маленькие рабы великой нации и послушные исполнители великой воли. Над сонмищем людей и народов, дочь моя, гордо высится, словно снежная вершина, один народ, и этот народ — мы, турки. Наш народ может и должен достичь почти невозможного. Он пройдёт, если будет в этом нужда, по трупам врагов своих от Кавказа до Индостана. Это будет победный марш. И наша борьба на Чёрном море и наш с тобою скромный труд — это только начало грядущей битвы... Слышишь, дочь моя? — Кучук вдруг перешёл на прерывистый, хриповатый шёпот: — И если будет угодно аллаху, мы умрём во имя этой великой битвы! Слышишь, дочь моя?

Да, Саида всё слышала.

А на дворе занимался тёплый весенний день. А на дворе лился бесконечно добрый солнечный свет. А на дворе сновали горожане, трудолюбивые, вечно чем-то озабоченные. А на дворе шла весна, радуя весь мир собою... И эта мрачная комната, тёмная в яркий день, и чёрный заговорщик со своей верной сообщницей, и чёрные замыслы, высказанные вслух, ещё сильнее оттеняли то прекрасное, чем был полон живой воздух этого дня и что, казалось, навсегда пришло на землю.

7. Владетельный князь

С небес на землю льётся теплынь, льётся не менее щедро, чем вчерашний ливень. Море угомонилось. Желтоватые волночки лениво катятся по бухте, едва покачивая небольшие корабли. Мир, кажется, стал

ещё шире и выше. Только лужи и грязь на городских улицах оживляют в памяти вчерашнюю непогоду.

В княжеском дворе все поднялись. Няни потчуют завтраком малолетних. Самого меньшого княжича пытаются убаюкать — он плохо спал этой ночью, беспрерывно плакал. Кормилица поёт ему колыбельную, которая, впрочем, не оказывает на малыша большого воздействия — он продолжает плакать. Тогда песня раздаётся громче, она уже слышна во дворе:

Мчится конь, мчится конь, мчится конь,
Храбрый витязь на коне...
Этот витязь ты,
Ты летишь ко мне, ты летишь ко мне...

В дальнем углу двора отдыхают крестьяне. Одни — из Дала, другие — из Гудаут, третьи — из Гагр. Тяжёлые каплуны, козлы, многочисленные круги свежего сыра, мёд в бурдюках — атрибуты, призванные засвидетельствовать почтение владельческому князю, — давно приняты расторопными парнями, дворцовыми служителями. Обувь и полы черкесок испачканы грязью самого различного цвета: рыжая грязь — с гор, коричневая — из Гагр, чёрная — с Кудора. Крестьяне приводят в порядок одежду и обувь: кто чистит сапоги, кто латает черкеску, кто обсыхает на весеннем солнце. Каждого из них, словно черви, точат различные горести. Одного беспокоит отсутствие дров из-за самоуправства княжеских надсмотрщиков; другого волнует земля, незаконно отнятая Маршанами; третьего одолели притеснения князей и дворян, доводящие народ до иступления. Словом, рот у каждого полон жалоб, только разреши раскрыть его — горькие слова посыплются сами собой.

Крестьяне прислушиваются к песне. Они шли всю ночь, промокли, устали. Под такую песню да на таком тёплом солнышке недолго и задремать...

— Хороша, проклятая, — добродушно говорит Темур из Дала. Он сладко потягивается и с трудом удерживается, чтобы не зевнуть.

Темур ростом в сажень, сухощав — одни кости да жилы. Кинжал у него огромный, подстать росту — настоящая шашка. На черкеске латка на латке — дай бог столько здоровья каждому! Глаза узкие и насмешливые, нос тонкий и острый — таким носом, смеются горцы, землю бы пахать. Знал бы князь Маршан, где сейчас Темур, — с ума бы сошёл от злости. Но Темур не унывает. «После бури наступает погожий день», — любит он повторять. Жизнь в горах, жизнь, скажем прямо, трудная и бедная, научила его трезво смотреть на всякого рода беды, обрушивающиеся на крестьянина, как снежная лавина.

Темур собрал крестьян вокруг себя и плетёт бль-небылицу: надо же скоротать время.

— Не хнычьте, — говорит он, — хныканье здесь не в цене, за него не дают мамалыги.

— Зачем ты сюда явился? — спрашивают его.

— За землёй.

— И ты её получишь?

— Я? Вот увидите!

Темур кажется чересчур хвастливым. Но ему начинают верить. Этот неудачник никогда не унывает.

— Послушайте, — говорит он шёпотом, словно по секрету, — надо уметь пролезть и в игольное ушко. Вы сейчас увидите, что я сделаю с Маршанами. Келеш с ними на ножах. Дай ему кровь Маршанов — он выпьет её, как вино. Они хитры, но и я не дурак.

Согум из Гудаут оглядел Темура с головы до ног и многозначительно сказал:

— Ты очень хитёр, Темур из Дала.

Темур почесал затылок, пересчитал латки на своих ноговицах, на которые смотрел Согум, но не сдался.

— Считайте, что земля у меня в кармане, — сказал он убеждённо.

Вот на крыльце показался князь. Он в долгополой черкеске из тонкого коричневого сукна. Гозыри золочёные, от них идут золотые цепочки, сходящиеся лучами у левого и правого плеча. Это среднего роста старик, на вид крепыш: худощавое, энергичное лицо, нос с горбинкой, сероватые глаза, насторожённые, как у сокола. Волосы светлые и редкие, борода и усы могли бы быть и подлиннее. Он кажется уверенным в собственных силах. Князю положено быть уверенным в своих силах. Какой же это князь — без гордой осанки? Не ступать же князю опасно, как по шаткой половице? В его походке должны чувствоваться мощь и благородство. Пусть душа его полна тревог и сомнений, но для подвластных ему людей он — олицетворение мужества и непобедимости... Впрочем, у Келеша хватало ума, чтобы умеренно пользоваться этими правилами, кажется вычитанными между строк у автора «Князя», пресловутого Макиавелли.

Род Келеша — древний и знатный, прямая ветвь владетельных князей. Однако родовитость пращуров не всегда подкреплялась реальной силой. Течение жизни так непостоянно! Семейные предания сохранили память и о таких предках, которые с трудом держались на ногах, теснимые и обижаемые недругами. Помнили о них и Маршаны, и Диапш-ипа, и память эта разрешала им дерзить князьям Чачба, и порою даже открыто соперничать с ними.

Сознательная жизнь Келеша началась с явных неудач фамилии Чачба. При жизни его родителя некоторые князья вовсе распоясались. Каждый мнил себя царьком в собственных сёлах и действовал по своему усмотрению. Турки поддерживали, больше того, разжигали бунтарские настроения князей, только в одном случае признавая подлинное единение — при выплате дани султану. Для более точного и полного воздействия на старого владетельного князя молодой Келеш был увезён в Турцию, по-существу пленён. При дворе султана ему пытались создать сносную жизнь, но горечь плена так и осталась горечью, как ни старались подсластить её турки. Когда умер старый Чачба, турки торжественно водворили Келеша в Сухумской крепости, доверив ему, таким образом, маленькую, но спокойную страну.

Князь в своё время достаточно рассмотрелся на прелести турецкого эдема. Он хорошо знал изнанку внешне благопристойного султанского двора, достаточно уяснил себе звериную политику янычаров, политику, от которой никто из соседних народов не мог ждать ничего хорошего. Он познал действительную цену словам и делам султана, его вероломство и, порой, примитивную хитрость, которая скорее подстать базарной торговке; князь познакомился с продажностью вельмож, боготворивших чистоган. Человечеконавистничество проповедовалось там откровенно. «Турция призвана господствовать над большей частью мира», — твердили во всех дворцах и мечетях. Князь наслушался болтовни о всемогуществе Полумесяца. Во всех угрозах по адресу соседних государств и в бесконечном самовосхвалении содержалось ничем не прикрытое раболепное преклонение перед английской короной и восхищение французской державой. Умный князь имел возможность более или менее точно оценить действительную мощь султанской империи и её аппетиты, несоразмерные с возможностью их удовлетворения.

Одним из первых актов Келеша по возвращении на родину был отказ от уплаты дани турецкому султану. Этот шаг владетельного князя вызвал бурное одобрение горцев-крестьян. Князь приобрёл в глазах народа ту популярность, которой так недоставало его предкам, гнувшим спины перед янычарами. Келеш руководствовался основным положением, непререкаемость которого для него была совершенно очевидной: сопротивление турецкой экспансии, сохранение возможно большего числа людей в этой неравной борьбе и поиски верных защитников.

Для соответствующего внушения султан направил в Сухум военную флотилию. Князь бросил клич о помощи, и за короткое время в город прибыло до двадцати пяти тысяч вооружённых всадников. Эта сила, в сочетании с русским фрегатом, не сулила туркам ничего хорошего, и они повернули вспять, к полному удивлению многих тайных агентов.

Почти все князья проявили в эти дни редкую сплочённость под руководством Келеша. Исключение составляли Маршаны и Диапш-ипа: первые — из вражды к Келешу, поощряемые тайными посулами султанского двора, вторые — из безрассудной заносчивости, толкавшей их на соперничество с владетельным князем. «Мы сами с усами, мы сами с бородами», — любили шутить князья Диапш-ипа. К несчастью своему, они забывали при этом о цирюльнических способностях Келеша. Словом, больше всех ершились эшерские Диапш-ипа. Для владетельного князя это было хуже занозы в боку. Он серьёзно призадумался — и решил... Но об этом после.

Знаменательным отступлением турок было поколеблено народное представление о силе исконных захватчиков. Князя Келеша полюбили. В нём воочию увидели героя, не убоявшегося всемогущих янычаров. Сердца людей наполнились радостью, когда в один прекрасный день обнаружилось, что не так уж страшен враг, что есть средство борьбы и против султана. Всё это почиталось за чудо. Судите сами: князь маленькой страны, действуя наперекор султанской воле, остался цел и невредим, его не поразили ни гром, ни молния, его не взяла и хворь, а напротив — он поздоровел, продолжая жить да здравствовать на зло янычарам.

Многие с трудом верили в это чудо, с трудом постигали тайну уязвимости турецких захватчиков. Но тот, кто с оружием в руках однажды посмотрел янычару в глаза, посмотрел и не дрогнул перед злодеем, но храбро снял с него башку; тот, кто держал, готовясь к схватке с врагом, порох сухим, — познал непобедимость народной мощи и по достоинству оценил жестокое, беспощадное, а в сущности трусливое нутро янычаров.

8. Крестьянская просьба

Завидя князя, крестьяне живо поднялись со своих мест. Согнув правую руку в локте и подняв сжатый кулак, они торжественно приветствовали властителя. Князь окинул их пытливым взглядом. Он осмотрел гостей так, как осматривают клячу, случайно затесавшуюся среди быстроногих скакунов. «И откуда такие берутся?» — подумал он.

Странное смешение являли собою гости. Тут были и высокие, худые, как жерди, были и малорослые, но тоже тощие, с тонкими, как у комаров, талиями; у одних — лица жёлтые, как высушенный бычий пузырь, у других — красные от загара, с облезавшей кожей; были — одетые прилично, были — и в сильно поношенных, латаных черкесках. Один из гостей оказался хромым — он притащился откуда-то вёрст за сто в поисках правды, не жалеючи последних лохмотьев своих.

— Что вас привело ко мне? — спросил Келеш сиплым голосом: он простудился третьего дня.

Так как он обратился сразу ко всем, никто не решался отвечать. Крестьяне молча переминались с ноги на ногу.

— Ну, скажем, ты, — указал князь на ближайшего из гостей. — Кто ты?

— Темур из Дала, великий князь.

— Что беспокоит тебя?

Темур осмотрелся вокруг, точно ища поддержки.

— Великий князь, — начал Темур, поклонившись, — да перейдут на меня все твои недуги! Несчастный Темур имеет к тебе превеличайшую просьбу... Я из самого Дала...

— Стало быть, ты от Маршанов? — перебил его раздражённо князь.

— Да проклянёт господь весь этот род! — произнёс Темур, угрожающе поднимая правую руку.

Князь удовлетворённо тронул свои усы.

— Продолжай, — сказал он мягче.

— Эти шакалы вовсе замучили людей. Не бывает и дня, чтобы они не выкинули какую-нибудь подлость. Волк, и тот имеет запретные дни, когда он не ест мяса. Но нет ничего запретного для нашего князя. У меня была земля, великий князь. Я получил её от отца, а отец мой — от деда моего, а дед — от прадеда, прадед — от прапрадеда, а прапрадед — от прапрапра...

— Довольно, — перебил князь. — Что ты хочешь сказать этим?

— Моя речь, — продолжал Темур, — недостойна того, чтобы тревожить твой слух. Но я вынужден прибегнуть к твоему заступничеству. Человек молится богу, когда у него душа пуста. Он обращается к своему князю, когда у него пуст желудок. Однако, как говорится в народе, душа человеческая в желудке. Значит, ты, наш князь, — наш бог.

Келеш вдумался в хитроумную мысль сухошавого Темура из Дала, попытался определить, чего больше в ней: скрытой насмешки или святой наивности. Князю не понравилась ссылка на прапрадедов. Претензия на земельную собственность, высказанная совершенно недвусмысленно, неприятно резнула ухо. Если на минуту согласиться с доводами Темура из Дала, если поддаться враждебности к Маршанам и стать на сторону этого крестьянина, взгляды которого на землю весьма определённые, то может наступить время, когда волей-неволей придётся выслушивать ещё каких-нибудь умников из Гудаут или Кодора, где нет князей Маршанов, но имеются князья Чачба. Что тогда ответит Келеш?..

Так думал князь. И в этом нет ничего удивительного. Это был самый обыкновенный помещик, и он не мог думать иначе...

— Продолжай, — сказал неохотно князь Темуру из Дала.

— Просьба моя будет такова: определить раз и навсегда, что земля, которую пашу я, которую пахали мой дед, мой прадед, мой прапрадед и — да перейдут на меня все твои недуги, князь! — мой прапрапрадед, принадлежит мне, и чтобы Маршаны не смели вытеснять меня.

Князь обвёл взглядом лица крестьян, точно в каждого целился из кремнёвки. «Хитрец, — сказал про себя князь, — он решил поиграть на моей неприязни к Маршанам и вырвать решение, которое завтра же обратится против меня. Эти люди готовы воспользоваться любой оплошностью с нашей стороны, чтобы извлечь для себя выгоду». И князь решил проучить дерзкого Темура. Он обратился к нему весьма строго:

— С каких это пор у тебя, Темур из Дала, завелась собственная земля?

— С каких пор? Боже мой, я же говорил тебе, великий князь, что на ней пахали мой дед, мой...

— Знаю, знаю,— оборвал его Келеш. — Что же из этого?

Темур попросту обомлел, у него запал от неожиданности язык, и он вытаращил глаза.

— Видишь? — заметил князь. — Тебе даже нечего сказать.

— Да перейдут на меня все твои недуги, — промолвил, наконец, крестьянин, делая вид, что готов броситься на колени перед князем. — Ежели все мои деды жили и умирали на ней — чья же она, как не моя?

— Княжеская, — последовал ответ краткий и ясный.

— Маршанов?

— Да, — был ответ.

— Это моя-то земля?

— Она самая, — был ответ.

— Я из Дала, — выговорил Темур чётко, словно напоминая о том, что его притесняют именно Маршаны, заклятые враги Келеша, а не кто-нибудь другой.

— Будь хотя бы из ада, — сказал князь резко, — это не меняет положения. Я насквозь вижу вашего князя, но я справедлив. Князь есть князь, а раб есть раб.

— Однако я не вижу рабов, великий князь, — энергично возразил Темур.

— Как так не видишь? — глаза у князя сверкнули недобрым огнём. Крестьяне понурили головы. Лишь один Темур не сдавался.

— Истинно говорю, великий князь, я не вижу рабов. — Темур обращается к своему соседу слева: — Послушай, ты считаешь себя рабом?

— Нет, — отвечает маленький, тщедушный крестьянин.

— А ты?

Сосед справа нерешительно выговаривает:

— Я? Нет.

— Видишь, князь? Мы вовсе не рабы.

Эта капля переполняет чашу княжеского терпения. Келеш тербит бороду, не спуская глаз с Темура. Это очень неприятно, когда князь сверлит кого-нибудь своим взором.

— Послушай, Темур из Дала, — говорит он негромко, но со злобой, — ты немедленно уберёшься и явишься к своему господину с повинной. Это говорю я, Келеш... — Князь кидает в толпу, словно стрелы, колючие взгляды. — Если и у вас такие же просьбы, то следуйте за Темуром из Дала. Слышите?

Темур норовит что-то сказать, но князь грозит ему пальцем, и у того окончательно пропадает охота разговаривать.

— Слышите? — гневно повторяет Келеш.

Тогда из толпы выступает вперёд Согум, Согум из Гудаут. Это среднего роста мужчина, неладно скроенный, но с большим достатком телесной и духовной мощи. Голова его увенчана копной непокорных волос, борода короткая, жёсткая, словно её смастерили из колючек. Глаза живые, задорные. Говорит он отрывисто, слова цокают, словно подковы на мостовой:

— У меня совсем иное дело, великий князь.

— Кто ты?

— Я — Согум из Гудаут.

— Не слышал о таком...

И, точно не желая терять времени, Согум выпаливает скороговоркой:

— Все мы любим свой очаг и ненавидим врагов. Поэтому и пришёл

к тебе. Земля, разумеется, дело очень даже нужное. Но нынче меня занимают враги...

— Кто?

— Враги.

— Чьи враги?

— Мои и твои.

— Не понимаю, — буркнул князь.

— Я следую по пятам за одним чужеземцем, который пьёт кофе с купцами... говорят, он — француз...

— И что же? Тебе тоже захотелось попить кофе?

Согум подошёл поближе и прошептал:

— Все они лазутчики, великий князь.

— Что?

— Я хочу предупредить... Эти купцы...

Князь сплюнул всердцах.

— Чёрт возьми! — вскричал он. — Вы что же это, решили меня учить уму-разуму? Занимайтесь своим делом, а о прочем позаботятся другие...

— Эти купцы... — продолжал было Согум.

— Что купцы?! Может быть, ты думаешь сам торговать?

— Нет, не думаю.

— То-то же... Ну, счастливого пути вам!

Крестьяне, как говорится, не солоно хлебавши, поворачивают к воротам и медленно уходят, словно побитые. Некоторые недоуменно пожимают плечами, дескать, какая-то ошибка вышла: ведь не может вот так разговаривать великий Келеш, ненавидящий турок пуще чумы. Крестьяне оборачиваются, чтобы убедиться, действительно ли с ними разговаривал Келеш, тот самый Келеш, или...

Увы, друзья мои, это был тот самый Келеш!

9. Приятная неожиданность

Князю доложили, что его ожидает русский офицер.

— Откуда он? — спросил Келеш.

— Только что с корабля...

— А корабль?

— Это «Гавриил», он только что бросил якорь...

В зале, обставленном более чем скромно, князь застал офицера. Тот стоял спиной к окну, и князь, щуря глаза от яркого света, не сразу признал его.

— Лейтенант князь Мелецкий, — напомнил о себе гость.

— Ах, лейтенант! — обрадовался князь. Он взял гостя под руку и усадил в жёсткое и не очень удобное кресло с высокой спинкой. — Забыли нас, совсем забыли. Нехорошо так. Когда же вы были в последний раз? Год назад. А я вас ждал, признаться, и письмо заготовил... ещё одно письмо...

— Служба, ваше сиятельство. Человек я, можно сказать, подневольный...

Лейтенант был одним из тех, кто пренебрёг преимуществами своего сословного положения и сменил блеск петербургских балов на опасности морской службы, жизнь спокойную и размеренную — на постоянную угрозу вражеских пуль и тропической лихорадки, не менее грозной, чем пули.

Надобно вам заметить, что Черноморский бассейн даже в годы мира напоминал настоящий театр военных действий. Турецкие адмиралы

пользовались любым удобным случаем для коварных нападений на русские суда. После каждого такого нападения следовали лицемерные извинения из Стамбула. Однако за словами, подчас льстивыми, скрывалась тайная угроза: Дарданеллы являлись крупным козырем в руках турецких пашей, и они его пускали в ход при каждом удобном случае, ибо английские или французские корабли (в зависимости от обстоятельств) сновали в Эгейском море, как у себя дома, и могли свободно пользоваться Дарданеллами. На открытые турецкие провокации часто приходилось отвечать крайней сдержанностью, приводившей русских матросов в ярость. Предметом главных тревог Петербурга была Европа, поработённая Наполеоном. Никто не знал предела вожделений французского императора. В этих условиях Чёрное море и дела, связанные с ним, отодвигались на второй план, хотя и временно, ибо южная проблема представлялась чрезвычайно важной для быстро крепнущего государства российского... Вот почему война против Турции сейчас всё ещё протекала вяло...

Глаза цвета вороного крыла и пышные чёрные волосы придавали внешности офицера бурный, южный колорит. Но, к его глубокому сожалению, кожа не принимала загара, и лицо продолжало хранить бледноматовый цвет, приобретённый под тусклым северным небом.

Келеш тотчас обратился к теме, которая его более всего волновала. Речь шла о сравнительно давнишнем предложении, направленном в Петербург: смертельная турецкая угроза вынуждала Келеша просить покровительства — военного и политического. Ответ чрезвычайно запоздал, и князь сомневался, дошло ли его письмо по назначению.

— Ваше сиятельство, — сказал лейтенант, — письмо ваше вручено мною лично его превосходительству де Ришелье, губернатору херсонесскому и екатеринославскому. Насколько мне известно, император весьма благосклонно отнёсся к вашему предложению.

— Из чего это видно? — спросил нетерпеливый князь.

— Я пред вами, ваше сиятельство.

— Вы привезли мне ответ?

— В некотором роде — да.

Келеш встал, несколько раз прошёлся по залу, пытаясь утихомирить охватившее его волнение. Казалось, юношеская живость овладела им, и он позабыл о своих годах. Наконец, князь подошёл к лейтенанту, который быстро поднялся навстречу хозяину.

— Письмо при вас?

— Ваше сиятельство, приказано ответ передать на словах.

Князь посерел, нижняя губа на мгновение отвисла. Он расстегнул ворот шёлкового архалука и в раздумье снова прошёлся до окна. Постоял там немного, поглядел на весеннее солнце, показавшееся хмурым и недобрый, и сказал хрипло, не поворачивая головы:

— Что вам велено передать, лейтенант?

Лейтенант сделал несколько шагов, остановился позади князя. Он говорил, по-военному отчеканивая слова. Дело в том, что император согласен покровительствовать князю и его стране. Император готов в подходящий момент оформить принятие в подданство российское всего народа. Однако официальная сторона дела не может быть разрешена так просто. Надо набраться терпенья, надо повременить. Князю, должно быть, известно, что Наполеон деятельно готовится к походу. Кто поручится за то, что Австрия или Пруссия — конечная цель Наполеона? Французы слишком задрали носы, они видят мир не таким, каков он есть на самом деле, а каким им хотелось бы его видеть. Мир

по-наполеоновски — это порабощённая Европа. При таких обстоятельствах, разумеется, нежелательно портить отношения с Турцией... Во всяком случае, княжеская просьба будет уважена...

— Я полагаю, — заметил князь, — что этой просьбой я выразил чаяния всего народа нашего... Но где доказательства, что она будет уважена? И когда именно это произойдёт?

— Пока только мои слова, — проговорил лейтенант, отлично понимая, как мало значат слова в этом мире, полном сомнений и коварства.

— Ни для кого не составляет тайны, — сказал князь, оживляясь, — что наша борьба, равно как и наша просьба — всего-навсего эпизод, к тому же небольшой, в делах мирового масштаба. Я добиваюсь одного: я хочу, чтобы нас верно поняли. — Князь подкрепляет каждую мысль выразительным жестом. — Когда поток вертит мельничное колесо и отлично справляется с этой работой, очень хорошо! Но кто же станет сетовать на то, что в речку вылили ещё один кувшин воды? Нет, такого мельника я пока не встречал. Мне кажется, — продолжал князь, всё более оживляясь, точно отхлёбывая глотками крепкое вино, — мне кажется, что в Петербурге не совсем точно оценивают турецкую мощь. Отнимите у янычаров уверенность в иноземной помощи, сбросьте со счетов французских офицеров, обучающих турецкую армию, — и вы увидите, что от Великой Порты останутся, как говорят русские, рожки да ножки. Янычар опасен, когда против него стоит безоружный человек...

Князь говорил почти разъярённо. В нём возмущалась душа правителя, народ которого перенёс неисчислимые страдания и горе. Это были слова человека, который никогда не простит янычарам ни их разбоя, ни их набегов, ни столетнего ига, ни слёз, ни крови ни в чём не повинных жертв.

— Мы — маленький народ, — воскликнул князь, — и это по милости султанов. Они уничтожали нас поколение за поколением. Почему, спрашивается? — Он горько усмехнулся, прищурил глаза. — По-моему, по той же самой причине, по которой волк разрывает на части свою добычу. Характер такой, — добавляет он со смехом, раскатистым и молодым.

— Ваше сиятельство, это сущая правда.

— Я не знаю, поймут ли когда-нибудь английские и французские правители, что, явно или тайно поддерживая и натравливая турок на Россию, на нас, они совершают подлейшее преступление. Вонзивший нож в сердце — злодей. Но тот, кто отточил нож и вручил его преступнику, — злодей вдвойне!

— Совершенно справедливо!

— Чего желает вся эта компания? — Князь указал рукой за море. — Они не хотят, чтобы мы были с Россией, с Грузией. Мыслимое ли это дело?.. Замечу к слову, что мы считаем себя составной частью Российской империи с той поры, когда осуществилось присоединение Грузии к России. И всё же я считаю необходимым громогласно заявить о нашей просьбе. — Князь взял лейтенанта за медную пуговицу и сказал ему твёрдо: — Я не хочу, чтобы у наших врагов создавалось впечатление, что мы в чём-либо, хотя бы на волосок, расходимся во мнении с грузинским царём.

— Понимаю, ваше сиятельство.

— Мы могли бы просить покровительства и раньше, скажем, лет пять—шесть тому назад, но нам советовали не торопиться. Вот интересное письмо. — Князь вышел в соседнюю комнату и вернулся с листом бумаги. — Письмо от царя Ираклия. Послушайте, что он пишет

мне: «Главную цель твою я вижу в сохранении народа своего, дабы не ослаблять его напрасными потерями. Султан жесток, но правда с нами, и она победит, наша правда. Настанет день — и он уже близок, — когда братская рука России протянется к' вам на зло и на страх врагам нашим». Если спросите меня, то я отвечу: этот день уже настал.

Князь увлѣк лейтенанта к огромной карте Чѣрного моря, занимающей половину стены.

— Видите? Дарданеллы. Покуда здесь могут появиться английские или французские корабли, на Чѣрном море не было и не будет мира. Они подзадоривают султана на разные пакости, а султан запутался в своей собственной хитрости. И он непременно попадѣтся в силки, как глупый воробей. Так кончают всегда не в меру хитрые люди.

— По-моему, это случится и на сей раз.

Князь пожал лейтенанту руку.

— Вашими бы устами мѣд пить. Будем уповать на всевышнего, а тем временем не следует дремать и поддаваться угрозам султана. Мы не поддадимся! — сказал жѣстко князь. — Передайте об этом господину де Ришелье.. Кстати, — Келеш дружески подмигнул офицеру, — не скажете ли вы, почему в Одессе сидит именно де Ришелье?

Он сделал сильное ударение на последнем слове. Лейтенант пожал плечами: дескать, чѣрт его разберѣт — почему.

— Он, кажется, не в ладах с Наполеоном, — предположил Мелецкий.

— Будем думать, что де Ришелье (опять ударение) не разделяет мнений Буонапарте, — сказал князь весело и пригласил лейтенанта завтракать.

10. Решение

Известие о возвращении блудного сына князь, против ожиданий, воспринял внешне спокойно. Однако в душе его поднялась буря. Он попросил воды, сославшись на то, что с самого утра у него сохнет рот.

Келеш отпил несколько глотков, не спуская глаз со старого Бирама и его сына. Те держались почтительно, не смея присесть на указанные им скамьи.

И рыбак, и его сын отлично понимали всю важность происходящего. Примирение враждующих князя и княжича нанесло бы ещё один удар по туркам, ещё одно звено в цепи, откованной турками в течение столетий, дало бы трещину. Правило янычаров — «разделяй и властвуй» потерпело бы ещё один урон...

— Позови Батала, — сказал князь мрачно.

Турки считали Батала злым гением князя Келеша. Поговаривали, что именно он, Батал, действует на князя, возбуждая в нём дух непокорности и открытого бунтарства. Батал, якобы, одним своим видом внушает горцам ненависть к' янычарам. Ходили слухи, что Келеш умышленно приблизил к себе Батала, с тем чтобы постоянно иметь перед собою ужасное вещественное доказательство турецких зверств. Это, дескать, способствовало принятию многих княжеских решений, направленных против султана, и преодолению минутных слабостей человеческого сердца...

Верно, старый князь не всегда мог поручиться за своё сердце. Оно с годами старилось, и он часто опасался за его твёрдость. Но никому и в голову не могло прийти, что Келеш порою снедаем сомнениями. Он казался кремнѣм, которого ничто не берѣт. Однако дело заключалось не в минутной слабости воли или, как говорится, сердца, а в том, что в одних вопросах — это был большой человек, а в других — пигмей.

Надо полагать, что если человек, преданный делу воистину великому, не смог взять в руки своё сердце и сказать: «Вот моё сердце — оно принадлежит мне постольку, поскольку я служу великому делу, служу всечасно и безраздельно», — то такой человек всегда останется недорослем, в той или иной мере. Келеш совершенно ясно представлял себе звериную природу янычаров и боролся против них беззаветно. И эта ненависть к захватчикам правильно направляла его во внешней политике.

Батал вошёл осторожно, словно его поджидала за дверью какая-то опасность. Лицо его скрыто под шерстяным башлыком. Видны только глаза, сверкающие лихорадочным блеском. Лишённые бровей и ресниц, они пугают своей бесстрастностью. В одной из стычек с турками, лет восемь тому назад, Батала взяли в плен; его подобрали на поле брани полумёртвым. Когда он пришёл в себя, его стали пытаться. Это была просто забава: ибо что он мог сказать врагам? Что он их ненавидит? Что плюёт в глаза султану? Что готов всадить пулю в прислужников англичан? Нет, ничего приятного не мог сказать врагам храбрый Батал... Два взмаха ножа, кривого турецкого ножа — и упали на землю баталовы уши. «Вот свиные уши!» — крикнул янычар и бросил их в огонь. Настал черёд держать ответ ноздрям. Их вырвали крючками. А Батал сидел не шевелясь, молчал, проглатывая тёплую кровь. Тогда пошли в ход щипцы — они прекрасно вырывают брови вместе с кожей. Раскалённые куски железа оставили неизгладимый след на щеках. Обессилевшего Батала бросили в речку, но он остался жить, на страх своим врагам. Только в сорок лет Батал по-настоящему понял, что такое янычары. Только в сорок лет научился он ненавидеть врага всем сердцем. Долгие сорок лет, сорок потерянных лет! До того Батал всё ещё надеялся, верил, что имеет дело с людьми, правда — жестокими, но всё-таки людьми. Наконец, он понял...

Воистину жалок тот, друзья мои, кто не умеет разглядеть звериную сущность врага, пока не испытает всех вражьих зверств на собственной шкуре. Говорят, виденные очами головы стоит: дескать, дорого то, что увидел воочию. Но невелика цена голове, которая уповает только на глаза свои. Человеку дан разум, он должен видеть и то, что скрыто для глаз...

— Батал, — сказал Келеш, — сними башлык.

Батал покорно исполнил приказ. Бирам отвёл от него взгляд. Даур привык к этим изуродованным чертам и, как всегда, обругал в душе турок. Князь внимательно осмотрел всё лицо Батала, точно видел его впервые, и заскрежетал зубами.

— Батал, — проговорил Келеш, — Аслан просит прощения.

Батал посмотрел на Бирама и его сына весьма недоброжелательно. Он, казалось, заподозрил их в самой настоящей измене.

— Они просят за него?

— Нет, они выполняют поручение.

Батал решительно направился к рыбаку. Он подошёл к нему так близко, что Бирам слышал, как вырывается воздух из рваных ноздрей. Старик попытался отвернуться.

— Смотри на меня, — угрожающе проговорил Батал.

Рыбак увидел округлые, как у курицы, глаза. В них не было ничего страшного — одно горе. Ему показалось, что слёзы наворачиваются на изуродованные веки... У Бирама защемило сердце.

— Батал! — Князь поманил придворного пальцем, указал на место возле себя и, ковыряясь ножичком в деревянной пепельнице, продолжал: — Аслан прибыл из Турции...

— Как?! Он уже здесь?

- Да, здесь.
 — В этом доме?
 — Нет.
 — Его надо изловить и снять, по турецкому обычаю, с него голову, — сказал озлобленно Батал.
 — Ты думаешь?
 — Да! — воскликнул Батал.

Князь начал что-то объяснять ему вполголоса. Бирам и Даур отошли в угол, чтобы не мешать им. Поначалу князь не торопился, видимо говорил обстоятельно, обдумывая слова. В такт своей речи он постукивал ножичком по пепельнице. Но постепенно, должно быть слыша возражения Батала, он начал горячиться. Расстегнув архалук, князь откинулся на спинку кресла. Потом потянулся левой рукой к гусиному перу и стал его разглядывать со всех сторон.

Батал слушал князя очень сдержанно. Даур понял, что Баталу не очень-то нравились княжеские слова. Он бросал на своего властелина косые холодные взгляды, точно говоря: «Не туда ты гнёшь, князь, не туда».

Даур побаивался, что Батал испортит всё дело, помешает примирению. Мир с Асланом, мир хотя бы показной, был бы очень кстати... Однако что посоветует Батал Келешу? В крайнем случае выступит Даур. В конце концов, речь идёт не о каком-либо ущемлённом тщеславии — о целом народе, его судьбе. Нет, Даур не станет молчать!..

Снова заговорил князь. Отдельные слова долетали сюда, в угол большого зала. Батал слушал внимательно, казалось силясь понять что-то не очень для него понятное. Он часто вытирал рукавом черкески лоб, покрытый шрамами. Вдруг он выпрямился, затянул потуже пояс и щёлкнул о ножны рукоятью кинжала.

Князь говорил уже отрывисто, часто и глубоко вздыхая. Он хмурил брови, насупись. Келеш показал Баталу гусиное перо, покрутил им в воздухе и вдруг срезал конец ловким ударом ножичка.

Батал пришёл в восторг. Он оскалил в улыбке поредевшие зубы, быстрым движением нагнулся к княжеской руке и поцеловал её. А князь, должно быть довольный своим решением, так хватил кулаком по дубовому столу, что в окнах дрогнули стёкла.

— Очень хорошо, — процедил сквозь зубы Батал и ещё раз щёлкнул рукоятью кинжала, улыбаясь злорадно, точно демон.

Князь подозвал Бирама и Даура. Он сказал им:

— Идите и передайте моему сыну, чтобы немедленно шёл в свой дом. Он будет прощён, ибо заслужил это своим раскаяньем. Нынче же вечером я устраиваю пир в честь моего сына. Я приглашу всех знатных людей... Батал, — обратился князь к приближённому, — ты сам позаботишься о том, чтобы князь Саатбей Диапш-ипа прибыл ко мне. Я желаю, чтобы присутствовали и князья Маршаны. Торопись, надо известить и их... Бирам, ты отнесёшь Аслану мою золочёную шашку. Это мой первый подарок. Пусть он оденется так, как подобает княжичу. А всё, что есть на нём турецкого, предай огню. Слышишь?

11. Господин инженер

Вникая в дела и события тех времён, о которых идёт рассказ, удивляешься обилию миссионеров, ориенталистов, инженеров, этнографов, лингвистов и прочего солидного люда, упорно следовавших по пути древних аргонавтов. Внимание Западной Европы к Черноморскому побережью Кавказа и народам Кавказа на первый взгляд кажется уди-

вительным. Но знакомясь с участием в подобных изысканиях персонажей вроде парижанки Оммер де Гелль, кочевавшей по турецким сералам и берегам Чёрного моря, начинаешь понимать меркантильные цели непрошенных путешественников. Если учесть, что материалы так называемых научных экспедиций отсылались прямехонько в военные ведомства соответствующих стран, невольно задаёшься вопросом: куда же смотрели гостеприимные хозяева?

Сейчас нам предстоит встреча с одним из учёных изыскателей, которого пленил рельеф Черноморского побережья и который решил увезти с собой на память подробнейшую карту края...

В полдень деловая жизнь в Сухуме обычно замирала. Так бывало и зимой, и летом: зимой из-за непогоды, а летом из страха перед зноем. В такие часы лавочники — живучая и наиболее стойкая каста города — или сладко дремали, или прихлёбывали вино из глиняных кубшинов. Иные развлекались игрой в домино и изощрялись в грубых шутках на манер зеленщиков: зеленщики в этом отношении считались совершенно непревзойдёнными. Город в такие часы как бы погружался в сон. Только мухи, беспокойные южные мухи, роились около каждой свалки и липли к жалким витринам.

Сегодня день знойный. Вам должно быть ясно, что такое зной после обильного дождя. Это значит, что вместо воздуха вы дышите паром, с вас струится пот в три ручья, и лень шевельнуть даже мизинцем. И вот в такое-то время в лавке Кучука-эффенди, словно нарочно, чтобы помучить хозяина, торчат трое посетителей. Они перебрали почти все ткани: осмотрели шерсть, щупали шёлк, дивились нежной кисее, улыбались, глядя на дорогую парчу. Заплевали весь пол в магазине, а покупок не сделали ни на грош. Может быть, они просто-напросто скрывались от жары? Похоже на это, очень похоже!

Кучук изрядно повозился с ними. Юсуф — долговязый парень, нечто вроде приказчика — тоже попотел немало. Наконец, крестьян предоставили самим себе, и они не посетовали на невнимание купца, нет, они просто занялись разговорами и курением.

Двоих из этих покупателей мы знаем: это Темур из Дала и Согум из Гудаут. А третий — невысокий молчаливый человек — тоже один из тех, кто явился утром к князю в поисках правды.

Темур и Согум принялись обсуждать вопрос: кого надлежит считать виновным в кровной вражде между фамилиями Гунба и Нанба? Темур сказал: «Гунбу» — и привёл в доказательство массу доводов, словно высыпал их из башлыка. Согум сказал: «Нанбу» — и забросал Темура неопровержимыми фактами, увесистыми, как пудовые гири. А третий, до сих пор хранивший молчание, сказал:

— Во всём повинен Саатбей Диапш-ипа.

И это была правда. Князь столь умело поссорил эти две фамилии, что они почти начисто уничтожили друг друга.

— А ведь верно! — воскликнул Темур. — Виновник найден!

Тогда и Темур и Согум, как по уговору, обрушились на князя Диапш-ипа. Они поносили его как могли, ругали, что называется, на чём свет стоит.

В разговор вмешался Кучук, намереваясь поскорее выпроводить горе-покупателей. Он дал понять, что продолжать этот спор нет никакого смысла, раз обе враждующие стороны погибли в кровной расправе.

— Но есть третья сторона, — возразил Темур. — Мы считаем, что и этой не мешало бы последовать за теми двумя...

У турка волосы встали дыбом. «Упаси аллах, — подумал он, — чего

доброго, князь и обидеться может, если прослышит обо всём этом». И он сказал вслух:

— Мы — люди торговые. Наше дело — деньги, — и улыбнулся как можно учтивей.

Ему попытались возражать: дескать, человек, будь он аробщик, кузнец или купец, не должен открещиваться от чужого горя, дескать... Но в эту минуту вошёл важный господин в клетчатом костюме и странном головном уборе — в шляпе, которая была модной по тем временам в Париже.

— Прошу прощения, — сказал по-французски вошедший, — не этот ли магазин Кучука-эффенди?

— Он самый, — ответил купец тоже на французском языке.

— Прекрасно! Нет ли у вас хорошей диагонали?

Кучук подумал, покосился на крестьян.

— К вашим услугам.

Он кивнул головой Юсуфу, и тот вывалил на прилавок несколько кусков диагонали. Согум вышел из лавки, увлекая за собой своих товарищей. Они пересекли грязную улицу и остановились на противоположной стороне под тенью тополя.

— Анри де Симон, инженер, — представился француз, как только удалились крестьяне. Сняв шляпу, он обнажил гладкую, как зеркало, лысину. — Мы можем поговорить в укромном месте?

— Прошу вас, — сказал турок, указывая на занавеску.

— Нет, это неудобно. Дайте мне тот кусок. Станем подальше от дверей... Кто этот молодой человек?

— Это Юсуф, он умеет держать язык за зубами.

— У меня к вам письмо — заморское.

— Из Стамбула?

— Да.

— Это небезопасно, мсье. Где оно?

Кучук вскрыл пакет. Письмо гласило: «Сухум-Кале. Мануфактурный магазин Кучука-эффенди. От Мартина Керри. Прошу вас оказать содействие в приискании жилья господину инженеру Анри де Симону и оказать знаки внимания другу пребывающего в глубоком уважении к Вам Мартина Керри, ориенталиста».

— Сэр Арчибальд? Он всё ещё в Стамбуле, несмотря на разразившуюся грозу? — произнёс турок тем особенным тоном, к которому прибегают, когда хотят подчеркнуть, что чёрное есть не просто чёрное, а очень и очень чёрное. — Рад знакомству с вами, мсье де Симон.

Французу показалось — или это на самом деле так и было? — что слова «сэр» и «мсье» Кучук-эффенди произнёс с каким-то ударением. Он даже был уверен в том, что прочёл на лице турка следующий вопрос: «Как же это вы, милый друг, примирили сограждан Питта с Наполеоном?». Де Симон не пожелал каким-нибудь, пусть даже малоубедительным доводом скрасить незавидное положение, в котором обычно пребывают слуги двух господ. Он умолчал и о том, что фунты стерлингов и золотые наполеондоры не имеют никакого отличительного запаха...

— Должно быть, вы дружны с сэром Арчибальдом? — с видом наивного младенца высказал предположение турок.

— Высшая политика, — сказал француз, комкая письмо, — удел избранных. Вам остаётся согласиться со мной и вполне увериться в одном: перед вами французский инженер с рекомендацией английского офицера...

Кучук почесал мизинцем кончик своего носа.

— Я понимаю, — проговорил он, как бы извиняясь, — я понимаю, что многие были бы поражены, слушая вас.

— Многие, но не мы с вами! — заметил француз.

— Совершенная правда! — воскликнул турок.

— Видите ли, мсье Кучук, вся эта грязня, которая время от времени разгорается между нами (я имею в виду вас, Англию и своих правителей), в конце-то концов окажется семейной ссорой. Пусть ссорятся, а наше с вами ремесло (француз подчеркнул слово «ремесло») стоит выше национальных предрассудков! Не кажется ли вам, мсье Кучук, что Россия представляла бы для всех нас более выгодную цель?.. Не лучше ли направить все наши усилия в одну сторону? — Де Симон указал рукою на север. — Что вы скажете?

— Прекрасно, клянусь аллахом!

— Я хочу сказать, господин Кучук, что предвижу день, когда британские премьеры перестанут злиться на французского императора и посвятят себя общей цели...

— Турки скрепят этот союз. Учтите: мы — черноморская держава...

И турок хихикнул очень неприлично, как не подобало бы хихикать почтенному человеку. Француз почудилось, что это хихикает какой-нибудь юный шутник, спрятанный под прилавком...

— Мы ещё, надеюсь, побеседуем с вами, — сказал француз. — Я хочу сегодня представиться местному правителю. Как он относится к вам?

— Вполне прилично, — ответил турок, — он поощряет торговлю.

— Это неплохо.

— Я пошлю ему подарки. Они будут кстати.

— А повод? — заинтересовался де Симон.

— Очень простой: приехал его сын.

— Приехал? Мне нравится эта точность...

— Вы его знаете?

— Да. И, зная его... зная его... — француз не докончил мысли. — Одним словом, я предвижу интересные события.

— Какие, господин инженер?

— О, если это будет позволено, я резервирую свой ответ до вечера.

— Отлично!.. Сколько же времени рассчитываете пробыть вы в этом городе, мсье?

— Это зависит от развития событий, эффенди. — Француз что-то прикинул в уме и решительно заявил: — Во всяком случае, недолго... Ведь меня ждут дела и в Потти, и в Батуме...

— Откуда вы изволили прибыть, мсье?

— Анапа, Геленджик, Новороссийск, Гагры... О, это был не очень лёгкий путь!

— Понимаю, мсье, понимаю...

Француз посмотрел через плечо на улицу: трое крестьян всё ещё торчали под деревом. Де Симон насторожился.

— Дайте на всякий случай отрез диагонали, — бросил он.

Со свёртком подмышкой де Симон покинул лавку. Он был одним из тех лазутчиков, которые считают осторожность истинным богом: вернувшись в харчевню с громким названием «Лев», инженер сбрил очаровательные бакенбарды и переменял костюм.

12. На рынке

Даур медленно брёл по пыльной улочке, рассеянно здоровался с многочисленными знакомыми — обычное неудобство маленьких городов. Он не обращал внимания на жёлтую пыль, обильно покрывающую мяг-

кие сапоги, которые из чёрных вскоре стали рыжими. Куда несут его ноги? — позволительно нам с вами спросить.

Утверждать, что Даура волновали мысли политика, занятого разрешением широких международных проблем и судеб вселенной, — значило бы обманывать вас, к тому же, как говорится, обманывать без зазрения совести. Сказать, что он размышлял только над собственной судьбой, — значило бы впасть в другую крайность. События прошлой ночи, разговор во дворце, предстоящее примирение Келеша и Аслана, значение этого примирения для страны и народа и, наконец, неожиданное и, казалось, самое близкое участие рыбацкой семьи в подготовке этого примирения — пробудили в молодом человеке сознание гражданского долга. Он почувствовал себя не только простым смертным, но смертным, обладающим некоторой волей и силой, способными послужить на благо таких же смертных, как и он сам: У Даура явилась настоятельная потребность взвесить свою жизнь, точно на весах, оглянуться назад, на пройденный путь, попытаться заглянуть и в будущее. Последнее представляло собой лишь слабую попытку, ибо окружающее его было куда более зримым, более осязаемым, и оно заслонило всё прочее...

Отметим, что Даур — честный человек, и это важнее всего. В своё время, к сожалению, его не обременили грамотой, и он не портил себе глаз чтением книг. Его политические взгляды, если так можно назвать естественное стремление к правде и свободе, были порождены той средой, в которой он рос. Этот в высшей степени доверчивый молодой человек (доверчивость — черта, приятная среди друзей и очень скверная, когда, кроме друзей, есть на свете и враги) нуждался ещё в подлинном воспитателе.

Мне не хотелось бы утруждать вас, друзья мои, доказательством, на мой взгляд, очень понятной истины, которая учит нас тому, что простой и честный человек, как правило, редко ошибается в определении того пути, по которому надлежит ему следовать. Даур, едва только у него пробудилось сознание, привык считать землю, на которой жил, своей кормилицей и, к тому же, единственной. Он сроднился с морем, тоже милостивым к бедному люду. Его любовь к родной стране можно сравнить с привязанностью молодого деревца к почве, приютившей нежные корни и дающей им пищу. Но я хочу подчеркнуть, что живительные соки родины, вскормившие Даура, морская соль и ветры, закалившие его тело, представлялись чем-то большим, значительно большим, чем физиологические компоненты, дающие и сохраняющие жизнь человеческую. Жалок тот, друзья мои, кто в окружающей природе видит только средство к существованию и не замечает в ней, родной стране, нерушимой опоры для подлинного человеческого жизнеутверждения и воспитания великого духа!

Даур понял, и это для него явилось большим счастьем, что есть в человеке священное, великое чувство, которое определяется тремя словами: любовь к родине. Все его сознательные действия и помыслы определялись одной этой мерой — любовью к родине, и вне этой меры не существовало ничего другого. И в этом благородном смысле он являлся подлинным и безупречным политиком. Если бы потребовалось — он, не раздумывая, принёс бы в жертву свою молодую жизнь для блага той, пусть маленькой, земли, которая дала жизнь Дауру и не отвернулась от него с досадой, но широко раскрыла навстречу ему свои зелёные объятия.

Надо напомнить ещё об одном, не менее важном обстоятельстве: чрезвычайно обострившем патриотическое чувство молодого человека:

Это вековая ненависть к турецким захватчикам, бесстыдно грабившим страну и народ. Озлобление против иноземных поработителей передавалось вместе с молоком матери и раздувалось стараниями всё ещё разбойничавших янычаров. Своими кровавыми, до последней степени бесчеловечными поступками турки сформировали не одно поколение своих врагов на Кавказе. Даур возмужал под впечатлением зверств янычаров, зверств, которые наблюдал сам и о которых слышал от других...

Даур шагал по направлению к рынку. Его тянуло к шуму и суете, в кипящую коловорот толпы.

Сухумский рынок кишит людьми с утра до вечера. Одни, разумеется, продают свой товар, а другие — покупают. Но, скажите на милость, какая же это торговля, если бедняк продаёт бедняку? Это торговля только из крайней нужды, она не даёт прибытка ни крестьянину, привёзшему на рынок свои скромные продукты, ни честному покупателю, а лишь базарным купцам-воротилам, да и то, главным образом, из иноземцев, из турок...

На рынке немало и таких, кто ничего не продаёт и ничего не покупает. Хитроумные ловцы мгновенного счастья, художники по части корзин и карманов живописно слоняются по базару взад и вперёд. То здесь, то там вдруг прорываются истошные вопли, и толпа бежит, чтобы утешить несчастную доверчивость, пострадавшую от людской жадности к чужим деньгам. Или где-нибудь в укромном местечке затевается мордобой — наиболее понятный и недвусмысленный рыночный разговор. Бывают и кровопролития, главным образом в мясном ряду. Дерутся обычно мясники, с пьяных глаз путающие своего соседа с буйволиной тушей. В общем, это очень бойкое место, где всегда можно отвести душу, послушаться разных разностей и кое-что увидеть...

Даур бесстрашно проник в клокочущую человеческую массу, доверяясь одному из тех течений, что омывают зеленные, рыбные, молочные, фруктовые и мясные ряды. Что касается винных рядов, то к парам алкоголя, безраздельно царствующим здесь, допускаются лишь избранные, и потому базарный гольфштрем оказывается тут совершенно бессильным.

У самого начала зеленных рядов Даура окликнули.

— Сюда, Даур, сюда!

Это кричал Согум, дальний родственник из Гудаут.

— Я искал тебя, — сказал Согум, хватая Даура за руку.

— Пришёл бы к нам домой, Согум.

— Я подумал, что тебя проще встретить здесь.

Он затащил Даура в грязную харчевню. В тёмном углу за столом сидел Темур. Крестьянин поднялся навстречу Дауру. Молодой человек с трудом усадил Темура из Дала, оказавшего ему столь почтительный приём. Согум потребовал вина и закуски. Это был разбитый человек, знакомый с городскими порядками; заплывшего жиром буфетчика он дружески потропил.

— Ты в городе давно? — спросил Даур.

— Пришёл сегодня утром, — ответил Согум и подумал: «Сказать ему сейчас или подождать?»

— А как дома?

— Хотя и с грехом пополам, но существуем.

И Согум решил про себя: «Он и без того, кажется, расстроен. Нет, подожду немного, после...»

Даур вопросительно взглянул на Темура.

— А это Темур, — сказал Согум. — Вместе мыкаем горе... С самого утра.

— Горе?

— Видишь ли, сдуру решил я подсказать кое-что нашему Келешу, да, видишь ли, обиделся князь. А я, признаться, не думал... Вот не думал, хоть убей!

— Дали пинка, — вставил Темур.

— За что?

И Темур и Согум недоуменно пожали плечами.

— Обидел вас?

— Он сам себя обидел...

— Человек не бывает без недостатков, — примирительно сказал Даур. — И на солнце есть пятна. Князь, должно быть, не в духе был.

— А я? — воскликнул Темур раздражённо. — Разве я всегда должен быть в духе? Я тоже человек, и у меня сердце — не камень. Камень, и тот на огне лопается!

И если бы в эту минуту не подоспело вино, Темур, чего доброго, раскричался бы на всю харчевню. Выпили по стаканчику за то да за сё — и стало веселее.

— А за что тебя угостили пинком, Согум? — поинтересовался Даур.

— Меня?

— Да, тебя.

— И сам не знаю... Послушай, Даур, ты человек молодой и скорее всё поймёшь... В Гудаутах я приметил одного француза. Он пришёл ко мне во двор и всё вынюхивал, всё до последнего камешка...

— Как так вынюхивал?

— Не знаю. — как... Измерял дорогу, двор, поле, чёрт его разберёт — что... Рисовал на бумаге... Есть недалеко от меня старая крепость. Он её нюхал со всех сторон, ни камешка не оставил в покое. Стой, говорю себе, наверно, это турецкий лазутчик...

— Как — турецкий? — перебил Даур. — Ты же сказал: француз.

Согум смутился. И в самом деле, как это получилось? Но он быстро сообразил.

— Слушай дальше... Думаю, дай-ка я схожу к князю и всё выложу ему начистоту... А князь меня прогнал. А я не ошибся! — не без злорадства сказал Согум. — Это турецкий лазутчик. Он шушукается с турками..

— С какими это турками? — Даур нахмурился.

— Со всеми... Только что он побывал у купца Кучука... До того он виделся в кофейне с одним жирным турком...

Даур вовсе помрачнел. Он не допил своего стакана. Ему словно дёгтем капнули на светлую шёлковую рубашку.

— Я не уеду из города, — продолжал Согум, чокаясь с Темуром, — пока не разузнаю всю подноготную...

— И я тоже, — поддакнул ему Темур.

Даур опустил глаза. Что-то перевернулось у него в душе, вдруг стало нехорошо, совсем противно. Значит Кучук, этот торговый человек, купец с ног до головы, торгаш душой и телом, ничего общего не имеющий с войной и военными, тоже на подозрении у народа? Почему это не пришло в голову Дауру?.. Тогда и Саида... Значит, и она может вызвать какое-то недоверие?

— Меня не проведёшь, — глухо доносится голое Согума, словно тот говорит за толстой перегородкой, — я старый воробей. Все они одним миром мазаны... Братьев моих угнали в Турцию, отца зарубили

янычары, дом сожгли... Но, слава богу, в долгу я не остался! А главное, глаза у меня острее стали, янычара нюхом чую...

Даур пьёт один за другим три стакана. Крестьяне удивляются.

— Навёрстываю, — говорит Даур мрачно и скрежещет зубами.

— Вот это хорошо!

Согум тянется к нему с полным стаканом.

— Я их выведу на чистую воду, — обещает он торжественно.

Даур словно во сне. Вино ему горше любого зелья. Он готов выплеснуть его наземь. Однако лучше выпить, напиться до бесчувствия. Какой жестокий этот Согум! В чём он заставил усомниться?.. Надо напиться так, чтобы забыть обо всём... Даур припоминает черты Саиды, очаровательные черты, полные света и жизни. Неужели она ему враг?.. И он громко говорит:

— За твой успех, Согум! За твоё здоровье, Темур!

Даур пьёт полным стаканом, наливает и снова пьёт...

13. Скорбная весть

Вино никогда по-настоящему не успокоит. Мимолётное притупление чувств, облегчающее столь же мимолётное примирение с жизненными невзгодами, редко обманывало в этой стране людей. У тех, кто трудился в поте лица своего, вино появлялось на столе, как дар гостеприимства, возведённого в культ. И особые свойства приятного напитка ценились постольку, поскольку они служили весёлому застолью. Эта бесхитростная теория — стародавнее изобретение — прекрасно укладывалась в голову Даура.

Он дал увлечь себя Согуму, без всякой задней мысли обратившемуся к вину, как естественному средству общения за столом. За вином мысли льются свободней, и некоторые условности, неизбежные среди трезвых, почти исчезают за бутылкой вина.

Темур и Согум коротко поведали о своей жизни. Судя по восклицаниям, междометиям, плевкам, которыми сопровождалась их рассказы, земное существование крестьян было не завидным. Из беседы Даур вынес впечатление, что во всём мире существуют две чёрные силы: турки и князя Диапш-ипа (по словам Согума) или турки и князя Маршаны (вариант Темура). Повидимому, между Диапш-ипа и Маршанами была примерно та же разница, какая существует между чертями длиннохвостыми и чертями короткохвостыми, иными словами — это одного поля ягода.

— Послушайте, — разоткровенничался Темур из Дала, — я вроде как в западне. Назад в Дал нет мне дороги: Маршаны сотрут меня в порошок. Как вам это нравится?

— Очень нравится, — заметил Согум, отхлёбывая вино, — нравится так же, как медведь человеку, который попал под брюхо косолапому... — Он постучал пальцем по стакану, надвинул башлык на самые брови. — У каждого нынче есть горе — у старого и молодого. Горе, я бы сказал, вроде собачьего хвоста за нами увивается. Не отстаёт!

Темур собирается что-то сказать, но Согум не даёт ему и рта раскрыть. Как бы извиняясь за свою болтливость, он мягко кладёт руку на широкое плечо Темура.

Даур глядит в стакан: вина совсем мало — на самом доньшке, и с доньшка глядит лицо Даура. Не нравится ему этот Даур, что на доньшке, — раскисший, с мутноватыми глазами...

Согум вздыхает и молча кивает на Даура: дескать, к нему будет обращена его речь.

— Слушай, Даур, — начинает он, — всем дано хлебнуть горя — время такое. Ты, я полагаю, не из тех, кто думает: шагай, беда, да не в мои ворота! А ещё скажу: ты парень не слюняй. О таких, как ты, говорится: сам огонь — и счастье в ладонь, дескать, счастье не пройдёт мимо такого. Понял?

Даур оторвался от собственного отражения. Предисловие Согума пришлось не очень-то по душе. При чём тут беда? При чём тут счастье?..

А Согум продолжает:

— Значит, вот ты какой... А тётю твою видел вчера... Как же. Хорошая женщина, дай бог ей здоровья. Выпьем за неё, что ли?

Выпили стоя. Раз хорошая тётя — надо пить стоя: так предложил Темур. Однако не чувствуется, что разговор о тёте закончен на этом тосте. Напротив, разговор, повидимому, только начинается.

— Как она поживает? — спрашивает Даур.

— Ничего, ничего...

— Передавала что-нибудь?

— В том-то и горе... Приходит ко мне, а я всё уже знаю: как-никак соседнее село. Спрашивает, поеду ли в город. А я решил ехать из-за этого чёрта француза, и дай, думаю, заодно и мёду продам в городе, и Бирама повидать... Ты давно не видел свою двоюродную сестру?

— С год.

— А брата?

— Видел недавно.

— Какая была сестра! — воскликнул простодушный Согум. — Писаная красавица. И ты понимаешь — подходит три дня тому назад турецкое судно к самому берегу. Сходят с него турки и чёрт знает что творят...

Он с жаром выпил вина, а стакан бросил в угол, стекло разлетелось вдребезги.

Даур сидит ни живой, ни мёртвый — ему всё теперь ясно без слов. Харчевник, безмолвно слушавший посетителей, торопится к ним с кувшином воды. Даур отстраняет руку услужливого хозяина, с трудом проглатывает слюну, удивительно горькую слюну.

Согум пытается успокоить молодого человека.

— Возьмём, к слову, меня, — говорит он. — Где мои братья, спрашивается? Вы думаете, они были похожи на меня? Как бы не так! — Он встаёт, чтобы жестами подкрепить свой рассказ. — Торкан, скажем, стройный, как тополь, плечистый, шея крепкая, как у буйвола, глаза, словно у серны. А Тамел? Крепыш наизнаменитейший, кожа бела, как у девушки, грудь льва, да и сам, сказать по правде, лев. Десять янычаров с трудом его одолели. А что говорить о Гаче? Кто его не знал? А где все они? Проданы в рабство. Схвачены турками и проданы, как скот.

— Значит, ни брата теперь у меня, ни сестры? — выговаривает Даур.

Согум медленно опускается на скамью.

— Пусть приедет ко мне брат мой или племянник, передавала твоя тётка. Пусть, говорит она, поплачут вместе со мной...

— А остальные? Как там, на Пицунде?

— Сам увидишь... Многих они порубили, иконы святые топтали в грязи, дома спалили...

— Ясно, — говорит Даур, говорит, как настоящий мужчина: гневно, коротко, чётко. — Ежели я отлучусь, побудьте дома с отцом...

Мужчины продолжают пить. Но это уже не весёлая мужская пирушка, а скорбная тризна.

14. Сомнения рассеялись

Если у тебя на сердце камень — выбрось его. Если в теле у тебя заноза — вынь её. Если на душе твоей сомнения, словно чёрные тучи на небе, — развей их. Вот правила, которым следует Даур. Но нынче это не так просто. И вот почему.

Если ты любовался розой, и тебе сказали, что на стебле под лепестками скрываются ядовитые шипы, — это легко проверить: достаточно тронуть цветок. Если ты влюблён в девушку, и злые языки донесли, что она изменила тебе, — дело уже значительно сложнее. Но если девушку, хотя бы намёком, причислили к стану врагов — значит, тебя постигла не просто беда, перед тобой задача весьма и весьма серьёзная. Тут уж, как говорится, хоть ногти грызи, а всё выясняй до конца, ни себя, ни её не жалея... Даур понимал всё это и решил кое-что предпринять в этом направлении.

Расплатившись с харчевником, Согум обнял Даура за талию и в обнимку с ним пошёл через весь город к дому рыбака. За ними поплёлся Темур, погружённый в свои злосчастные крестьянские думы...

Старый Бирам сидел на пороге и чинил сети. Он напевал рыбацкую песню, слова для которой придумал сам.

Из-за угла древней стены появился сначала Даур, а потом уже Согум.

— Ты один? — спросил Даур отца.

— Да. А что?

— Где же Аслан?

— Уехал во дворец.

— А этот турок?

— Пошёл к Кучуку-эффенди.

— К Кучуку-эффенди? — Даур призадумался.

Бирам горячо обрадовался появлению Согума. Они обняли друг друга, старые друзья по несчастью.

— Со мной гость, — сказал Согум, указывая большим пальцем правой руки через плечо.

— Кто же это?

— Это Темур из Дала.

— Где же он? Входите...

Тут обнаружилось, что Темур отстал.

— Ну, ничего, он придёт, — успокоил старика Согум.

Даур успел по дороге домой окунуться в море и чувствовал себя сносно, несмотря на изрядное количество вина, выпитого в харчевне.

— А где же твой гость? — сказал Согум, грузно опускаясь на скамью перед камином.

— Взяли его во дворец.

— А как у него, это самое... поджилки не трясутся?

Бирам взвесил свой ответ:

— По-моему, трясутся, но виду не подаёт.

Пожалуй, это была правда. Как и всякий, кто чувствует за собою грех, Аслан не был спокоен. Что ж тут удивительного? Однако он уповал на мудрость своего отца. Не в интересах князя отнестись враждебно к раскаявшемуся сыну. Напротив... И Аслан пробовал расшифровать это «напротив». Он говорил себе: «Отец обставит примирение как можно торжественней. Он постарается извлечь для себя полную выгоду, унизив меня. Он это сделает для того, чтобы покрепче оседлать своих противников-князей... Нет, он не допустит, чтобы хотя бы один волос упал с моей головы... Пока не допустит!.. А дальше будет

видно». Княжич пустился в большую и опасную игру. Скоро решится вопрос, кем ему быть: послушным волом или гордым джейраном?..

— Значит, княжич вернулся... — пробормотал Согум. — Ну что ж, поглядим, как говорится.

— А этот пошёл к купцу? — ещё раз справился Даур, занятый мыслями о таинственном молодом турке.

— Прямой дорогой.

Даур оседлал коня, привязанного недалеко от дома возле фелюги, затем скатал бурку, всыпал в гозыри порошу, проверил кремнёвку.

— Еду на Пицунду, — сказал он словно невзначай.

Старый рыбак привык к внезапным поездкам сына — служба княжеская суетливая, многотрудная. Он только спросил, скоро ли вернётся. Завтра утром? Ну что ж, хорошо... Бирам дымит трубкой, мысленно благословляя сына в дальний путь.

— А что ему нужно от купца?

— Ты всё о том же, Даур? — Бирам разводит руками. — Кто его знает? Говорит: «дядя мой»...

— Все они дяди друг другу и племянники, — мрачно замечает Согум. — Знаю я их.

— Купец любит чистоган, — возражает Бирам. — Ты его хлебом не корми, а дай золота.

— Бирам, Бирам, — говорит Согум, — не верь ни одному турку... Бирам не соглашается с ним.

— Отчего же, Согум: и среди сорняка есть целебные травы. Помню я одного, славный был человек, лекарь учёный... Жалел нас, слезами плакал, глядя, как наших терзают и мучают проклятые янычары...

— Так где же он, этот человеческий турок?

— Его убил другой, тоже янычар... Пырнул ножом.

Согум хохочет во всё горло.

— Эй, Даур! Ты слышишь? Нашёлся один честный янычар, и того прибили свои...

Даур постоял, поразмыслил над словами Согума, но так ничего и не сказал. Он быстро вышел из комнаты, вскочил на коня и был таков — только подковы засверкали да галька застонала под копытами, звонкоголосая морская галька...

Скачет Даур. Он поторапливает коня, которого никогда не торопил, — можно ли торопить ветер или бурю? Концы башлыка за спиной, точно два соколиных крыла, ветер шумит в ушах, свистит, как зимою в трубе, — это значит, конь добрый и скачет он по-настоящему. Дорога иногда бежит лесом. Ветви бьют тогда по лицу часто-часто, и Даур снова убеждается в том, что конь — огонь!..

В голове вертится привычная песня... Нет, не до неё сейчас, но она беспокойная, словно птичка в клетке. Может, выпустить её на волю, эту весёлую песню, чтобы полегчало на душе?.. И Даур невольно запекает — эх, эти двадцать лет!

Вьётся тропочка в горах,
Родничок бежит.
Мчится к милой на коне
Молодой джигит.

Так оно и есть, друзья мои, именно к милой мчится джигит. Даур привстаёт на стременах и оглядывается вокруг, как на поле битвы: неласковая хмарь спускается с гор, трёпаные, как шерсть, взлохмаченные и удивительно неприветливые тучи ползут на ту часть неба, кото-

рая пока ещё светла. Никнут вершинами гордые деревья, и зелень становится серой, как зола.

Сумерки ложатся на город, густые сумерки. Молодой человек делает большой крик — пусть ещё больше стемнеет. Нынче ему не очень хочется, чтобы его видели у дома купца Кучука-эффенди.

Но вот он, крадучись, словно вор, подходит к заветной изгороди. Он трижды стыдливо ударяет плетью по частоколу — условный знак влюблённых.

Саида точно ждала его: мгновенно проскальзывает в узкую дверь, несколько шагов — и она возле него. Он старается заглянуть ей в глаза. В них он надеется — наивный человек! — прочесть ответ на жгучий вопрос: кто она ему — враг или друг?.. Два—три ничего не значащих слова, две—три обычных при встрече фразы — и взгляд, блуждающий по лицу девушки, вопрошающий, чего-то ищущий взгляд... Но не он, а она, не Даур, а Саида, не горячий молодой человек, а расчётливая турчанка, словно о чём-то догадываясь, начинает разговор и по-своему, на свой лад ведёт его.

— Что с тобой, Даур?

— А что?

Не она, а он оказывается застигнутым врасплох.

— Ты какой-то странный...

Он пытается усмехнуться, взять себя в руки, чтобы самому перейти в наступление.

— Разве ты гадалка?

— Я знаю вавилонские гаданья, — серьёзно отвечает девушка, — я могу определить всё, что на уме у человека. Меня учил старый Мельхиор, цыган из Индии.

Она говорит, а лицо у неё отсвечивает, как волна, на которую попало лунное сиянье. Он видит её зубы, мелкие, как алмазы, которыми усыпаны её кольца, и, наконец, глаза, эти доверчивые, чистые глаза, которые подстать ангелу...

Она без умолку рассказывает о чудесах Востока, о проницательности аравийских чрево вещателей, о сирийских женщинах, очень искусных в гаданье — и он твердит себе: «Ошибся Согум, ошибся. Но если у её отца что-нибудь худое на уме, то как же дочь?.. Может быть...». Даур, что называется, ест глазами девушку, но не может разобраться в выражении её лица. Это девушка нежная, словно цветок, и чистая, словно... Тогда Даур, одним ударом желая покончить со всеми дурацкими сомнениями, обрывает её:

— Слушай, Саида, я хочу знать: кто твой отец?

Саида поражена. Сейчас про неё можно смело сказать: она остолбенела.

— Мой отец?

— Да! — а сам, словно в бездонный колодец, в который уронили бесценную вещь, глядит ей прямо в глаза — зрачки в зрачки.

— Мой отец? А разве ты не знаешь его?

— Я это хочу слышать от тебя.

Саида делается смиренной пташкой — вот когда опасна женщина!

— Купец... — отвечает она.

— А как он относится к нам?

— К вам?

— Он ненавидит нас?

— За что?

— За то, что мы против вашего султана, за то, что мы хотим жить сами по себе, как свободные люди!

— Видишь ли, милый Даур, — Саида берёт его руки в свои, — у отца есть основания быть недовольным вами...

— Какие это основания? — вскрикивает Даур.

Он дрожит от злости. А она нежнее прежнего гладит его руку, как ни в чём не бывало. Она опускает глаза. Она слегка наклоняет голову. Она подходит к нему так близко, что Даур чувствует запах её волос.

— Мы терпим большие убытки. Очень большие. — Саида глубоко и скорбно вздыхает. — Мы почти разорены. Мы уедем, если это будет продолжаться...

— Как это — уедете?

— Да, Даур, мало кто интересуется шелками, мало кто покупает дорогую английскую шерсть.

— И вы можете уехать? — предположение почти невероятное, Даур перестаёт дышать. — И надолго?

— Навсегда.

«Проклятый Согум!» — говорит Даур про себя и краснеет до корней волос.

— А этот молодой турок? А этот француз?

— Глупый, глупый, — шепчет Саида в самое ухо. — Если у тебя появится мануфактура, они завтра же явятся и к тебе.

Да, это верно. Как всё это смешно, по-детски глупо и отвратительно!

— Саида, прости меня...

Она кладёт голову ему на грудь.

— Наверное, тебе наговорили разной чепухи...

— Да.

— Я всё знаю.

Её губы приходится как раз против его губ — всего одно маленькое движение... И оно последовало, это маленькое движение. Что-то обожгло Даура, пронизало всего с головы до ног, словно молния ударила в самое сердце. Он был сражён этим неожиданным и первым поцелуем...

А потом они заговорили о каких-то пустяках, с той страстностью, которая присуща влюблённым. Когда же он попытался обнять её, она слегка воспротивилась этому.

— Не надо, — сказала она.

Но он не слушался её.

— Ой! — вскрикнула вдруг девушка. — Ты оцарапал мне руку...

— Я? — смущённо проговорил Даур. — Чем же?

— Не знаю. Что это у тебя торчит из-за пазухи?

— Ключ, — сказал молодой человек.

— Ключ?

— Ну да, от оружейного склада... Ведь я не совсем простой стражник... — И он протянул ей огромный ключ, какие бывают только в крепостях да церквях.

— Какой тяжёлый, — сказала Саида, взвешивая ключ на ладони. — А ссадина какая глубокая... Полюбуйся...

— Ничего, заживёт, — сказал он хрипло, сжимая выше локтя её прекрасную обнажённую руку.

— И я так думаю, — согласилась девушка.

И они снова заворковали, как голуби.

— Ну, мне надо ехать, — заявил, наконец, Даур.

— Так скоро? — проговорила притворщица тоном упрёка.

— Я вернусь быстрее ветра!

— Послушай, Даур, ночь тёмная, а ты будешь в дороге, и я буду

беспокоиться... Есть у меня старинный амулет... Он сохранит тебя от беды...

— Милая... — произнёс юноша, растроганный вниманием возлюбленной.

Саида побежала за амулетом.

Кучук сидел на ковре и что-то писал. Он вопросительно взглянул на дочь. «Он ещё здесь?» — словно спрашивал он.

— Отец, вот ключ от оружейного склада... — выпалила Саида скороговоркой.

— От склада в крепости? — спросил турок.

— Да, в крепости.

— А где Даур?

— Он ждёт меня. Я обещала дать ему амулет в дорогу.

— Какой странный, — пробасил турок, рассматривая причудливой формы ключ. — Дай-ка мне воску с того столика.

Саида подала кусок воску и принялась рыться в маленькой шкапулке из самшита. Она нашла то что искала — треугольный амулет из янтаря.

— Какой странный, — повторил турок, сравнивая восковой слепок с оригиналом.

Он вернул ключ дочери, и та мигом выскочила во двор.

— Вот он, — сказала Саида, целуя амулет и вручая его Дауру. — Ты положи его в карман архалука. Я очень верю в него.

Молодой человек вскочил на коня легче пёрышка.

— А ключ? — напомнила Саида.

— Совсем позабыл о нём, — признался стражник, горячо сжимая белую девичью руку...

Было уже совсем темно, когда Даур выехал на Бзыбскую дорогу. «Слава богу, — думал он, — наконец-то сомнения рассеялись».

Вскоре за его спиной поднялась тусклая, отсыревшая в тучах луна, мертвенно бледная, изнемогающая от долгого путешествия в незнакомых небесных краях...

15. На пиру

Вечером во дворце накрыли стол человек на сто. Зарезали трёх быков, много коз, каплунов и индеек. На заднем дворе шумно, дым стоит коромыслом: здесь шпарят, варят, жарят, пекут, подогревают, студят, месят, толкут... Одним словом, кажется, всё живое на земле пришло в движение.

А когда в большом зале зажгли свечи и, шурясь, вошли первые гости, они застали всё в полнейшем порядке: мой руки да садись за стол.

— Это называется пир на весь мир, — сказали в один голос князь Луу.

Они вошли гурьбой, во главе со старейшим — Георгием. Они вошли, громко разговаривая, поглаживая усы и бороды, подтягивая ноговицы, слегка распуская пояса, поправляя башлыки и высокие остроконечные папахи. Повидимому, они чувствовали себя во дворце свободно, как в собственном доме.

Георгий двигался степенно — именно двигался, — расчёсывая пятернёй бороду, отросшую до самого пояса. Он отыскал взглядом князя Келеша и направился к нему. Келеш радушно приветствовал гостей.

— Долгих лет тебе, здоровья бычьего пожелаю и успеха во всех делах.

— Спасибо, Георгий, спасибо.

И они церемонно обнялись, касаясь бородами плеч, словно целуя друг друга то в левое, то в правое плечо — знак особенной приязни.

— А где же наш гость?

Аслан стоял поодаль в весьма почтительной позе раскаявшегося грешника — так рисуют иных великомучеников на монастырских стенах. Он безмолвно поклонился гостям. Ему отвечали сухими кивками...

Князя Ачба входят в зал поодиночке: войдёт один, посмотрит назад, и уже за ним следует другой. Они сначала обращают свой взгляд к потолку, потом смотрят себе под ноги, а дальше — всё как полагается: здороваются, кашляют, сморкаются в шёлковые лионские платки.

Князя Инал-ипа — дородные, крепкие, словно вытесаны из камня. Они шумливы, веселы. Лучшие черкески — у них, лучшие кинжалы — у них, лучшие кони — у них.

Маршаны прислали гонца и просили передать, что реки вздулись, невозможно ни пройти, ни проехать. Гонец — молодой, бойкий парень — врёт и не стыдится в глаза смотреть.

— А как же ты? — спросили его. — Уж не птица ли ты?

Гонец опустил голову.

— Эх ты, слава богу, что сам не утонул..

Маршаны не явятся, это ясно. Но как поступят Диапш-ипа? Каждый по-разному отвечал на этот вопрос. Одни говорили: придут — из заносчивости, а другие: нет, не придут — именно из заносчивости. Однако гадать пришлось недолго. Диапш-ипа явились почти в полном составе. Они здоровались, не затрудняя себя даже лёгкими кивками, пошучивая меж собой неизвестно над кем и над чем, стегали себя плетью по голенищам.

Саатбей Диапш-ипа — мужчина, что называется, в соку. Ему сорок лет, он достаточно белобрис для того, чтобы недруги прозвали его рыжим. Глаза — вороватые, мелкие, как остриё шила, они не глядят, а колют. Саатбей недавно женился на княжне Маршан — союз, тщательно обдуманый обоими родами. Идёт Саатбей по залу вперевалку. Его многие не любят, но есть у него и скрытые доброжелатели. Кое-кто не прочь погреть руки на дразгах между Диапш-ипа и Келешем.

Саатбей лихо покручивает ус. Он приветствует Келеша как равный равному, и даже более того — как человек, обладающий тайным превосходством над своим соперником. Аслана, этого предателя, эту женщину в сапогах — выражение Диапш-ипа — он достаивает мимолётного, колючего взгляда.

Говоря откровенно, положение Аслана вовсе незавидное. Одни его презирают за его измену отцу, другие — за раскаяние. Аслан чувствует жгучую ненависть к себе со стороны не в меру горячего Саатбея. «Дай срок, наберись терпения, глупый ты человек», — словно хочет сказать Аслан, криво усмехаясь. Но эту усмешку Саатбей понимает по-своему и резко отворачивается от него, как от раздавленного дождевого червяка.

Среди гостей нет Маршанов — это обстоятельство смущает и беспокоит Саатбея. Знал бы он это раньше, вероятно, не явился бы сюда. Но теперь уж делать нечего, как говорится, надо держаться, как подобает мужчине...

Батал тенью следует за Келешем. Князья сторонятся его, как больного оспой — он внушает им страх, смешанный с брезгливостью...

Пора садиться за стол. Проворные парни вносят тарелки с мамалыгой. Дымится телячье мясо, зал оглашается бульканьем вина в глиняных кувшинах — настоящих арабских алкарасса. После первой чаши вина гости принимаются за еду, по-мужски грубовато, разрывая руками

мясо, потрясая над столом бычьими лопатками, сверкая длинными и острыми ножами, как кавалеристы саблями. Пихают в рот громадные ломти мамалыги, исходят слезами от горчайшего перца и подливок, что обжигают внутренности пище адского огня. Казалось, собравшиеся решили уничтожить все княжеские запасы продовольствия. Чавканье и хруст заполнили зал, словно голодная волчья стая обглаживала свежие кости. Но это, говорили люди, признак мужской доблести, которая одинаково беспощадна и к врагу и к еде.

Гости сидят вдоль стен: огромный стол образует букву «П». Парни беспрестанно снуют взад и вперед, тащат то еду, то питьё, убирают пустую посуду. Женщины, как вы уже должно быть заметили, отсутствуют, ибо, как говорили прежде, и пир и война — дело мужское. Большинство гостей пользуется собственными ножами, извлечёнными из-за голенищ. Ножи острые, как бритва, ими можно отрезать очень тонкие куски мяса, тонкие, словно ленточки, а такие ленточки сами просятся в рот.

Келеш ест мало, пьёт мало. Аслану куски не идут в горло. Батал не садится за стол. Он безмолвно управляет теми, кто прислуживает пирующим. Его округлые, изуродованные глаза блестят из-под чёрного башлыка словно слюдяные.

По левую сторону от Келеша сидит княжич Георгий. Он моложе Аслана, худощав, высок ростом. Георгий рад — наконец-то в семье наступает мир. Эту весть с удовольствием услышат тысячи людей от моря до Кавказского хребта, не один бокал будет выпит за этот счастливый день, ещё больше воспрянут люди духом. Георгий встаёт и вместе со всеми пьёт за этот день — тост, провозглашённый старым князем...

Снова становится шумно, твёрдые, привычные руки раздрают бычьи сухожилия, без конца булькает вино, льющееся щедро, как вода на мельнице. А над всем этим, как демон, властвует изуродованный Батал. Он наблюдает за порядком с дьявольским любопытством. Казалось, он потешается над гостями, которые едят и пьют беззаботно, как дети, не подозревая, что их ожидает впереди...

Наступает черёд выпить за Аслана. Он поднимается в ожидании речи отца. Князь говорит сидя, встают только молодые.

— Я не хочу затруднять ваше внимание... — Келеш держит турий рог, любителю отражением свечей в красном, как кровь, вине. — Все вы хорошо сознаёте значение сегодняшнего дня... Я рад, что сын мой вернулся... Сын есть сын, а отец есть отец. Моя радость понятна. Но есть нечто сильнее и отцовской радости и сыновнего долга. Земля родная — превыше всего. И если человек снова обрёл свою родину, которую, впрочем, никогда не должен терять, мы говорим, и не можем не сказать, мы не имеем права не сказать: «добро пожаловать!»

Прекрасная апрельская ночь, чуть-чуть прохладная. Вино тоже прекрасно — качич из села Ачандара. Оно густое и тоже прохладное. Луна поднимается высоко и сквозь окна льёт голубоватый свет, который начинает спорить со светом свечей...

16. На пиру (продолжение)

Последний тост провозгласил князь Александр Ачба.

— За хозяина, — сказал он, — за дом сей и домочадцев!

Тост, от которого нельзя отказываться, тост, который надо принять беспрекословно. если даже душу твою скребёт тысяча чертей — таков элементарный и нерушимый закон гостеприимства. «Выпью, — подумал Саатбей, — выпью даже и в том случае, если вино станет для меня

жёлчью». И он выпил, косясь на Келеша, сегодня на редкость улыбчивого и доброго.

Келеш оживлённо переговаривался со своими ближайшими соседями, кому-то добродушно грозил пальцем, кого-то подбодрял, потрясая над головой туго сжатым кулаком.

Княжич Георгий поглядывал то на отца, то на брата, ел мало, аккуратно отламывая ломти чурека, осторожно отрезая небольшие куски мяса. За столом, казалось, присутствовала его оболочка, а душа и мысли витали где-то далеко. Он сидел будто чужой, вернее, как человек, глубоко погружённый в свои мысли, а всё, что полагается делать за столом, делал машинально. Он понимал, что отца и Аслана разделяет пропасть, разделяет, несмотря на это пышное сближение и мало-понятное раскаяние. Даже если допустить, рассуждал Георгий, что Аслан раскаялся вполне чистосердечно, очень нетрудно при его болезненном самолюбии снова сбиться на старый, преступный путь. Положение, которое создавалось отныне во дворце, не сулило полного успокоения. Напротив, с этой минуты возрастало напряжение, столь неприятное в семье и совершенно недопустимое в делах государственных. Требовалось какое-то решительное действие, но какое именно — Георгий пока ещё не мог придумать...

С последним тостом гости поднялись со своих мест и, опорожнив бокалы, направились в гостиную, длинную и узкую комнату, где их ожидали вазы с фруктами, калёными орехами и блюда с мёдом.

Князь Келеш с сыновьями занял место в углу, у карточного столика. Гости заполнили гостиную. Толпа разодетых князей, круглолицых, румянощёких, усатых и бородатых, сверкание позолоченных гозырей, кинжалов и шашек, являла взору прекрасную картину. Преобладание чёрных, коричневых и золотистых тонов, какое-то особенное сочетание света и теней придавало собранию величественный вид. Тёмные каштановые стены создавали глубокий и сочный фон, на котором ярко, словно луна на чёрном августовском небе, выделялось каждое лицо со своим, только ему присущим выражением и цветом.

Торжественная степенность или деланное благодушие, фарисейская покорность или искренняя преданность, подлинная смелость, воинская собранность или стоическая терпеливость, воровская выжидательность, разбойничья увёртливость или сатанинская жестокость отражается на том или ином лице. Все человеческие качества и пороки представлены в этой комнате. Но присутствовали здесь на собрании и настоящие люди, понимающие свой долг перед родиной, несомненно эгоистичные, но полезные граждане своей страны, поскольку дело касалось внешних врагов; первым среди таких был Келеш Чачба.

Князь заводит речь о главном событии нынешнего дня — о возвращении сына, ещё раз обращается к этой теме, словно не удовлетворяясь сказанным и слышанным за столом. Князь говорит стоя, и все стоят. В трёх шагах от него — Саатбей Диапш-ипа. Эшерский князь слушает Келеша с видом человека, которому осточертело всё на свете. Он нетерпеливо стегает по голенищу нагайкой, сплетённой из бычьих жил.

— Я благодарен нашему богу, — говорит Келеш и крестится необычайно широким крестом, как это делает епископ пицундский: от самого лба до живота и во всю ширину плеч; крестится медленно и степенно. — Я благодарен всевышнему за возвращение разума моему сыну. Ибо что такое человек без родины? Что такое, я спрашиваю, человек, который не может поднять меч в защиту родной земли, ибо он отказался от неё, а страна родная не приемлет его как сына? Существо такое с виду будто бы и человек, но это только кажется: это лесной зверь, и душа у него,

как у лесного зверя — пустая. Убей такого человека — и ты не будешь в ответе ни перед людьми, ни перед богом, ибо ты убил зверя — подобие хищного и бездомного волка...

Два выхода у Аслана: или обидеться и возражать, или безмолвно проглотить горькую пилюлю. Не для того явился он, чтобы открыто ссориться... Значит, он проглотит всё это вместе со слюной, которая готова удушить его. Так он и поступает и, на всякий случай, кивает головой: дескать, правду говорит отец. Георгий, брат его, отлично понимает, каких усилий стоит этот кивок самолюбивому и гордому Аслану.

— Отныне я спокоен, — продолжал Келеш. — Мой сын Аслан, как и все мы, может посвятить себя общей борьбе против турок и прославить своё имя. Он искупит и должен искупить свою вину. — (Опять кивает головой Аслан: дескать, прав отец). Келеш возвысил голос: — Отныне долг каждого из нас состоит в том, чтобы объединиться, объединиться и ещё раз объединиться. Это наш священный долг: или мы выполним его, или замертво падём под кривыми турецкими саблями!

Келеш бросил взгляд на князей, но у него не было времени рассматривать каждого из них. Перед его взором плыла комната, полная людей. Только Саатбея он видел ясно. Он видел дерзкую улыбку, видел усы, вздёрнувшиеся кверху, как пики, видел мышинные глаза, глядевшие словно из норы.

— Когда возвращается тот, — продолжал Келеш, — кто изменил нам когда-то, пора призадуматься и тем, кто сеет раздоры в нашем собственном стане. — Князь поднял правую руку высоко над головой и, кому-то грозя пальцем, сказал: — Пусть, пока не поздно, подумают и эти... Сегодня среди нас нет Маршанов. Это храбрые князья, и их помощь полезна в борьбе с врагом. Где они? Почему они отсиживаются в горах, когда побережье истекает кровью, когда турки убивают нас?.. Пять пальцев у человека на руке, и все они равно служат нам. Но если палец кривой и мешает руке — такой палец необходимо отсечь.

— Правильно! — сказал громко Александр Ачба.

По комнате пронёсся одобрительный гул.

— Спасибо, Александр, я всегда верил в твою мудрость. Нам с тобой остаётся поверить в благоразумие тех, кто ещё не выказал своей доброй воли.

И взгляды скрестились: взгляд Келеша — вопрошающий, и взгляд Саатбея — дерзкий, холодный, надменный.

Губы у эшерца бледнеют, рукоятка нагайки бьёт по голенищу дробно, словно дятел.

— Я не боюсь угроз, — резко бросает Саатбей.

— Я не называл твоего имени, Саатбей, но раз ты отозвался, давай поговорим. Я утверждаю в присутствии уважаемых людей, что твои поступки вредят нашему делу.

— Какому? — нагло спрашивает Саатбей.

— Мы против турецких работорговцев.

— И что же?

— Мы отвадим их от себя.

— Ты — мечтатель, — говорит Саатбей, — мечтатель опасный. Ты тягаться с великаном.

— С каким великаном?

— С султаном.

— Разве мы не обращали в бегство хваленые турецкие корабли?

А ещё скажу: мы не одни. А Грузия? А Россия?

Все слушают молча, затаив дыхание. Только Саатбей вертится словно волчок, ищет поддержки у князей. «Были бы здесь Маршаны, — ду-

мает он, — мы поговорили бы с тобой!» Это был настоящий поединок, очень опасный поединок. Келеш шёл на него обдуманно, а Диапш-ипа принимал бой вынужденно, подогреваемый петушиным задором. Разговор двух противников стал переходить на перестрелку: стреляет этот — отвечает тот, бьёт тот — в долгу не остаётся этот.

— Доколе мы будем гнуть наши шеи? — кричит возмущённый Саатбей.

— Перед турками?

— Нет, перед тобой!

— Пока янычары не переведутся на нашей земле. Понял?

— Нет, и не хочу понимать!

— А ты когда-нибудь спрашивал себя: почему янычары грабят твою собственную страну? Почему хватают и увозят в рабство твоих единовверных?

— Нет, и не желаю знать!

— А мы заставим разобраться кое в чём! Заставим и тех, кто притаился в горах, словно шакалы!

— Ты нам ровня, а ведёшь себя словно бог.

— Я не бог, а всего-навсего старший среди вас.

Аслан и Георгий становятся поближе к отцу, князя Диапш-ипа — поближе к Саатбею, того и гляди передерутся.

Князь Келеш указывает пальцем на Саатбея, кричит, теряя самообладание:

— Послушай, я требую повиновения! Я требую от тебя прекращения всякой связи с Маршанами, с турками, связи явной и тайной. Не потворствуйте работорговле, не потворствуйте янычарам — этим торговцам живым товаром! Я требую...

— Повиновения?

Саатбей смеётся, обнажая зубы, скаля их, словно волк, готовый перегрызть глотку. Нет, Саатбей не простой орешек, князь ещё обломает свои клыки...

— Мы, — говорит Саатбей, — равные. У тебя с турками свои счёты, у нас — свои...

— А страна?

— Какая страна?

— Наша страна.

— Ах, наша...

— Саатбей, мне надоели эти выходки. Я требую повиновения и благодарумия.

— Нет! — возмущённо вопит Саатбей, хватаясь за кинжал. Его тонкий голос звучит, словно женский крик, — нет!

— Вы сами видите, — обращается Келеш к присутствующим, — до какой наглости дошёл этот турецкий наймит...

— Я? Я наймит?! — вопит Саатбей.

— Да.

Александр Ачба пытается вмешаться в спор. Он успокаивает Саатбея.

— Оставь меня! — вопит Саатбей.

Люди сжимаются плотным кольцом, в середине которого, словно борцы, стоят друг против друга Келеш и Саатбей. Противники ожесточились, это ясно для всех. Но Келеш продолжает сохранять достоинство. Он только упрямо твердит: «Единение, послушание! Единение, послушание!». А Саатбей брызжет слюной, слова и мысли у него путаются, и он всё время судорожно хватается за кинжал.

— Успокойтесь, — говорит князь Ачба, — сейчас не время.

— Нет, именно сейчас, — возражает Келеш. — Я требую...

Саатбей не даёт ему договорить. Он поднимается на цыпочки, вытягивает шею, как индюк.

— Нет! — визжит он. — Нет!

— Повтори ещё раз!

— Нет, нет и нет!

В это мгновение за спиною Саатбея, на глазах у изумлённой знати, блеснула шашка, блеснула, словно молния из мрака, и непокорная, горячая Саатбеева голова покати́лась на дубовый пол. Она глухо стукнула, будто Саатбей обронил арбуз или тыкву. Тело секунду ещё продолжало стоять, а голова уже купалась в луже буйной крови.

В ушах у людей звенело: «Нет... Нет... Нет...»

Батал вложил шашку в ножны и отошёл в сторону. Он улыбался своими немигающими глазами. Нынче он торжествовал победу.

Всё случилось в мгновение ока: сверкнула молния, испепелила зло—и погасла. Это был предметный урок Келеша Чачба, урок суровый, но полезный.

17. На пепелище

Семьдесят вёрст позади.

Серый апрельский рассвет. По обеим сторонам дороги кусты ежевики. Подковы звонко цокают. Где-то недалеко постукивает дятел. Кто-то поёт, подрубая дерево, — из лесу доносятся удары топора. В небе кружит ястреб, в сером утреннем небе, нынче особенно низком и тяжёлом. Даже на востоке, где полагалось бы сверкать солнцу, — та же свинцовая серость, те же тяжёлые облака и низкое небо.

Совсем недалеко большое, спокойное озеро. Дорога круто сворачивает к морю.

Даур подгоняет коня. Конь скачет среди высоких камышей. В воздухе роятся комары. Они здесь злые, как собаки... Озёрная, непривычная тишина... Знакомая с детства песня, которую кто-то поёт в лесу, — немного жалостливая и однообразная:

За лесом, лесом дремучим
Золото, золото есть...
Парень, парень уходит,
Словно в пламени весь,
Словно больной в лихорадке,
Словно пьяный от мёду...
За лесом, лесом дремучим
Золото, золото есть...

Это очень длинная песня, длинная, как и сама подневольная работа. Её можно петь целый день, уснуть, проснуться и снова петь. Это песня про коварную девушку и влюблённого парня.

А девушка-красотка,
Княжна, княжна презнатная,
Как известь, телом белая,
Коварная, приятная...
За лесом, говорит, за лесом
Золото, золото есть...

Почему-то вспомнилась Саида. Впрочем, Даур всегда думает о ней, как певец о своей новой песне... Хорошо, что сомнения рассеялись и на душе спокойно, как на этом озере... Ах, если бы не новая беда на Пицунде... Даур хлестнул коня. «Нет, никогда не даётся людям полное счастье,— решает молодой человек. — Никогда!»

Вот орешник, за ним — высокие тополя. Дорога превращается в тропу, узкую, словно галун на черкеске. Тихо, очень тихо, не слышно ни лая собак, ни пенья петухов, ни мычания коров...

Всадник выезжает на зелёную поляну. Отчётливо слышится шум морского прибоя. Перед Дауром взморье. Волны подстать небу — свинцовые, едва переворачиваются они с боку на бок, лениво рычат, словно голодные псы...

Но где же знакомый хуторок? Где домики, бодро державшиеся на деревянных ножках? Где плетни, аккуратно обозначавшие ровные дворики? Где амбары, подёрнутые старинным мхом? Где хотя бы одна живая душа?

Тихо, как на кладбище, мрачно, словно в комнате, в которой лежит покойник. А ведь совсем недавно тут ключом была жизнь, на пашне трудились люди, сады расцветали под весенним солнцем, пели петухи, сердились здоровенные индюки... Где всё это? Словно сдуло ветром с лица земли — ни домов, ни плетней, ни души живой...

Даур слезает с коня. Вокруг — пепелище да четыре обгорелых столба. Вот и очаг: два больших камня и цепь между ними — а висела цепь над очагом. Морской ветер колышет нежную серую золу...

Даур бродит, словно во сне, будто тень в этом царстве разрушения. Уже и ящерицы успели появиться. Даур от злости поднимает первый попавшийся под руку камень, и от ящерицы — только мокрое место.

Вдруг из серого пепла и холодного угля поднимается чья-то согбённая фигура. Она кажется страшной в этом молчаливом мире. Она идёт прямо на Даура, и молодой человек невольно отступает назад.

Не сразу признал Даур в этом жалком существе, ковылявшем к нему, женщину, которая совсем ещё недавно была бодрой, весёлой, здоровой тётушкой Есмой. Никто не давал ей прежде и пятидесяти лет. А сколько ей сейчас?..

Он подходит к ней в скорбном молчании и обнимает. Старуха не причитает, не плачет. Глаза у неё сухие, как песок на берегу. Она жмётся к племяннику, у неё нет больше сил для выражения своего непомерного горя.

— Тётя, — еле слышно говорит Даур, — как это случилось?

Женщина долго молчит, а потом роняет слова медленно-медленно:

— Пришли два корабля... Кто думал, зачем они?.. Высадились, значит, турки... сто человек... с ружьями... с саблями...

Даур сильнее прижимает к своей груди старуху. Хорошо, что она не глядит на него и не видит его слёз — мужчина не должен плакать...

— Что дальше, тётя? Говори...

— Сестру твою увезли... Всех молодых увезли... А брата твоего и других...

Старуха энергично освобождается от объятий Даура. Она хватается за руку и увлекает в рощу. Там, среди старых сосен, много могильных холмиков, свежих, рыхлых.

— Кого тебе надо?.. Вот здесь твой брат... Там твой дядя... Соседи: Торкан, Гудим, Мац... Вон дети... Твой брат не дался... Он дорого им стоил...

— Тётя... Ну с чего всё это началось?

Старуха меняется в лице: брови насупились, лоб собрался в морщины, губы поджаты. Она запрокидывает голову, скрещивает руки на груди и говорит твёрдым, как медь, голосом:

— А разве ты не знаешь, с чего начинают всякие разбойники? Разве ты не знаешь, чего им надо от нас? Добра нашего надо, крови нашей. Вот и началось!

Даур перед лицом этого неслыханного зверства, перед лицом невинных жертв падает на колени.

Не для того он преклонил колени, чтобы оплакать собратьев, — нет, это сделают другие, и не для того, чтобы проклинать врагов, — это тоже делают другие, но для того, чтобы в это утро, в присутствии старшего и любимого человека, безмолвно принести страшную клятву в том, что отныне целью его жизни будет месть врагу, суровая, безжалостная месть...

Старуха бросается ему на шею и рыдает. Откуда вдруг взялись слёзы? Они хлынули, как дождь в грозу, хлынули безудержно, иссушая мозг и сердце несчастного, навек искалеченного существа...

Друзья мои, много слёз и крови пролилось по вине янычаров. Много съёл опустело, много погибло людей, исчезли целые народности. И старая Есма — песчинка среди сонма пострадавших, но как велико её горе! А что если бы собрать страдания всех людей, замученных янычарами? А что если бы вдруг одною рекою потекла вся кровь, пролитая янычарами? А что если бы собрать воедино гнев людей, обездоленных и униженных янычарами? Какая сила на земле посмела бы соперничать с ним, с этим великим народным гневом?!

18. Весенний гром

Первый весенний гром — так окрестил народ беспримерную казнь на княжеском пиру. Одни князья были поражены, другие — струсили, третьи — обрадовались. Простой люд встретил весть о казни Саатбея полным одобрением. Словно ударила в ночи молния, зажигая высокий тополь и озаряя светом пламени события и людей. У многих открылись глаза, точно им стало яснее, где враги и где друзья.

Аслан долго не мог прийти в себя — он не ожидал такой развязки. Отец сбил его с толку, смешал на время все его мысли. Княжич увидел собственными очами, как легко может слететь башка предателя, и это по-настоящему ужаснуло его. Случай с князем Саатбеем как бы говорил: имеющий око да видит! В этой скрытой угрозе и таилось самое неприятное для Аслана.

Но внешне Аслан вёл себя прекрасно: он глубоко запрятал в душе своё настоящее мнение по поводу этой казни. Он даже как-то процедил сквозь зубы: «Собаке — собачья смерть». К его движениям присматривались особенно пристально, к его словам прислушивались чрезвычайно ревниво, и княжич, надо отдать ему справедливость, умел держать язык на привязи.

На Маршанов казнь Саатбея произвела воистину удручающее впечатление. Хорошо защищённые горными хребтами, окопавшись в огромном, труднодоступном треугольнике Чхалта — Сакен — Ажара, Маршановы уповали на остроту своих шашек, меткость кремнёвок и — не в последнюю очередь, разумеется — на султана. Все они, как один, облачились в траур. Но многие из них взгрустнули основательно, попросту говоря, испугались.

Эшерские князья присмирели. Они никак не могли прийти в себя. Каждый из них таил злобу против Келеша, но на людях эта злоба скрывалась под лстивыми улыбками. Как говорится, хвосты у предателей горели жарким огнём, и они, волей-неволей, были вынуждены осудить янычаров и на словах — хотя бы так! — порвать с ними.

Кровавый апофеоз долгой усобицы заставил насторожиться Кучука-эффенди. Приказчик Юсуф, первым сообщивший о казни, получил звон-

кую оплеуху. Этот долговязый парень лет двадцати, рабски преданный хозяину, заскулил и отошёл в угол.

— Собака, — сказал взбешённый Кучук, — повтори-ка ещё раз!

В складках занавески, отделявшей жилую часть от торговой, появилась бледная Саида. Юсуф скороговоркой повторил свой бессвязный рассказ, заранее предвкушая сладость новой затрешины: хозяйская рука всегда сладка, — учил его Кучук.

— И он погиб? — спросил купец, обливаясь холодным потом.

— Хозяин, — сказал дрожащий Юсуф, у которого ум зашёл за разум, — я этого не могу знать. Мне известно одно: голова отделилась от туловища.

— Значит — погиб?!

— Не знаю. Она, говорят, повторяла: «Нет, нет, нет!»

«Ударить этого балбеса — только себе в убыток», — подумал Кучук и дал понять, что Юсуф может убираться ко всем чертям.

Вслед за Саидой показался Мамед. Он решительно раздвинул занавеску и вплотную подошёл к купцу.

— Кто убит? — спросил он.

— Князь Саатбей Диапш-ипа.

— Это его голова покатилаь?

— Да.

Мамед скрестил руки на груди и мрачно заметил:

— Вы знаете, что это очень скверно?

Скверно — это ясно, и каждый в эту минуту подумал о собственной голове. В лавке будто стало прохладней — по коже пробежал мороз.

— Надо бы встретиться с Асланом и французом. Вечером. Нет, ночью, — уточнил Мамед.

— Они заглянут ко мне, — сказал Кучук уверенно.

— Сюда? В лавку?

— А что тут особенного?

Мамед подумал.

— Мне кажется, что это небезопасно, — заметил он с тревогой. — Мне не мешало бы убраться отсюда...

Кучук громко рассмеялся и смешно замотал головой, словно лошадь, хлебнувшая студёной воды.

— Ты не знаешь местных порядков, Мамед. Знай наперёд: купец в этой стране — уважаемый человек. Он вне подозрений. К этому всех приучил владетельный князь.

— А что ты скажешь о Батале?

— Не напоминай мне о нём, — брезгливо произнёс купец. — Это кровопийца... Во всяком случае, имей в виду: дом Кучука самый безопасный в этом городе.

Мамед пожал плечами и скрылся за занавеской. И тогда отец и дочь переглянулись. Они откровенно обменялись немой мыслью, смысла которой нельзя было не понять, ибо породил её страх...

Темур из Дала, проведая на базаре об удивительном происшествии во дворце, бегом вернулся к рыбаку. Он растолкал дремавшего на нарах Согума.

— Где Бирам, Согум?

— Я здесь, — крикнул из-за тонкой перегородки Бирам.

— Торопись к нам, ежели хочешь послушать удивительные новости.

Бирам вошёл в комнату с обрывком сети в руках. «Новость нешуточная», — решил рыбак, увидя возбуждённого Темура.

— Поздравьте меня, — начал Темур, — я, кажется, перестал дуться на нашего Келеша.

— А разве ты сердился на него? — спросил Бирам.

— Ого, да ещё как!

— Поздравляю, — сказал Согум зевая. — Теперь, я полагаю, Келеш вполне доволен, — добавил он колко.

— Именно! — воскликнул горец. — Нынче я засну спокойно... Послушайте, а ведь Келеш — настоящий герой. Знаете, что он сотворил?

— Он подарил тебе землю...

— Усыновил тебя, — сказал Бирам смеясь.

— Берите выше, чёрт возьми!

Согум присел, свесив ноги и шаря ими в поисках чужак из сыромятной кожи. Он плохо спал, всю ночь одолевали глупые сны. То он был в Стамбуле и дерзко разговаривал с султаном, то его пороли в Трапезунде, то шёл на морское дно, словно камень. Он окинул Темура унылым взором и продолжал шарить ногой под нарами.

— Знаете что? — сказал Темур. — Саатбей Диапш-ипа поплатился головой.

И он поведал о страшной казни во дворце. Темур говорил захлёбываясь, глотая концы слов, жестикулируя и пересыпая речь отборными ругательствами по адресу князей Маршанов.

— Одного нет — и то, как говорится, хлеб. Значит, легче нам будет, а туркам придётся хуже... Ну что, плохая новость?

— Дай бог тебе здоровья, — сказал Бирам.

— С нас магарыч, — признался Согум.

Рыбак курит трубку. Он следит за тем, как сизый дымок уходит в открытое окно. За окном — песок и галька, а дальше — ровная синь моря, присмирившего, усталого.

Согум говорит:

— Это очень правильно. Хочешь избавиться от турок — изведи предателей в своём собственном доме. Будь я на месте Келеша, войной пошёл бы на Маршанов.

— А эти купцы турецкие? — замечает Темур.

— Этих я бы по затылку, чтоб другим не повадно было...

— Да, — говорит Бирам и умолкает. Он посасывает трубку, как телок сладкое вымя, посасывает, посапывает и молчит. Рыбак жмурит глаза и смотрит в окно, в голубую бесконечную даль. Бирам спрашивает: — А кто тебе мешают?

— Мне, что ли? — спрашивается Согум.

— Да, тебе.

— Мне... им... по затылку? — недоумевает Согум.

— А почему бы и нет!

Чёрт возьми, об этом крестьянин и не подумал. В самом деле, почему бы и нет? Но это бунт, чёрт возьми, настоящий бунт! Вот ежели б затеял кто-нибудь другой, ежели б намекнул кто-нибудь, посоветовал кто-нибудь из влиятельных лиц... А то бунт без разрешения — даже непонятно как-то...

— На доброе дело разрешения не требуется, — возражает Бирам.

Он скашивает глаза на Темура. Тот собирается с мыслями. Возможно, Бирам и прав — на доброе дело разрешения не требуется. Это верно. Но ежели спросить, чего хотел бы Темур, то он скажет твёрдо: крепкого подзатыльника янычарам и клочка земли для себя, а на всё прочее — наплевать!

— Да, да, наплевать, — говорит он.

— А как же быть с вашими Маршанами?

— К чёрту их! Ко всем чертям вместе с турками!

— Это князей, что ли?

— Почему князей? Я говорю — Маршанов.

— А кого вместо них?

Темур почёсывает затылок: вот, в самом деле, задача... Кого бы это?

— Ну, хотя бы Келеша... — Но вспомнив вчерашнюю обиду, он произносит скороговоркой: — Говорят, хорош Ачба, Александр Ачба...

— Может быть, вовсе без князей?

— Без князей? Как это можно? Ты что-то путаешь меня, Бирам. Как это без князей? Я вовсе не о том... Князь нужен, но он должен быть добрый.

— Пожалуй, так, — соглашается Согум.

— А ты видел их, добрых князей?

Согум и Темур переглянулись.

— Не ройтесь в памяти, — предупреждает их Бирам, — всё равно ничего там не сыщется. А знаете, почему? Потому что все князья на один лад: все они хорошие, все они любят посидеть у нас на шее.

Крестьяне поёживаются от таких слов, им становится не по себе. Ну и смелый старик этот Бирам, режет себе, и в ус не дует. Чего добротс, он и до бога доберётся.

— До бога? — говорит Бирам. — А вы знаете, что такое бог?

— Что такое бог? — переспрашивает Темур.

— Да.

— Я не учёный человек, — говорит Темур, — но пойдй в любую церковь, и ты увидишь бога.

— А ты что скажешь, Согум?

— Бог на небе, — серьёзно говорит Согум.

Бирам выбрасывает вперёд свои руки, смуглые, обветренные руки. Поворачивает их ладонями кверху. Потом он складывает пальцы в кулаки и вертит ими во все стороны.

— Вот это наш бог. Видите? Он добрый, трудолюбивый, грозный, всемогущий. — И со всего маху по табуретке: бах! — Это бог рыбацкий, бог крестьянский, какой угодно бог!

— Хороший бог, — смеются крестьяне, любясь рыбацкими кулачищами.

— А вы думали!.. Нет, друзья мои, ежели у вас в голове хорошие мысли — творите добро. Сидеть и болтать — не дело! Только землю пахать и ничего дальше своего носа не видеть — не дело! Одного князя менять на другого — всё равно, что оспу сменять на чуму. Вот ты, Темур, дрожишь от злости при одном слове «янычар». Согум ненавидит их. Я тоже... Вот собрались бы мы с вами и подумали...

Последнюю фразу Бирам почти пропел.

Крестьяне поражены. Они, признаться, и не додумались бы сами до всего этого. Согум рассеянно одевается — то сунет руку не в тот рукав, то ноговиц своих никак не найдёт.

Темур принимается за чистку кинжала. Он берёт кусок шерстяной тряпки и дышит на лезвие, блестящее, как слюда в горах. А Бирам, как ни в чём не бывало, продолжает курить. Он пускает сизые клубы дыма и ухмыляется. И вдруг далеко в горах прокатывается низкий гулящий звук.

— Гром! — говорит Темур встрепенувшись. — Первый весенний гром!

Ему становится хорошо от этого грома. Светлеет лицо и у Согума. Они чему-то улыбаются. Может быть, пробудились в них потаённые, дотоле спавшие мысли? Может быть, весенний гром отозвался в их душе с какой-то особенной силой? Всё может быть...

Но Бирам, этот чуть медлительный рыбак-черноморец, жёстко поправляет Темура:

— Нет, не первый гром. Первый прогремел во дворце. Ещё вчера вечером.

19. Ночью у купца

— Дочь моя,— сказал Кучук,— я хочу, чтобы ты получше присмотрелась к молодому князю.

— А он придёт к нам?

— Нынче же ночью.

Саида убрала остатки ужина, подмела пол, привела в порядок комнату.

Кучук возлежал на низенькой тахте, утопая в шёлковых подушечках. Кальян усердно булькал. Вода пузырилась, как горный ключ. Саида, одетая в белое шёлковое платье, порхала по комнате, словно мотылёк. Отец наблюдал за тем, как в стеклянном кальяне поднимались пузырьки, поднимались и лопались. «Такова и человеческая жизнь»,— думал Кучук, который всё же не хотел бы уподобиться этим пузырькам. Но жизненный опыт подсказывал ему, что участь пузырьков уготована многим, очень многим. В его голове, казалось погружённой в покой, бродили разные планы и мысли. Ему порядком надоели еженедельные донесения в Трапезунд, бесконечный сбор всякого рода сведений, огромное число справок, подчас глупых и бесполезных. «Пора действовать,— думал он,— ибо плод созрел и готов упасть к ногам». Всё Черноморское побережье Кавказа казалось ему созревшим плодом, и он сердился на стамбульских правителей, раскачивающихся медленно и нерешительно. Момент для удара, решающего удара по врагу в бассейне Чёрного моря, казался подходящим и неповторимым. Россия занята европейскими делами, которые всё больше и больше начинают уподобляться непролазной трясине. Можно ли упускать такой случай?.. Кучук делал всё от него зависящее, тормоша своих хозяев. С приходом Аслана и после его водворения в крепости дело приняло совершенно ясный оборот, точно определяемый словами: «Не зевай». Положение ещё более прояснилось после казни Диапш-ипа. «Надо действовать»,— так решил Кучук.

Вот какими мыслями занят купец. А как посмотришь на него со стороны, невольно скажешь: «Вот старый человек, утомлённый дневными заботами, он дремлет после ужина, и мысли его текут плавно и спокойно». А при виде молодой турчанки, порхающей по комнате, непременно подумаешь: «Вот беззаботная юность, чистая, словно утренний воздух». А между тем Саида нетерпеливо ждёт гостей, и ей, говоря откровенно, очень хочется повидать того, с чьей судьбой хитрый Кучук уж наверное связал её судьбу.

Кучук сказал, что явятся гости, и они действительно не замедлили прийти в условленное время. Они собирались поодиночке, осторожные, мрачные. Можно было подумать, что это слетаются вороны, всегда угрюмые и хмурые.

Первым показался Мамед. Его не видели с самого утра. Он озяб и потирал руки, словно торговец на базаре. Турок прошёлся по всему городу, осмотрел крепость, повидал кого надо. Неразговорчивый от природы, он нынче казался просто немым. Мамед попросил кофе и даже не взглянул на Саиду, очевидно уязвлённый присутствием женщины в мужском обществе.

— Ничего не поделаешь, Мамед,— оправдывался Кучук,— Юсуф занят своим делом, а больше никого не хочется держать при себе.

В представлении Саиды Мамед воплощал в себе мрачную волю и неукротимую энергию фанатика. Он был из той породы турок, которых вскормила жестокая тиранья, необузданно стремившаяся к расширению имперских владений. Их, этих людей, словно воспитали в жутких подземельях, где обучали послушанию и жестокости, а главное — ненависти к чуждым нациям и чуждым религиям. Ведущим принципом воспитания в Стамбуле признавалось внедрение в сознание людей превосходства турецкой крови и ислама над кровью всех прочих наций и прочими верованиями. Ближайшей задачей правительство считало массовую, ничем не ограниченную поставку в Турцию целых народов в качестве рабов. Но это лишь первая ступень. Следующая ступень — покорение всего Кавказа, Закаспийского края, Афганистана, Персии. Саида испытывала невольное уважение к молчаливому турку, молодому, но много обещающему. В нём были слиты воедино и злоба шакала, и увёртливость пантеры.

...На дворе моросил дождь. Облака ползли низко. Море было недвижно, будто в него влили миллионы пудов дельфиньего жира. А в комнате Кучука-эффенди тепло и уютно от горячего мангала и ковров. Эту разницу мигом уловил жизнерадостный француз, сохранивший в обращении с людьми налёт парижского легкомыслия, несмотря на суровую профессию лазутчика.

— Какой чудесный уголок, — сказал он, входя в комнату и небрежным движением сбрасывая с себя плащ. — А кто эта дама?

Саида мелькнула за занавеской и скрылась. Однако опытный француз безошибочно определил прекрасную фигуру.

— Какая дама? — спросил турок.

— Вон та, — сказал француз, указывая глазами на занавеску.

— Моя дочь.

— Чудесно! — Тут француз заметил Мамеда. Он сухо поклонился, осторожно присел на стул, точно боялся, что стул развалится. — А я и не знал, что у вас есть дочь...

— Знакомьтесь, прошу вас...

Мамед улыбнулся французам деревянной, скупой улыбкой и протянул длинную, как щупальцы, руку.

— Как видно, Мамед изменился... — сказал Мамед.

Француз вскочил со своего места.

— Мсье Мамед?! — воскликнул де Симон. — Вот так встреча!

— Не ждали?

— И не думал. — Француз тряс руку Мамеда. — Чёрт возьми, как приятно встретить друга в этой варварской стране. Вы по делам?

— Да, по делам, — многозначительно ответил Мамед.

— Так это вы сопровождали мсье Аслана? Вы слышали, господа, эту ужасную историю с головой? Мне рассказывали очевидцы.

— И что же?

— Мсье Мамед, я хочу сказать, что этот случай отнюдь не свидетельствует об утончённых нравах туземных правителей. Вы поняли меня?

— Вполне. Но вы ещё больше поразитесь, когда поймёте, что они подрубают сук, на котором все мы сидим.

— Кто подрубает?

Француз вытер платком лысую голову, настолько лысую, что, казалось, волосы никогда на ней и не росли. Он недовольно поморщился. Несмотря на некоторую опасность, которой подвергала его специальность лазутчика, он оставался ярким эпикурейцем. В конце концов, именно эта работа вывела его, можно сказать, в люди, это она низвела его с высот парижских мансард до сносно обставленного бельэтажа и, нако-

нец, сделала его чем-то вроде маленького паши на Востоке. Ревностно служа триединому богу — отечественному, английскому и, поневоле, турецкому, — он ни на минуту не забывал о собственной персоне и в положенный срок мечтал поселиться где-нибудь в Провансе или Шампани. Поэтому намёк Мамеда на аллегорический сук, который подрубают, не доставил французу большого удовольствия.

— Какой сук, мсье Мамед, и кто подрубает его?

— За вами, по-моему, следят, господин инженер...

— Ну, это полбеда...

— Покатилась одна голова... Но, кроме этой, есть ещё головы...

— Да, погода быстро меняется, — невесело согласился француз.

В дверь грубо постучали. Не успел Кучук откинуть щеколду, как в комнату ворвался человек, закутанный в бурку.

— Вы тепло устроились, — сказал вошедший более чем невежливым тоном, осматриваясь вокруг. — Вас подслушивали.

— Кто?

— Чёрт знает кто. Я их огрел плетью, и они удрали. О чём вы тут говорили?

— Да нет же, — возразил купец, — мы шептались едва слышно. Может быть, лезли воры?

— Не знаю, — буркнул Аслан: это был он.

— Он прав, — заметил Мамед, — нужна осторожность. Надо кому-нибудь постоять снаружи. В этом доме мы встречаться больше не будем...

— Саида, — негромко произнёс купец.

Занавеска колыхнулась, скрипнула дверь — это Саида вышла на крыльцо. И Кучук сказал:

— Меры приняты.

Четверо мужчин склонились друг к другу. Они стараются говорить как можно тише, обдумывают слова — не тратят их попусту. Повидимому, казнь Саатбея должным образом повлияла на молодого князя. Он не может без содрогания вспоминать о голове.

— Отец торжествует победу, — говорит он. — Все, кроме Маршанов, на коленях.

У Аслана хриплый голос — в этом повинны перец и вино. Он обеспокоен решимостью своего отца. А Батал — сущий изверг. В его мозгу постоянно рождаются адские замыслы. А что, если Батал шепнёт старому князю что-нибудь против Кучука, или господина инженера, или... Глаза начинают поблёскивать, предательский страх проникает в душу, и Аслан ищет ответа на свои мысли, он хочет услышать его из уст своих сообщников. «Напуган до полусмерти, — говорит про себя Мамед, — тем лучше для нас».

Вор, зарящийся на чужое добро, — существо омерзительное. Разбойник, обирающий несчастную жертву, — просто не человек. Убийца, хладнокровно направляющий нож в чужое сердце, — зверь. Но кто же, спрашивается, предатель, торгующий интересами родины? Кто же такой Аслан? И то, и другое, и третье.

Когда погружаешься в глубь человеческой истории, среди сонма героев и честных людей то здесь, то там мелькнёт тень предателя. Мелькнёт — и ты уже знаешь наперёд, что сам он, этот предатель, и дело его обречены на гибель. Ты уже чувствуешь, как он запутывается в тенётах, как смерть ходит за ним по пятам и как он понимает это своей жалкой, маленькой — мельче булабочной головки — душонкой. Ему то помешается чья-то рука, несущая возмездие, то из темноты лезут огромные уши, то вдруг сверкнёт чьё-то недремлющее око — и предатель дрожит.

Он съёживается, как и Аслан в эту минуту, трясущийся от каждого скрипа, пугающий себя биением собственного сердца...

— Надо что-то придумать, — говорит молодой князь, тщетно скрывая вдруг охватившую его робость.

— Ладно, слушайте меня, — отчеканивает властно француз.

Он приглашает всех поближе к себе. И чёрные гости, слетевшиеся, как вороньё, в эту гостеприимную страну, пускаются в подробное обсуждение задуманного ими дела. Можете не сомневаться в том, что дело это, как и люди, затеявшие его, подлое...

А во дворе, в вечерней сырости зябнет прекрасная Саида. Она зорко вглядывается в темноту, чутко прислушивается к тишине. С неба падают крупные, увесистые капли. Над морем стоит тусклое зарево — рассеянный облаками свет луны. Оно отражается, это зарево, во множестве луж и ручейков, обозначающих собою земную поверхность, а всё остальное — дома, деревья, горы — погружено во тьму, во тьму огромного sklepa...

К изгороди подъезжает всадник. Саида тотчас же бежит навстречу, бежит прямо по мокрой траве, по лужам.

— Кто это?

— Я.

И Саида успокаивается.

— Как я рада, — говорит она. — Я знала, что ты приедешь, Даур.

— Спасибо тебе.

Он нагибается к ней, берёт её руку.

— Ты откуда?

— С Пицунды.

Голос у него надтреснутый, вялый.

— Ты промок?

— Нет.

— А где бурка?

Он махнул рукой.

— Ты видел свою тётю?

— Всё пошло прахом... Кто у вас?

— Мы одни: отец и я.

— Это правда?

— Даур...

Дауру очень хочется взглянуть в её лицо. Но вместо лица — серое пятно, такое же серое, как и пепел на Пицунде... И он выпускает её руку, почему-то вдруг показавшуюся скользкой, холодной, словно ящерица.

— Хочешь, я вынесу тебе чашку кофе? — спрашивает Саида, а сама думает: «Надо предупредить отца».

— Хорошо.

Девушка шлёпает чустами по мокрой земле. Вот она скрылась за дверью.

Даур отъезжает от изгороди. Конь идёт по обочине, мягкой от густой травы, словно ковёр. И ничего не уносит Даур от этой встречи с возлюбленной, только память о скользкой, как ящерица, руке. Ничего не почувствовало его сердце, кроме горькой неприязни, ибо оно осталось там, на Пицунде, вместе со старой Есмой и свежими могилами...

Вот как может перевернуть всю душу один день, всего один-единственный день! И Даур, который всегда глядел вперёд, как сокол, впервые за двадцать лет посмотрел на себя со стороны, как подобает настоящему мужчине. И он понял, что стал гораздо старше. И старше, и зорче...

20. След от плётки

Два крестьянина, Темур и Согум, снедаемые любопытством, пожелали хотя бы одним глазом заглянуть в логово Кучука-эффенди. Они весь вечер бродили вокруг лавки. Наконец, Темур подсадил Согума к высокому окну — и в это самое время кто-то огрел его плетью. Крестьяне, разумеется, бросились наутёк.

Плётка оказалась настолько злой, что Темура прошибли слёзы.

— Сдаётся мне, что это не простая, а княжеская, — крихтел Темур, с трудом растирая себе спину. — Кто же это может быть? Князей много, а плётки у них, как капли воды, похожи друг на дружку...

Кто мог навестить турка в такую непогоду да ещё с этакой плёткой? Эту тайну надо разгадать во что бы то ни стало, — решили Согум и Темур. К кому бы обратиться за советом? Где найти место, подходящее для глубоких размышлений и неожиданных находок? Ну разумеется, на рынке! Ну разумеется, в зеленных рядах — самых весёлых и смекалистых на базаре. И паутро два горца, почёсывая в раздумье затылки, направляются на базар, где заодно можно сбыть и остатки Согумова мёда.

Галдёжь, обдавший Согума и Темура, словно кипятком, обычный рыночный галдёжь произвёл нынче на крестьян хорошее впечатление. Хоть день был и пасмурный, но на базаре былолюдно, а главное — шумно... Согуму и Темуру повезло с самого начала: они наткнулись на драку. Толпа человек в пятьдесят плотным кольцом обступила дерущихся.

— Давай узнаем, в чём дело, — предложил любопытный Согум.

Он протиснулся в людскую гущу головой вперёд, увлекая за собой Темура. Изрядно помятые, они, наконец, пробились к самой середине.

— Что тут случилось? — справился Согум.

— Этот турок, продавец сладостей, обвиняет крестьянина.

— Обвиняет, говоришь?

— Турок говорит, что тот недодал ему нескольких грошей.

— А что тот?

— Тот отрицает свою вину.

— А что этот?

— Этот настаивает на своём.

— Но турок, как видно, передал ему сверх меры, — заметил Согум, указывая на человека с разбитым лицом.

Турок, огромный детина с ножом за поясом, держал шуплдог крестьянина за ворот рубахи, а свободной правой рукой бил его по лицу — по зубам, по носу, по скулам.

— Давай деньги! — кричал турок, подкрепляя своё требование увесистыми ударами.

Неизвестно, был ли в чём-нибудь повинен крестьянин. Он растерялся настолько, что даже не оборонялся.

— А почему вы их не разнимете? — спросил Согум.

— У турка нож.

— Так что же?.. Эй, ты! — обратился Согум к турку. — Зачем его бьёшь?

— Пусть отдаст мои деньги!

— Он взял их, — запищал крестьянин, у которого было сильно сдавлено горло.

— Оставь его, — сказал холодно Согум.

— Убирайся вон! — заревел турок.

Не успел Темур удержать своего друга, как тот уже сидел верхом

на турке. Турок повалился наземь. Он стал шарить рукою у себя за спиной, пытаясь выхватить нож. Но тут вмешалась толпа. Турка в одно мгновение смяли. Заварилась настоящая каша. Нашлись хорошие люди, которые живо разнесли турецкую лавку, а товары затоптали в грязь.

Согум едва вырвался на волю, весь красный, с синяками на лице, с разорванной черкеской, но очень довольный собою. Его подхватил под руку Темур и оттащил в сторону.

— Турка надо учить как следует! — сказал Сोगум.

— Уйдём, пока не поздно, — посоветовал Темур.

— Ты видел, как дубасил этот верзила? Не старые нынче времена! Ох, попадётся он мне где-нибудь в тёмном месте...

Согум умылся проточной водой, вытерся башлыком и кое-как с помощью Темура зашил черкеску.

У зеленщика Гудима уже судачили о драке и каком-то молодце, который проучил турка.

— Вот он, этот герой, — сказал Темур, толкая вперёд Согума.

— Ты шутишь... — Гудим зажмурился, почесал огромный нос, красный, как бурак.

— Вот синяки, ежели не веришь...

— Синяки? — Гудим надвинул папаху на самые брови. — И правда, синяки! Ну, молодец, Согум! С меня магарыч.

Он достал из-под прилавка штоф вина и налил в глиняную чарку.

— Твоё здоровье, Гудим! — сказал Согум.

Сели, закусили немного, полакомились молодым луком, перцем и сушёным мясом. Гудим обрызгал водой зелень и овощи и достал ещё один штоф.

— Мы к тебе за советом, — начал Согум. — Ты нам должен помочь в разгадке одной тайны...

— Очень люблю тайны, Согум. Я считаю, что это лучшее из всего, что я знаю, лучшее после зелени. — И Гудим разразился громоподобным раскатистым смехом.

Никто не обратил на это внимания, ибо все зеленщики имели привычку хохотать очень громко.

— Ты знаешь Кучука-эффенди, Гудим?

— Турка, что ли?

— Торговца шелками...

— Знаю, чтоб ему пусто было! Бестия он...

— А дочь?

— Красавица!

— Ты знаешь её?

— За ней ухаживает этот, как его, Даур... Иду я как-то утром рано, а они уже сладко разговаривают меж собой, гладят друг дружку руки. — Гудим облизнул губы, словно они были в меду.

— Какой позор! — возмутился Согум. — Ласкать девушку на людях! Ты слышишь, Темур?

Мужчины, как по уговору, разом сплюнули: они не могли понять, как это можно позволить себе подобные нежности на виду у всех.

— Заря голько-только занималась, — говорил зеленщик.

— Значит, он ночевал у неё! — воскликнул Согум.

— Послушай, Согум, уж не ревнуешь ли ты?..

— Я?!

Темур останавливает их жестом. Он спрашивает Гудима:

— Ты лучше скажи: у турка есть конь?

— У него нет даже мула.

— А плеть?

— У него есть железный аршин.

— Проклятье! — говорит Темур. — Кто же, в таком случае, огрел меня?

— Послушай, Гудим, мы не зря пришли к тебе. Ты всех знаешь в этом городе. Кто имеет в этой лавке коня и плётку?

— Коня, по-моему, нет в лавке...

— Гудим мудр сверх меры, — пошутил Согум.

— Там есть Юсуф, но он в жизни не нюхал и конского навоза. Разве что дочь...

— Нет, — убеждённо говорит Темур, — это была не женская рука. Полюбуйся!

Он поднимает полу черкески, обнажает спину с посиневшим следом от настоящей нагайки. Гудим искренно поражается крепости Темура из Дала.

— Сразу видать горца, — восхищается зеленщик, хлопая Темура по спине, как жеребца. — А знаешь ли ты, какой силы испытал удар?

— Знаю, — отвечает Темур, застенчиво прикрывая брненное тело, удостоившееся похвалы зеленщика.

— Ты ничего не знаешь. Такой удар рассекает камень. Такой удар высекает огонь из воды. Это не удар, а молния. Понял?

Темур кивает головой.

— Я не знаю, из скольких жил сплетена эта нагайка, но ты, Темур, двужильный. — Зеленщик запрокидывает голову, и у него в горле ключочет смех, целое море смеха. — За твоё здоровье, Темур!

— А всё-таки, — говорит Согум, — кто бы мог сотворить такое? — и он указывает на спину Темура.

— Кто? — Гудим на минуту задумывается, глядит в чашу, полную вина, как знахарь на кофейную гущу. — Знаю, кто!

— Так говори же...

— Даур! А больше и некому.

Крестьяне переглянулись. «Возведут же напраслину на человека», — подумали они. Но умолчали о том, что Даур на Пицунде...

Согум быстро распродал свой мёд, деньги аккуратно пересчитал и завернул в платок. Платок он положил в бычий пузырь, бычий пузырь — в кожаную сумку, а сумку подвязал к животу: попробуй теперь укради эти деньги!

После полудня крестьяне возвратились к Бираму. Они застали только сына: старый рыбак недавно вышел в море.

Даур чистил коня. Он был печален — чёрная туча на либу, серый пепел в глазах, на лице — извёстка...

— Тётя здорова? — справился Согум.

— Сам понимаешь, Согум, живая тень.

— Я так и думал.

Согум и Темур устраиваются на тёплых камнях. Такими тёплыми камни бывают только весной. Зимой на них можно превратиться в ледышку, а летом они хуже жаровни. Весною камни очень приятны. Сегодня, кажется, весна: есть всё — и солнце, и свежий воздух, и синее море, такое зовущее, ласковое. Но это обманчивая весна: днём — солнце, а ночью — дождь. Нет, пока до настоящей весны далеко! Вернее, и далеко, и близко: она может явиться в один прекрасный день, может быть завтра, и тогда прощай черноморская стужа, сырая, пронизывающая!.. Но природа может проплакать и весь май, тогда держи при себе бурку, думай о дровах, молись о летнем зное...

— Когда ты вернулся, Даур?

— Ночью...

Согум чуть не вскочил с места.

— Что с тобой, Сोगум?

— Ты говоришь, ночью?

— Да.

Прав был зеленщик, он всё знает!.. Темур обнажает спину.

— Однако здорово ты работаешь плетью, — говорит он со злобой.

Даур отступает на шаг.

— Вы с ума сошли! Что это значит?.. Когда это случилось?

— Вчера.

— Где?

— У лавки проклятого турка.

— Что вы там делали?

— Хотели послушать, как они чешут свои языки.

— Кто это «они»?

— Кучук, француз, дочь-красотка...

Даур краснеет. Он проводит шершавой ладонью по загорелому лбу. Он пытается улыбнуться, но это кривая, неживая улыбка смертника.

— Вчера у них были гости? — спрашивает Даур.

— Были.

— И вы уверены?

— Они сидели долго... — Темур уставился на Даура испытующим взглядом. — И к ним ещё приехал один всадник... Он и огрел меня.

— И ты думаешь, что этим всадником был я?

— Я ничего не думаю.

Даур постоял в нерешительности: продолжать разговор или нет? Ясно, что он обманут. Теперь видно и слепцу, что Саида солгала вчера. Но только ли вчера?..

Даур бледнеет, губы у него синеют от злости, голова падает на грудь от стыда перед этими честными людьми.

— Вот что, — говорит он глухим голосом, — я был вчера на Пицунде. И видел всё своими глазами. Я плакал на свежих могилах. Там нынче моя душа, а не здесь. Так вот: я клянусь теми могилами, что не я ударил плетью! Этого довольно?

Темур поднялся и поцеловал юношу в лоб.

— Прости нас, — сказал он.

21. Полуночники

Дверь осторожно приоткрыли — пламя свечи заколебалось. Князь поднял голову. Усталые, воспалённые глаза плохо видят в полутьме. Из окон на дубовый пол льётся лунный свет; дальние углы комнаты мрачны, словно огромные дупла.

Кто-то стоит в дверях. Келеш ждёт. Вот в лунном свете показывается Батал. Он будто не решается приблизиться.

— Почему ты медлишь? — спрашивает Келеш и снова склоняется над письмом.

— Я не один, — говорит Батал.

— Кто же там ещё?

— Тут со мной двое...

— Что им надо?

— Они хотели говорить с тобой...

Келеш продолжает писать. Трубка дымит, на деревянной пепельнице — груда пепла. Свеча в медном подсвечнике оплыла, обвисла сальными сосульками. Часы с изображением бронзового льва показывают

далеко за полночь. Часы тикают, а вокруг тихо, как на морском берегу в летнюю ночь, когда мир словно дремлет ещё, но не спит.

— А завтра?

— Великий князь! Они говорят, что дело очень важное и неотложное...

— Выслушай их сам.

— Они будут говорить только с тобой... Это очень и очень важно — так сказали они...

Князь неохотно пожал плечами: дескать, ладно уж, будь по-ихнему...

Батал махнул рукой. За ним вошли двое, вошли, точно призраки, и направились к князю. Чёрные тени поползли на стены, со стен — на потолок. Князь увидел перед собой двух бледных людей, они дышали часто и тяжело.

— Бирам? — спросил князь, заслоняясь ладонью от ярко горящей свечи.

Он узнал старого рыбака, отца своего стражника Даура. Князь помнил о том, что Бирам первым стал на защиту крепости в день памятного нападения турецких кораблей. Это был честный и храбрый человек, безропотно переносивший лишения, спокойный и мудрый. Князь помнил его немногословную речь, обращённую к защитникам крепости, речь мужественную, ясную. Если б не такие люди, то князю пришлось бы худо... И наконец, именно Бирам принёс ему весть о возвращении Аслана.

— Да, князь, Бирам, — сказал рыбак.

— А другой?.. Постой, мне знакомо его лицо. Где я тебя встречал?

— Несколько дней тому назад я приходил к тебе с просьбой, да перейдут на меня твои болезни.

— Твоё имя?

— Я — Темур из села Дала.

Князь откинулся на спинку кресла, искал взглядом Батала: тот стоял в тени, за спинами полуденных посетителей.

Придворный сделал вид, что ему ничего не известно о причине столь позднего и неожиданного визита. Лицо Батала казалось каменным, на глаза его падала густая тень, и они ровным счётом ничего не выражали. «Что за чертовщина!» — подумал Келеш, теряясь в догадках. Он ещё раз предпринял слабую попытку каким-либо образом разобраться в мнении уroda по поводу всего этого, но безуспешно: сегодня Батал был непроницаем... «Притворяется, — решил про себя князь, — он знает всё».

— Постой, постой, — сказал раздосадованный Келеш, припоминая разговор с Темуром, — ты жаловался на Маршанов?

— Жаловался, да перейдут на меня твои болезни...

— Ты помнишь мой ответ?

— Как же не помнить, да перейдут на меня твои болезни...

— Ты передал им мои слова?

— Маршанам?

— Да.

— Я не мог сделать этого, да перейдут на меня твои болезни...

— Почему же? — проворчал недовольный Келеш.

— Да перейдут на меня...

Князя взорвало, и он грубо перебил крестьянина:

— Послушай, Темур из Дала, у тебя мало своих болезней?

Высокий Темур почесал длинный горбатый нос, подёргал себя за ус.

— Болезней у меня много, но самая главная нынче — это ты.

Князь положил дымящуюся трубку на стол, выпрямился в кресле и

посмотрел на крестьянина долгим, недобрим взглядом. Бирам решил вмешаться в разговор.

— Великий князь! — сказал он громко. — Ты видишь перед собой Бирама, но это только оболочка. Душа Бирама мертва.

Князю стало как-то не по себе. Что это за загадки? Что за странные разговоры в такой поздний час? Князь снова ищет взором Батала. Батал недвижим, только глаза его вдруг загораются в полумраке, словно угли в камине, и Келеш успокаивается.

— Что тебе надо?

— На Пицунде, — продолжает Бирам, — жила моя сестра. Были у меня там племянник и племянница. Много хороших знакомых там было... А нынче там пепел и смерть...

— Знаю, Бирам.

— Не о тех, кто полёг, не о тех, кто пал героем, я плачу...

Рыбаку изменил голос. Келеш увидел, как по старым щекам покатились слёзы, как застряли они в седой бороде. Да, старый Бирам плакал...

— Князь, подумай о тех, что обращены в рабов. Но самое главное, — рыбак поднял руку, словно для торжественной клятвы, — но самое главное, князь, подумай о нас, о живых...

— Что это значит, Бирам?

— Выслушай Темура, князь...

Бирам отошёл в сторону и жёстким рукавом осушил слёзы. Бедный старик только недавно узнал о пицундском несчастье, и сердце его не выдержало: к стыду своему, он плакал...

— Тебя предают, князь, — начал Темур.

— Кто?

Князь поднялся с места и принялся ходить взад и вперёд. Он остановился против Темура и ещё раз повторил:

— Кто?

— Кучук-эффенди и другие.

Князь вздохнул свободно, чуть не улыбнулся. «Слава богу, — подумал он, — а я ждал чего-то худшего». И, заранее потешаясь над наивностью крестьянина, сказал себе: «Этот ловкач лезет из кожи вон, чтобы выслужиться и получить кусок земли». И он проговорил вслух:

— Ну что ж, Темур из Дала, рассказывай.

Темур выложил всё, что знал о Кучуке. А что он знал? След от плётки? — это не доказательство. Голоса в лавке? Разве купец лишён права принимать у себя гостей? А всё прочее — это злоба против янычаров, давнишняя, накипевшая на сердце злоба...

— Ладно, — сказал добродушно князь, — я подумаю. Спасибо за ваше беспокойство. Ну, а как быть с твоей просьбой, Темур?

— С какой?

— А насчёт земли и Маршанов?

Темур нашёлся, как ответить на эту скрытую насмешку. И он сказал, полный собственного достоинства:

— Князь, да перейдут на меня твои болезни, присмотри за своими делами. Другой просьбы у нас нет.

Князя не на шутку разозлили эти дерзкие слова. Он закусил губу и резко поднялся из-за стола.

— Батал, — окликнул Келеш бледнея. — Что всё это значит?

— Не знаю.

— Эти люди, — князь кивнул головой в сторону Бирама и Темура, — эти люди, если дать им волю, оставят страну без торговли, без товаров, и мы одичаем...

— Возможно, — согласился Батал.

— Если действовать так, как они хотят, надо или умертвить всех купцов...

— ...или же прогнать их!.. — перебил Бирам.

— Послушайте! — князь обратился к Баталу. — Вы все тут заодно, что ли?

— Нет, князь, — отрезал Батал, и Бирам чуть не присел от удивления...

— Но это не всё, — продолжал смущённый рыбак. — Нам кажется, что нашему княжичу не следует якшаться с турками...

— Княжичу? Какому княжичу?

— Аслану.

— С какими турками?

— С тем же Кучуком-эффенди.

Келеш вышел на середину комнаты. Нос у него хищно заострился, ноздри раздулись, лицо побагровело.

— Батал, — сказал он жёстко, — ты заключи этих людей в тюрьму, а я потом как-нибудь разберусь и в своих делах, и в их поступках... Да, да, разберусь, — закончил он, медленно подступая к Темуру.

Бирам, ища поддержки, обратил свои взоры к Баталу, но тот указал рукой на дверь.

— Довольно! — крикнул он. — Ступайте!

Темур поплёлся из комнаты, словно избитый до полусмерти. Бирам усмехнулся.

— Спасибо, — проговорил он насмешливо и показал князю спину.

Батал вышел за ними и против обыкновения хлопнул дверью.

Князь как стоял посреди комнаты, так и остался стоять. Он, говоря откровенно, ничего не понимал... Эти странные посетители, дерзкие налёки, и не совсем обычный Батал... Что бы всё это значило?..

В это время за спиною Келеша скрипнула дверь, и появилась княгиня. Она пожелала узнать, о чём шёл разговор в полночный час.

Это была высокая стройная женщина лет сорока. Смуглое лицо, большие грустные глаза, высокий лоб, длинное платье. Кисти рук тонкие и длинные. Эту женщину поносили на все лады князя и дворяне. Они не могли простить ей крестьянского происхождения. Её ругали — и в то же время завидовали ей, завидовали её положению, её благородству, её уму.

Княгиня поморщилась от табачного дыма, густо плившего в воздухе.

— Очень поздно, — сказала она низким, грудным голосом.

Князь ничего не ответил.

— О чём ты думаешь?

— Мне сейчас сказали... — проговорил он с горькой усмешкой. — Короче говоря, меня пытались подстрекать...

— Тебя? Против кого же?

— Как ты думаешь? — князь взял в руки подсвечник и подрезал пожницами фитиль на свече.

— Наверное, против какого-нибудь князя...

— В том-то и дело, что нет. Против купчишки! Против жалкого торговца!.. Скоро меня натравят на каких-нибудь старух.

— Кто же этот купец?

— Кучук-эффенди, — со смехом отвечивал князь.

На этот раз, против обыкновения, жена не поддержала его. Келеш удивлённо глянул на супругу.

— Что же, — сказала княгиня, — спасибо им. Сердце у народа вещее. Может, это и правда.

— Что правда?! — вскричал князь. — Воевать против купчишек? Этого не доставало! Или прикажешь запретить торговлю? Одно дело янычары, другое — купцы!

— Тебе виднее, — сказала покорная княгиня.

— А ещё они очень странно намекнули... — пробормотал князь, так и не сказав княгине, на что ему намекнули.

Он склонился над свечой. Казалось, его занимало пламя, колеблемое воздухом. Но Келеш более обычного морщил лоб, и неспроста легли две глубокие складки над переносицей, глубокие, как борозды на целине...

На свежем воздухе старый Бирам вздохнул свободно.

— Будь что будет! — проговорил он громко. — Ну что же, Батал, большое тебе спасибо!

Придворный безмолвствовал. «Где же, однако, стража? — подумал старик. — Почему нас не хватают и не ведут в темницу? И почему молчит этот урод?»

— Что воды в рот набрал? — сказал выведенный из себя рыбак, которому теперь ничего не казалось страшным. — Я тебе говорю: спасибо!

— И от меня тоже спасибо! — буркнул Темур.

Наконец, заговорил Батал. Он произнёс всего одну фразу, точно приходя в себя от глубокого сна. Какая-то нечеловеческая усталость сквозила в его тоне.

— Уходите, — сказал он, — уходите на все четыре стороны и не попадайтесь на глаза Келешу...

22. В тот самый день...

Говорят, что намёк иногда бывает и сильнее, и убедительнее прямого слова. Это довелось испытать Дауру.

Второго мая, чудесным весенним утром, Даура позвали к князю. Келеш, одетый в белую черкеску, стоял у окна. Он слушал Батала, рассказывавшего, повидимому, что-то важное. Не прерывая его, князь поманил к себе появившегося на пороге Даура. Батал продолжал рассказ, не обращая внимания на вошедшего. Он излагал свои мысли кратко и точно, будто повторяя выученное наизусть. Даур волей-неволей оказался свидетелем разговора, как можно полагать, не предназначенного для широкой огласки.

— Теперь нам известно многое, — говорил Батал, уставившись на князя своими немигающими, птичьими глазами. — Во всяком случае, мы знаем, с кем имеем дело.

— Говори, говори, — поощрял его князь, мерно покачиваясь на ногах.

— Благонамеренный купец оказался подлым лазутчиком, но не просто лазутчиком. Он собрал вокруг себя всех недовольных, возбуждал их против тебя. Долговязый Юсуф, разыгрывавший из себя дурака, — первый помощник во всех чёрных делах...

— А дочь?

Даур последнел. Он вдруг почувствовал слабость в коленях, и от стыда у него застучало в висках. Было бы лучше, если бы дали ему пощёчину...

— Это прекрасное создание! — воскликнул Батал. — Я бы сравнил её с хрустальным бокалом — чиста, нежна, тонка...

Такой поэтический образ прозвучал совершенно неожиданно в устах изуродованного Батала. Но это была всего лишь игра, и Даур готов был провалиться сквозь землю, чтобы не слышать больше ни слова.

— Чиста, нежна... Вот оно что? — протянул князь.

— Она способна свести с ума хоть кого...

— И тебя? — князь скосил взгляд на Батала.

Батал стыдливо прикрыл глаза башлыком и беззвучно рассмеялся: дескать, и он не ручается за себя. Князь пожурил его за нестарющееся, любвеобильное сердце.

Они разговаривали так, словно никто из посторонних не присутствовал во время беседы. Может быть, они вправду забыли о стражнике? Даур кашлянул. Но ни князь, ни Батал не удостоили его даже взглядом.

— Князь, — проговорил Батал, пытаюсь изобразить улыбку, — она и тебя бы приворожила... Клянусь тобой! Однако очень и очень жаль, — Батал несколько понизил голос, — она оказалась вполне достойной своего подлого отца...

Даур старался проглотить слюну, чтобы хоть немного увлажнить сухую, как трут, гортань. Он провёл языком по шершавым губам.

— Дочь похожа на отца, — продолжал придворный, — как змеёныш на змею. Но дочь ещё опасней. Она, словно русалка в лунную ночь, поёт дивные песни и заманивает парней в глубокие заводи. И парни тонут! — Батал топнул ногой об пол, выражая крайнее негодование. — А где, спрашивается, головы у этих парней? Разве русалку трудно отличить от настоящей женщины, у которой кровь, а не холодный сгусток пены, у которой сердце, а не мясистый ком, исторгающий злобу?

— Неужели и она плела паутину вокруг нас? — равнодушно спросил князь. — Такая красивая девушка!.. Кто же она, Батал?

— Турчанка!

— Как ты сказал?

— Турчанка!

Князь заставил Батала ещё и ещё раз повторить свой ответ. Придворный всё жёстче произносил это слово.

— Можно подумать, Батал, — говорит князь, — что нашлись размазни, которые по уши влюбились в эту шпионку.

— Да, князь.

— Дальше, продолжай.

— И француз, этот инженер, заодно с ними. Есть ещё молодой турок, настоящая дикая кошка. Он приехал сюда неспроста.

— Чего же они хотят, Батал?

— Твоей крови, а для нас — турецкого ярма!

«Уж лучше бы плюнули в лицо!» — говорит про себя Даур и невольно стирает ладонью воображаемый плевок со лба.

Но это ещё не всё. Келеш задает своему придворному следующий вопрос:

— А как случилось, Батал, что взломали наш оружейный склад?

— Его не взламывали, — ответил Батал, — его просто открыли третьим ключом.

— А где же был первый ключ?

— У Даура.

— А второй?

— У меня.

— Всего было три?

— Нет, два.

— А откуда взялся третий?

— Его смастерили с поразительной точностью.

— Кто?

— Не знаю, князь...

Прошлой ночью в крепости приключилось странное происшествие: кто-то похитил из склада два десятка кремнёвок. Правда, оружие нуждалось в починке, но всё-таки это была потеря немалая. Было бы очень скверно, друзья мои, если бы позавчера Батал не отправил отсюда три сотни новых кремнёвок в главный крепостной склад...

— Не знаю, что и думать, — говорит Келеш.

— Я тоже, — вторит ему Батал.

И тут Даур не выдерживает:

— Князь!

Он произносит это слово, как человек обречённый, но всё ещё не теряющий надежды...

— Что тебе?

Князь поворачивается к нему вполоборота. Даур набирается такой храбрости, что самому становится страшно.

— Великий князь! Я понимаю, когда в сердце вонзают нож — это убивает. Но я не знаю, зачем его поворачивают по нескольку раз в груди?

Князь поднял левую бровь.

— Сколько тебе лет, Даур?

— Двадцать.

— Не очень много, — сказал князь. — Значит, ты понял, в чём дело? Это очень хорошо. — Келеш помолчал немного, погладил бороду, переливающуюся на солнце, словно шёлк. И он заговорил, точно обращался к самому себе, словно думал тяжёлую думу, которая всем понятна, но которую всё-таки надо повторить вслух, чтобы было слышно и ясно всем. Он говорил: — Вот рождается на свет мужчина... Ему от бога даётся сердце, горячее и мужественное... Мужчина бесстрашен и любвеобилен... Но он должен знать, кого любить и кого ненавидеть...

Много неприятных минут бывает в жизни человека. Самые горшие из них те, которые заставляют испытать чувство стыда за свои поступки. Именно такое чувство пережил нынче молодой Даур.

Князь махнул рукой.

— Иди, — сказал он мягко.

— Великий князь, — проговорил Даур. — Мне нужно вечером сходить на час, на два к одним друзьям...

— Зачем?

— Нам надо свести счёты!

— Хорошо, — понимающе ответил князь и отпустил Даура, как говорится, с богом.

Юный стражник вышел во двор.

А князь и Батал уселись за стол и долго-долго о чём-то беседовали...

Даур понял, что весь разговор, при котором он присутствовал, был устроен для него... «Так вот где таилась разгадка этой нежной любви! — думал вконец уничтоженный Даур. — Вот почему хитрый купец ничего не замечал и потворствовал своей дочери»...

Много обид снесёт мужчина, но обман тяжелее всех обид. Обмана настоящий мужчина не снесёт. Не для того он создан, чтобы водили его за нос. Одураченный мужчина! — что может быть смешней и несуразней?

Даур испытывает неодолимую потребность присесть в тени и подумать над своим житьём-бытьём. Но это ему не удаётся. К нему подходит Аслан. Он одет по-домашнему, в шёлковом архалуке, без ноговиц, башлыка и оружия. Княжич подсаживается к Дауру, удерживая его от обязательного вставания, и при этом глядит на стражника очень

странно, точно ястреб на приманку, и словно хочет сказать что-то, да не решается. От Аслана не ускользает подавленное настроение Даура.

— Отчего приуныл, Даур?

— Я думаю о женщинах, — чистосердечно признаётся Даур, чувствуя потребность высказаться перед кем-нибудь. — Какие они коварные!

Даур раздражается градом проклятий по адресу женщин; он ругает также и себя. Молодой человек, видно, расстроен не на шутку, но это мало интересует княжича. Аслан неожиданно обрывает стражника. Он спрашивает:

— А что ты делаешь сегодня вечером?

Княжич чертит веточкой на земле завитушки.

— Вечером? У меня небольшое дело в городе, небольшой разговор, — не без злорадства поясняет Даур.

— Тебя не будет здесь?

— Я получил разрешение. А что?

Аслан облегчённо вздыхает.

— Бог с тобой, я хотел поиграть в кости...

— Мне неприятно отказывать, но это очень важное дело...

— Женщина? — смеётся Аслан.

— Да, — говорит Даур.

Аслан погружается в раздумье, всё ещё продолжая ковырять веточкой пыльную землю. Насвистывая охотничью песню, он, кажется, вовсе забыл о Дауре. Земля под его ногами вся исчерчена, солнце жарко пригревает затылок, а княжич всё сидит и о чём-то думает. Думает и молодой стражник Даур Айба ..

23. Исчезновение

Тонкий серп луны маячит в тёмном небе, подёрнутом дымкой. Горы кажутся сложенными из угля — все чёрные-пречёрные и какие-то особенно хмурые сегодня. Отчётливо слышен шакалий вой — душераздирающий, протяжный, словно это плакальщицы убиваются на похоронах знатного человека. Город погружается в сон. Гаснет свет в окнах, и только там и сям, словно далёкие звёзды в небе, всё ещё мерцают слабосильные коптилки — с трудом коптят они потолки и стены, с трудом разливают вокруг себя скудный свет.

Даур выходит из крепости. Одиннадцать часов — и такая кромешная тьма. Он презрительно отворачивается от луны — нынче она напоминает турецкий полумесяц. Молодой человек беззвучно шагает по пыльной улице, едва различимый во тьме.

Даур обдумывает слова, которые он бросит в лицо коварной турчанке. Но прежде всего он себя обругает, предаст проклятию свою близорукость и безрассудную любовь. Он скажет: когда в мире происходят страшные вещи, когда решаются судьбы целых поколений, когда на чашу весов положено само существование народа, — кому дозволено терять голову от любви? Кому дозволено терять зрение и обращаться в слепого и безмозглого червя? Когда тебе угрожает враг, враг коварный и злой — значит, гляди в оба, не разрешай дурачить себя!.. Да, нынче князь преподал настоящий урок, пригласив Даура на свою беседу с Баталом. Этим князь как бы хотел сказать: «Видишь, что ты проморгал из-за своей любви, Даур Айба? А теперь исправляй свой промах как знаешь».

Молодой человек шёл на последнее свидание с Саидой, создавая свою глубокую вину. Это сознание было ужасно — оно жгло ему

душу, словно огнём, и горела она, его душа, не ярким, горячим пламенем, а тлела, как трут, увеличивая пытку. Он вспомнил предостережение Согума и поразился чуткости крестьянина. Нет, Даур оказался чересчур самоуверенным, он не разглядел подлинного смысла происходящей борьбы, нынче объемлющей все стороны человеческого существования, включая и такую, казалось бы, небесную сферу, как любовь. Понимание того, что вся эта девичья любовь, в которую он поверил доверчивым сердцем, была искусно разыграна Саидой при содействии отца, приводило Даура в бешенство...

Он ускоряет шаги, одержимый одним желанием — смыть с себя позор, смыть без промедления, собственноручно... Но сначала он задаст ей несколько вопросов, он поглядит в её бесстыжие глаза, сначала он плюнет в них...

Бывают, знаете ли, в жизни человека мгновения, совершаются порой события, о которых хочешь забыть как можно скорее. Такой горькой и постыдной страницей своей жизни Даур считал эту короткую, но слепую любовь, которой одурачили его.

Было во всём этом лишь одно светлое пятнышко — правда, очень маленькое, можно сказать, малюсенькое, но оно было — уверенность в том, что подобная глупая история больше никогда не повторится...

Не доходя до лавки — будь она проклята! — Даур остановился. Знакомая широкая дверь была открыта настежь, а внутри светился яркий огонь. «Что за чертовщина», — сказал про себя Даур, удваивая осторожность и избегая полосы света, что легла поперёк улицы.

У заветной изгороди, до которой ему сейчас было противно дотрагиваться, он приостановился. Здесь всё напоминало о прежних временах. Но сейчас ему казалось, что с тех пор прошла сотня лет, не меньше, и любовь, некогда — именно некогда — заставлявшая дрожать около этой изгороди в тёплый вечер, как на холоде, нынче представлялась пылью, древней пылью, покрывающей ветхие, никому не нужные безделушки. Даже трава, на которой стоял он сейчас, казалась осквернённой, и молодой человек сошёл с неё на глинистую дорогу.

Дверь чёрного хода была также широко распахнута. В лавке кто-то разговаривал. Даур прислушался, а потом всердцах трижды ударил кнутовищем по деревянной изгороди, ударил властно, нетерпеливо. Три сухих удара раздались в ночи и сгинули во мраке.

В дверях появился мужчина.

— Эй, кто там? — крикнул он грубо.

Даур не сразу понял, что именно случилось. Он ждал лёгких шагов, лёгкого, как морской ветерок, шёпота, а тут...

— Что у тебя, язык запал, что ли? — услышал Даур.

— Чёрт бы тебя побрал с твоим языком! — ответил молодой человек в тон грубияну.

Кто-то подбежал к изгороди.

— Даур? — раздался удивлённый возглас.

— Был Даур, чёрт возьми! — проговорил совершенно сбитый с толку Айба. — Что ты тут делаешь?

— А ты? — спросил тот нагло.

Это был один из стражников дворцовой охраны.

Даур перепрыгнул через изгородь и влетел в дом, который не так ещё давно почитал за святыню.

Что это? Посреди ярко освещённой комнаты стоит Батал. Он просматривает какие-то бумаги. Трое стражников роятся в соседней комнате, они бросают на пол тяжёлые тюки с шерстью и шелками, и вся лавка при этом содрогается.

Батал взглянул на вошедшего, но ничего не сказал. Он дал возможность молодому человеку получше осмотреться и прийти в себя.

— Знакомое место? — задал, наконец, вопрос Батал.

— Нет, — ответил жёстко Даур. — Не бывал здесь...

— А где же?

— Там, у изгороди.

Батал хмыкнул и принялся опять рыться в бумагах.

— Где они? — спросил молодой человек.

— Сами их ищем. Удрали.

— Надо снарядить погоню!..

— Спасибо за совет. Всё уже сделано.

Батал комкал бумаги и бросал в угол.

— А Юсуф?! — выкрикнул Даур, не зная, что же ему предпринять.

— Тоже удрал.

— Надо изловить всех турок в городе!..

Батал говорит серьёзно, тоном огорчения:

— Слишком поздно хватились... — Он ударил себя кулаком по лбу так, что, казалось, голова не выдержит и расколется на части. — Проклятая голова! Провели тебя!

Даур наблюдал за тем, как люди ворошили содержимое лавки, как остервенело рвал ненужные, пустые клочки бумаги злой Батал, и казалось Дауру, что это ворошат его душу, что рвут на части его любовь, позорную любовь... Молодой человек вышел на свежий воздух — ему была противна эта лавка, противно всё, что связано с Саидой...

И вдруг на горе, что высится прямо против бухты, блеснуло пламя. Оно быстро разгоралось. Языки его поднялись выше елей. Огромный костёр горел бурно, тысячи искр летели в хмурое небо и медленно гасли на лету... Вот на другой горе вспыхнул ещё один костёр..

Даур кликнул Батала.

— Что это? Не дома ли горят? — предположил Батал.

— Не похоже.

— Послушай, — вскричал Батал, — а что, если это дурные знаки?.. За мной! — скомандовал он.

Батал бежал к крепости. Он поторапливал своих друзей, словно предчувствовал беду. А пламя на горе безудержно рвалось кверху, словно ему было душно здесь, на земле..

24. Злодейство

Когда проходишь у подножья горы, с вершины которой вот-вот свалится смертоносная лавина, — за мгновение до этого всё ещё сверкают мирные снега и голубеет безмятежное небо. Но на то и дан тебе разум, чтобы распознать под сверкающей белизной и кажущейся безмятежностью тайную угрозу. Когда же раздастся предательский гул, подобный подземному, то бежать уже будет некуда и не останется времени даже для бесплодной мольбы о помощи...

Когда грузные, слоноподобные тучи проплывают над головой, освещённые кровавым предзакатным светом, — кто скажет, откуда вырвется гигантским пламенем молния? Но на то и дан тебе разум, чтобы верно определять угрожающую опасность. Ибо когда уж блеснёт грозный пламень, раздумывать будет поздно...

Закоренелый злодей действует быстро и решительно. Кто знает, когда будет нанесён предательский удар? Если ты за человекоподобной наружностью не рассмотрел зверя — пеняй на себя.

Аслан для Келеша был раскаявшимся сыном, врагом лишь в прошлом, — и тут-то таилась роковая ошибка князя. Из этого раскаянья Келеш, казалось, извлёк выгоду для себя и для своей страны. Однако он упустил из виду, что турецкие завоеватели стремились поработить народы не только разнузданной дикостью и жестокостью, но и коварством.

Но очень важно и другое. Тем и прекрасны человеческая жизнь и история человечества, что в освободительной борьбе силы народные — всегда верный залог победы. Завоевание народом своих побед над захватчиками и угнетателями не обходилось и не обходится без кровопролития, жертв и мук народных. Но муки эти я сравнил бы с муками молодой матери, рождающей на свет великого героя... Келеш избрал верную дорогу, сражаясь против иноземцев за судьбы своей страны. Подчеркнём ещё раз, что он заслужил уважение простых людей своей ненавистью к турецким захватчикам. Но его отделяла от народа глухая преграда. Он продолжал оставаться помещиком, князем — обычным мелким князем. И в этом была его слабость. Он был орлом, боровшимся на земле. Ему нехватало крыльев, которые даёт вожаку неодолимое единство с поднявшимся на борьбу народом.

Этим и воспользовались Аслан и его заморские повелители, подстрекаемые своими хозяевами из Западной Европы...

... В двенадцать часов ночи княжич подъехал к северным крепостным воротам. За ним следовали Мамед с полсотней подручных, имена которых преданы забвению в истории и памяти народной.

— Откройте ворота! — приказал Аслан страже. — Это я, Аслан.

Загромыхали запоры, и ворота распахнулись. Доверчивая стража и опомниться не успела, как была перебита заговорщиками.

Говорят, что запах крови опьяняет. Аслан и впрямь казался пьяным. Он дышал тяжело, как дикий кабан, за которым гонятся собаки. Он судорожно сжимал свою шашку. За ним неотступно следовал Мамед.

— Время дорого, — проговорил турок, когда со стражей было покончено, — а ещё дороже собственная голова.

— За мной! — крикнул Аслан. — Пусть двое останутся у ворот. Слышите?

И он поскакал ко дворцу, дремавшему в ночи.

Княжич и его друзья спешили. У лестницы заговорщики встретили мальчика, прислуживавшего княгине. Он нёс кувшин с водой. Это был тринадцатилетний голубоглазый мальчик, с добрым, девичьим лицом. Нынче себе на горе он оказался именно здесь...

— Куда ты? — спросил его грозно Аслан.

— Я несу воду для ребёнка, — ответил тот.

— А где княгиня?

— Она у себя.

Аслан прошёл мимо. Вдруг он услышал за собой глухой стук упавшего тела и оглянулся: Мамед уже оттащивал безжизненное тельце мальчика в сторону, под лестницу. «Пожалуй, верно», — подумал княжич и побежал дальше.

У княжеского кабинета он подал знак своим приспешникам остановиться и приоткрыл дверь. Князь сидел за столом, подпирая руками седую голову. Казалось, он страдал от головной боли. Старик мерно покачивался из стороны в сторону.

О том, что произошло дальше, народ рассказывает так:

«Стал сын перед отцом, и понял старый князь чёрные мысли Аслана. Он их прочёл в очах предателя, как читают по открытой книге.

«Блеснула шашка в руках отцеубийцы, словно молния, что падает на головы обречённых. Качнулся князь и упал головою на стол. Тут поспел турок; проклятый нечестивец тоже рубанул нашего князя.

«Подлые люди обшарили весь дворец. Они разрубили надвое грудного младенца—княжича, разрубили его вместе с колыбелью, а княжича тяжело поранили. Отцеубийца искал брата своего Георгия, но не нашёл его. И тогда он вместе с турком убил трёх малолетних братьев по отцу и вовсе опьянел от крови.

«Да будет проклята рука, поднявшая меч на Келеша Чачба! Да будет проклят тот, кто пошёл против родины своей в угоду султану! Вечный позор тому, кто ступил на родную землю чёрным гостем и изменил своему народу! Пусть будет предателю отравой вода, пусть подавится он хлебом, пусть горы и долины отвернутся от него, а лучи белого солнца испепелят его, а ветер развеет по миру презренный прах!»

Со времени этого подлого убийства прошло почти полтора века, но народ с гневом и ненавистью произносит эти слова, от которых содрогнётся не один злодей. Мне хотелось повторить их здесь, в нашем небольшом рассказе...

... В то время как Аслан чинил расправу во дворце, Батал изо всей мочи стучал в крепостные ворота. Ему открыли их не сразу, и это серьёзно озадачило его. Он услышал непонятную возню за стеной и голоса, показавшиеся ему чужими.

— Эй, вы, что с вами? — крикнул он.

— Сейчас, — ответил ему явно незнакомый голос.

Ворота медленно отворились, и уже через мгновение завязалась рукопашная схватка. Заговорщики бросились вперёд с шашками наголо. Батала окружило несколько человек. Даур ринулся к нему на выручку.

— Беги в город, Даур, поднимай всех... — приказал ему Батал. — Измена-а-а! — закричал он во весь голос, закричал пронзительно, как женщина.

— Я буду с тобой! — ответил Даур, и шашка его бешено заработала.

— Даур, умоляю тебя, поднимай горожан!

Прислонившись спиной к древней крепостной стене, Батал яростно отбивался от врагов. И при свете зарева, что стояло над горой, Даур в последний раз видел его изуродованные черты: в эту минуту они были полны вдохновения и казались даже красивыми.

Даур размахнулся шашкой что есть силы и, удачно сняв ею вражью голову, вырвался на улицу.

Он бежал по городу и кричал:

— Измена! Измена!

А пламя на горе разгоралось всё больше и больше, словно символ большой, непоправимой беды.

25. Расплата

Вот глава, которая всегда следует за предыдущей. Не надо обладать особой смёткой, чтобы предугадать её появление. Человеческая история дала многочисленные примеры именно такой чудесной последовательности.

Я не могу отказать себе в удовольствии отметить, что жизнь человеческая от самого сотворения мира постоянно поддерживается в своём развитии справедливостью, неугасимой, как солнце. Правда, эта справедливость не приходит сама собой, но добывается человеком в суровой борьбе. Справедливость, дарованная небом, — такая же химера,

как существование стеклянного небесного купола. Эта простая истина нынче хорошо усвоена большинством человечества и не нуждается в особых доказательствах. И наш рассказ, который не претендует ни на что, кроме правдивости, получает, таким образом, естественное завершение...

Даур с криком бежал по пустынным улицам. Он стучался в первые попавшиеся двери и, едва переводя дыхание, повторял:

— В крепость!.. Измена!.. — И бежал дальше.

Чувство нависшей угрозы быстро овладело горожанами. Весть о происшествии в крепости облетела город и, к удивлению турецких наймитов, вызвала мгновенную реакцию — словно взорвался порох. Сухумцы высыпали на улицы, вооружённые кто как мог: одни — пистолетами, другие — ружьями, третьи — кинжалами, а многие — просто с палкой в руках.

— Ко дворцу! Ко дворцу! — слышались крики.

И толпы беспорядочно неслись вперёд.

Но дело оказалось гораздо более сложным, чем это представлялось поначалу. После первых же выстрелов, по условленному знаку, выползли из нор чужеземные тайные агенты. Они старались вызвать в городе панику, вернее — пытались создать впечатление всеобъемлющего восстания против Келеша Чачба.

Однако и этот коварный замысел быстро был разгадан народом. В разных концах города происходили стычки с заговорщиками.

На одном из перекрёстков в центре города, например, злоумышленники открыли стрельбу по горожанам. Каждый выстрел резкой болью отдавался в сердце Даура. Может быть, это стреляли те самые кремнёвки, что были похищены из-за его слепоты?..

Стреляли не из крепости, а из подворотен, и это сначала поразило воображение людей. Проще всего предположить, что это по ошибке стреляли по своим. Но жертв становилось всё больше и больше. Обильно окрасились кровью сухумцев древние камни города в эту ночь. И каково же было удивление, когда стали по одному вылавливать стрелков! Это были вчерашние мирные турки, прикидывавшиеся торговцами кишимом и прочими яствами. Как видите, в назначенный срок они высушили свои жала...

Сухумцы с трудом верили глазам.

— Они прилежно торговали, — проговорил кто-то в толпе.

— И охотно отпускали в кредит, — подтвердили другие.

Бирам и его двое друзей, тоже не желавшие отставать от горожан, заинтересовались тем, что происходило на перекрёстке. Бирам был вооружён шашкой, Согум размахивал огромным кинжалом, а Темур волочил за собою ржавый багор. Старый рыбак тотчас же узнал одного из стрелявших.

— Это Осман-оглы, — сказал он, указывая на толстого турка, — торговец фруктами... А другой? Другого не знаю.

— Тоже торговец, — бросили из толпы. — По роже видно!

Согум брезгливо взглянул на турка, дрожавшего, как осиновый лист, и сказал деловито, обращаясь к возбуждённым горожанам:

— За наших крестьян! — и, выдав туркам по увесистой затрещине, помчался дальше, уверенный в том, что эти уже никуда не уйдут.

И сухумцы, взбешённые неслыханным вероломством иноземных гостей, по достоинству расправились с горе-торгашами: их растоптали и трупы выкинули в сточную канаву.

Ещё до рассвета поднялись ближайшие деревни. В город неслись всадники с боевым кличем, готовые либо снести все препятствия, либо

погибнуть. Весть об убийстве Келеша Чачба была воспринята народом, как сигнал к выступлению против турок — истинных вдохновителей беспримерного отцеубийства...

Батал, друзья мои, заплатилс головой. Он уже не слышал, как всё ближе и ближе подступали к крепости его собратья, как рубились они с врагом столь же трусливым, сколь и коварным. Народ справлял кровавую тризну по Баталу, кровавую, но справедливую...

На рыночной площади толпа била какого-то человека, требуя от него признания вины. Согум, пробежавший мимо, врезался в самую гущу. Он увидел зеленщика Гудима, трясшего за плечи бледного француза.

— Я знаю его, — сказал Согум.

Француз обратил к Согуму слезившиеся глаза.

— Мсье... Мсье... — взмолился он.

— Кто это? — спросил Гудим.

— Я сейчас объясню.

Согум схватил француза за горло с таким остервенением, что шпион мгновенно посинел.

— Вот он кто такой, — сказал Согум к полному удовольствию толпы. И, бросив тело бездыханного де Симона в грязь, проговорил: — А теперь поняли, кто он?

— И даже очень, — весело ответил Гудим. Он поплевал себе на руки, словно собирался колоть дрова, и задорно толкнул Согума в бок...

Но где же Даур? — спросите вы. Он преследовал тех, кто позорно бежал сломя голову, кто бежал от гнева народного, сознавая, что чёрное дело уже проиграно.

Аслан и Мамед мчались на конях. Они торопились поскорее взобраться на ту самую гору, где дотлевал костёр, сигнал заговорщиков. Отсюда идёт дорога к Маршанам — единственный путь к спасению.

Во всякой погоне, когда преследуют злодеев, есть чудесная окрылённость. Она, эта окрылённость, рождается сознанием, что чёрная сила побежала, что она показала спину и что бежит она трусливо, словно от орла заяц. Таким образом, казалось бы, чисто физическое соревнование в скорости перерастает в единоборство огромного морального значения. Отлично понимая великий смысл этой погони и её последствие для страны, Даур не жалел ни себя, ни своего скакуна...

Гора, по которой мчались беглецы, представляла собой высокое плато, покрытое зарослями ельника и густой ежевики. Несколько троп и просёлочных дорог вели к ближайшим деревням. Небольшая опрятная полянка выходила к самому краю горы. В воскресные дни здесь устраивались игры в мяч и крестьянские непритворные празднества с песнями и хороводами. Отсюда вся бухта — как на ладони. Слева — Кодорский мыс, справа — Сухумский, с примитивным маяком. У лукоморья — ровный прямоугольник крепости с дворцом посередине. Над Сухумом в этот ранний час держится тонкая пелена дымки, отчего город кажется лежащим в глубокой долине.

Едва занимается рассвет. Белое пушистое облако, неподвижно стоящее на востоке, слегка заалело. Море, полосатое от утренних течений, простирается далеко-далеко, и город, по сравнению с ним, кажется маленьким потревоженным муравейником...

Наверху, на зелёной полянке, беглецов встретил недоумевающий Кучук со своей дочерью. У купца упало сердце.

— Плохо дело, — сказал он дочери.

Саида молчала, поджав губы. Это было её первое настоящее испытание в жизни. Страх у неё смешивался с любопытством, и со стороны казалось даже, что она чересчур спокойна.

Княжич и не думал спешиваться. Он был бледен. Мамед восседал на коне, мрачный и холодный, как одинокий валун на морском берегу.

— Аллах! Аллах! — пробормотал Кучук.

— Есть у вас лошади? — строго спросил Аслан.

— Есть.

— В таком случае спасайте свои шкуры!

Кучук кинулся к животным, спрятанным за кустами ежевики.

— Куда же нам? — спросил он, чуть не плача.

— Через горы — к Маршанам.

— Аллах! Аллах! — заскулил турок.

— Живей, за нами гонятся! — сказал Аслан и хлестнул коня плетью.

...Даур рвался вперёд. Сердце его билось так же гулко, как и сердце послушного скакуна.

Узкая дорога вилась, словно жёлтая змея. Она шла лесом, а дальше — над краем пропасти. Вдруг раздался выстрел, и Даур схватился за левое плечо. «Навылет», — сообразил он, ощутив теплоту на груди и на лопатке. Он хлестнул коня, и резвый скакун, вытянув шею, вихрем понёсся вниз по тропе.

И тут Даур увидел то, что хотел увидеть: спины четверых всадников. Один из беглецов, в черкеске, скакал впереди. Двое неслись почти вместе, бок о бок, принаравливаясь к отстававшему третьему. «Саида», — определил Даур.

Он выстрелил. Один из всадников колыхнулся в седле и повалился на соседа слева, а конь его оступился и упал. Даур и глазом моргнуть не успел, как оба всадника полетели с обрыва. Последнее, что заметил молодой человек, — две чёрные косы, беспомощно распростёртые, как руки, над бездонной пропастью...

Всадник в черкеске успел-таки скрыться за поворотом, а другого настиг Даур: на том месте, где тропа превращалась в широкий скалистый уступ, конь под турком неожиданно захромал и грохнулся наземь.

Мамед покатился на острые камни. Но уже через мгновение они стояли друг против друга — Даур и Мамед, хозяин этой страны и гость его: Мамед — измятый, дрожащий перед тоненьким дулом кремнёвки; Даур — окровавленный, с изодранной черкеской, но торжествующий.

— Так, — процедил сквозь зубы Даур, — отец и дочь, значит, отправились к чертям?

— Как видишь, — ответил турок.

— А кто удрал туда? — Даур кивнул головой в сторону гор.

— Аслан.

— Проклятье!.. Ну, а ты?

— Я в твоей власти, Даур. Но не забывай — я твой гость.

Что он, шутит, что ли? И Даур хохочет: так хохочут, должно быть, черти в аду. Это был рёв, а не хохот, рёв потрясённого до глубины души человека, которого так вдруг и так некстати рассмешили...

— Я — твой гость, — повторил нерешительно турок.

— Это на вас похоже, — сказал Даур гневно, — сначала вы жалите, как змея, а потом взываете к нашему гостеприимству. Но знай: не будет его отныне, не будет гостеприимства для чёрных гостей!..

Дауру хочется поговорить с этим человеком, что стоит против него лицом к лицу, хочется излить всё, что накопело в душе, что твёрдым нагаром осело на сердце, отравляя жизнь. Хочется спросить: что их несёт, этих чёрных гостей, в страну, чужую для них? Хочется спросить: доколе они будут заниматься грабежом и убийствами? Доколе они будут сеять раздор между народами? Доколе они будут обращать свободных людей в рабов, дочерей этих гор — в своих наложниц? Доколе

они будут плести коварные планы против других народов? Доколе они сами будут послушным орудием в руках людоедов? Доколе они будут угрожать соседям рабством, войной, насилием? Когда уберутся во-своиси?..

Дауру хочется знать многое. Ему хочется спросить, почему Мамед и его кровавые братья едут за море, чтобы нести народам страдания и муки. Доколе, — хочет он бросить в лицо врагу, — доколе будете топтать вы чужие земли, доколе будете похищать чужих детей, чужих сестёр, чужих братьев, чужое добро?..

«Неужели все турки такие? — думает Даур. — Неужели все они подстать янычарам?» Нет, в это не верится, это было бы слишком чудовищно!.. Наверное и там, в Турции, немало несчастных, стонущих под султаном, не похожих на это отребье, несущее муки и кровь в чужие страны... Значит, тем сильнее должна быть Даурова месть!

Много, очень много хочет высказать Даур, но, видя, как трясётся этот турок, совсем ещё недавно такой уверенный в себе и злой, он отворачивается. К чему всё это? Положение настолько ясно, что слова кажутся совершенно лишними. Да и вряд ли пойдут они на пользу этому молодому хищнику... Нет, право, не стоит труда...

— Могу сказать одно, — говорит хрипло Даур, — спасибо за урок. Он не даёт турку и рта раскрыть: сухой, короткий выстрел, точно палкой ударили о палку, — и Мамед летит в пропасть...

Даур осматривается: ни души вокруг. Он садится на коня, весь окровавленный, и едет обратно, едет той же самой тропой. Он едет медленно, едет ельником, едет поляной — к своему городу.

Вот под ним уже и Сухум, и широкий морской простор.

Даур глядит на море, и сквозь оранжевые круги в глазах он видит яркую голубизну и три пятна, три чёрных пятна на голубизне. «Турки», — безошибочно определяет Даур... Так вот для чего горели костры!

Да, друзья мои, то были турецкие корабли. Они спешили на помощь своим...

И Даур с щемящей мукой подумал о городе, о новых жертвах и новых ранах на теле этой истерзанной земли... О, если бы он мог преградить дорогу этим чёрным гостям, испепелить их своим дыханием, горячим, как огонь в горне!..

Но вот поразительно! Корабли вдруг поворачивают влево, всё влево и влево, а затем плывут назад... Что это? Чего они так испугались? Почему удирают турки?..

Но не долго пришлось гадать молодому человеку, друзья мои. С севера, из-за Сухумского мыса, показался ещё один корабль. Он плыл словно по воздуху, рассекая его свободно, будто птица. Мощно вздувались белые паруса и несли его легко, как на крыльях. Корабль бесстрашно резал путь чёрным, непрошенным гостям, прикрывая своими крутыми боками, оцетинившимися жерлами пушек, и людей, и город и самую страну. То по морю шёл «Гавриил», и русский вымпел развевался на мачте...

Бывают, друзья мои, минуты, когда настоящему мужчине разрешается плакать. Даур плакал, и чем больше он плакал, тем раздольнее, тем глубже охватывала его радость — самое красивое, непревзойдённое человеческое чувство.

Первые лучи солнца уже коснулись моря, города — первые розовые лучи этого дня; и всё, чего касались они, играло тысячами огней — живых, искристых, прекрасных. А когда солнечные лучи коснулись Даура и щедро обдали его теплом и светом, он уже казался живым знаменем, знаменем окровавленным, но победно вознесённым в высококую синеву.

Эпilog

Морские волны подступили к самой Сухумской крепости. Южная стена её местами обвалилась. От старого княжеского дворца и следа не осталось. Внутри крепости сохранилась лишь одинокая могила Келеша Чачба. Остатки крепостной стены огромными скалами торчат на берегу. Морская вода урчит в расселинах, она пенится и без устали подмывает древнюю кладку.

Здесь хорошо на досуге. Посмотришь налево — город, молодой, жизнерадостный. Посмотришь направо — дымятся трубы, взмывают искры, вздымаются молоты, сверлят бурава, и бешено вертятся пилы. А прямо перед тобой — море, безбрежное море.

Но разве оно безбрежно? И трапезундские горы, которые время от времени проглядывают сквозь дымку, говорят как раз о противоположном. Нет, друзья мои, море имеет берега — это совершенно достоверно. И это море, эти берега, что скрыты за горизонтом, и эта старая крепость не могут не напомнить о прошлом.

Но не злота или зависть, тщеславие или жажда мести заставляют нас оглянуться на прошлое. Мы не только выжили, но выжили и окрепли; мы не только окрепли, но окрепли и выросли; мы не только не одиноки, но живём в большой и дружной семье, не только в большой и дружной, но и очень мощной семье. У нас много, очень много друзей, настоящих братьев. На берегу Северного Ледовитого океана у нас есть братья, на Камчатке есть братья, на Памире есть братья, на Урале и на Днепре есть братья. Нам ли завидовать кому-нибудь? Нет, жизнь наша светла и щедра, и мы смело глядим в будущее.

Не для того я вспомнил о прошлом, чтобы разжалобить кого-нибудь. И не для того, чтобы бросить невольный укор истории, принёсшей в прошлом так много горя и слёз. И не для того, чтобы высветлить страницы её, или омрачить, или исправить их. Нет, история не нуждается в исправлении.

Я невольно думаю о тех, кто пытается снова итти проторённой дорожкой чёрных гостей, о тех, кто забыл уроки истории и силится вновь возродить тёмные времена. Я гляжу на черноморскую волну, такую чистую и тихую, игривую и пенистую, и думаю о тех, кто тайно мечтает видеть грозный бурун вместо тихой волны, кровь вместо пены.

Но я спокоен так же, как и море, как воздух, наполненный теплом и светом, как и вся наша земля от края и до края, ибо времена нынче не те, что полтора столетия тому назад, и даже не те, что вчера!

Я не могу удержаться, чтобы не взглянуть на ту гору, где когда-то был разложен предательский костёр. От пепелища не осталось, как говорится, и помину, здесь всё переменялось к лучшему. Но образ Даура, с душевным трепетом взирающего на город, образы Батала и других героев, которые берегли для нас наши предки, никогда не померкнут в народной памяти.

И вот, невольно глянув в прошлое, словно в глубокий и сырой колодец, я озираюсь вокруг — и вижу город чистый и ясный, вижу людей, выпестовавших его, поднявших его из грязи и пепла. В эту минуту мои мысли обращены к нашей Родине, и мне по-настоящему хорошо, я чувствую себя в этом мире хозяином, хозяином великой Советской земли, и я не могу не крикнуть в необъятный морской простор:

— Да здравствует жизнь!

В ДОЛИНЕ СТРИПЫ

Рассказ агронома

ВАСИЛИЙ ЛОЗОВОЙ

★

1

С Григорием Мочевусом, бригадиром колхоза имени Сталина на Тернопольщине, мы работали бок о бок без малого полтора года. Вместе создавали колхоз. Он был бригадиром садово-огороднической бригады, я — агрономом райземотдела.

25 июня 1941 года Мочевус в последний раз пожал мне руку и сказал: «Верю, товарищ агроном, мы ещё встретимся и достроим начатое».

Война отгремела. Героическая Советская Армия пронесла свои знамёна до Берлина. Победа! И я пришёл на размытое дождями пепелище колхоза имени Сталина.

На месте бывшей каменной конюшни строили новую, деревянную. Три человека возводили крышу.

— Где ваш председатель колхоза? — спросил я деда, работавшего возле снопов.

— А вон, на крыше! Учит молодёжь, как надо покрывать.

Я долго всматривался в усатое, обветренное, дорогое лицо моего старого знакомого, следил за его быстрыми, уверенными движениями и думал: «Эх, неугомонный ты человек! Сколько бы дворцов людского счастья ты уже построил, если бы не помешали проклятые фашисты!»

Так думал я о человеке, который только благодаря советской власти получил право на свободный труд.

Много лет Мочевус был предоставлен сам себе. Он был мелким собственником хозяйства в полтора морга величиной. «Справедливый божий порядок» предоставлял ему полную «свободу» и «независимость». Работай и живи как хочешь! А если хлеба нехватало даже до пасхи, то в этом, конечно, была только его вина. «Порядочные» хозяева ещё не перевелись на селе. И у ксёндза море работы, и пан майор Гонсевский не откажется от батрака. Работай, только бы шея выдержала!

«Жебрак» — бедняки села Яруги издавна ходили с этим клеймом. Даже в церкви оно отделяло их от богачей, оно оттесняло бедняков в задние ряды, затыкало им рот на собраниях в кооперативе, закрывало дорогу в читальню «Просвиты» возле усадьбы ксёндза.

«Ну, что хорошего вычитал, Григорий? Может, о том, как хлеб с колбасой растёт на вербе? Бросай-ка газеты да заваливайся спать! А то завтра опять будешь дремать на току. Работник из тебя... Эй, ты, жебрак! Вылезай из-за стола, освободи место для более достойных!»...

Эти окрики кулака Якимовича долго жгли душу Мочевуса. В читальню он перестал ходить.

У бедняков были свои собрания. И газеты иногда приходили тоже свои. Они открывали истинную причину бедствий и унижений: землю

насиленно захватили паны — шляхта и, чтобы крепче прибрать к рукам непокорную бедноту, привезли в помощь себе осадников¹. Газета призывала бедноту объединиться и бороться за свои права. Бедняка жизнь жмёт со всех сторон — тут и голод, и разваливающаяся мазанка, и болезни. Отчаявшийся бедняк отдаёт шляхте землю, а сам идёт с сумой по белу свету!

Газета рассказывала о великой стране на Востоке, недалёко, за Збручем... Там трудящиеся осуществили Великую революцию, выгнали паразитов и сами для себя строят счастливую, прекрасную жизнь. Как песню, слушала молодёжь сообщения о стране, где не только бесплатно обучают, но и деньги платят студентам во всё время обучения. В газете были напечатаны иллюстрации. Молодёжь всматривалась в портреты рабфаковцев, мечтала о гигантских стройках — о Днепрострое, Донбассе. Ведь это так близко, за Збручем...

Бывали случаи, когда у кулаков исчезали батраки. А через год—два село облетала весть: Костурчин Федь прислал письмо из Харькова. Работает на большом тракторном заводе и учится на механика. Мыколышин Гнат в Москве, учится в фельдшерской школе.

Но эти случаи исключительные. Газеты призывали бороться у себя, на родине. По утрам видели, как из села выходили незнакомые люди. Задворками, огородами они пробирались в город. В косовицу батраки объявили забастовку. У пана Гонсевского по неизвестной причине сгорела скирда пшеницы. Ксёндз за большие деньги нанимал рабочих для уборки хлеба.

Но для чего тогда существует жандармерия! О, Мочевус знает, что это такое. Штык жандарма в тридцатом году раскрыл ему губу: так она и не срослась. Война давно закончилась, а в селе снова появились молодые вдовы и сироты. Сосед Мочевуса, Ясинчук, до 1939 года посылал передачи старшему сыну в тюрьму, в Дрогобыч.

Ксёндз и богач поклялись, что через два года в селе не останется ни одного коммуниста... Можно ли допускать, чтобы они мешали их мирной жизни! В церкви ксёндз метал гром и молнии на сельских бедняков, обвиняя их в лености и в том, что они зарятся на чужую священную собственность. Снова пошли аресты. Для многих семей наступили беспросветные, голодные дни. Многочисленные тюрьмы, на которые панская Польша тратила куда больше денег, чем на школы, были переполнены.

Мочевус, как и все бедняки села, 250 дней в году работал на богача, а 50 — в своём хозяйстве. Таков уж «божий» порядок, и не убогим оборванцам пристало его нарушать.

Одна черта выделяла Мочевуса среди бедняков села: он любил садоводство. Во время поездки в Чехию на заработки Мочевус два сезона работал в садовом хозяйстве и сохранил на всю жизнь любовь к саду. Богачи за эту любовь называли его шутом.

Во время первой мировой войны пехотинец Мочевус два года гнил в окопах на итальянском фронте и два года — в плену, добывал базальт в каменоломнях. Он возненавидел горы, камень, злобных надзирателей. Мечтал о просторах Подолья, о русских косах девушки с серыми глазами, о собственном доме с цветником и садом.

Вернуться домой довелось только в двадцатом году, уже при польской власти. На землях барона Штигеля возникли хутора поселенцев,

¹ Осадник — польский военный поселенец.

крепкой подковой охватили они село. Старшиной на селе был поставлен поселенец пан майор Гонсевский, получивший четверть имения Штигеля.

Каждого, кто возвращался после войны в село, Гонсевский прощупывал с головы до пят и строчил подробные доносы в полицию. Счастье Мочевуса, что приехал он с запада, из Италии, а то мечты о домике и саде развеялись бы в прах. Прибывающих с восточного фронта пан Гонсевский тут же передавал полицейским (они дневали и ночевали у него). Полицейские забирали людей в лагеря, чтобы выбить из них «большевистский дух».

Невесёлая жизнь ожидала Мочевуса дома. Родители умерли. Старая мазанка развалилась. Две младшие сестры батрачили у кулаков. Отдохнув денька три у тётки, в избёнке на краю села, Григорий потащился на своих разбитых ревматизмом ногах на опустевшую родную усадьбу. Беда сплотила бедняков. Общими усилиями они поставили ему мазанку. Женился. Правда, не на сероглазой красавице, как мечтал в Италии, а на девушке уже в летах, сухой и нелюдимою. Любви не было. Рядом с его клочком земли у невесты была своя четвертушка. Родственники уговорили: увеличится поле, будет где обернуться плугом. Женщина оказалась крутого нрава, к тому же завистлива. Её распирала злость, если Мочевус улыбался молодым девушкам, и она уж вовсе выходила из себя, когда видела на сверстнице одежонку лучшую, чем на себе. Она отворачивалась, проходя мимо больших огородов богачей, и с остервенением бросала камень в собак, заходя в их дворы. Её сжигало стремление к богатству, а способ у неё был один — десять сухих, почерневших от работы узловатых пальцев. А как мечтал Мочевус в Италии о нежной белой девичьей руке!

И так она толклась с утра до ночи по усадьбам поселенцев и гнала Григория на работу.

Где уж тут думать о цветах около дома, о саде...

Воскресными днями, по утрам, когда жены не бывало дома, Григорий накопал в лесу дичков, посадил их возле дома, а подальше, чтобы не мозолила жене глаза, посеял грядку цветов.

Исподволь и незаметно разросся сад. Жена, браня Григория на чём свет стоит, вынуждена была лук и свёклу посадить в другом месте.

Цветы — целое море цветов — росли у Мочевуса под окнами, вдоль забора, во всех уголках двора. И как-то не гармонировали они с убогой мазанкой, с жалкой фигурой Мочевуса, с Пелагеей, почерневшей от пужды и работы.

Мочевус охотно раздавал девушкам семена и рассаду цветов. Яруги утопали в цветах. Молодёжь других сёл потянулась к дяде Мочевусу.

Богачи, не упускавшие случая нажиться на труде бедняков, хитро использовали страсть Мочевуса к цветам.

— Гриша, зайди-ка ко мне, посмотри на мои прививки. Почему-то начинают засыхать.

— Гриша, не привьёшь ли к моей яблоне побег своего сорта?

Мочевус приходил на зов, внимательно осматривал деревцо и делал прививку. Он занимался этим либо в полдень, когда люди отдыхали после тяжёлой работы, либо вечером, когда батраки спешили домой. Увлечётся, бывало, работой и не заметит, как уже стемнеет на дворе.

А дома сущий ад.

— Что, или мало работаем мы на богачей? Здесь и свою грядку некогда вскопать, ткнуть что-нибудь в землю, а он до ночи засиживается

у них! Наказали меня злые люди, коротаю свой век с лодырем и дураком!

А богачка, встретив Пелагею в поле, не преминёт прошипеть:

— Лучше бы твой хозяин поменьше развлекался. Работал бы по настоящему, как все люди.

2

В один из февральских дней 1940 года в бывших комнатах майора Гонсевского было донельзя тесно.

Впервые простые люди посетили эти господские покои в конце сентября 1939 года. Из района приехал уполномоченный и провозгласил советские права трудящихся.

В защитного цвета гимнастёрке, с двумя красными кубиками на петлицах, уполномоченный нашёл какие-то особые слова, доходящие прямо до сердца. Перед молодёжью раскрылась широкая жизненная дорога, и вела она напрямик в прекрасное будущее. А старшим— своя земля, свободный труд, жизнь без пана и жандарма. Люди пристально оглядывали высокие расписные стены покоев, щурили глаза от золотых лучей сентябрьского солнца, которое играло на медных, начищенных мелом канделябрах. Им и сейчас слышался громовой голос Гонсевского, столько лет гудевший в этих покоях. Люди переглядывались, вытирали рукавами вспотевшие лица. Они были пьяны от полноты впечатлений.

А сегодня всё это им уже не казалось сказкой. Это была действительность, и они — хозяева в ней.

Месяц назад советская власть помогла крестьянам согнать с кровных земель польских колонистов-кулаков. Огромные земельные пространства — полторы тысячи гектаров — перешли в крестьянские руки. Теперь дело за тем, чтобы умело, культурно, по-хозяйски освоить эту землю. Советская власть, враг всякой отсталости, окажет помощь агрономам и техникой.

Недавно приезжали гости: колхозники-ударники Каменец-Подольской области — звеньевая и тракторист. Их посылали на совещание передовиков сельского хозяйства Тернопольской области. Теперь, возвращаясь домой, долгожданные гости заехали в Яруги. Своими простыми, но убедительными рассказами они заронили в сердца трудящихся села Яруги страстное желание перестраивать жизнь. Люди почувствовали, что труд в своём советском государстве — дело чести и славы. И решили яругские крестьяне размахнуться во всю ширь.

Из-за частоколов своих усадеб кулаки осыпали их насмешками и угрозами. Не обращая внимания на них, крестьяне села Яруги первыми в районе организовали колхоз. И вот сегодня в бывших панских покоях, на общем собрании, молодые колхозники избрали правление и бригадиров.

Председателем правления единогласно был избран старик Ясинчук. Жива память о его сыне Стахе: весной 1939 года, после десятилетнего заточения, он умер в дрогобычской тюрьме от чахотки. Почта возвратила родителям посылку, которую они ему посылали, и доставила короткое извещение о смерти сына. Ныне на всех собраниях села, при выборах в почётный президиум сначала называют имя Стаха, а потом имя его отца. Седой суровый старик садится за стол президиума, и народ чувствует сердцем своим, что вместе со всеми идёт к светлому будущему и молодой Ясинчук. Это — бессмертие революционера.

Колхозники решили придать своей артели садово-огородническое направление. Недаром от железнодорожной станции, вдоль реки, тянут-

ся широкие массивы огородного чернозёма. На очереди стоял вопрос об избрании бригадира садово-огороднической бригады. Больше всех в этом деле «активничал» середняк Андрей Скорик: у него был свой неплохой сад. Скорика выбрали бригадиром. Потом кто-то вспомнил фамилию Мочевуса.

— А в самом деле, почему молчит Мочевус? Григорий! А где вы там, покажитесь-ка! — заговорили за столом президиума.

К столу протиснулся слегка сгорбленный человек. На продолговатом обветренном лице — длинные с проседью усы. Острые глаза неприветливы. Но вот он улыбнулся простой весёлой улыбкой, и она сразу изменила весь его облик.

— Что же вы молчите? Ведь речь идёт о вашем любимом деле, — сказал председатель.

Лицо Мочевуса стало сосредоточенным и серьёзным. Он ответил:

— За мной, люди добрые, дело не станет. Вы меня хорошо знаете. Я мечтал об этом давным-давно...

По предложению Голосенко, старшего агронома райземотдела, Мочевус был единогласно избран садовником.

Отмахиваясь рукой от шуточных реплик и пожеланий, Мочевус снова забился в угол.

Было уже поздно. Голосенко попросил сказать кучеру, чтобы готовился к отъезду.

— Да где же это видано, чтобы в такую непогоду отпускали людей из села! — запротестовал председатель.

Но Голосенко от ночлега решительно отказался: его ждёт в районе серьёзная работа, и рано утром он должен быть в райземотделе. Я и Голосенко простились с колхозниками.

На дворе кружил сухой колючий снег. Как можно глубже втягивая шею в воротники и погружаясь в сугробы по колено, мы медленно двинулись к селу. Где-то на дороге нас должен был ждать бывший кучер пана инженера с «кулка рольничего», Кавецкий.

Это был самолюбивый и спесивый кучер, воспитанный на панских подачках. В райземотдел он перешёл по наследству вместе с лошадьми и другим инвентарём уездного «видзялу рольного». Теперь, надо полагать, он выехал из тёплой конюшни кулака Сказинского, куда и раньше всегда заезжал, привозя своего пана, и остановился в селе, у дороги в правление колхоза. Вероятно, ёжится от ветра и проклиняет новых хозяев.

Вслед за нами из дома вышел кто-то третий. Теперь он шёл, держась боком к ветру и слегка подталкивая меня плечом. У саней, занесённых снежной метелью, человек придержал меня за локоть. Я присмотрелся. Это был Мочевус. Нагнув голову к моему плечу, он кричал, сколько хватало силы, преодолевая свист вьюги:

— Так вы говорите, товарищ агроном, надо начинать? Или вы сначала дадите указания?

Действительно, я хоть и много говорил на общем собрании, но конкретных указаний бригадирам на ближайшее время не дал.

— Если будем действовать сами, то пора начинать! — кричал мне Мочевус, не дожидаясь ответа. — Если огородину садить для продажи или для больниц, то надо раннюю, в парниках!..

Я поспешно бросился в сани, прикрыв ноги дерюгой. Снежная волна встала между мной и Мочевусом. Сквозь движущийся густой заслон до моего слуха долетели отдельные слова:

— Я, после того как сбежал... Гонсевский, забрал все парниковые рамы, а то бы вынули последние стёкла. Думал, пригодятся. А теперь

как раз к делу... Е-е-гу... га... — новый порыв ветра закружил и отнёс прочь его слова.

— Что, что вы говорите?! — кричал я в молочную темноту ночи.

— Говорю, есть двенадцать рам! Половина побитых... Если бы стекло... я бы их раз-два — и готово...

— Но-оо! — прохрипел Кавецкий у передка. Сани дёрнулись.

— Хорошо, хорошо, я у вас скоро буду, будьте здоровы!.. — крикнул я, перегибаясь в сторону Мочевуса.

Высокая фигура какое-то время оставалась неподвижной. Потом шатнулась и рывками поплыла в сторону правления.

3

Уже несколько дней бушевала небывалая в наших краях метель.

В канцелярии райземотдела остались агроном Скульский, секретарь, бухгалтер и статистик. Ковжан, заврайземотделом, и Голосенко — редкие гости в канцелярии. Они — в сёлах, наблюдают за молодой жизнью четырёх колхозов, только что организованных в районе.

Организационный период закончен. Колхозы требуют специальных указаний, конкретных советов. Ковжан сегодня уже третий раз звонил из Волошок и спрашивал, почему Скульский засел в канцелярии и не едет в колхозы.

Скульский, недавний «господин инженер» уездного земельного отдела, пожимает плечами.

— Хороший хозяин в такую погоду и собаку не выгонит на двор, — отвечает он, всерьёз бросая телефонную трубку на вилку аппарата.

Голосенко вчера вечером приехал из далёкого села в райисполком на совещание. Сегодня рано утром зашёл в канцелярию, оставил нам ряд указаний и поехал в Нестеровец — за восемнадцать километров от райцентра. За городом сани застряли в сугробах. Пришлось распрячь лошадей и гнать их назад, в конюшню. Голосенко, рассерженный, пришёл следом за лошадьми, сбросил в канцелярии бурку и, вооружившись палкой, пошёл пешком. За восемнадцать километров в такую дикую пургу!

В полдень метель, видимо, достигла своего предела. Сверху, как из прорвы, сыпал снег, ветер подхватывал его и поднимал столбы белого смерча. Мы тоскливо посматривали на занесённые снегом окна, и каждый думал о своём.

Я был занят составлением списков-заявок на химические препараты и минеральные удобрения. За колонками цифр перед глазами снова и снова вставали молочные просторы, курганы, яры и долины, дорога на Нестеровец, и на ней затерянная фигура человека, который рывками, как пловец, пробивается сквозь снежный буран всё вперёд и вперёд.

Старший агроном Голосенко прибыл к нам недавно, прямо с финского фронта. Квартиры ещё не нашёл. Его чемодан до сих пор стоит в кабинете заведующего. Где Голосенко ночует — неизвестно. Да и в городе бывает редко, всё время в сёлах. С его появлением канцелярия оживает. В размеренный ход работы и в круг узко личных разговоров-вспоминаний он вносит особую, ещё не известную здесь атмосферу трудовой энергии. Комнаты наши словно заполняются тракторами, комбайнами, в них шумят собрания колхозников, митинги, создаются грандиозные планы посевов, новых севооборотов — без всяких скидок на трудности, на недостаток средств. Чувствуешь широкий, огромный размах творческой вдохновенной работы. Старший агроном с неугасимым эн-

тузиазмом рассказывает о помещичьем саде, перешедшем в собственность колхозникам, о болотах в долине Стрипы, на которых он в течение года — двух создаст районные водоёмы, и попутно сообщает, что ему удалось обнаружить совершенно исправную молотилку.

Высыпав перед нами всё это богатство своих впечатлений, он деловито садится за стол, отдаёт распоряжения и с улыбкой говорит:

— Ну, товарищи, на недостаток работы жаловаться не будете. Работы у нас хватит, только бы справиться! — Затем, размашисто пожав нам руки, он стремительно выходит.

Скульский провожает его заносчивым взглядом и с возмущением говорит:

— И это называется интеллигент! На устах только колхозы, навоз, пахота, посевы, молотья и тому подобные вещи. А где же личная жизнь, где тесная компания, веселье? Сторож говорит, когда он задерживается в канцелярии до ночи, то и ночует на столах. Вот какие у нас теперь перспективы, господа. Дудки! Мы обязаны показать, что такое настоящий европейский интеллигент и какие у него интересы в жизни.

Скульский тяжело садится на кушетку и, закурив папиросу, демонстративно громко хлопает крышкой серебряного портсигара.

Как велика разница между интеллигентом — бывшим государственным чиновником панской Польши и новой советской интеллигенцией! В глазах местного обывателя произошла лишь формальная замена панских учреждений соответствующими «советскими». Вместо уездного «видзялу рольного» — райземотдел, вместо руководителя, «видзялу» — заведующий райземотделом, вместо главного инженера — главный агроном, и так далее. Но как не похожи на этих старых господ новые люди — ни внешностью, ни манерами! А особенно не похожи они отношением к труду.

Частная и по возможности роскошная жизнь — такова была цель существования почти каждого чиновника в панской Польше, да и вообще любого обывателя или собственника. Ещё на школьной скамье сотни Скульских мечтали о том, как, получив государственную должность, они меблируют свои квартиры, заполнят шкафы дорогой одеждой. Они обдумывали, сколько приданого принесёт будущая жена, какой у них будет дом, как они будут принимать гостей, ездить на курорты и т. д. О труде заботились мало. Одна мысль владела ими: как можно меньше работать. Так жили все — от министерского чиновника до секретаря волости. Поэтому государственная должность была не участком общественной работы, а способом лёгкой добычи денег.

Украинская интеллигенция, как правило, на государственные должности (или, как тогда говорили — к государственному корыту) не допускалась. Часть безработной интеллигентной молодёжи, воспитанной в клерикально-националистическом духе, вербовалась авантюристами от политики. Украинская буржуазия, пытаясь раздуть шовинизм в среде интеллигенции, обрисовывала перед молодёжью будущее «самостийное» государство, как неисчерпаемый источник хорошо оплачиваемых должностей. Украинский интеллигент получит в этом государстве должность, а поляк будет сидеть без работы, или — того лучше — его прогонят взащей; Украина только для украинцев!

Этой фашистской трескотне мало кто верил. Тем не менее на каждого, кто имел государственную должность, смотрели с завистью и скрытой злобой.

Советский общественный строй после сентября 1939 года обеспечил работой всех, независимо от национальности. Сознательное отношение к

труду советских людей было ново для обывателя. Советские люди по окончании рабочего времени оставались в учреждениях так долго, как этого требовало дело, а вечерами выезжали в сёла на митинги, читали лекции, и всё это они делали с неподдельным увлечением. Чем ответственной служащий, чем выше начальник, тем ярче бросалась в глаза его трудоспособность. Нового бухгалтера или учителя люди могли не знать, но первого секретаря райпарткома товарища Шарко знали во всех сёлах района. За эту зиму он успел побывать в каждом селе по нескольку раз, и оттуда тянулись к нему люди за советом, за помощью. Молодёжь, возвращаясь домой с последнего киносеанса или из клуба, удивлялась, глядя на окна райпарткома: светятся—значит, там работают. Работают и днём и ночью. Для обывателя это было чем-то неслыханным.

Ну, а отдых, удовлетворение культурных запросов, о которых говорил Скульский?

При польском владычестве в городе кинотеатра не было — теперь открыт. Клуб и библиотека размещены в самом лучшем здании города, которое раньше принадлежало купцу Штрайхеру. Вместо тесной и убогой кооперативной лавочки открыт большой книжный магазин. Книги очень дешёвые. Открыты средняя школа и вечерняя школа для взрослых. В просторной вилле купца Рота — больница. Интересная деталь: недавно к заведующему району приехала жена. Соседки видели, как, в скромном платице, повязанная платком, она ходила и в лавку, и за водой. И эта простая молодая женщина вечерами чудесно играла на рояле. А при польской власти рояль был только у «пани старостихи», помещицы из соседнего уезда. Но игры её никто и никогда не слышал: пани в местечке было скучно, она предпочитала жить во Львове.

А Скульский хочет, чтобы я, бывший безработный интеллигент, потворствовал ему! Тот самый пан Скульский, который с высоты своих дрожек не хотел и смотреть на меня! Сейчас я работаю с ним за одним столом.

Пока я подсчитываю колонки цифр, у меня назревает решение: завтра иду в Яруги, несмотря на метель.

Мою работу прервала уборщица.

— Там в коридоре стоит какой-то дядька из села. Спрашивает, здесь ли тот агроном по огородному делу, который позавчера был на общем собрании колхозников в Яругах.

— Ну, ну, это я был там. Что случилось? — я поспешно вышел в коридор.

Я не сразу узнал человека, который шапкой сбивал снег, вьёвшийся в серягу. Услышав мои шаги, он быстро выпрямился, провёл рукой по обмёрзшим усам и растерянно улыбнулся.

— Прощения прошу, товарищ. Помните, в тот вечер мы говорили с вами, но так и не договорились. Всё время ждал, а от вас никого нет. Оно, конечно, снег очень сильный, лошади не идут. Вот я и думаю: дай-ка схожу сам.

— Пожалуйста, заходите, товарищ, в комнату. Очень, очень хорошо, что пришли. Я как раз собирался завтра к вам, — говорил я, пропуская вперёд Мочевуса.

В эту минуту я чувствовал себя виноватым. «Колхозы требуют от агрономов нового стиля работы», — говорил на одном из совещаний Ковжан. И этот новый стиль работы — отнюдь не уютная и тёплая канцелярия, директивы на бумаге да изредка, в хорошую погоду, прогулка в деревню, что проповедует пан Скульский.

Мочевус, сидя в кресле, излагал мне свой план освоения усадьбы Гонсевского. За каменной конюшней есть место, открытое солнцу. Вче-

ра он измерил его шагами. Пятьдесят в длину и пятьдесят в ширину. Площадь на двести парниковых рам, не меньше. А имеется всего двенадцать, и те наполовину без стёкол. Удастся ли к весне изготовить недостающие рамы? В селе есть хорошие столяры. По дороге ко мне Григорий забежал на лесной склад Берчика, там ещё есть доски. Надо спешить, а то люди разберут лес на постройки. Вот только где взять стекло?.. Всё же остальное — навоз, маты и прочее — можно достать на селе.

В комнатах райземотдела, в бывшем комфортабельном особнячке сбежавшего адвоката Катинця, жарко. С одежды Мочевуса стекала вода. Всмотриваясь большими, немного сонными глазами то в одного, то в другого агронома, Мочевус продолжал излагать свои планы.

— Было бы очень хорошо, если б вы прислали семян. Есть такая, я видел в Чехии, свёкла, величиной с хорошую луковицу, немного сплюснутая, а сок у неё, как вишнёвый... — Григорий опустил голову и неожиданно захрапел.

— Ого, хлоп расположился, как у себя дома на печке! — с иронией заметил Скульский. — Что свёклу? Хорошо бы лимоны и апельсины послать ему в колхоз. А то, что у него голые икры светятся, этим он не смущается.

— Ах, извините меня, — очнулся Мочевус и медленно провёл ладонью по лицу. — Шёл к вам против ветра, устал немного. Ну, а здесь такая теплынь, разморило, вот я немного и... заснул. Я бы вас, товарищ агроном, очень просил: если можно, пойдёте на склад, я выберу доски и отложу их, пока не разобрали.

Он поднялся и начал тереть глаза, чтобы окончательно отогнать сон.

Мы вышли во двор и, поворачиваясь то боком, то спиной к резким, колющим лицо шквалам метели, добежали до райисполкома. Председатель райисполкома с большим вниманием выслушал нас, одобрил усердие Мочевуса, дал ему записку на склад и сказал, что для этих работ район получит ещё несколько вагонов леса.

Уже темнело, когда мы с Мочевусом вышли из помещения склада. Доски были отобраны и помечены: «Колхоз имени Сталина с. Яруги». Эти надписи по-особому звучали для служащих склада и ошеломляли недавних купцов-собственников, пристроившихся в конторе в ожидании «лучших времён».

— Есть у вас знакомые в городе? А то пойдём ко мне, переночуете, — пригласил я Мочевуса.

— Да что вы! Зачем ночевать в городе, когда дом недалеко? Ноги меня ещё хорошо носят, дойду. Будьте здоровы!

— Завтра я у вас буду! — крикнул я ему вслед и долго смотрел на его удаляющуюся фигуру.

А писали, что инициативу способна породить только частная собственность! А кричали, что западные сёла — не для колхозов, что коллективизация у нас не удастся. И, к великому сожалению, я тоже когда-то верил таким речам.

Меня одолевал водоворот мыслей и желаний: учиться, познавать, преодолевать трудности.

По пути зайдя в библиотеку, я долго осматривал книжные полки: на чём бы остановиться, что поддержало бы и закрепило моё возбуждённое состояние?

На стене висел плакат: «Чтобы стать зажиточным колхозником, необходимо работать в колхозе честно, правильно использовать тракторы и машины, правильно использовать рабочий скот, правильно обрабатывать землю, беречь колхозную собственность».

Какой отцовски-заботливый совет!

Но я искал ещё чего-нибудь — героического, романтического, поднимающего душу.

— Возьмите «Поднятую целину» Шолохова, — предложила мне де-вушка-библиотекарь.

4

Вьюга не стихала. Утром я пришёл в земельный отдел с новыми чувствами, которых, конечно, не испытывали мои сослуживцы. Я поймал себя на том, что движениями, голосом, смехом подражаю кому-то другому, более сильному, деловитому, уверенному в себе: или Давыдову из «Поднятой целины», или нашему Голосенко. Снова всё внимание привлекли искренние, простые слова плаката, висевшего перед моим столом. Я снял его и спрятал в карман.

Не спеша, аккуратно сложил я в ящики свои бумаги, запер их и, сбросив на плечи шинель, молча вышел в сени. К чему ненужные вопросы и, возможно, споры? В сенях я оделся, крепко стянул широкий кожаный ремень поверх шинели и, взяв палку, отправился, как и Голосенко, в колхозы. До ближнего села было десять километров.

За городом горизонт моих наблюдений сузился до нескольких метров. Вот последний ориентир — разваленная австрийская казарма, и я попадаю в молочно-сизый вихрь. Два—три шага в гору, потом перевал — и вниз, снова острый хребет, и снова крутой спуск. Наконец весь мокрый я ступаю свинцовыми ногами по ровной земле. Пашня. Пойду напрямик. Инстинкт подсказывает: «Вернись, заблудишься, не дойдёшь». А другой голос: «Вперёд, только вперёд. Куда-нибудь всё-таки попадёшь!» Я смеюсь и палкой грожу кому-то неизвестному. Равнина кончается. Чем дальше дорога, тем труднее идти: крутые бугры, покатоги, овраги. Нет, не поддамся! Чем я хуже Мочевуса или Голосенко? Проваливаюсь в яр, отдыхаю, выбираюсь на твёрдую почву и ещё упрямей пробиваюсь вперёд.

Наконец, за снеговой завесой показались какие-то строения. Напрягая последние силы, я добрался до изгороди и бессильно повис на ней. Яруги это или другое село?

Отдышавшись, я перелез через ограду и, погружаясь по пояс в снег, дошёл до строений. Немного отдохнув, наслаждаясь тишиной в укрытом от ветра месте, между постройками, я постучал в дверь.

Хозяйка со словами «Матко боска, а це кого несе в таку завирюху?» —пустила меня в дом.

В низенькой прокуренной комнате сидело за столом несколько мужчин в тулупах и шапках. Все с насторожённым любопытством обернулись в мою сторону.

Я спросил, не Яруги ли это.

— Да! А вы откуда? — из-за стола поднялся человек; он показался мне знакомым.

— Позвольте, вы, кажется, Скорик, которого недавно выбрали бригадиром садово-огороднической бригады? — обрадовался я.

— Я самый. А что такое? — насторожённо спросил он.

— Неужели не узнаете меня? Да я же агроном из райземотдела!

— Вижу, но в чём дело? Нас о собрании сегодня не оповещали. Да и кто пойдёт на собрание в такую погоду?

— Довольно и тех разговоров, которые мы слышали! — сказала хозяйка, возившаяся около печки. — Теперь пусть дают то, что обещали: семена, хорошую землю, машины.

— Всё, что обещали, дадут наверняка. Но и самим кое о чём нужно подумать, — ответил я.

— Думали уж. Не довольно ли? Зима на дворе, а дети без сапог остались, в городе кожи нет, надо во Львов ехать.

— А вы что, сейчас приехали, или ночевали где-нибудь на селе? — прервал свою жену Скорик.

Придерживаясь плана, переданного мне Мочевусом, я начал рассказывать о проекте большого парникового хозяйства в их колхозе, о доходах и выгодах от него. Люди, научась огородному делу, лучше будут хозяйничать и на своих приусадебных участках. Но этим мы не ограничимся, посадим сад, питомник. Это уже сейчас потребует от колхозников много старания. Чтобы колхозники знали, как лучше взяться за новое дело, я хочу провести беседу. Нужно здесь или в другом месте собрать всю бригаду.

Мужчины, нахмурившись, слушали мою речь. Один из них, высокий, не сводил глаз с моего лица. Когда я закончил, он поднялся и ткнул пальцем в мою сторону.

— Слушайте, господин, а я ведь вас знаю! Вы наш, местный человек. Как же это вы так быстро перекрасились и головы нам морочите, а? Какой же порядочный хозяин откажется от своего имущества и передаст его в коммуну? Что он, не сумеет работать самосильно и надо ему в начальники Мочевуса? Уж если вас в такую погоду выгнали из города, то посидите где-нибудь тихонько в тёплом доме, погрейтесь, отдохните немного, а то... боюсь, как бы вы себе беды не нажили. Ей-богу, правду говорю!

— Да, Мочевус со своей голотой построит им колхоз, вдосталь наедятся хлеба! — отозвался другой.

— У нас есть свой разум, — зашевелились сидевшие за столом. — Ещё и других научим. Да!

— Ну что ж? Итти или уже отпала надобность? — иронически спросил Скорик.

— Я вам уже раз сказал — идите приглашайте людей! — строго ответил я.

По лицу Скорика пробежала судорога, он опустил голову и, как стоял, не одеваясь, поспешно вышел из дому. За ним быстро вышли и другие.

— Ой, пане, пане!.. — покачивая головой, сказал один из оставшихся; его неприятный взгляд скользнул мимо меня.

— Ну, а вы почему уходите? — взял я за плечи низенького крестьянина; во время моего разговора с присутствующими он въедливо поглядывал то на меня, то на них.

— Да это не о нас речь шла. Мы ещё не в колхозе, — быстро промолвил он, споткнувшись на пороге.

Жена Скорика заперла за ними дверь, посмотрела в окно и потом сказала извинительным тоном:

— Да это наши богачи! Приходят, голову крутят. Вот этот, который с вами говорил, — у него двадцать моргов земли, молотилка, кирпичный завод. Мы строили хлев, так он дал нам кирпич взаимы и теперь держит в своих руках. Говорит: если пойдёте в колхоз, всё отберу. А вы как, господин, думаете? Вы там ближе к властям, лучше знаете новые законы. На заводе этот богачей не работал, работали люди, значит и кирпич не он делал, правда?

— Успокойтесь. Платить ему за кирпич теперь никто вас не заставит, — веско ответил я.

— Вот, вот, и я так думаю. А мой дурачок печалится, не хочет ссориться с богачами.

Через полчаса Скорик вернулся и что-то долго обивал сапоги в сенях.

— Разве кто выйдет сегодня из дому? И слушать не хотят, — проговорил он ещё в дверях, глядя себе под ноги. Потом поднял глаза и сказал:

— Да и вы, господин хороший, что за денёк выбрали? И зачем было ехать в такую метель? Кто будет эти парники, или как вы их там называете, закладывать? Зачем они нужны? Нынче каждый думает, где бы смолоть зерно. Паны, убегая, сожгли все мельницы в районе. Теперь до местечка Озирной, за двадцать километров надо ездить на мельницу. Люди неделями сидят там и ждут своей очереди.

Его слова больно задевали меня. Как при назойливом сне, я тёр рукой лицо.

— Зачем же вы согласились быть бригадиром? С такими настроениями и мыслями только о сегодняшнем дне дело не пойдёт. Надо смотреть вперёд, надо жить новым, понять и поверить, что всё делается к лучшему, для вашего же благополучия. Посмотрите-ка, — я вынул из кармана плакат, — читайте: «Чтобы стать зажиточным колхозником...». Этот плакат в вашем сельсовете и в правлении колхоза висит. Вдумались ли вы как следует в эти слова?

Скорик поморщился и отмахнулся от меня рукой, как от мухи.

Я продолжал:

— Ведь вы для себя строите. Так же, как беспокоитесь о мельнице, о сапогах на зиму, о кирпиче для постройки своего сарая, а может быть, и в большей ещё мере вы должны беспокоиться о делах колхоза.

Скорик, опустив локти на колени, покачивал головой и сплёвывал сквозь зубы густую от махорки слюну.

— На меня много слов незачем тратить, я и сам вижу, куда дело идёт. Вы с другими поговорите и послушайте, что они вам скажут. — Он вскочил со скамейки и забегал по комнате. — Слышали, что случилось в Задвирках? — Он остановился и уставился своими маленькими глазками на меня. — Нет? А вот: возвращался председатель колхоза из района, его поймали и так побили, что до сих пор лежит в постели. Да ещё пригрозили ему: если донесёт об этом, то убьют. А вы — о парниках!..

Так ни с чем и вышел я из дома Скорика. Для того чтобы одолевать неприступные горы, пересекать морские и воздушные пространства, нужны твёрдость, решительность и опыт. Но когда на твоём пути стоит необразованный, запуганный человек...

Теперь совершенно ясно: решающий участок нашей работы — это борьба за человека! Итак, вперёд! Придётся лицом к лицу встречаться и с такими пугливыми людьми, как Скорик, и с мстительными, злобными кулаками, которые зубами держатся за своё кулацкое гнездо и за свой грабительский уклад жизни.

Выйдя на улицу, я увидел двух стоявших около калитки женщин.

— Где живёт Мочевус? — спросил я.

— Вы, наверное, агроном и пришли проводить собрание?

— А откуда вы знаете?

— Да Скорик к нам приходил. Сказал, чтобы мы созывали людей. А мы что, нанимались? Пусть Мочевус созывает.

— Где же Мочевус? — спросил я с нетерпением.

— А бегаёт по селу. Сказал, чтобы мы зашли за вами. Идёмте.

— Да?! — Я улыбнулся, и мне стало легко и радостно.

Привели меня на самый край села, в старую низенькую лачугу, обложенную до самой крыши соломой. К моему большому удивлению, в низенькой комнате со старосветской большой печкой собралось много людей, большей частью девушек и молодых женщин. На моё приветствие ответили дружно и, внимательно присматриваясь ко мне, пропустили к столу.

Вид этой молодой жизнерадостной аудитории вернул мне боевое настроение. Да, для успешной борьбы с классовым врагом люди должны иметь благородную, величественную цель и верить в то, что она будет достигнута. Я должен овладеть аудиторией. Яркими картинками будущего я должен разбудить их живую фантазию, вызвать к жизни творческую инициативу.

И вот я начал рисовать перед ними картину села Яруги, каким оно будет через пять—шесть лет. Я покрыл село зеленью садов и красочными пятнами цветов, среди которых поднимаются весёлые черепичные крыши новых домов. Вдоль села широкая мощёная аллея ведёт к правлению колхоза. На площади—там, где теперь церковь,— утопает в зелени парка двухэтажный дом сельского клуба. Рядом с ним — средняя школа. За селом, тонущем в садах сколько видит глаз,—широкие, сплошные, без межей, поля, а ближе к селу краснеют на солнце большие колхозные постройки. Каменная молочная ферма с окнами и вентиляторами, на 200—300 голов, все коровы высоко молочной породы; птицеферма с огромным птичником, обнесённым железной сеткой; как снег, белеют сусексы — мировой славы наседки. А дальше — свиноферма, силосные башни и, наконец, краса и гордость колхоза — участок садово-огороднической бригады: 30 га сада, большие участки огорода, плантации семенников, плодпитомник и огромное парниково-тепличное хозяйство, которое поставляет во все сёла района и на рынок Тернополя различную рассаду и раннюю зелень.

Кто же будет обладать всем этим богатством? Они, колхозники, но колхозники не сегодняшнего дня. Они станут квалифицированными специалистами сельского хозяйства: трактористами, комбайнерами, садовниками, огородниками, специалистами животноводческих ферм. В зимние дни будут проходить бесплатно теоретическую подготовку на местах — в сёлах, в районном центре, а то и на межобластных курсах. А многие выедут из сёл, чтобы освоить новые, ещё не известные им специальности на пользу народу. Только подумать, сколько может выйти за пять—шесть лет из их села учителей, инженеров, агрономов, врачей! Да, очень смелая мечта, но мне хотелось в неё верить. Иначе и работать невозможно. А работать придётся самозабвенно, всего себя отдать делу.

— Вот план для нас и детей наших! Так поклянёмся же, что претворим его в жизнь, что нас не останоят никакие препятствия. Пусть наши дети с уважением и гордостью говорят о своих отцах. — Я снова вытащил из кармана плакат и прочитал его. — Только надо, товарищи, работать не жалея сил. На помощь нам придёт вся Советская страна.

— Вот,— перебил меня Мочевус, незаметно вошедший в комнату,— вчера я с товарищем агрономом был в городе на складе, отобрали доски. Обещали в районе, что пришлют стекло. Материал есть, только надо сделать хорошие рамы.

Реплика Мочевуса напомнила мне, что пора переходить к конкретным вопросам, и я дал бригаде первые указания, как закладывать парники. Было решено завтра же начинать связывать маты, а как только прекратится метель, ехать в район за досками. Меня обязали достать

стекло. Мысленно я выругал себя. Ещё вчера вечером мне надо бы обойти в городе нужных людей и позвонить в область.

«Да, да, больше оперативности, гибкости, предусмотрительности, друг мой, если хочешь итти в авангарде новой жизни!» — сказал я себе.

Когда расходились после собрания, на лицах лежал свет вдохновения. (Так, по крайней мере, мне казалось). Хорошо, если бы оно не угасло и светило людям каждый день.

Мочевус попросил хозяйку дать мне ночлег. Дома у него очень тесно.

— Да я охотно, вот только хлеба нет, — оправдывалась она. — Муж на мельнице, в Озирное поехал, уже второй день ждёт очереди. Ну, товарищ извинит. Я сейчас на жерновах смело немного пшеницы и сварю галушек.

Она набрала с печки горячей пшеницы, набросила на плечи безрукавку и вышла в сени. Вскоре оттуда послышалось прерывистое гуденье жерновов. В люльке, висевшей в комнате, поднялся на ноги розовый белоголовый ребёнок. Ему было около двух лет.

— Ну, иди ко мне, казак! — Я взял его на руки и вспомнил о своём сыне. Вероятно, ровесники. Прижав к себе мальчика, удивлённо осматривавшего моё лицо, я, напевая, начал ходить с ним по комнате.

В заснеженные окна ветер бил пучками соломы, свисающей с крыши. Пурга не унималась. Темнело.

Ты же только сегодня вышел из района! Содержательный день был у тебя, дружище!

Первый настоящий день советского человека.

5

Утром, проваливаясь по колено в сугробы, мы ходили по усадьбе бывшего хозяйства Гонсевского: Мочевус потащил меня выбирать место для парников.

Вот здесь, за конюшней, мы разместим тёплые парники, а там, внизу, у речки, на открытом месте будем высаживать рассаду. У верболоз над рекой выкопаем водоём и канавой отведём в него воду из речки. На солнце стоячая вода будет быстро нагреваться. Тёплую воду используем для поливки. Землю, правее верболоз, весной заливают вода — там мы будем сажать капусту, а выше — морковь.

Все эти, различные по профилю, места мне казались сплошным белым саваном, по которому скользили лучи солнца.

Ночью пурга утихла, утром установилась хорошая погода с крепким морозом.

Изо рта Мочевуса фиолетовыми кольцами вылетал пар. Время от времени Григорий вынимал из-под короткого ватника руки и обрывал с усов льдинки. Обрато в село итти не хотелось, и я отправился по солнечно-искристой дорожке в город. «Только чтобы зря лошадей не гонять, товарищ агроном! — кричал мне вслед Мочевус, размахивая по-синевшими руками. — Когда приедем, чтобы обязательно были и доски, и стекло!..»

На гребне, перед спуском в овраг, я оглянулся. Нежно-фиолетовая снежная гладь спускалась к самому селу, скрадывая холмы и выемки. Живым серебром переливалась цинковая кровля «дворца» Гонсевского. А вправо от него покачивалась чёрная, будто нарисованная углём, фигура Мочевуса. Он шёл в поле, в направлении будущих огородных участков.

— Эх, весна бы поскорей! — громко крикнул я и, как на лыжах, заскользил в овраг.

В райземотделе меня ожидала неприятность. В комнате агрономов я застал Скульского и Курия. Переглянувшись между собой, они не ответили на моё приветствие.

— Что случилось? — спросил я.

Скульский снял очки, долго и старательно протирал их замшей, потом аккуратно сложил замшу, положил в боковой визитный карманчик, снова надел очки и посмотрел на меня прищуренными глазами.

— Южесь вручил! Прендко! Южесь збудовал, не? — презрительно фыркнул носом и отвернулся. Когда ему что-нибудь не нравилось, он всегда переходил на польский язык.

— Что вы, пан инженер, стоит ли иронизировать? Где ему понять! На таких, как он, они только и держатся, — льстиво пробормотал Курий, отмахиваясь от меня, как от назойливой мухи. — Разве он может понять, что такое коллегияльная солидарность?

— Что вы от меня хотите? — спросил я злобным тоном, догадываясь о причинах их жёлчного настроения.

Скульский сорвался с места как ошпаренный.

— Если у вас здоровье мужицкое, то вам, конечно, не составляет труда мотаться по всему району, высунув язык, и спать на вшивых перинах. Чего доброго, вы начнёте ещё навоз выбрасывать из хлева за то, чтобы вас накормили. Но, прошу покорно, не навязывайте этот стиль работы другим. Пусть «советы» бегают. Для этого их сюда и прислали. Но вы, вы же свой! Постыдились бы! Надо же иметь хоть каплю самолюбия. Вы же интеллигент, государственный чиновник! Не мы у них, а они у нас должны перенимать стиль работы. Разве они имеют какое-нибудь понятие о том, что такое жизненные потребности интеллигента? Им надо привить наш стиль жизни, а не приспособляться к примитиву. Вы же знаете, в каком благоприятном положении находились польские государственные чиновники! То было, пане дзею... А теперь что?

— Я украинец, пан Скульский, и вам хорошо известно, что при польской власти я всё время был безработным, — сказал я холодно.

— А, украинец, украинец! Сегодня вы на политике выезжаете. Не будьте таким умным. Курий тоже украинец, а имел должность при польской власти и, кажется, ему жилось не так уж плохо.

— Но Курий был ренегатом, лакеем, заботился о своём брюхе и карьере, а я...

— А вы что, а вы что? — перебил меня Курий, задыхаясь от злости.

— Я? Во всяком случае, я не такой, как вы. Мне было бы стыдно выслуживаться перед государством, которое угнетало мой народ.

— Ну, это дело другое. У каждого свой вкус. Но не навязывайте свои вкусы другим, — перебил меня Скульский.

— А разве я вас к чему-нибудь принуждаю?

— Этого ещё не доставало! Солидарность должна быть, понимаешь? Вчера и сегодня с самого утра председатель райисполкома не даёт нам покоя. «Почему сидите? Савчук тоже, как и вы, местный... понимаете, он подчеркнул это слово «местный», а уже начинает работать по-нашему, по-советски. А вы попрежнему живёте панским духом».

— Ага, так вот оно в чём дело! — подумал я вслух.

Окна заливал свет полуденного солнца. Поблёскивая в воздухе, с крыши срывались капли воды.

Солнце... стекло... Под таким солнцем даже в холодных парниках

температура будет не меньше 25 градусов. А Ковжана и Голосенко нет. Скорее к председателю райисполкома!

— Это же рабоче-крестьянское государство, товарищи. В таком государстве надо работать честно, — бросил я им, спеша к дверям. И уже в сенях услышал:

— Его тжеба сен выстжегаць. Он юж сен зробил большевикем.

«Неужели в их глазах я уже большевик?» — думал я, направляясь к председателю райисполкома. Это слово вызывало во мне чувство гордости и счастья.

В райисполкоме мне сообщили, что в Тернополь прибыл эшелон с лесом и стеклом, а также различными приспособлениями для огородных и парниковых хозяйств. Для нашего района выделено два вагона досок и несколько ящиков стекла. Давно всё это было бы на месте, если б не проклятые заносы, задержавшие железнодорожное движение. Моё с Мочевусом беспокойство было преждевременным. Государство шло нам навстречу.

Я хотел было вернуться в земельный отдел, поделиться новостью, но вспомнил Скульского и Курия — и махнул рукой. Жаль, ещё нет телефонной связи с Яругами, нельзя известить Мочевуса. Вот бы обрадовался!

А утром у меня возникла мысль: «Зачем он спешит? Зачем ему нужно уже сейчас отгрести снег?» Да, Мочевус спешит жить, так как верит в будущее!

Какой же из этого вывод? Надо спешить и тебе, равняться на лучших. Скорее домой — и за книги. Углубляй специальные знания, ибо слово превращается в дело. Помни: ты включаешься в большое производство. Твои скудные знания и давняя ученическая практика на пяти—шести парниковых рамках совершенно недостаточны.

Пришёл день, когда мечта претворяется в жизнь! Пришёл день, когда человек получил неограниченные возможности своего творческого развития!

Я закончил среднюю садово-огородническую школу в 1930 году. За это время мне приходилось заниматься самыми разными работами: был частным преподавателем, сельским агентом по распространению газет и книг, в летние сезоны работал на строительствах (носил кирпичи), недолго был мостильщиком, а вот своей специальностью никогда не занимался. На государственную службу не принимали, а в частных имениях были свои огородники. Правда, как-то раз мне удалось пробраться на работу в одно имение, но долго я там не удержался: выгнали «за недоброжелательный взгляд». Так я почти и забыл свою специальность. Когда в 1939 году, узнав о моём образовании, меня взяли на учёт в районе и зачислили агрономом, я пытался возражать. Уж очень претенциозно звучало название моей специальности! Я привык к тому, что я «хлопак до вишнесткего». Лишь бы чем-нибудь заработать на жизнь, и вдруг — агроном. Это слово меня ко многому обязывало.

Я вспомнил агронома господского имения, где работал в своё время. Он ездил на гладком, блестящем рысаке, запряжённом в дрожки, в зелёной тирольской шляпе с пером. Люди низко, как-то даже набожно кланялись ему. После объезда полей агроном возвращался в помещичий дворец с белыми колоннами и верандой. Сытно пообедав, выпитив живот, он прохаживался вокруг газона. Дышал тяжело и искоса поглядывал на широкие парадные двери, откуда должен был выйти сам хозяин. Перед ним агроном расшаркивался и подобострастно изъяснялся в чувствах преданности и уважения. Осчастливленный хорошим настроением пана, мчался галопом в поле. Он был глух к жалобам ра-

бочих на то, что с самой весны им не выдают зарплаты. Хозяин пожал ему руку: «Надеюсь, пане добродзею, что через какой-нибудь месяц пан сделает мне одну—две тысячи. Умираю от скуки в этой западне. Надо выехать в свет, немного проветриться, хе, хе, хе!»

И пан агроном рыскает по жнивью, от жатки к косарям, от косарей к вязальщицам, останавливается около скирды и торопит: быстрее, быстрее складывайте, завтра начинаем молотить. Быстрее! Я должен к концу месяца сделать хозяину деньги — две тысячи. Пусть едет! А когда избавлюсь от «ясновельможного», буду сам себе хозяин на всю зиму. Отдам пану деньги, а себе-то уж как-нибудь выкручу малую толику.

Я с отвращением вспоминал эти картины, сознавая с радостью, что старый тип агронома — панского холоуя — канул в вечность. Собственно говоря, таким агрономом я никогда бы и не смог быть.

Теперь я присматривался к новым людям. Вот таким агрономом, как Голосенко, я бы хотел быть и обязательно буду, хоть у меня и десятилетний перерыв в работе!

Своё отставание я, к счастью, понял скоро и тут же взялся за учёбу. В парткабинете мне сказали, что советский интеллигент должен выработать в себе достойное передового человека марксистско-ленинское мировоззрение. Я приступил к изучению рекомендованной мне литературы, с энтузиазмом преодолевая все трудности учения. Ковжан мне помогал. Он научил меня понимать, что в новую жизнь надо включиться не только мыслью, кабинетными дискуссиями, а и действием, трудом, новым стилем работы. А чтобы творить, руководить — для этого надо быть мастером своего дела. Значит, учиться и еще раз учиться.

6

Железную дорогу расчистили. Вагоны с досками прибыли на станцию райцентра. Мочевус возмущался: лучшие в селе лошади богачей стоят без дела в конюшнях, а мы должны с чахлыми лошадёнками оборачиваться по три—четыре раза на день.

— Да пусть же помогут! Чёрт их не возьмёт, если немного проветрят своих лошадей.

Ковжан, смеясь, говорил, что можно обойтись и без единоличников. Помощь колхозу окажет государство.

Работали с энтузиазмом. Через неделю все столяры села Яруги начали изготавливать рамы и ящики. Потянулись на усадьбу Гонсевского подводы с навозом. Девушки спешно изготавливали маты. Мочевус с подручными стеклил рамы. Организацию всей работы Ковжан поручил мне. Я не отважился признаться ему, что для меня эта работа новая. В своё время школа с её миниатюрным огородом практики мне не дала. А Мочевус куда больше понимал в садоводстве, чем в огородничестве, и поэтому требовал от меня постоянных указаний. В марте было заложено шестьсот парниковых рам. Это был самый тяжёлый месяц в моей новой жизни, полный забот и тревог. И когда в апреле показались первые всходы редиски, укропа, салата и заиграли под рамами нежным оттенком зелени — меня охватило глубокое волнение. Мы с Мочевусом часами просиживали перед раскрытыми рамами, вдыхали острый аромат тёплой весенней земли, осторожно вырывали тонкие стебли бурьяна, и на наших лицах сияло огромное счастье.

Новое, невиданное в этих краях дело захватило всю бригаду. Смотреть парники приходили из полевых бригад. Приходили и единоличники. В первый же месяц люди показали себя на работе. Неудачных звень-

евых, которых зимой на собраниях выбирали на глаз, теперь заменили новыми, энергичными, инициативными. Правой рукой Мочевуса стала Бескоровайная — женщина уже в летах, статная, с громким гелосом, приводившим в трепет самых строптивых. Не отставал и Скорик. Но он понимал обязанности бригадира по-старому, судил по образцу панского приказчика. Выходил раньше всех во двор бригады и, опершись на палку, отмечал с часами в руках опоздание. При этом без надобности громко покрикивал на людей, поглядывая в мою сторону: «Видишь, мол, стоит начальство». Когда же начиналась работа и людьми фактически распоряжался Мочевус, он уходил поболтать с конюхами, а иногда, забывая о престиже «начальства», и сам брался за вилы или лопату.

Зима в сороковом году затянулась. Десятигектарный участок, временно отведённый под огород, в апреле ещё был под снегом. Снег сошёл только на пригорках, и в солнечные дни над ними поднимался лёгкий парок. В полевых бригадах готовились к весенним работам, вывозили на поле навоз и складывали его в кучи. В оврагах выкапывали в снегу канавы: из-за вьюжной зимы нависла угроза весеннего половодья.

Неожиданно у нашей бригады прибавилось много новой работы. Однажды верхом на лошади приехал к нам Голосенко. Он успевал ежедневно бывать во всех четырёх колхозах и поэтому больше видел и знал, чем я, сидевший в Яругах. А я по-настоящему работать ещё не умел. Увлёкшись одним делом, я не мог оторваться от него, стремясь быть и руководителем, и исполнителем. Голосенко, похвалив мою хорошую работу на парниках, напомнил, что мне подчинены садово-огороднические участки ещё трёх колхозов, в которых я очень редко бывал. Да и здесь, в колхозе имени Сталина, занятый парниками, не вижу других работ.

В наследство колхозу от бежавших поселенцев осталось много приусадебных участков с садами. Опека над этими садами поручена была садово-огороднической бригаде.

Я взглянул на Мочевуса. В глазах его заблестели весёлые огоньки, и он резко сорвал с окна соломенные маты.

— А что, товарищ агроном, я не говорил вам? — засмеявшись, сказал он.

Действительно, Мочевус несколько раз напоминал мне о садах поселенцев, оставшихся, по существу, без присмотра. Но я его сдерживал: «Не хватай сразу, не справишься».

— Возвращается моя работа в собственные мои руки! — смеялся он, приближаясь к Голосенко. — Я эти сады сажал и прививки делал. Я знаю каждую яблоню, каждую грушу. Жаль, деревья старые... Были бы помоложе, мы их выкопали бы — и в наш сад...

— Дело, дружище! Беритесь за работу, — весело ответил Голосенко. Я глубоко вздохнул, почувствовав, что мой авторитет в глазах Мочевуса несколько поколеблен.

Ограниченность интересов — мой большой недостаток. Голосенко знает состояние работы всех бригад четырёх колхозов, а я? На словах охватываю большой объём работы, а на деле оказался ограниченным делягой. Даже у Мочевуса больший размах.

Надо перестроиться, вытравить из себя мелкое, безответственное отношение к делу. Освоить специальность — это ещё не всё. Надо привыкать к более широким масштабам, включать в работу всё новых и новых людей, надо быть подлинным организатором. Я вспомнил, как в марте приходил в райземотдел молодой паренёк из села Бьшок. У них ещё нет колхоза. Помню, он расхваливал мне бывший господский сад и

парк, с увлечением говорил о расширении сада, настойчиво требовал взять деревья на учёт и сохранить для будущего колхоза. Это посещение сельского паренька привело к замечательным результатам. Теперь я понимаю: этот парень, как и Мочевус, хотел чего-то большего от жизни, что выходит за рамки его личных интересов.

До вечера я был подавлен хаосом новых вопросов, обязанностей, заданий. Слова «советский агроном» начинали приобретать в моём представлении глубочайшее значение. Как мало я похож на Голосенко! После памятной мне борьбы с пургой я считал, что попал в точку. Но это ещё не всё. И Скульский, и Курий тоже отлично понимают, что это ещё не всё. Ибо чем можно объяснить, что они, при всей своей ненависти и сопротивлении всему новому, говорят с Голосенко резонно и уважительно и быстро соглашаются с его замечаниями. А ко мне относятся с иронией. Хороший исполнитель...

А я-то увлекался собой и называл себя молодцом!

Заложить шестьсот рам парникового хозяйства, дать в мартовскую непогоду жизнь миллионам разнородных растений, которые сейчас мерцают под стеклом богатством оттенков зелени, наблюдать за их дальнейшим нежным ростом. Перенести потом эти хрупкие ростки в мягкую, удобренную землю, покрыть ими огромные просторы земли, и где-то там, среди лета, в июле или в августе, когда они буйно разовьются и окутают землю, пригласить из сёл экскурсантов. Пригласить и сказать: «Вот, люди добрые, результаты труда коллективных рук. И красота неопишуемая, и польза. Это вам не пустовязь, подтачиваемая капустницей, а брауншвицкая, высококачественная капуста, с головками величиной с ведро. Это вам не мелкосортные помидоры, дающие только кусты тонкой ботвы, а промышленный сорт «люкулос»; урожай — по 10—15 килограммов с одного куста. А помножьте килограммы на тридцать тысяч кустов и подсчитайте, сколько за это можно выручить денег!»

С такой речью я давно уже готовился выступить перед будущими экскурсантами, заранее испытывая заслуженную, как мне казалось, гордость. А теперь получается, что это дело Мочевуса и его бригады, а от меня требуют большего...

Вместе с Мочевусом и Скориком я осмотрел приусадебные сады бежавших поселенцев, передал бригаде план работы на неделю и уехал в район.

В других колхозах района в этом году были организованы только садово-огороднические звенья. На их обязанности лежал теперь присмотр за бывшими панскими садами, и они же должны были сажать между рядами молодых деревьев огородину.

До сих пор садами ведали бывшие панские садовники. Не спеша, по старинке они начали весеннюю очистку деревьев. Узнав, что в село приехал старший над садами, садовники кинулись ко мне. Посыпались оправдания и жалобы на людей, которые, дескать, ещё осенью, когда не было колхоза, выкапывали молодые деревца и пересаживали в свои сады; они и садовый инвентарь унесли, и работать теперь нечем, и, дескать, люди их, садовников, не слушают, не хотят итти на работу, и всё в том же роде.

Пообещав садовникам быстро наладить дело, я собрал звенья.

Среди собравшихся я искал живых людей. Звенья состояли главным образом из юношей, девушек и молодых женщин, работавших раньше в господских садах. Дело они знали в пределах тех требований, которые им предъявляли в господских садах, и скромные колхозные планы на сороковой год, вероятно, могли бы выполнить. Но я искал среди них

людей с большим размахом. При знакомстве с их прошлым вставала передо мной всё та же знакомая картина лишений и бедности в условиях панской Польши: подёнщина на дворах и отработка на полях богачей. С малых лет каждый из этих людей имел только одну мечту: заработать на хлеб. Сейчас на работу в колхозных садах они смотрели как на временный заработок.

Но я уже верил в человека. Верил в силу большевистского слова, которое проникло в село. Если в Яругах есть Мочевус, есть Бескорвайная, есть много замечательных людей, то они должны быть повсюду.

Бывая на общих собраниях колхозников, я рассказывал им о широких перспективах новой жизни, о том, что теперь они сами хозяева своей судьбы. Знакомился с работницами огороднических звеньев, заходил к ним на дом. Мне хотелось добиться таких же успехов, как и в Яругах.

Но в селе Заречном, как показалось мне, не было интересных, живых людей в садово-огороднических звеньях. При встрече с Голосенко я отозвался о Заречном резко и потребовал полной замены звеньевых. Голосенко шуточно ответил, что я, кроме садов и огородов, ничего не вижу и к будущему колхозов подхожу только с меркою развития садово-огороднических бригад и звеньев. Пора смотреть на колхоз, как на целое и большое хозяйство, и интересоваться не только садами, а всеми видами хозяйственных работ. Что касается его, Голосенко, то он заречанами очень доволен и советует мне познакомиться с бригадиром первой полевой бригады, который отремонтировал весь наличный инвентарь, вывез в поле навоз и добился того, что его бригада первой начала собирать золу и куриный помёт. А какой замечательный у них рыбак! Добровольно, ещё до организации колхоза, этот пожилой человек был и рабочим, и сторожем водоёмов и прудов. Весь март, в слякоть и метель, по колено в воде, он прочищал канавы для спуска весенней воды, чтобы не прорзало плотину. Благодаря его усилиям, в прудах сохранились дорогие карпы. Приезжала комиссия из «Рыбтреста» и вручила ему похвальную грамоту. А сегодня звено этого рыбака соревнуется на первенство по области.

Сконфуженный, я вернулся в село, упрекая себя за поспешные и неосновательные выводы. Искал новые и находил.

7

Наконец, весна взяла своё. Несколько солнечных дней — и поля затянуло паром. В открытые окна канцелярии влетали золотые пчёлки. Появились прошлогодние мухи. Тёплый ветерок ласково теребил висевшие на стенах плакаты и шевелил бумаги на столе.

Вчера приходил Мочевус и сообщил статистику, что они, не дождав-шись меня, пересадили десять ящиков помидоров в холодные парники.

В комнате агрономов нас было двое: сутуловатый старик—статистик, согнувшийся над большим листом бумаги с колонками цифр, и я. Курий с утра уехал в район. Скульский, как старший по возрасту и по образованию, замещал Голосенко и не выезжал никуда. Сейчас, в комнате землемера, он оживлённо обсуждал последние политические события.

— Немцы заняли Норвегию. Бендзе, пане, война, як холера!

Но меня сейчас беспокоило другое. Десять ящиков помидоров Мочевус пересадил без меня. О пересадке я с ним ещё не уговаривался. Это хоть и мелочь, а всё же нужно знать, на какую глубину садить, как закрывать на день, чтобы не вяли...

Нервничая, я спешил закончить отчёт о состоянии весенне-полевых работ в сёлах района.

Ещё сегодня я успею добежать или доехать до Яруг.

— Господин инженер, это ясно, как день — Гитлер хочет взять Россию в клещи. При таких темпах два—три месьонце — и немец у нас, — доносились из-за дверей слова Скульского. Но вдруг он притих. Кто-то часто и громко постучал со двора и, не дожидаясь ответа, рванул дверь.

— А, Мочевус! — вскрикнул я, увидя подстриженную голову, просунувшуюся в дверь. — А я хотел сейчас ехать к вам. Всегда вы опережаете меня!

— Уже не к чему, не к чему ехать! Наделали дел! — закричал он тоненьким голосом и подбежал к моему столу.

— Что помидоры? Попортили?

— Ничего, ничего нет! Все рамы ночью побили и всё... вообще... всё потоптали. Весь труд пошёл прахом... — На его глазах показались слёзы.

Я скомкал исписанный лист бумаги, который держал в руках. Глаза мои туго смотрели в сизую пелену за окном, висевшую над домом райпотребкооперации. Выше, в чистом небе кружили две птицы. Аисты? А в памяти тем временем возникла иная картина: сборище кулаков у Скорика, высокий мужчина с запавшими глазами на скуластом лице.

— Ах вы, сволочи! Людской, честный труд! За что, Мочевус, а? — перевёл я на него глаза.

— Ну, вы будете спрашивать меня, а я вас? Надо действовать! — крикнул он раздражённо.

Дрожащими от возбуждения руками я запер ящики рабочего стола и выбежал во двор. Мочевус, тяжело дыша, поплёлся за мной.

Нё вполне понимая, что нужно делать, я побегал в райисполком. Но председателя не оказалось, он выехал в район. В райкоме партии о вредительском акте уже знали. Первый секретарь часа два назад поехал в Яруги.

Спокойные, уравновешенные ответы работников райкома меня злили. Я поссорился с секретаршей, которая вяло отвечала на мои вопросы, и вышел на улицу. Мочевус пропал.

В канцелярии райземотдела, куда я забежал, чтобы сообщить о том, что еду в Яруги, я нашёл Мочевуса. Нервно жестикулируя, он в комнате землемера подробно рассказывал о происшедшем. Скульский, взявшись за бока, слушал рассказ с иронично-злым выражением лица и время от времени вскрикивал: «Ладне квятки, но-но-но!» Землемер, сухой, похожий на борзую собаку, затягивался папироской и, безразличный к рассказу Мочевуса, флегматично выпускал дымовые кольца.

— Пойдём, Мочевус! — крикнул я, раздосадованный тем, что он изливает свои чувства перед этими людьми.

Мы шли молча, погружённые в размышления. Пошли межой. В тёплом воздухе пели птицы. В углублениях, на пахоте, ослепительно блестя остатки снега. Пахло прелым навозом.

На усадьбе нас встретил Скорик и, трагически разводя руками, прохрипел:

— Начинается, товарищ агроном! Сегодня стекло, а завтра и голову кому-нибудь... А вы говорили...

— Молчи ты, нытик! Разве это не твоих приятелей работа? — грубо сказал я ему и пошёл дальше.

Скорик почему-то снял шапку и на носках, крадучись, забежал вперёд:

— Да побойтесь бога, пан! Да разве можно такое говорить?

Мочевус преувеличил несчастье. Бандиты, видимо, спешили. Не все рамы были побиты. Но ущерб всё-таки не малый. Лица членов бригады были мрачны.

Около конюшни, на куче навоза, сгорбившись, сидел старенький ночной сторож. Он беспрестанно повторял, обращаясь не то к людям, не то к самому себе:

— Ей-богу, люди добрые, ни в чем не виноват! Ночью был такой ветер, что даже доски срывал, солому сносил с крыш, вот посмотрите, — он указывал палкой на крышу конюшни. — Что услышишь при таком шуме? Ей-богу, говорю правду...

Преступников не обнаружили. Якимович и другие богачи выставили большое число свидетелей в доказательство своей невиновности.

Вечером состоялось собрание колхозников. Шарко, первый секретарь райкома партии, говорил о подлых действиях врага, который видит, что его кулацкой жизни приходит конец, и поэтому лютует. Колхозники должны быть бдительны как никогда и сами обнаруживать преступников.

Собрание проходило бурно. Кто свершил это чёрное дело? Больше всего доставалось преступникам от женщин. После заключительного слова председателя начали расходиться.

— Одну минутку, граждане! Гаданием дела не исправишь, — вдруг закричал Мочевус, выходя на середину комнаты. — Разбито сорок рам, а завтра надо ждать мороза. Под матами рассада продержится день — два, дальше нельзя держать, растению необходим свет. Поэтому давайте стекло. Снимайте вторые рамы с окон, делайте, что хотите, я вас отсюда так просто не выпущу! — почти кричал он.

Женщины начали с ним ссориться.

— А вы что за хозяин, если не оставили стёкла про запас! Давай ему вторые рамы! С ума сошёл на старости лет Мочевус.

Григорий, как мог, оправдывался: столыры сделали рам больше, чем предполагалось, хотелось всё остеклить.

Шарко заявил, что в городе стекло найдётся и пообещал лично заняться этим делом.

8

Весна в 1940 году выдалась поздняя. В конце апреля по бывшим поселенческим полям поползли мощные тракторы. Воздух наполнился неслыханным в этих краях рёвом моторов и запахом бензина. Колхозные поля перерезала дорога Львов — Тернополь, и работа тракторов обращала на себя внимание проезжих. Они подходили к тракторам и подолгу шли за ними, присматриваясь к их работе. Потом медленно возвращались на дорогу и, уезжая, ещё долго глядели в сторону гудевших тракторов.

Голосенко чувствовал себя в родной стихии. Как из-под земли, неожиданно вырастал то здесь то там его гнедой, породистый конь. Опытным глазом, словно полководец, Голосенко оценивал ситуацию и галопом скакал к намеченной точке. Один миг — и, соскочив с лошади, он бежит вслед за тракторным восьмериком, осматривает пахоту, опережает агрегат, что-то показывает рукой трактористу. И уже снова на лошади, и скачет в другое место, исчезает в балке. Вот он снова появился на холме, смотрит в нашу сторону. Как обычно, раньше всех замечает его Скорик. Он начинает суетиться, покрикивать на колхозниц. Но Голосенко не очень-то спешит на участок садово-огороднической бригады. Там есть свой агроном. Вот он мчится по столбовой дороге в направлении к Нестеровцам.

Тракторы ревели беспрерывно. Менялись только агрегаты. Плуги заменялись культиваторами, потом боронами, длинными рядами сеялок; в конце катились, подскакивая на кочках, катки. Так работали каждый день, с утра до ночи, а то и ночью. Под дружный рёв моторов садово-огородническое звено и бригады упорно и усердно делали своё дело.

Сады бежавших поселенцев, разбросанные по колхозным просторам, были расчищены. Посадили пять гектаров молодого сада, а в конце апреля посеяли несколько гектаров моркови и высадили из парников раннюю капусту. Никто не знает, каких сомнений и тревог стоил мне каждый очередной сев или посадка. Я выбегал на засеянный участок и долго всматривался в чёрную поверхность пахоты, стремясь разгадать тайну бытия. Взойдёт или нет? Всё ли сделано для хорошего урожая? Мне казалось, будто я забыл что-то сделать, чего-то недоделал...

Размах работы покори́л всех колхозников бригады. Указания агронома стали законом. Даже Мочевус — и тот без меня ничего не принимал, подробно расспрашивая о каждой мелочи. Я чувствовал свою полную ответственность за все удачи и провалы.

Высаженная в дождь капуста за ночь принялась; на третий день она уже изда́лека привлекла́ла глаз своей дымчатой голуби́зной на фоне чёрного грунта. Приезжали Войтенко с Ковжаном, измеряли температуру под стеклом, осматривали высаженную капусту, дёргали за листочки рассаду. Ничего, как будто остались довольны.

Два раза в день мимо парникового хозяйства проходил пассажирский поезд Харьков—Киев—Тернополь—Львов. Из окон вагонов люди приветливо махали нам руками. Бригада постепенно привыкла к этому вниманию незнакомых людей. Гордясь своими успехами, колхозники с достоинством принимали приветствия. Особенно по душе были эти демонстрации Скорикю. После памятного нападения на парники он стал молчаливее и часто собственноручно принимался за работу. Но к проходу поезда он прихорашивался и выходил в центр парников. Когда поезд приближался, Скорик вынимал из кармана часы и смотрел на них, а другой рукой указывал на парники. Этим он как бы подчёркивал свою руководящую роль на участке.

Я любовался этими сценами. В них выявлялись индивидуальные вкусы людей. Мочевус, например, всегда показывался в процессе работы. Некоторые девушки выбегали в сад и позировали перед поездом, как перед фотографом. Когда поезд скрывался, все чувствовали себя немного неловко, переглядывались и, стеснённо улыбнувшись, снова принимались за работу.

Настоящей сенсацией дня стал колхозный ларёк, открытый в районном центре перед праздником Первого мая. Потребность в ларьке была огромная. У Скорика открылись способности продавца. Он сам занялся ремонтом ларька, покрасил его и заказал яркую вывеску.

Первую подводу овощей распро́дали в один миг. Такой новинки, как свежие овощи в апреле месяце, жители нашего городка никогда не видели. Но Скорика вдруг потянуло к спекулятивным махинациям. На другой день, без разрешения правления, он удвоил цены на овощи. Люди сокрушённо качали головами, и всё-таки покупали. На третий день в Скорике проснулась жадность настоящего кулака: он почти втрое увеличил цены. Покупатели охали, причмокивали губами, доказывали продавщице, что цены ларька в три раза выше государственных, что так безбожно драть нельзя — и уходили ни с чем: продавщица только пожимала плечами. Не она устанавливала цену. Она напра-

вила возмущённых покупателей к бригадиру. Скорика нашли где-то на базаре. Выслушав людей, он стал бранить паразитов, которые при капитализме сосали из бедного мужика кровь, но от своих цен не отказался. Покупатели известили об этом факте финотдел. В ларёк прибыл сам заведующий финотделом и пригласил Скорика к себе.

Через час Скорик вернулся с пачкой картонных листов. Он был расстроен и грубо отвечал на вопросы девушек. Листы картона он разбросал по корзинам с овощами. На картонках были обозначены новые цены.

Людей привлекала отличная зелень. Около ларька всегда было много покупателей. В эти дни специально приезжали из Яруг колхозники и, гордо разгуливая по базару, громкими разговорами старались обратить на себя внимание Скорика, как истый продавец, настойчиво расхваливал колхозный товар.

— Что присматриваешься? Это редиска, месячная. Не видел такой? И не везде увидишь. Для этого колхозу нужно иметь парники...

— Чего торгуешься? Это товар колхозный. Деньги в свой карман не кладу, это общественное хозяйство, вот что!

9

Район готовился к встрече праздника Первого мая. Во главе колонны демонстрантов пойдёт колхоз имени Сталина, как передовой в районе.

За несколько дней до праздника я выехал в командировку в село Ставиское. Колхоз здесь был организован позже, чем в других сёлах. В нём состояло только сорок семей. Почти все — в прошлом конюхи и подёнщики пана Кржечинского. Совсем недавно нормы морали и поведения здесь устанавливала кулацкая верхушка во главе с местным попом. На бедняке лежала печать презрения. О нём говорили: «бидный, бо дурный». Беднота и, особенно, дворовые работники почти не принимали участия в общественной жизни села. Пан Кржечинский недолюбливал крестьян, интересующихся политикой. О том, чтобы основная масса крестьян не занималась политикой, заботились и почта, и полиция, и поп. Всё это было наруку господам Газеты, защищавшие права бедняков и батраков, проникали в село только нелегальным путём, а проповедники благополучия крестьянской жизни в условиях панской Польши, подобные «Коровачей справи» и «Сильскому господарю», безо всякой помехи давали советы, как разбогатеть на собственных моргах. О бедняке, который не имел этих моргов, ни в читальне, ни на собрании, ни на страницах «Сильского господаря» и речи не было. Наслушавшись проповедей о том, как хорошо ведёт хозяйство крестьянин в Германии, какие сорта семян сеет и какие породы коров разводит, бедняк плевался и уходил. Не нужны ему такие газеты! Всё это он и без них ежедневно видит у пана во дворе. Но ему от этого ни холодно, ни жарко.

И вот перед этими людьми, ныне полноправными хозяевами своей земли, мысли и желания которых осуществились, я, как умел, говорил о великом празднике трудящихся всего мира — о Первом мае.

Небольшое помещение сельского клуба — бывшей читальни, в которой когда-то восседали богачи, было переполнено. В открытые окна заглядывала молодёжь — ей нехватало места в помещении. Свет керосиновой лампы освещал лица людей. Ещё днём, во время работы, я слышал их разговоры. Впервые они открыто будут праздновать свой праздник. Да ещё какой! И не только в своём селе! Они поедут в го-

род, пройдут перед людьми всего района, а затем в бывшем дворце пана Кржечинского, где теперь школа, колхоз организует вечер.

Общее одушевление собрало под окнами всё молодое и жизнерадостное. Весёлые голоса врываются в душное помещение, заглушая мои слова. Старшие, покашливая, медленно расходились. А я ещё не всё высказал. Посылая меня в село, Войтенко говорил: «Все трудящиеся встречают праздник большими производственными показателями. Нацельте молодёжь на один—два дня на выполнение какой-нибудь большой общественной работы в селе, но так, чтобы работали с энтузиазмом, с песнями—так бы работали, чтобы потом долго вспоминать этот замечательный день». По приезде я совещался с председателем сельсовета, с правлением колхоза—все говорили в один голос: в селе надо исправить дорогу. Село в долине, дорога в огромных выбоинах проходит по болоту. И вымостить есть чем. Ещё со времени первой мировой войны громоздятся руины господского дворца, заросшие муравой и чертополохом. Пан Кржечинский при польской власти построил себе новые дворцы, а руины забросил. Но я хотел чего-то большего. У меня в мыслях было другое. Колхоз организован поздно, ещё сколько гектаров панской целины лежит праздно, не вывезен на картофельное поле навоз, не приведены в порядок сад, усадьба колхоза.

Это и нужно предложить молодёжи, но так, чтобы загорелись этим все как один.

Я пригласил молодёжь в помещение: хотел каждому посмотреть в глаза, пожать руку, дружески ударить по плечу.

В условиях Советской власти народ сам творец своего счастья. Теперь каждый работает для себя и своего государства. Богач с паном расхваливали чужие порядки и ломали подводы на скверных сельских дорогах. Почему? Потому, что каждый думал только о себе, тянул в свой дом всё, что мог. А мы говорим теперь всё наше, общее — и сёла, и дороги, и поля. Мы сегодня возьмём на себя обязательства до Первого мая исправить сельскую дорогу, а колхозники приложат все усилия к тому, чтобы в самые короткие сроки провести весенне-полевые работы. Как и наши братья на Востоке, мы достойно встретим свой праздник и с сознанием своей трудовой силы пройдем по площади на демонстрации.

Ребята переглядывались и смеялись. Труд становится делом чести человека, а им ли бояться работы для себя и государства!

* *
*

Демонстрация в городе была назначена на десять часов утра. Накануне вечером мы условились, что соберёмся около клуба в семь часов. На случай дождя председатель обещал дать лошадей.

Я проснулся в чудесном настроении, когда на дворе только ещё светало. Выбоины на сельской дороге уже были засыпаны. Молодёжь обязалась, как только подсохнет, исправить дорогу по-настоящему, прочистить каналы, отремонтировать мосты. На колхозных полях было вспахано сверх плана более пятнадцати гектаров, и всю площадь засеяли овсом. Ещё вчера вечером по телефону я рапортовал об этом председателю райисполкома.

Погода обещала быть хорошей. Я подошёл к клубу ровно в семь часов утра, однако ещё не было ни одной живой души. На дверях сельсовета, помещавшегося под одной крышей с клубом, белели выпитые мелом кривульки: «Долой коммуно!» С противоположной стороны, из окна большого дома, выглядывало какое-то противное лицо. Наши взгляды встретились, и человек скрылся в темноте комнаты.

Значит, снова столкновение с кулаком! Вот так увлечёшься делом и забываешь о скрытом враге...

Я подбежал к дверям, рванул щеколду и вошёл в просторную душную комнату. Парень, смотревший в окно, сидел теперь за столом. Он беспокойно поднял на меня глаза.

— Кто это сделал?

— Что, о чём вы? Где? — растерянно спросил он, побледнев от неожиданности.

— Вот напасть! И что вам от него надо? — высунувшись из кухни, спросила высокая, худая женщина. — Откуда он знает?

— Я знаю, кто это сделал! Я всё знаю, это вам так просто не сойдёт!

И я пошёл прямо к председателю колхоза. На улице несколько знакомых, завидев меня, кинулись в свои дворы. Прячутся.

Председателя я не застал дома. На мой вопрос, где муж и почему он не собирается на праздник, жена председателя, опустив глаза, пожалала плечами.

— Не знаю. А у меня маленькие дети, я не могу пойти.

Я побежал на колхозный двор. Из конюшни доносились людские голоса. На желобах сидело трое мужчин. Увидев меня, они замолчали.

— Что случилось? Почему вы не собираетесь? — спросил я.

— А куда мы пойдём? Наше дело — около лошадей. Мы конюхи, — с деланным безразличием ответил один из них.

— Ну, а другие?

— С них и спрашивайте, идите по домам, а мы ничего не знаем.

Что это — сговор? Я посмотрел на часы. Было уже половина восьмого. Солнце поднялось над колхозным садом и предвещало хорошую погоду.

— Покажите, где их искать. В каких домах живут колхозники?

— А вон вдоль дороги. Первые дома от двора — это всё дома колхозников, — тихо ответил второй, не выходя из конюшни.

Я пошёл вдоль села. Перед воротами колхозного двора стояла одинокая облупившаяся хатка, в прошлом господская сторожка. Стёкла побиты. Я прошёл мимо. Но из мазанки вдруг раздался голос: «Товарищ, товарищ!» Я остановился и увидел в окне лицо звеньевой. Она попросила меня войти. В сенях она быстро схватила мою руку и потянула за собой. Волнуясь, девушка сказала, что видела, как я шёл по селу, и нарочно прибежала сюда, чтобы сообщить о случившемся. Ночью в село нагрянули какие-то незнакомые люди в масках. Они ходили от дома к дому и угрожали: кто пойдёт на демонстрацию, тот будет избит, да так, что и не встанет больше. Бригадир ввязался с ними в спор. Тогда они забрали его с собой. Он вернулся домой утром, весь в синяках, и сейчас лежит больной.

Значит, мои выводы были правильны: кулацкая банда. Я вспомнил молодое упитанное лицо парня, вспомнил большой приземистый дом, гору подушек и перин, и снова меня охватила злоба. Почему я должен отступать перед ними? Из темноты сеней на меня смотрели два чёрных блестящих глаза звеньевой.

Она хочет учиться. Как-то я сказал ей, что лучших колхозниц советская власть посылает на учёбу. К зиме она обязательно поедет в колхозную школу и вернётся в село агрономом. Вчера девушка, напевая песни, ещё до вечера успела побелить все деревья сада. А я на эту работу давал два дня. Будущее перед ней открыто.

— Слушайте, а вы боитесь их? — спросил я девушку.

— Нет! Я с вами поеду в город.

— Но этого мало. Колхозники должны постоять за себя, не пугаться богачей, показать, что теперь наша сила. Идём запрягать лошадей. Умеете? Красные ленты у вас есть? Бегом домой за красными лентами!

— Ой, ой, что же это будет! — засмеялась девушка и, протерев глаза как после сна, выбежала на улицу.

Через минуту она вернулась с двумя парнями.

— Чего вы испугались, ребята? — засмеялся я, хлопая их по плечам.

— Да они все хотят ехать! Сидели у меня и советовались, что делать, — возбуждённо отвечала за них девушка.

— Запрягайте лошадей.

В один миг четыре подводы, запряжённые лучшими лошадьми, украшенные красными бантами, выехали со двора.

— Созывай людей! — крикнул я Марийке.

Но весть о том, что мы выезжаем, облетела село скорее, чем я думал. Парни, девушки выбегали с узелками и со смехом прыгали на сено, накиданное на телеги. Старших пришлось немного подождать. Они медленно выходили со дворов, оглядывались и, подбадриваемые дружными голосами молодёжи, степенно садились на телеги.

Пришли растерянные председатель сельсовета и председатель колхоза.

— Эх, дяденьки, а ведь нас куда больше, чем этих ночных разбойников! — смеялась, поглядывая на телеги, Марийка.

Проезжая мимо сельсовета, я заметил, что надпись уже стёрта, а над дверями висит красный флаг. Из окна противоположного дома выглядывало глуповатое лицо женщины.

Вскоре на подводах стало тесно. Среди молодёжи были и знакомые лица — девичья компания. Всем на подводах не поместиться. Ребятам я предложил итти пешком напрямик, полями. Не дожидаясь опаздывающих, с шумом вышли из села. За селом девушки начали прихорашиваться, запели весёлые песни.

Свет майского дня отливал перламутром на густых и дружных всходах. В воздухе звенели жаворонки. На душе было радостно. Будто по уговору, никто не вспоминал о ночном кулацком налёте.

К моему удивлению, людей из колхоза имени Сталина ещё не было. Из-за них задерживалась демонстрация. По телефону из Яруг сообщили, что задерживаются по вине садово-огороднической бригады. Никто не знал, куда девался Мочевус. Запрашивали, нет ли его в райцентре. Ковжан выслал верхового. Через полчаса он вернулся и сообщил, что едут, скоро будут здесь. Там у них несчастье — кого-то сильно избили или даже убили.

Я сел на велосипед и помчался навстречу. За городом, по шоссе Тернополь—Львов медленно двигался большой обоз с развевающимся на передней телеге красным знаменем. На телегах сидели празднично одетые женщины и дети. Голосенко организовал всё население колхоза, и если бы не хмурые лица, можно бы радоваться, глядя на дружный коллектив колхоза имени Сталина. На передних подводах разместились люди из полевых бригад. На мой вопрос, что случилось, они мрачно кивали головами на заднюю телегу: «Мочевуса побили, он там лежит, на последней телеге».

Я быстро прошёл вдоль молчаливого длинного обоза. Мрачные лица. Притихшие матери с детьми. Сдержанная весёлость девушек. Суровые лица парней с большими красными бантами в петлицах пиджа-

ков. Садово-огородников можно узнать издалека по лошадям—последние шесть подвод. На телегах только дети. Взрослые медленно шли рядом. На передке последней телеги, спинами к лошадям, сидели две женщины: широкоплечая, в белом платке — фельдшерница (в Яругах недавно открыли медпункт) и рядом с нею жена Мочевуса. Между ними на подушке — забинтованная голова человека. Я впился глазами в открытое, землистого цвета лицо и спросил задыхаясь:

— Жив?

— Да не так уж и плохо, как люди говорят, — сказала фельдшерница. — Большая потеря крови, очень слаб. Но выздоровеет — сердце здоровое.

Жена Мочевуса тихо плакала.

— Слушайте, дорогая! Фельдшерница хорошо знает, в каком он положении. Не плачьте! Лучше скажите, где это его так? — обратился я то ли к жене, то ли к окружающим нас людям.

На мой голос Мочевус дернул головой и тихо прохрипел:

— Это вы, товарищ агроном?

Он высвободил из-под одеяла руку и уронил её на борт телеги; пальцы его шевелились. Не закрытый бинтом глаз кого-то искал.

— Мочевус! Дорогой друг! Как вы себя чувствуете? Где же это вас так, а? — Я поглаживал его длинную руку с тонкими, слегка искривлёнными пальцами.

Мочевус покачал головой и, скривившись, сделал движение в сторону жены — пусть успокоится, не плачет.

— Скажите им, чтобы из праздничного парада не делали грустной процессии, — зашептал он.

А и в самом деле, зачем праздничную демонстрацию превращать в печальную процессию? Мочевус, на зло врагам, будет жить, правда же? Слышите, люди! Мочевус чувствует себя хорошо и хочет, чтобы все были веселы.

Я побежал вдоль обоза вперёд.

— Ребята, петь песни! Да так, чтобы в городе было слышно! Сегодня наш праздник. Ну! — Я вскочил на телегу, сел между парнями и, ударив крайнего по плечу, крикнул:

— Начинайте! Какую умеете?

Кто-то тихо затянул новую, разученную этой зимой в клубе, песню:

— Из-за гор та з-за высоких...

— Сизокрил орел летить... — подхватил я.

— Не зламать крил широких, — содрогнулся воздух от дружных голосов поющих. И это было кстати. Обоз въезжал на деревянный мост предместья; тысячеголосый стук колёс и копыт ударил в стены придорожных домов.

Навстречу нам густой толпой двигались люди. Вот, оторвавшись от толпы, бежит Голосенко и двое ребят из райкома комсомола.

— Да здравствует колхоз имени Сталина, ура!

— Ура! — отвечают ребята, размахивая высоко над головами своими шапками.

Передняя телега вкатилась в толпу встречавших. Вопросы, оклики, и снова мощное ура, ура, ура! Да здравствует колхоз имени Сталина!

Я соскочил с велосипеда. Жду своих. Сквозь толпу протискиваются работники райкома, Шарко.

К телеге Мочевуса подходит Войтенко, председатель райисполкома. Он задерживает подводу и внимательно всматривается в Мочевуса.

— Несколько ножевых ран в голову и спину, но череп не тронут,— волнуясь, говорит фельдшерица.

— Значит, будет жить! — радостно кричит Войтенко и, оторвав руки от телеги, поднимает их вверх: — Да здравствует наш лучший труженик колхоза имени Сталина Мочевус Григорий Степанович! Ура, товарищи!

По спине пробежала дрожь, а на глаза навернулись слёзы.

Все подходят и наклоняются к телеге. Фельдшерица приподнялась. Только жена Мочевуса испуганно поворачивает голову то в одну, то в другую сторону и растерянно смотрит на окружающих.

— Голосенко, распорядитесь! — тихо говорит Шарко. — Пусть поворачивают направо — и прямо в больницу. Скажите врачу — под его личную ответственность.

Из города доносятся торжественные звуки Интернационала.

10

Первые два дня к Мочевусу не пропускали. В Яругах велось следствие. Сыновья Якимовича куда-то скрылись, его самого арестовали. От людей я узнал, что Мочевуса нашли далеко в поле, за железной дорогой. Он был в бессознательном состоянии, а когда пришёл в себя, только и сказал: «Пусть поблагодарят парней Якимовича!»

Скорик на первомайской демонстрации не присутствовал. Не выходил даже на работу. Говорят, заболел. А жена Мочевуса толкует, будто это неправда: сама видела, как Скорик работал по хозяйству, колот дрова, ухаживал за пасекой Якимовича.

Минута, когда столько «главных начальников» обступили телегу, выражая своё сочувствие и уважение Григорию, произвела на Пелагею огромное впечатление. Особенно ей понравился человек в белой рубашке, который велел доктору внимательно присматривать за Григорием. После демонстрации Пелагея расспросила, где он живёт, ходила к нему на дом, и хоть не нашла слов для выражения своих чувств, зато хорошо поплакала. Правда, Шарко дома не оказалось. Приняла Пелагею жена. Она успокоила колхозницу, угостила её чаем и долго и терпеливо расспрашивала о жите-бытье. Встретив на другой день жену Якимовича, Пелагея набросилась на неё. Старая от удивления не могла и слова сказать. Но Пелагея теперь не молчала. Нет, теперь у неё много надёжных защитников.

— Богачи, чёрт бы вас побрал! Мало вам того, что и он и я работали у вас целое лето? Теперь и жизнь у него захотели отнять? Не дождётесь! Не пойдём к вам ни я, ни он! Сама будешь гнуть свою спину, сама! И твоим выродкам тоже ни света, ни солнца не видеть. Будут они столько лет мучиться, сколько ножевых ран на его голове.

Жена Якимовича только крестилась.

— Да где же это видано, чтобы на безответного человека вдруг падали, а? Правду говорят: дай свинье рога! — закричала со своего двора невестка Сказинского. Пелагея и ей поперёк горла стояла. Молодайка схватила мешалку и бросилась на Пелагею. — А ты, холера, меня не трожь! Ты уже забыла, как в прошлом году на пороге клянчила: дайте взаймы. Если бы не богачи, что бы ты лопала, годота!

В это время с работы возвращались колхозники. Завидев людей, невестка быстро убежала в дом.

Пелагея часто ходила к тётке мужа на хутор. Тётка рассказывала, как она нашла Григория на опушке леса, у своего клочка поля. Вышла

она разбрасывать навоз под картошку. И если б не она, бедняга умер бы за ночь, истёк кровью.

Через несколько дней на хуторе около леска арестовали группу бандитов. Прятались они у кулака Масного в овине, в яме. В числе их были и два парня Якимовича. Богачи говорили в Яругах, что это дело Пелагеи. Бегала к тётке, которая живёт по соседству с Масным, вот и выдала. Как-то к ней зашёл Скорик и пригрозил ей, чтобы не слишком много бегала, а то всем попадёт — и ей, и другим колхозникам. Пусть не думает, что вечно будет так, как сейчас. Нет. Наверняка будут перемены. В колхоз он ходил редко. Говорил, будто мучает его застарелая грыжа.

Его вызывали в правление колхоза, стыдили, а пока что фактическим руководителем бригады стала Бескоровайная. Семья Бескоровайных — из потомственных конюхов. Дед, отец, муж работали у барона Штигеля, муж позже батрачил у Гонсевского. Она тоже батрачила у Штигеля. На «дворе» и поженились. Три поколения конюхов только и смогли, что построить одну мазанку да приобрести клочок земли. В их роду все были здоровыми и работящими. Теперь два старших сына и отец — в полевой бригаде, мать работает в садово-огороднической бригаде, а младший сын ходит в восьмой класс городской школы. Голосенко их знает всех и очень хвалит. Ребята работают ездовыми, а отец — конюхом. Как-то я с Голосенко зашли к Бескоровайной — уговорить её взять на себя руководство бригадой. Семья была в полном сборе, все сидели за столом, завтракали. Около печки возилась свекровь. Голосенко оглядел тесную лачугу с покрякивающимися окнами, убогую самодельную мебель, взглянул на отца, на парней-богатырей, которые плечом могли бы свалить дом, и засмеялся. Выйдя во двор, он с торжественностью сказал мне: «Запомни, Савчук, мои слова: через два года это будет колхоз-миллионер, и мы с тобой переночуем здесь на никелированных кроватях».

Лечение Мочевуса затянулось. Рана на лопатке начала гноиться, было задето лёгкое. Меня допустили к нему только на десятый день. Пришлось долго сидеть в приёмной, так как у Мочевуса был Шарко. На свидании Григорий подробно рассказал мне о случившемся.

С того памятного дня, когда бандиты побили рамы, он перестал доверять сторожам и часто сам контролировал их по ночам. Перед Первым мая Мочевус заметил, что старик Галета пришёл подвыпивши и без собаки. Сказал, что собака издохла. Жена держала Галету в руках, он не мог выпить на свои деньги. Григорий стал раздумывать. На чьи деньги выпил сторож? Мочевуса терзало подозрение, и перед праздником он самолично сторожил три ночи подряд и при этом так, что старик его не видел. Зайдёт в свою кладовую и наблюдает оттуда через окно. В роковую ночь, перед самым утром, пришли двое. А Галета в это время спал в конюшне. Те двое подбежали к рамам — и сразу же послышался звон стекла, Мочевус за палку — и через окно. Откуда-то взялся третий, что-то крикнул, и все трое побежали к балке. Мочевус, конечно, за ними, по полю, к лесу. У леса они остановились. Завязалась драка. Долго он им не сдавался. Потом всё-таки скрутили его и порезали ножами.

Жена Шарко очень понравилась Пелагее. Каждый раз по дороге из госпиталя она заходила к ней и поздно возвращалась домой. Жена Шарко была комсоргом и учительницей в средней школе. О чём у них шла речь, не знаю, только Пелагея с каждым днём всё лучше и лучше работала в колхозе. И вскоре стала лучшей полотьщицей. Бескоро-

вайна говорила: «Где Пелагея работает, там делать нечего: и сама сделает хорошо и быстро, и девушек подтянет».

Лечение затягивалось, Мочевус скучал. Вечерами заходила жена Шарко с комсомольцами, читали ему книги и газеты.

11

Был июнь. Воскресенье. Бескоровайная поднялась до восхода солнца и побежала по селу собирать своё звено.

— Что, в святое воскресенье? Когда честный христианин отдыхает, собирается в церковь.. У них всё перепуталось в голове!.. — крестились бабы, выглядывая из окон.

Но Бескоровайная знала, что дело неотложное, поэтому девушки и не перечили ей. Быстро протирали заспанные глаза, вскакивали и уже на улице повязывали головы платками. У каждой в руке тяпка.

Сегодня смотрины. Приедут из других сёл посмотреть их работу. Об этом говорили уже две недели. Но точного дня приезда гостей никто не знал. И вот вчера после обеда сообщили — на завтра назначены смотрины. А ещё надо успеть подвязать помидоры, проредить свёклу. Работы оставалось на день, на два.

Вчера агроном сказал: «Вы, Бескоровайная, теперь здесь главный человек. И ваше хозяйство больше всего будет интересовать гостей, особенно женщин. Не подведите же».

Бескоровайная, как она сама призналась позже, побежала на конюшню выплакаться — в первый раз в жизни. Вот так достаршинство-валась! Теперь, если что не так, все на неё будут указывать пальцами.

Накануне она обошла колхозниц всех звеньев, убеждала девушек закончить работу во что бы то ни стало до прихода гостей. А то и свои засмеют. «О них, мол, и в газетах пишут, они всюду первыми хотят быть. Но сорвутся, сорвутся», — пророчат злые языки. А мы, на зло им, не поддадимся, не склонимся перед трудностями. Первые сейчас, первыми будем и дальше.

Возвращались с поля поздно вечером. Усталость пригасила то радостное настроение, которое обычно создаётся по окончании трудового дня. Об уборке двора и бурьяна на парниках Бескоровайная пока молчала. Пусть девушки отдохнут. Скажет только своему звену и Пелагее. И вот... сама проспала! Теперь спешит управиться утром, до прихода гостей.

Я тоже проснулся рано. Объяехал на велосипеде близлежащие сёла. Напомнить лишний раз об экскурсии не мешает. Хотелось, чтобы пришло как можно больше женщин.

Об этих смотрах я мечтал давно. Это будет в ясный солнечный день. Голубое прозрачное небо, пронизанное солнечными лучами. На земле — буйство красок. Зелёные поля, между ними красные пятна столовой свёклы, высокосортные помидоры, семенное поле. Налево, около села — сад. Кудрявые, как бы окутанные дымкой ряды молодых деревьев. Их много... сотни, тысячи.

Идёшь между рядами, и нога легко погружается в хорошо обработанную землю. Всё ласкает взор. Невольно сравниваешь эту картину с мелкими клочками огородов за овинами, где одно растение забивает другое, где устаревшие сорта вырождаются.

Колхозный огород должен разбудить жажду творчества в людях.

..Мы шли смешанной группой, гости и хозяева, от клуба на участок садово-огороднической бригады. Да, было и солнце, и краски земли. Но были и неприятные участки. Вот чёрные незасеянные клочки

земли. Вот грядка несвоевременно прореженного мака, который покачивал своими головками на тоненьких стеблях. Общее внимание привлекает сочная зелень помидоров, перламутровые кусты капусты. Женщины останавливаются, одобрительно качают головами. А я чувствую: как нехватает здесь Мочевуса!

Мы свернули на аллею, ведущую к парникам.

— Так где же это ваше чудо? — громко спрашивали гости, опережая меня.

Девушки из садово-огороднической бригады убирали во дворе бурьян.

— Ну и работающие, даже в воскресенье не отдыхают, — слышались голоса среди гостей.

Я издалека махнул рукой Бескорвайной, чтобы кончала работу и присоединялась к гостям.

Но что это? Я слышу знакомый голос! Подошёл ближе.

— На следующий год мы здесь иначе всё сделаем, — говорил этот голос из-за конюшни. — Огурцы у нас будут в апреле, а там мы делаем яму для навозной жижи — ею будем поливать огородину.

Позабыв о неполадках, я поспешил за конюшню. Туда же направилась гости. На голову выше всех, в новой шляпе, стоял Мочевус. Новый, слежавшийся в сундуке пиджак неуклюже висел на его худых плечах. Из-под широкополой шляпы смотрели чёрные острые глаза, резко выделявшиеся на бледном, сильно похудевшем лице. Энергично жестикулируя, он бросал отрывистые фразы:

— Вот вы и организуйте у себя то, что видите у нас. Мы вам поможем рассадой. Думаем построить стеклянную теплицу — настоящий дом со стеклянной крышей! Наши агрономы говорят, что во всех колхозах должны быть теплицы. Тогда всю зиму сможем поставлять больницам свежие овощи. Для больных очень полезно. А то, что у нас крапива вдоль конюшни, вы не удивляйтесь: у нас ещё много работы. Я долго лежал в больнице...

Послышался сочувствующий шёпот.

— Теперь пойдём на наши огороды. Хотя, откровенно говоря, я давненько там не был. Но мы не как-нибудь, у нас свои агрономы.

Все двинулись за ним вниз, к реке, где красовалась капуста.

Я шёл позади, так, чтобы Мочевус меня не заметил. Всё сложилось так, как я хотел: пусть сегодняшний день будет его праздником. От капусты перешли к свёкле и помидорам. Мочевус, беседуя с гостями, часто останавливался. Он был задумчив и говорил, обращаясь больше к самому себе:

— Это всё они сделали уже без меня. А здесь посажено не совсем ровно... Почему такие тонкие стебли у помидоров? А говорили, что всё в порядке. И агроном меня тоже обманывал. Ну, это их работа, — как бы оправдываясь, проговорил он, — пусть сами и показывают! — Он искал глазами Скорика и звеньевых, чувствовавших себя не совсем удобно в группе гостей.

— А там что? — Мочевус вышел из окружавшей его толпы и направился к маку. Перед ним были бледнозелёные чахлые растения. Укоризненно покачивая головой, Григорий пошёл вдоль участка.

Тогда я взял на себя руководство экскурсантами.

— Ну что ж, есть, конечно, и недоделки. Пусть это не удивляет вас. Первый год, ещё не накопили опыта, хозяйство большое, не управились. Да и рабочих рук нехватало. В следующем году наверняка будет лучше. Приобретём огородный трактор, к весенним работам люди подготовятся заблаговременно, а зимой будут учиться.

Мочевус так и не вернулся к нам. Он бродил по полям, разговаривая сам с собою.

Наше внимание отвлекла автомашина, въехавшая во двор садово-огороднической бригады. Из машины вышли мужчина и женщина и быстро направились к нам. В полном приземистом человеке я узнал нашего районного врача, заведующего больницей.

— Где Мочевус?

Я пошёл им навстречу.

— У нас серьёзные неприятности из-за вашего Мочевуса. Он должен ещё две недели лежать в постели. Не держать же мне его на привязи! Разрешил человеку выходить во двор, на солнце, а он взял да и сбежал. Зачем мне эти неприятности на старости лет? Я, господа, ещё при австрийцах заведывал госпиталем. Я был директором гарнизонного госпиталя, и ничего похожего у меня никогда не случилось! — ворчал врач, топчя ногами свёклу. — Где он? Давайте его сюда!

Я оглянулся. Мочевус тоже заметил приезжих. Он стоял на пригорке между рядками помидоров.

— Да вот он! — крикнула фельдшерица.

— Идите сюда! Или вы думаете, что я и здесь буду за вами бегать?! — закричал доктор.

Мочевус сделал несколько нерешительных шагов и снова остановился.

— А я же говорил товарищу Шарко, что уже здоров! — крикнул он. — Никуда я не пойду. Всё что угодно делайте, но не пойду. Такое здесь натворили без меня... Запустение! А, и товарищ агроном здесь! — и он, тотчас же забыв о враче, стремительно направился ко мне.

— Как не совестно обманывать? Вы говорили, что всё здесь в порядке. Вы же были у меня в четверг! Ну, и рассказали бы по совести. И я сразу ушёл бы. А то людей привели, хвастают... Эх!.. — он всерьёзах отвернулся.

Я начал его успокаивать, говоря, что всё не так страшно, как ему кажется. Гости довольны, хвалят. Но Мочевус имел свою точку зрения.

— Уезжайте, господин доктор, назад в свою больницу, я с вами не поеду, — резко заявил он и, не оглядываясь, пошёл прочь.

Доктор попросил меня быть свидетелем происшедшего и побежал к машине. На поле осталась только фельдшерица. Пока она дошла до двора, машина уже скрылась в пыли сельской дороги.

С участка садово-огороднической бригады гости пошли на поле осматривать животноводческую ферму, птицу, а я вернулся обратно.

Проходя мимо парников, я заметил сгорбившуюся фигуру человека. Он сидел, прижавшись к штабелям рам. Так и есть — Мочевус.

— Не вышло, товарищ агроном, не вышло, как думалось, — сказал он, расправляя плечи. — А помните, весной, когда всё ещё было покрыто снегом... Тогда мы с вами как будто правильно планировали. И я эту карту в памяти держу крепко.

Он начал рассказывать мне свои планы. Они очень точны. Каждый даже самый маленький кусочек земли был в этих планах засажен и занят под хозяйство. На неудобных землях, в долине, над рекой — всё было размечено, проведены линии будущих дорог, выкопаны бассейны для тёплой воды, сделаны ямы для навозной жижи. Указано строительство теплицы, бетонных парниковых ящиков и так далее.

— Я бы всё это сделал!

И я не возражал. Может быть. Правление предоставило бригаде самую широкую инициативу. Голосенко тоже советовал держать.

Мочевус замолчал, внимательно вглядываясь в меня своими глубоко запавшими, вдумчивыми глазами, в которых отражалась напряжённая мысль.

— А разве в следующем году мы с этим не справимся, как вы думаете?

Об этом он много раз говорил с руководителями района. К нему приходили часто, советовали, помогали. Сегодня, когда он вышел в поле да посмотрел издали, что сделано за эти месяцы, — у него дух захватило. Там, в больнице, ему рассказывали о социализме, о классовой борьбе. Всё почувствовал сердцем, но из-за малограмотности не может точно передать людям.

— Шарко говорил: «Будете учиться, пошлём зимой на курсы». И я загорелся этой мыслью. Но теперь вижу — где там учиться, когда здесь столько работы, что и спать некогда.

Во двор, запыхавшись, вошла Бескоровайная с девушками. Одеты по-праздничному.

— Что, уже нет гостей? Пошли дальше? — разочарованно спросила одна из девушек.

— А вы думали, они будут ждать, пока вы бурьян соберёте? — проворчал Мочевус; он всё ещё не мог успокоиться.

— А вы нас, дядя, не упрекайте, — сказала Бескоровайная. — Нечего было отлёживаться два месяца в больнице. Бывало раньше, подерутся парни в корчме или из-за межи один другому голову разобьёт — и ничего, обмёт рану, перевяжет, а завтра уже работает, да! А ваша Пелагея когда начала ходить на работу? Всего только несколько недель. А от Скорика какая польза? Всё на мою голову!

Они спорили, а я, внимательно слушая, думал: «Это же, пожалуй, в первый раз в Западной Украине: чужие люди — мужчины и женщины — спорят не из-за собственности, не из-за межи, не из-за потравы, а из-за общественного, коллективного дела».

12

В июле месяце облземотдел направил меня на обследование садов в южные районы области. Вернулся я из командировки в конце августа, обогащённый опытом, полный впечатлений, планов и проектов. В облземотделе наметили создать два больших плодпитомника — один в южных районах области, другой в северных. По моей просьбе один питомник намечено было завести у нас. Во время обследования я ознакомился с чудесными сортами местных яблонь и груш. Если одобрят в Киеве — будем разводить их в массовом масштабе у себя в плодовом питомнике.

Я доложил о проекте плодпитомника в райземотделе. Ну где же ещё можно заложить такой питомник, как не в Яругах? Пусть вырастет мощный плодово-огороднический колхоз. На другой же день я поспешил в Яруги, чтобы поделиться радостной новостью с Мочевусом. Мы ходили по полю и выбирали десятигектарный участок — ровный, с небольшим уклоном на север.

— Кто будет садовником? — спросил я Мочевуса.

— Ну, наверное, я. Это же, собственно говоря, моя работа. Я с детства увлекаюсь этим делом, — ответил он улыбаясь.

— Ну, а огороды, парники?

— Да я думаю, пусть Бескоровайная со Скориком занимаются...

— Кадры нам нужны, специалисты, — сказал я.

Осенью в район приехал из области агроном «Сортосемяноовощи»

и апробировал на семена нашу капусту, столовую свёклу и морковь. Мочевус попросил выращивание семенников передать его бригаде. Приезжий агроном ходил по огородам и наметил план семенной плантации: пять гектаров свёклы, три гектара моркови и один гектар капусты.

«Кадры нужны, специалисты», — эта мысль не покидала меня ни на минуту.

Осень выдалась на диво хорошая, а то бы мы не управились с уборкой. С половины сентября и весь сентябрь шла кипучая работа: зарывали на зиму семенной материал — новое для меня дело. Я ездил в областное земельное управление, разыскал агронома-семенника и целый день расспрашивал его о том, как сохранить посадочный материал. В бурты засыпали товарные овощи. Вокруг двора бригады выросли длинные земляные валы. Районная контора «Плодоовощь» дала заявку на шесть тонн кислой капусты. Доставила свои бочки. А здесь ежедневно приходят из правления: давайте людей для молотилки, вам же молотят на трудодни! Присылайте людей, забирайте зерно, полову, пока стоит хорошая погода.

Благодатной была осень 1940 года. Колхозники получили авансом по три килограмма на трудодень. В бухгалтерии говорили, что в общем на трудодень придётся не менее шести—семи килограммов. В кооперацию привезли премию — несколько телег с товарами: мануфактура, готовая одежда, обувь, патефоны, велосипеды. Из садово-огороднической бригады премию получили: звено Бескоровайной, звеньевые других бригад и Мочевус. Накануне выдачи премий приехал Шарко. Заходил с председателем колхоза во двор Мочевуса, был у Бескоровайной, заходил в дома колхозников полевых бригад.

А вечером правление колхоза решило построить новый дом Мочевусу, выдать Бескоровайной тёлку. Отремонтировать и помочь в строительстве новых домов ещё ряду отличившихся колхозников.

— Отпраздновать бы такие радостные и богатые дни, а Мочевус зовёт на работу, — жаловались девушки. — Отпразднуем, говорит, зимой, а теперь жатва.

Работы, действительно, не убавлялось. Из области прислали телеграмму: «Высылаем черенки. Готовьте землю для посадки первого поля плодопитомника».

Вместо ранее намеченных под семенники шести гектаров бригаде было отведено пятнадцать гектаров овсянника. Осваивайте, дескать, новые участки. Мочевус получил для своей бригады ещё пару лошадей и ездового.

В один из поздних осенних дней, когда мороз сковал дороги, в райземагел прибежал Мочевус. Он заявил, что в его бригаде «бунтуют» девушки. Ещё столько неоконченных дел, а они все, как одна, собрались на курсы, учиться. «Вы, говорят, дядя, там с начальством хорошо знакомы, идите и просите. Обещали: кто хорошо будет работать — пошлют на учёбу. А мы все хотим ехать. Мы все хорошо работали».

— Это вы так настроили девушек, а? — спросил меня Голосенко, выслушав жалобу Мочевуса.

Я оправдывался. Совсем нет. У меня и Мочевуса подготовлено для девушек немало работы. В сухих подвалах под домом исправлены рамы, вставлены стёкла, отремонтированы печи — всё приготовлено для зимних работ. Здесь будут изготавливать торфяные горшочки для ранних парниковых огурцов, плести маты, заготавливать саженцы ягодных и декоративных кустов, ремонтировать рамы. Работы хватит на всю зиму. Но это только мой и Мочевуса план. Правда, его утвердило правление и сам (пусть вспомнит) Голосенко. Но мы не учли того, что у каждой

девушки есть и свой, личный план, и она стремится к тому, чтобы его выполнить.

Мочевус говорил о тех, кто больше всего хочет учиться.

Я вспоминаю: три активистки сельского клуба — любительницы сцены. Так, так. Ещё две — комсомолки, молодые звеньевые. Помню, как во время смотрин одна из них сказала мне: «Что же вы хотите от нас, тёмных? Делаем всё, что нам говорят, а объяснить толком, что к чему, не можем». Да, эти хотят расти. Быть не только исполнительницами, но и сознательными строителями новой жизни. К этому стремится и звеньевая из села Стависка. Её звено сдало государству 25 тонн яблок и зимних груш. Сегодня у них все работы закончены: расчистили сад, выкопали и сложили в бурты необходимую огородину, добились вспашки на зябь междурядий. Звеньевая неделю назад заявила мне: «Ну, товарищ агроном, работы выполнены на сто процентов. Как нам приходилось работать, вы сами хорошо знаете, но слово своё мы сдержали». Действительно, эта девушка по-настоящему боролась за выполнение плана.

Старик, опытный огородник, часто прибежал ко мне с жалобой: этот мол, сморчок, и его тобирается учить. Боролась звеньевая и с костостью девушек, и с инертностью председателя колхоза. И вот пришла и сдала отчёт. Я похвалил её, но на продолжительный разговор у меня нехватило времени — срочно вызвали в райисполком, и девушка ушла ни с чем. Не за похвалой же она ко мне приходила! О её будущем я довольно часто говорил с нею раньше.

Думал я и о пареньке из Бьшок, в котором ещё нет колхоза. В бывшей помещичьей, очень богатой усадьбе он работал не только садовником, но и сторожем. Сельсовет выделял слишком мало людей, и пареньку приходилось работать за двоих. Он приходил к нам в земельный отдел, интересовался книгами по декоративной зелени. По собственной инициативе он повесил на редкие парковые деревья таблички с названиями.

— Думаю, что и к нам скоро приедут гости, будут осматривать сад, — отвечал он.

О том же, наверное, думает сейчас и бригадир из села Заречного, и его звеньевая, собравшая 49 тонн свёклы с гектара.

Я вспоминаю прошлогоднюю осень, когда в городе открыли среднюю школу и одновременно направили в Тернополь много молодёжи на учительские, бухгалтерские и другие курсы. Скульский тогда сказал: «Дают хлопам приманку — чиновниками хотят всех сделать. А кто же за них навоз будет вывозить в поле?» И меня тогда поражала массовость и, если так можно выразиться, демонстративная показательность этого движения. А теперь, рассматривая разнарядку областного земельного отдела, по которой нам предлагалось направить из района в межобластную сельскохозяйственную школу только пять человек, я качал головой: мало, очень мало! Я поспешил составить свою разнарядку: из каждого села по три человека, а из Яруг — десять.

Голосенко меня осмеял.

— Имей же чувство меры, дружище! Люди должны учиться на производстве. По-твоему, всю Западную Украину надо бы на годик-другой послать на переподготовку. Кто хочет, тот и на производстве сумеет расти и учиться. А у нас, ты думаешь, как было? У Ковжана, по-твоему, какое образование? Два класса церковно-приходской школы, да. А учила его жизнь: суровая школа гражданской войны, комитет бедноты в его селе, сельский клуб и тот же колхоз. Учиться хозяйничать по-новому он начал бригадиром. В 1936 году его бригада получила премию. Он стал председателем колхоза. Тогда же его избрали депутатом

райсовета. В тридцать восьмом он — депутат областного совета, а теперь — у вас. Сама жизнь его учила. У нас, как видишь, жизнь богатая. Не прятаться от неё по своим уголкам, а выйти на широкую дорогу жизни — вот и будешь расти. Разумеется, государство широко поддерживает массовую тягу к учёбе. Подожди до зимы, мы с тобой и Ковжан — все станем педагогами. Организуем районные курсы для звеньевых и колхозного актива, поедем в сёла с докладами, беседами, лекциями. Не зарывать свои знания в землю, а учить других и самому учиться! Вопрос должен быть решён здесь, на месте — мы обязаны создать новые кадры и воспитать их как можно скорее.

13

Зима 1940—1941 года прошла в напряжённой работе, в учёбе и массовой подготовке колхозного актива.

Государство шло навстречу трудящимся. В районные склады «Сельхозснаба» днём и ночью грузовые машины перевозили сотни тонн минеральных удобрений, тонны химикатов, применявшихся против болезней зерновых и огородных культур и вредителей, аппаратуру и сельскохозяйственный инвентарь. МТС получили новые тракторы, четыре комбайна, сельскохозяйственный прицепной инвентарь. Строились ремонтно-монтажные мастерские. Строились мостовые и асфальтированные дороги, прокладывались новые железнодорожные пути, реконструировались заводы, создавалась новая промышленность.

Сельская молодёжь овладевала новыми специальностями: шофёров, трактористов, слесарей, монтажников, железнодорожников...

Западная Украина готовилась к решительному прыжку вперёд.

Отсталая аграрная страна, страна с деревянным плугом, темнотой народной и безработицей, страна извечной борьбы за голодное существование, страна хлопа, отданного на истребление, готовилась к великим социалистическим преобразованиям.

Кулак с тревогой присматривался из-за своего плетня к собраниям в клубах. А вечерами кулаки созывали свои собрания. Созывали их осторожно, в надёжно укрытом месте.

— Кто побывал в колхозе, тому не верь! — бросил как-то Сказинский Скорик, когда тот, потеряв работу бригадира, снова хотел пристать к их компании.

А когда весной Якимович напомнил ему о старом долге (кирпич), Скорик при людях около церкви осрамил его и пошёл запивать своё горе... Душевная депрессия продолжалась у Скорика несколько недель. После этого он присмирел. Теперь, как говорит Бескорвайная, он исподволь становится неплохим колхозником, каждый день ходит на работу.

— Посмел бы не пойти! — смеются девушки. — Жена день и ночь грызёт его за то, что потерял место бригадира. Теперь ходят на работу вдвоём. Жена глаз с него не спускает, надеется, что он вернёт утраченную должность.

Скульский и Курий теперь редко засиживались в канцелярии. Приходилось нешком ходить по сёлам. От этого их барские замашки основательно пострадали. Заметней других опростился Курий. Он появлялся в канцелярии в грязных сапогах, в грязном костюме, небритый.

А Скульский старался по мере сил сохранить барский вид. Но он осунулся и стал более замкнутым. Разговорчивость он обретал лишь в нетрезвом виде. Последнее время это случалось с ним довольно часто. В таком состоянии он проклинал всё на свете — и хлопов, и село, и

свою должность, грозил бросить работу и уехать во Львов. Его коллеги, паны во Львове, делают на чёрной бирже «сказочные» дела.

Бывая в сёлах, Скульский и Курий останавливались на ночёвку только у кулаков. В свою очередь, кулаки после городских базаров всегда заезжали к ним. В этих случаях то за Скульским, то за Курием приходили на службу их домашние: «идите скорей домой, очень важное дело!».

Возвращались они обычно в нетрезвом виде и, собравшись у землера, горячо обсуждали вопросы внешней политики.

В мае внезапно арестовали бухгалтера «Заготскота», бывшего акционера беконного завода в Золочёве, Курия и нескольких парней из сёл. Все они были арестованы на квартире Курия. Нашли оружие и какие-то листовки.

Эти события казались мне мелкими, и я о них скоро забывал.

Все мои мысли заполняли теперь люди, зажжённые, как и я, желанием творить новое. Врага я недооценивал. Ничтожества, тупые и злобные выродки. На свалку их всех!

Весна 1941 года была ранней. Садово-огороднической бригаде колхоза имени Сталина придали ещё одно звено и двух ездовых. Мочевусу в помощники прислали поповского батрака Гарбузюка, двадцать лет бывшего верным слугой попа и правой рукой попадьи. А теперь он взбунтовался... Попу сейчас приходилось круто; старый Гарбузюк вынужден был отдуваться и за себя, и за подёнщиков, которые ещё осенью вступили в колхоз, и за «бог даст» не хотели идти работать к попу. А поп донимал: «Разленился на старости лет мой Иван! Кто бы мог подумать — такой богобоязненный и порядочный был. И его потянуло в коммуну, лёгкого хлеба захотел».

Поссорившись с попом, Гарбузюк пошёл за советом к Мочевусу. У попа был большой сад, пасека, огород. Ещё в молодые годы Гарбузюк работал в саду Штигеля и там близко познакомился с Мочевусом. Не раз они встречались и беседовали о садоводческих делах.

Теперь у Мочевуса строится дом, и Пелагея по утрам на поповских межах, под самым носом у Гарбузюка, пасёт корову. Да разве раньше у неё была когда-нибудь корова, а? Ганна, жена Гарбузюка, не выдержала: «Если у ксёндза невыгодно, иди в колхоз. Ты не хуже Мочевуса!»

Мочевус обрадовался Гарбузюку. Гарбузюк написал заявление, и с апреля месяца — помощником у Мочевуса. Распоряжается на парниках, а Мочевус и Бескоровайная всё время на поле с бригадой. Высажены семенники. Посажено три гектара дичка. На овсяном поле под навоз посадили картошку. Увеличено парниковое хозяйство, но стеклянную теплицу до сих пор ещё не начали строить.

— Это ваша вина, товарищ агроном! — упрекает меня Мочевус. — Зря послушал вас. Столько времени затратили на эти торфяные горшки, а какой толк? Одни затвердели, как камень, а другие сразу же рассыпались. Надо больше примешивать перегноя, вот что! Курсы много времени отняли, а теперь весна. Вы к нам тоже редко приезжаете. Приходится всё одному да одному...

В этом году я всё чаще получаю горькие пилюли от Мочевуса. Неприятно, но факт: я для него уже не бесспорный авторитет. С тех пор как Григорий закончил районные курсы, он носит очки и не расстаётся со своими записями. Как что — так сейчас же очки на нос и вынимает из кармана заветную тетрадь, в которой больше условных знаков, чем слов. Но ориентируется он в них безошибочно. Вот дата 8 января. Вспоминаю: в этот день Голосенко делал доклад о значении листьев для

растения. У Мочевуса записано: «Дать листку больше свободы. Не обрывать зелёным». И слово в слово он передаёт содержание всего доклада.

В рабочей комнате Мочевуса, которая служит одновременно и складом для садово-огороднических инструментов, много книг. Он выписывает журнал «Сад и огород». Теперь, если нет Мочевуса в поле, ищи его в рабочей комнате. Я не раз заставлял его там: согнувшись над столом, читает вслух очередной номер журнала.

Тяжеловатым на характер, придирчивым стал Мочевус. А после избрания его в депутаты райсовета пришлось мне внести значительные коррективы в наши взаимоотношения. Бывало, рассерженный какой-нибудь неудачей, выругаю его основательно. Сердце отойдёт, и всё в порядке. Мочевус свою растерянность спрячет за весёлым смехом, и мы расходимся без обиды друг на друга. А теперь, если что случится, он опустит голову, и по тому, как набегают морщинки над его бровями, вижу — Мочевус взвешивает и внимательно анализирует мои слова.

— Вы уже закончили, товарищ? Теперь дайте мне слово, — спокойно говорит он, поднимая на меня свои большие глаза. — Нечего кричать на человека, не проверив как следует факты.

Его ответы логичны, и в них звучат нотки укора. Я вынужден признавать его правоту и в следующий раз стараюсь спрашивать более продуманно, не распускать себя...

Мои знания и советы находятся теперь под постоянными ударами критики Мочевуса. Я вынужден держать ответ за прошлые ошибки и расхождения, которые обнаруживает Мочевус в моих инструкциях, сличая их с прочитанным. Это обязывает меня к осторожности. Я часто советуюсь с Голосенко, много читаю и — некуда девать, как говорится, — всё острее чувствую слабость моих знаний и опыта. Слишком слабая у меня подготовка, чтобы руководить людьми, которые вместе со мной растут и учатся на производстве.

Голосенко сделал когда-то удачный выбор. Действительно, если бы не Бескоровайная, тяжело пришлось бы Мочевусу. Я теперь постоянно в разъездах (не шутка — восемнадцать новых колхозов!), и ответственность за работу бригады в основном лежит на Мочевусе. Но и у него немало дополнительных общественных дел. Он член сельсовета, председатель ревизионной комиссии в колхозе. Мы частенько встречаемся с ним на шоссе Тернополь—Львов. Я в Яруги, а Мочевус — на сессию райсовета. С достоинством снимает он широкополую шляпу, задерживает на секунду возницу и скороговоркой произносит: «Извиняюсь, товарищ агроном!» Но я спешу, боюсь опоздать. Вы там уж без меня как-нибудь, с Бескоровайной.

Направляясь на поля колхоза, я уже издали вижу крепкую женщину в синем нагрудном фартуке, деловито переходящую от одного звена к другому. Вся тяжесть работы по руководству бригадой лежит сейчас на Бескоровайной. Заложив руки под фартук, она искоса поглядывает на меня и спокойно рассказывает о рабочем дне. «Когда же, наконец, «У-2» пришлют? Не справляемся с прополкой и окучиванием».

Всем сердцем любил я этих честных, трудолюбивых людей. Вот заботливые молодые лица новых звеньевых, которые проверяют свои звенья, как сержант бойцов перед смотром. Бескоровайная оглядывает всех, каждое звено отдельно. Вот Скорик, потирая лысину, приближается к группе и пытается вставить и своё слово. А вот немного поодаль сидит на скамейке Пелагея и отчитывает какую-то молодуху:

— Ты меня не учи, как работать! Не впервые, да и в колхозе уже

больше года... И такой пачкотни, как вчера, чтобы я больше не видела. Это тебе не грядка на твоей усадьбе, а наше колхозное, общее.

Пелагея выполняет в бригаде особую роль: заместитель заместителя, правая рука Бескоровайной. Где прорыв, туда посылают Пелагею. Со строгим видом, кляня всех лодырей, она идёт впереди и тянет за собой звено.

Я присматриваюсь к пёстрым, разбросанным по огороду группам людей, наблюдаю за Гарбузюком, который с каменщиками и Скориком начал кладку фундамента теплицы (Мочевус добился своего!).

Еду в другие колхозы. Жму руки своим старым знакомым, пионерам прошлого года. Начинаются деловые разговоры, споры. Опыт первого года и зимней подготовки не пропал даром. Потом направляюсь в колхозы, созданные в этом году, и задерживаюсь в них на несколько недель.

Вот две прошлогодних экскурсантки — звеньевая и её помощница.

— Как вы думаете, Матвиясиха, будут ваши помидоры не хуже тех, что видели в Яругах? Пора бы подвязывать и окучивать, а?

— Да и я говорю своим то же, но ведь стыд-то какой! У нас едва ли и тысячу кустов насчитаешь, а там ведь целое поле, обойти трудно.

— Заладили... Яруги да Яруги... А у нас получше будет!.. — выкрикивают из группы. — Вот приедете через неделю, накормим вас красными помидорами.

Среди людей весёлое оживление.

Используя их настроение, я вынимаю из кармана пачку писем и фотографий.

— Вот интересное для вас, девушки, письмо, — разворачиваю большой бланк. — О вашей землячке Марии Нечай, соседке из Стависка. Дирекция сельскохозяйственной школы пишет нам, что она одна из лучших учениц, и рекомендует послать её учиться дальше, в техникум... Да вот она сама.

Девушки рассматривают весёлую группу молодёжи, снятую на фоне многоэтажного дома с колоннами — бывшего дворца графа Голуховского. На лицах девушек появляется хорошая зависть. Прорывается молодой задор:

— А разве мы такими не можем быть?

Разглядывают другую фотографию: молодой красивый парень на тракторе. Около трактора его семья: дородная мать, крепкий, но уже с проседью отец и два младших брата.

— Это семья Бескоровайных, слышали? О них в нашей районной газете много писали. В прошлом году на трудодни получили шестьдесят центнеров хлеба и четыре с половиной тысячи рублей наличными деньгами. Начали на собственные средства строить новый дом.

— А эти ребята женаты или нет? — спрашивают тихонько девушки.

— Нет. Но они заявили, что женятся только на тех девушках, у которых осенью будет самое большое количество трудодней.

Раздаётся смех.

Я перехожу к суровому анализу недостатков. Девушки и звеньевая заверяют, что к ближайшему моему приезду всё будет исправлено.

Ларёк с ранними овощами в апреле, прошлогодняя экскурсия и систематические корреспонденции в газете о работе и жизни колхоза имени Сталина, особенно об успешном перспективном развитии садово-огороднической бригады, вызвали горячее стремление перенять методы яругских колхозников.

Я уверен, колхоз имени Сталина будет крепкой базой садово-огороднических культур в Тернопольской области, а село Яруги через три—четыре

тыре года станет чудесным садом-парком. Отремонтировали же старый, оставленный Штигелем, кирпичный завод, и теперь завозят кирпич для строительства новой молочной фермы. Будет строиться в этом году и новый сельский клуб.

Кто может сомневаться, что после осени не построят новые дома ещё многим колхозникам? Постройку дома для Мочевуса уже заканчивают. Просил приехать на новоселье. Кто посмеет возразить мне, что из юношей и девушек, которые сегодня учатся в средней школе райцентра, не выйдут через пять—шесть лет отличные инженеры, врачи, учителя, не родится своя, колхозная интеллигенция? Вдоль села Яруги протянется мощёная аллея, а просторные светлые дома колхозников будут утопать в зелени садов. Они, эти сады, дадут прекрасные, выращенные мною, сорта плодов, которые я назову Сталинскими, Комсомольскими. Я верю, что так будет, ибо в это верят и этого хотят колхозники села Яруги.

Я твёрдо верю, что село Заречное через три—четыре года тоже будет колхозом-миллионером. Колхозные труды принесли им в прошлом году огромную прибыль, а этой весной они осваивают новые гектары болотистых мест в долине Стрипы.

Я верю в молодые творческие таланты, в силу освобождённого труда.

* *
*

Завтра выезжаю в Тернополь. Моим отбором новых местных сортов фруктовых деревьев заинтересовались в Киеве. И вот в областное земельное управление приехали специалисты из Наркомзема.

Сегодня выходной день, воскресенье, и я обещал своей жене поехать вместе с ней к Мочевусу. У него сегодня новоселье. Если успеем, заедем по дороге и в другие колхозы.

Я пошёл в конюшню райземотдела запрягать лошадей.

— Вы куда? — Навстречу мне быстро шёл Голосенко. — Слушали радио? Война! Только что говорил Молотов. Сегодня утром бомбардировали Киев, Одессу, Каунас... Иду на партсобрание.

Я ощутил почти физический удар в грудь, ноги сразу налились свинцом.

Война... А я так упорно отмахивался от всяких разговоров о ней. Все мои помыслы, все дни отданы труду, строительству новой жизни в моём многострадальном крае. Ведь только второй год пошёл нашей настоящей человеческой жизни.

Я закрипел зубами и отправился в город. О том, что меня ждёт жена, я забыл.

Долго бродил я по встревоженному городку, слушал боевые призывы по радио. Я испытывал огромный прилив злобы к врагу, жажду борьбы и победы. Собственные мысли я чигал на лицах людей. Чувство любви к родине я угадывал в движениях Войтенко, в движениях девушки-библиотекаря, рисовавшей боевой плакат, и в сосредоточенно-скупых движениях райкомовцев, которые перед вечером разъезжались по сёлам.

Я ходил по тревожным улицам города, вспоминая обо всёмжитом, обо всех переменах, с кем-то прощался, что-то откладывал на счастливые мирные времена — и вечером вернулся домой солдатом.

В понедельник началась мобилизация. Ковжан и Голосенко всё время в райкоме. Скулжский куда-то исчез. В канцелярии земельного отдела гнетущая пустота.

Позавчера был налёт. Бомбили станцию в городе, в Яругах и дальше, до самого Тернополя. Я поспешил в Яруги. Мочевуса застал на плантации свекловичных семенников: он спокойно подвязывал к колкам

отяжелевшие семенные гроздья. Сегодня, кажется впервые, Бескоровайная не вышла на работу — провожала на войну своих старших сыновей.

— Столько работы, а они, сволочи... — не закончил Мочевус, поглядывая кроваво-красными глазами на солнце. — Только выйдут люди в поле, а он, как коршун, из-за бугра—и пулемётом. Что делать, посоветуйте? Вот начали строить помещение для семенников, только успели возвести крышу... Что делать?

— Мочевус! — я вплотную подошёл к нему, взял за пуговицу гимнастёрки. — Это же особая война — война против советского народа, против нашего будущего. Не только о семенниках надо думать сейчас...

— А что мы можем сделать? На плечах сад и огород не вынесешь. Скот из фермы вчера погнали на Тернополь, а с этим... Надо оставаться и присматривать... Вот! — он сделал два шага к роскошному кусту помидоров и достал спрятанную там винтовку. — У нас организована охрана. Вчера в Заречном неизвестные выгнали из колхозной конюшни всех лошадей, побили конюхов, а позднее пытались пробраться и к нам. Но мы их приняли так, что всю жизнь будут помнить.—Мочевус оживился, потрясая в воздухе винтовкой.

Из-за холма внезапно показался самолёт и с воем пронёсся над станцией, стреляя из пулемёта.

Немцы подходили ко Львову. На севере, в районе Броды, шли кровавые бои.

А что со мной? Почему меня не мобилизуют?

Сколько нужно ждать? Я ждал мобилизации в первый же день. Тяжёлый день расставания, слёзы близких — для меня уже пройденный этап. Готовый рюкзак с пonedельника лежит на видном месте, на столе.

Почему меня не мобилизуют?

Я теряю спокойствие и иду в райвоенкомат. Пробираюсь через огромную толпу мобилизованных, вхожу в кабинет. На меня смотрят усталые глаза военкома.

— Вы агроном? Ну, и не спешите! Идите в колхозы, поддерживайте порядок. — Улыбнулся и протянул руку за очередным личным делом.

Июньское солнце кроваво-красным светом разлилось по цинковым крышам города. Где-то близко, в предместье, зловеще ревели мотоциклы, а на западе, под Тернополем, непрерывным стоном редела канонада. Вытирая пот, смешанный с пылью и разъедавший глаза, я пошёл в Яруги.

У Мочевуса в бригаде много новых людей с фермы, из полевых бригад. Сносили в подвалы парниковые рамы.

— Ну, вы скажите, — обратился ко мне конюх из первой полевой бригады, — зачем же уничтожать? Это же человеческий труд, полтора года собирали, делали своими руками! А наши кулаки пришли ночью с дубинами: бей, мол, чтобы и следа не осталось. По какому праву? Я к сторожам. Прибежали, отогнали их. Теперь кулаки угрожают. Пусть...

На суровых лицах решимость. Работают молча, быстро.

Около дверей кладовой Мочевуса стояла Пелагея.

— Да разве я знаю, можно вас пускать или нет? Григорий говорил, чтобы никого.

— А он там? Ну, вот и пустите.

В углу Мочевус, Гарбузюк и Бескоровайная закапывали огородные инструменты. На скрип дверей Мочевус вскочил, выпрямился и зло

сверкнул на меня глазами. Потом на его лице появилось знакомое мне выражение задумчивости. Вздохнув, он снова взялся за лопату. Я тоже молча схватил лопату и начал копать.

По шоссе Львов—Тернополь, поблёскивая металлом, неслись серые машины, скрежетали тягачи.

Какая-то немецкая часть, поднимая тучи пыли, свернула с шоссе в Яруги. Через полчаса прибежал паршивенький человечек, которого я зимой сорокового года видел у Скорика.

— Чёрт бы вас побрал с вашим колхозом! Все идите в село. Скажи, чтобы все сидели в своих домах, а то, если поймут в поле, убьют на месте как собак! — кричал он надсаживаясь, и побежал дальше, в поле, сгонять одиночников.

Люди поспешно закончили работу и группами по два—три человека направились в село.

Я, Мочевус, Гарбузюк и Бескоровайная задержались до вечера. В разведку пошла Пелагея. Через открытые окна подвала, со стороны города, ветер доносил глухие пулемётные очереди.

Пелагея, вернувшись, доложила:

— Пришла какая-то немецкая часть на отдых. Будут ночевать. Разместились по домам кулаков. Приказали людям нести им масло, яйца и кур.

Я пошёл к Бескоровайной дворами, чтобы не встретиться с немцами. Её мазанку немцы не заняли. Ужинали в темноте. Старик Бескоровайный беспокойно ходил по двору, наблюдал за дорогой.

Вдруг я услышал за окном приглушённо-скрипучий голос Пелагеи и ещё чей-то, очень знакомый, взволнованный.

— Он у вас?.. Ну, слава богу, сердце чуть не лопнуло, так бежала... Где он?

Я выскочил из дома и прижал к груди заплаканную жену.

— Что случилось?

— Убегай, прячься! Такое творится, такое... Убивают детей, женщин... — нервно всхлипывая, рассказывала она. — Приехали какие-то ээсы, на фуражках черепа. А наши торговцы да ещё какие-то тёмные люди из сёл ходят... новая полиция... водят фашистов по домам. Сорвали портрет Мичурина, разбросали книги. Побили мать, меня... Убегай...

— Куда?

— К своим!..

Мы зашли в сад Бескоровайной, и жена подробно рассказала мне о первом дне хозяйничанья немцев в районе.

А ночью в Яругах начал действовать кулацкий самосуд. Покатилась из-под топора седая голова Ясинчука, вырезали всю семью председателя сельсовета, повесили финансового агента. Смертным боем били Бескоровайную и её мужа. Искали Мочевуса и других активистов, но они успели скрыться. Мочевус ушёл в армию. Своевременно предупреждённый Бескоровайной, я вышел из сада вместе с женой. По огородам мы направились в город.

В районе бушевал фашистский террор. Появились типы, бежавшие осенью 1939 года. Теперь они служили оккупантам, подбирая себе помощников из кулаков.

Тяжёлые, беспросветные дни. Люди прятались в хлебах, в балках, скрывались в сёлах. Более решительные бросали свои жилища и шли на Восток, навстречу солнцу, которое вселяло веру в победу.

Однажды тёмной ночью я выбрался из своего укрытия и оврагами пошёл на Почаев. Там, в Кремянецких горах, ещё дрались советские войска.

Когда поднялось солнце, я уже был далеко за пределами своего района.

* * *

С Григорием Мочевусом мы расстались на четыре долгих года. В серой шинели пехотинца я, так же как и он, исходил широкие просторы моего Отечества, с тяжёлым сердцем делил с товарищами трудные пути отступления, с весенней радостью победителя вступил на вражескую землю.

И когда настал священный час победы, в сердце солдата ярко ожили картины прошлого, ожили и напомнили ему, что жизнь — впереди.

Но четыре долгих боевых года не забудутся никогда. Я возвращался уже не тем, кем был когда-то. Теперь-то уж я не закрою глаз на злобные вылазки Скульского, Курия, Якимовича и им подобных, не замкнушь в своей работе. Слишком много было жертв, слишком много страданий испытал мой многонациональный советский народ, чтобы не помнить их ежечасно, всю жизнь, чтобы успокоиться хотя бы на миг.

Я смотрел на поседевшую голову Мочевуса, на его натруженные жилистые руки, на дорогое мне лицо и смеялся: «Добро — дело наживное. Главное — люди, которые выдержали наитягчайшие испытания и стали ещё сильнее, чем были».

Авторизованный перевод
А. КОНСТАНТИНОВА.

Поэзия венгерского народа

ПЕВЦЫ МИРА И ДЕМОКРАТИИ

★

Пять лет, прошедшие со времени освобождения Венгрии Советскими Вооружёнными Силами, были годами великих преобразований. Страна народной демократии — Венгрия, решительно идёт по пути социалистического переустройства жизни. Сметая со своего пути Райков и прочих агентов Уолл-стрита, венгерский народ строит социализм.

После успешно завершённого трёхлетнего плана Венгрия вступила в первый год своей пятилетки. Преобразуются не только промышленность и сельское хозяйство, но обновится и культура Венгрии.

В демократической Венгрии создаётся новая литература, свободная от власти «чистогана», близкая народу, живущая его кровными интересами. Эта литература следует традициям великих венгерских революционных поэтов — Шандора Петефи, Эндре Ади. Крупнейший венгерский поэт XX века Эндре Ади был уже тяжело болен, когда началась Великая Октябрьская социалистическая революция, в 1919 году он уже умер. Этот изумительный поэт зорко следил за великими событиями, происходившими в России, — и такими словами приветствовал он русскую революцию 1905 года: «Славяне учат мир новой революции.. Теперь уже нет и не будет остановки. Быть может, уже красный флаг развевается над Кремлём. Это неслыханное землетрясение будет гордостью истории... Народ восстал и преобразует мир... Мы можем следовать примеру России!»

Поэзия Шандора Петефи и Эндре Ади явилась ярким свидетельством того, что великим писателем может стать только тот, кто слит со своим народом. Реакционеры всю жизнь ненавидели Петефи как раз за его народность и революционность, декаденты различных мастей ненавидели Ади и противопоставляли его стихам свои изломанные вирши, которым рукоплескала тупая будапештская буржуазия. Эти поэты, по выражению венгерского классика Бержени, «сорвали с себя блестящий знак нации», то есть оторвались от родной национальной почвы. Их поэзия по своему содержанию была буржуазной, а по форме была лишена национального своеобразия. Она была проникнута космополитизмом, формализмом, пришедшим от декадентской поэзии империалистического Запада.

Из поэтов, пришедших в литературу вслед за Эндре Ади, на правильный путь встали только те, которые осознали значение Великой Октябрьской социалистической революции, венгерской пролетарской диктатуры 1919 года и которые слились с народом. Несомненно, что именно великие социальные преобразования, происшедшие в России, послужили толчком для возникновения поэзии Аттилы Йожефа, Дьюля Ййеша и других революционных поэтов Венгрии.

Молодые поэты Венгрии всё больше осваивают традиции великой демократической поэзии Петефи и Ади, они всё яснее понимают, что учиться им надо у боевой поэзии Советского Союза, поэзии социалистического реализма.

АНАТОЛЬ ГИДАШ.

У МОГИЛЫ СОВЕТСКОГО СОЛДАТА

ЗОЛТАН ЗЕЛК

Золтан Зелк — один из талантливейших поэтов демократической Венгрии. Родился в 1906 году в семье рабочего. Всё его творчество неразрывно связано с жизнью и борьбой венгерских трудящихся. Первая книга его стихов вышла в 1932 году. Его последние стихи посвящены борьбе и достижениям новой демократической Венгрии.

★

Здесь в Зүгло¹, где владычил ужас,
На площади, где стынут лужи
И разворочены дома,
Над незалеченною раной
Могильный этот холм багряный
Встал, как уверенность сама.

По-русски я не понимаю —
Стою, молчу, смотрю, гадаю:
Здесь погребённый, где рождён?
Он правнук Лермонтова или
Праправнук Пушкина? Могиле
Я говорю: ответь, кто он?

Заводом, шахтой, кем — не знаю —
Был послан он, чтоб на Дунае
Вступить в сражение с ордой,
Которая хотела солнце
Сорвать с небес и все колодцы
Наполнить мёртвою водой.
Кто он? И будто бы ответом
Горит на памятнике этом
Пятиконечная звезда...
Смотри! Пятёрка пальцев звёздных
К Востоку, в мир полей колхозных,
Указывает туда!

*Перевёл
Леонид Мартынов.*

¹ Зүгло — пригород Будапешта

КРОВЕЛЬЩИКИ

ДЬЮЛА ИЙЕШ

Дьюла Ийеш — крупнейший современный поэт Венгрии, родился в 1902 году, в семье крестьянина. В период Венгерской пролетарской диктатуры участвовал в боях Венгерской Красной Армии. Дьюла Ийеш — автор двадцати пяти книг. В одном из лучших своих произведений — поэме «Юность» — Дьюла Ийеш воспел венгерскую пролетарскую диктатуру 1919 года. В 1934 году Дьюла Ийеш был приглашен на 1-й съезд советских писателей. По возвращении в Венгрию он написал книгу «Советский Союз».

★

Я сидел за книгой,
чтением увлечён
так, что слышал звуки
смутно, как сквозь сон:
то ли свист синицы,
то ли стук колёс
мне рассветный ветер
издали донёс.

Слышу эти звуки,
шорох этот, стук.
Пальцы уловили
ритм какой-то вдруг.
Будто где-то кто-то,
издали вот так,
азбукою Морзе
отбивает такт.

Это застучали
наверху вон там
кровельщики звонко
с крыши по листам!
С высоты оттуда,
как привет, гремит
этот полноразличный
и хороший ритм.

Ритм тот подгоняет,
чтоб я не отстал,
чтоб отбросил книгу —
и стихи писал,
чтоб в соревнованье,
не жалея сил,
звучными стихами
марш я им сложил.

Чтоб не погибая
вновь в стихах жило
всё, что проносилось
бурно и светло,
чтоб, как звон их с крыши,
полнозвучен, смел,
с высоты над миром
мой **призыв** гремел!

Перевёл
Мих. Зенкевич.

РУКОПОЖАТЬЕ

ПЕТЕР КУЦКА

Петер Куцка родился в 1923 году. После окончания средней школы работал рабочим на заводе. На заводе он и начал писать. В стихах его ярко выражены чувства людей, строящих новую жизнь в демократической Венгрии.

★

Не обносил участки я оградой,
И не росла пшеница у меня,
И не боялся я, что льдинки града
Побьют весною в поле зеленя.

Я не пахал, не сеял, и под паром
Не холил землю. В городе я жил.
Я был товаром, хлеб мой был товаром,
И я посевами не дорожил.

Теперь во всех работах я — хозяин,
Мне, горожанину, близка земля, —
Хлеба́ растут у городских окраин,
И с фабриками сблизилась поля.

Когда под осень поле колосится,
Я урожаю по-крестьянски рад,
Смотрю, как наливается пшеница
И как подвязывают виноград.

Хочу, чтоб жатва во-время настала
И были косы и серпы острей,
Чтоб вдоволь было угля и металла —
Забочусь я о всей стране моей.

Сегодня тёплый, с коркой золотистой,
Хлеб подали к обеду моему,
И я беру лопать его душистый,
Как будто хлеборобу руку жму.

Перевёл
Мих. Зенкевич.

ВЕСНА В ВЕНГРИИ

ЛАСЛО БЕНЬЯМИН

Ласло Беньямин — представитель молодого поколения поэтов новой Венгрии — родился в 1915 году. Свои первые обратившие на себя внимание стихи он написал будучи рабочим. В последние годы он выпустил два сборника стихотворений. Высокая идейность и мастерство стихов по праву выдвигают творчество Ласло Беньямина на одно из первых мест в поэзии молодой Венгерской республики.

★

Дождь перед ночью хлынул вдруг,
Все улицы он растревожил,
Чтоб каждый ясень, клён и бук
Листвой младенческой ожил.
Весна пришла, и дождь несётся
Прочь, через ночь, и вот в садах
Плодом рассветным виснет солнце
На тяжелеющих ветвях.

В горах рассвета торжество,
И со ступень на ступень я
Иду к вершинам своего
Приподнятого настроенья.
Легко шагая, достигаю
Недостигаемых высот:
Я это солнце взять желаю,
Как самый ранний зрелый плод.

В тумане утра навсегда
Исчезли беды безвозвратно.
Леса, поля и города
В цветные превратились пятна.
И расширяясь, и сжимаясь,
Страна раскрылась с горных круч —
Как будто в небо подымаюсь
Я, авиатор, выше туч.

И всё, что есть в родной стране:
Поля, леса, людские лица —
Вдруг оказалось здесь, во мне,
Сумело в сердце уместиться,
И билось там на месте сердца,
И жило там в крови моей.
Я так в страну сумел взглядеться.
Что воедино слился с ней.

Прочь из зимы идёт страна,
Руда из недр стремится горных

Выращивает весна
Везде ростки надежд упорных.
Мы видим их рассвет лучистый.
Так, из подпольных недр на свет
Недавно вышли коммунисты —
Старатели грядущих лет.

Былого не вернуть назад.
Оно ещё блуждает в поле,
Но, как лису, его пронзят
Крестьян заостренные колья.
Крестьяне плугом начертали
Закон и мощь своих имён
Здесь на земле. От звонкой стали
Отскочит злобный град времён.

Так дышит Венгрия. Жива,
Она бушует и клокочет,
Рождает силу и права,
Помочь своим рабочим хочет,
Которые у горнов встали,
Ворочая судьбы сырьё,
Чеканя на живом металле
Освобождение своё!

Свободна Венгрия моя!
Я к солнцу очи подымаю —
Кто в эту высь вознёс меня?
Она! — страна моя родная.
Страну мою и всё, что есть в ней,
Всё то, что в сердце я храню,
Отдам я разве с жизнью вместе!
Нет, не отдам. Обороню!

...Мой сын родился в этот день,
Но свет увидев в наше время,
Он городов и деревень
Богатствами владеет всеми.
Ему — руда, плоды и ткани,
Хлеб для него мы будем жать,
Ему стихи! В соревнованье
Я тоже не хочу отстать.

Здесь, в творчестве моём, зажглись
Твой, сынок, большие годы.
Борюсь за них. А ты трудись,
Будь покорителем природы.
Ведь чтоб твоя окрепла сила,
Мы продолжаем нынче бой;
И всё, что смертью нам грозило,
Пусть будет мальчишкам игрой.

Перевёл
Леонид Марынов.

НА ДЕРЕВЯННОМ БЛЮДЕ

ФЕРЕНЦ КАПОШИ

Ференц Капоши — батрак, получивший землю после земельной реформы. Первая книжка его стихов опубликована в 1948 году.

★

Вот лежат на деревянном блюде
Груши золотистые, дюшес —
Только господа их прежде ели,
А теперь батрак те груши ест.

Прежде, устали в труде не зная,
Холил он господские сады,
А теперь пришла пора иная —
Для себя собрал батрак плоды.

В стойле пёстрая стоит корова,
Лишь недавно появилась тут.
В дождик тёплый в садике пред домом
Розмарины для него цветут.

Если есть кой в чём и недостаток —
С каждым годом лучше заживёт:
Для себя батрак и жнёт и сеет,
Псом не будет больше для господ!

*Перевёл
Мих. Зенкевич.*

ИЗ ВЕНГЕРСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

М. ИСАКОВСКИЙ

★

Подмастерье мельника

С подмастерьем мельника
Я всю ночь сидела.
Я всю ночь сидела —
На него глядела.
Одного хотелось,
Чтобы ночь продлилась,
Чтобы я не скоро
С милым разлучилась —
С подмастерьем мельника.

Если бы колёса
Всех на свете мельниц
Золотыми были,
И один бы жемчуг
Мельницы дробили;
Если б мне их дали,
Дали б и сказали б:
«Только не встречайся», —
Я б не променяла
Подмастерья мельника...

Если б можно было
Всю морскую воду
Превратить в чернила;
Если б все травинки
Перьями бы стали;
Если бы все звёзды
Писарями стали, —
И тогда бы даже
Было невозможно
Описать любовь мою
К подмастерью мельника.

Расставанье

— Уезжаешь? — «Уезжаю».
— Покидаешь? — «Покидаю».
— Дай же мне, мой милый, руку
На прощанье, на разлуку.

Ты уедешь в край далёкий,
Я останусь одинокой.
Но прошу я — в дальней дали
Не забудь моей печали:

Хлеб возьмёшь — меня припомни,
Воду пьёшь — меня припомни.
А уж я не позабуду,
Днём и ночью помнить буду.

Прилети, прилети

Прилети, прилети,
Вестница крылатая! —
У меня для тебя
Клетка есть богатая:
Золотая она,
Золотая, чуждая.
В ней кормушка стоит —
Вся-то изумрудная.

— Нет, не надобна мне
Клетка золочёная, —
Мне милее поля
И леса зелёные.
Буду вольно летать,
Славить дали дальние,
Буду зёрна клевать,
Росы пить хрустальные.

Три сиротки

Возле креста над могилой родною
Плачут сироты горячей слезою:

— Встань, посмотри, что со мною случилось —
Платье на теле совсем развалилось.

«Встала б я, встала б, дочурка родная, —
Кровь мою выпила толща земная».

— Встань, помоги, осуши мои слёзы, —
Видишь, хожу я и грязный, и босый.

«Встала б, сыночек, да встать я не в силе —
Кости рассыпались в тёмной могиле».

— Встань, приласкай материнской рукою —
Горько без ласки мне жить сиротою.

«Встала б, да крышка моя гробовая
Плотно закрыта, гвоздями прибита...»

— Кто ж нас накормит, оденет, утешит?
Кто наши волосы гребнем расчешет?

«Мачеха волосы ваши пригладит,
Даст вам рубашки, за стол вас посадит».

— Чешет нас мачеха, чешет, ласкает —
Кровью затылок у нас подтекает.

— Если ж рубашку на нас надевает —
Нашей слезою её омывает.

— Если же нас она кормит, голодных, —
Прыгают черти в глазах её злобных.

Назови меня мужем

Эй, пава ты, пава, спесивая пава!..

Судила судьба — на богатой женился,
Да сжиться не мог я с женою своею...
Купил ей сапожки, купил — разорился,
Принёс и поставил на стол перед нею:
— О, радость моя, назови меня мужем!
— Вот новость еще! А на что ты мне нужен? —
Я знатных господ, что отца навещали, —
И тех-то не очень... А вы б уж молчали!

Эй, пава ты, пава, спесивая пава!..

Судила судьба — на богатой женился,
Да сжиться не мог я с женою своею...
Купил я ей платье, купил — разорился,
Принёс и на стол положил перед нею:
— О, радость моя, назови меня мужем!
— Вот новость ещё! А на что ты мне нужен? —
Я знатных господ, что отца навещали, —
И тех-то не очень... А вы б уж молчали!

Эй, пава ты, пава, спесивая пава!..

Судила судьба — на богатой женился,
Да только с женою своею не сжился.
Пошёл я по роще — развеять кручину,
Принёс я и спрятал в сарае дубину...
— О, радость моя, назови меня мужем!
— Напрасная просьба. На что ты мне нужен?..
Схватил я дубину, взмахнул я дубиной...
— О муж мой бесценный! О муж мой любимый!

МАТИ ЛУДАШ

Поэма

МИХАЙ ФАЗЕКАШ

★

Мати Лудаш» — одно из тех творений, популярность которого среди венгерских трудящихся, особенно в массах крестьянства, росла с каждым днём на протяжении почти полутора столетий.

Автор его Михай Фазекаш родился в 1766 году в бедной дворянской семье, умер в 1828 году. Он участвовал в походе против Наполеона, познакомился с идеями просвещения, стал сторонником освобождения крестьян от крепостной зависимости. «Пусть в обществе не будет паразитов», — заявил он во всеуслышание.

Фазекаш жил в городе Дебрецене и относился к той так называемой «дебреценской школе поэтов», самой выдающейся фигурой которой был великий венгерский поэт Витез Михай Чоконаи и которая, в противоположность поэтам немецкой школы, стремилась к слиянию с народной поэзией, боролась с чужеземными влияниями в литературе.

Фазекаш был мало плодовитым писателем, но его поэма «Мати Лудаш» как по содержанию, так и по форме является первым выдающимся произведением венгерской народно-демократической поэзии, предвосхитившим поэму «Витязь Янош» Петефи. В ней впервые в Венгрии выступает на литературную арену крестьянин.

Эстеты того времени да и цензура приняли поэму Фазекаша в штыки. Из цензурных соображений автору пришлось отодвинуть время действия в поэме к эпохе крестьянских походов, хотя на самом деле в произведении разоблачалась феодальная Венгрия XVIII века.

Имя Мати Лудаш стало в Венгрии нарицательным. Крепостной юноша, силой и хитроумием побеждающий помещика, стал излюбленным героем венгерских трудящихся, стал символом борьбы и свободолюбия. Образ Мати Лудаш вдохновлял и других венгерских писателей: Жигмонд Мориц создал сценический вариант поэмы, который идёт сейчас с большим успехом на венгерской сцене. Сатирический журнал, издающийся сейчас в Будапеште, называется «Мати Лудаш».

Мати Лудаш жив до сих пор, он и сейчас, как в поэме Фазекаша, «трижды побивает» людей, допускающих произвол, поддерживающих реакцию, отстаивающих буржуазно помещичьи пережитки в Венгрии. Перевод Н. Тихонова хорошо передаёт сочность языка оригинала, его простоту, истинную народность и жизнерадостность.

АНАТОЛЬ ГИДАШ.

Первая часть

Некогда в одной деревне, в Ниршене, иль в Эрдехате,
Иль в другом известном месте, я как следует не помню,
Но достаточно сказать вам: там жила-была старуха,
У вдовы-старухи вырос скверный сын, лентяй ужасный,
Летом он с утра до ночи мух хлопущей бил — и только,

А зимой сидел у печки, грелся целыми он днями,
 Кочергой мешая угли. Сколько добрая старуха
 Ни ворчала — то ворчанье, словно об стену горохом,
 И ни брань, ни уговоры — ничего не помогало,
 Ничего не слушал Мати (Мати — так подростка звали).

Так лениво жил он долго. Самому ему однажды
 Всё до смерти надоело — дни казались слишком длинны,
 Двор широкий материнский стал казаться слишком тесным.
 Он потягивался вволю до тех пор, пока случайно
 Не додумался до дела, непривычного для парня.
 За околицу пошёл он, где всегда в воскресный вечер
 На холме на пузах важно вокруг валялись лежебоки.

Как гусак шипит ехидно на чужого человека,
 Точно так дразнили Мати эти толстые подростки
 Лет таких же, как и Мати. Он послушал их и вскоре
 С ними он уже подрался... Но отсюда он, впервые
 Осмотревшись, вдруг увидел, как кругом синели горы,
 Набухая в ясном небе, и увидел с удивленьем
 И дома, и колокольни самых дальних деревенек.
 Здесь узнал, что есть на свете комитат¹ соседний с ними,
 И что ярмарка в Дебреге, знаменитая повсюду,
 Состоится в воскресенье. Тут нахлынуло желанье
 Повидать страну, и сразу в голове его отчаянной
 Забурлили, разливаясь, как ручьи, потоки мыслей.
 Потерял совсем покой он, свою голову ломает.
 Вдруг открылась щель в раздумьях, сквозь неё пришло решение:
 У мамыши было двадцать молодых гусей прекрасных,
 Был гусак довольно старый, были старые гусыни,
 И вдова возилась с ними с той поры, как народились,
 Потому что, говорила, если их вскормить сумеет,
 То продаст — на эти деньги что-нибудь к зиме подкупит.
 На гусей вот этих зубы стал точить тут Мати, просит,
 Чтоб ему гусей вручила, чтобы счастье испытал он,
 Их на ярмарку пригнал бы, с барышом богатым продал,
 Может, будет то началом — и купцом он станет важным:
 С пустяков начав иные так как раз разбогатели.

«Не на ярмарку, бездельник, в ад тебе одна дорога.
 Лето целое что делал? Было б лучше, если дома
 Ты взялся бы за работу!» Мать бранила так Матьяша.
 Но уж то, что про себя он порешил умом лукавым,
 Ни вода, ни пламень жаркий смыть иль сжечь уже не смогут.
 И в конце концов старуху всё-таки уговорил он.
 «Ну, пусть будет так, — сказала, — с господа благословенья,
 Тебе надо что-то делать, лень твоя есть грех великий».

Мати стал совсем весёлым, взял он добрую дубинку,
 Из угла суму доставши, стёр с неё он паутину,
 (Та сума была отцовской, с плеч отцовских не сходила).
 Мать творог в неё вложила, сало, хлеб, немного соли,
 Чесноку, а в это время отогнал гусей он старых,
 Два десятка для продажи отделил сейчас в сторонку
 И кнутом их выгнал длинным всех на сельскую дорогу,
 Попрощался со старухой и поплёлся за гусями.

¹ Комитат — район, область.

А в Дебреге в это время была ярмарка. Могучий Господин Дебрега хвастал в своей вотчине старинной: Даже сам король в Дебреге не указчик господину. Здесь закон — его желанье, что он скажет — то и правда! Он имел обычай: цену назначать товарам лично. Коль запрашивал торговец с покупателя дороже — Он, себе товар присвоив, сам наказывал торговца. Если той цены дешевле покупал товар кто-либо, А Дебреги он по вкусу, — отнимал товар немедленно. Так поддерживал он право, завоёванное силой.

Вот когда дебрегский барин взад-вперёд гулял надменно, Двадцать он гусей красивых увидал и с ними Мати. Все пред барином с поклоном поскорей снимали шапки, Только Мати не подумал даже в шапке поклониться. «Кто гусей хозяин этих?» — барин крикнул. «Я хозяин!» — Резко так ответил Мати. «Эх, я вижу, негодяй ты! Что, не знаешь, кто здесь барин?! Ну, уж выучу по-свойски! Что ж ты шапки не снимаешь? Сколько стоят эти гуси?»

Мати шапку нахлобучил, гордо шубою потряс он: «Три марьяша стоят гуси — стоит пара, не на выбор!» «Мне отдашь за половину?» «И душе отца родного Я не отдал бы дешевле, чем за малый форинт пару». Палкой стукнул здесь Дебреги, трое слуг его здоровых Подскочили, потащили Мати к дому господина, Всех гусей его угнали; у ворот высоких дома Пятьдесят дают горячих. Сняв почтительнейше шляпу, Их отсчитывал у зада сам приказчик, а Дебреги Сам следил, на кресле сидя. Мати встал, сказал Дебреги: «Барин мой, за плату эту я благодарю, и если Мне господь дарует силу, буду вновь благодарить я... Запишите на воротах, чтоб случайно не забылось: «Трижды вас побьёт за это беспощадно Мати Лудаш». За ворота брошен наземь, он опять сказал народу: «Вот увидите, как трижды я его побью жестоко!» Все смеялись над беднягой, в доме важного Дебреги Хохотать над Мати стали, как хохочут над безумным.

Вторая часть

Как легко себе представить, Мати наш к родному дому Не вернулся. Хмуρο под нос бормоча, он в путь пустился, Чтоб за тридевять земель бы унести с собою адский Яд отмщенья в своём сердце, клокотавшем от обиды.

Чтоб своей достигнуть цели, должен был скопить он деньги. Он работать стал прилежно, где подолгу, где подённо, Он не брезговал работой, языкам учась попутно, В них неплохо разобрался, обошедши мест немало, Научился, хоть поспешно, но ремёслам самым разным, Возлагал теперь надежду на свой ум и сбереженья. «Чтоб Дебреги не обидеть — должен я с ним рассчитаться». Изменился его облик, хотя прежний вид простецкий, Даже имя Мати Лудаш в доме барина забыли.

Потому-то очень смело подошёл он к тем воротам,
Где ему давали плату, что порадовать не может.
Видит он, что вместо дома, закопчённого, худого,
Новый дом — дворец построен, и построен в новом стиле,
Стены все уже готовы, нехватает только крыши,
Но лежат уж рядом брёвна неотесанные кучей.
«Будет, будет бит Дебреги», — пробурчал тут Мати Лудаш.
От постройки он отходит, маленький берёт топорик,
Из кармана вынимает карандаш, аршин, бумагу,
Предстаёт он, как бродячий итальянский хитрый плотник.

Ко дворцу вернувшись, ходит, как знаток архитектурный,
Измеряет он глазами ширину, длину постройки,
Как знаток, подходит к куче неотёсанных тех брёвен,
Иногда глаза вздымая, и смотря, смеясь, на брёвна
Он качает головою. Увидал его Дебреги,
Подошёл, спросил: что хочет? «Ничего, — тот отвечает. —
Просто путь мой, сударь, мимо проходил, и я не в силах
Был пройти, чтоб не увидеть изумительного дома.
Потому что я как мастер вижу, кто б её ни делал —
Но строителей работа сделана по-королевски.
Только б крышу мне увидеть, но, конечно, я надеюсь,
Что не брёвнами такими хочет барин дом украсить».

Говорит Дебреги: «Эти я велел срубить случайно,
Наугад!» «Они не плохи, — Мати говорит, — не плохи,
Но не для дворца такого; нужно в Риме быть, чтоб видеть
Превосходнейшие крыши, в них нуждается дворец ваш.
Милостивый государь мой! Видел, что там, видел, делал
Сам я герцогу работу, но скажу вам откровенно,
В этих брёвнах проку нету! — Здесь схватил аршин и начал
Измерять. — Как жаль, пяти лишь здесь вершков и нехватает!
Впрочем, мне-то что, хулить я никого не собираюсь,
Никому я беспричинно не хочу вредить в работе».
Сделал вид, что он уходит. «Друг мой, — говорит Дебреги, —
У меня ещё ни с кем нет никакого уговора.
Значит, вы бывали, сударь, и в Италии. Прошу вас,
Вы обедали? И если мне понравится работа,
Не найдёте в целом царстве вы хозяина щедрее...»
Мати тонко улыбнулся, вкус Дебреги расхвалил он,
Всё строительство, жалел лишь, что нельзя найти получше,
Чем деревья, что лежали в этой куче перед ними.

«О, — сказал Дебреги, — леса нет такого в целом мире,
Где б росли деревья лучше, чем в моём лесу прекрасном».
Мати видеть их хотел бы. И Дебреги тут коляску
Запрягать велит. «Но раньше пусть обед подаст нам повар!»
В дом идут они, и Мати говорит, что если правда
Подходящие деревья, их отметить лучше сразу
И срубить сейчас же. Барин управляющего кличет,
Чтобы двести дровосеков отрядил бы он немедленно
В лес. Готов обед. Наелись. И уже стоит коляска.
И буквально за мгновенье кони к лесу их примчали.

Дровосеки наготове. Вместе с барином обходит
 Мати лес дубовый, смотрит. Как увидит дуб хороший,
 Так велит рубить, уж всем он дровосекам дал работу.
 «Нехватает напоследок, — он сказал, — большого дуба!»
 В лес зашли они глубоко; осмотрелся, молвит Мати,
 Что как будто видит дуб он. Барин с ним заходит в чащу.
 «Этот был бы подходящим, если сажень есть в объёме!»
 И Дебреги встал у дуба, охватить его пытаюсь.

Мати за руки хватается и верёвкой, что нарочно
 Сплетена была заране, вяжет руки господину.
 «То-то барин, я не плотник — Мати Лудаш я! — сказал он. —
 Тот, кого вы бить велели, у кого гусей украли,
 Обещался он за это трижды плату возместить вам.
 Плата первая — сегодня...» И дубовой крепкой палкой
 Избивает он Дебреги, с головы до пят нещадно,
 Мхом заткнул он рот Дебреги — тот кричать никак не может.
 От ударов дровосеков лес дрожит, вокруг лишь скрежет
 От дубов, что друг за другом грузно падают на землю.
 А Матяш, избив Дебреги, из его кармана вынул,
 Ровно столько взял он денег, сколько стоили те гуси,
 Вытер пот с лица платком он и исчез бесследно в чаще.

Отдыхают дровосеки, уже нечего рубить им,
 Украшение всего леса ими свалено под корень.
 Солнце движется к закату. Человеку в ожиданье,
 Даже если он без дела, ожиданье очень скучно.

Барин с плотником пропали. Управляющий решает,
 Что теперь уж не до шуток, он кричит, но только эхом
 Отвечает лес огромный на отчаянные крики.
 Слушал молча, но свиный только слышен голос дальний
 В тишине вечерней, сразу что за сумерками сходит.

Все кричать тут стали вместе, этот ливень голосистый,
 Он пронизывал всю чащу, но в ответ лишь рокот леса,
 Замолкавший в отдаленье. Тишина такая стала,
 Даже звука ниоткуда. Управляющий и вправду
 Испугался и народ он рассылет на облаву,
 Потому что, как ни думай, как-никак — беда случилась.
 Когда гончие в долине настигают вдруг добычу,
 Они слышат там сопенье, очнь схожее с сопеньем
 Той свиньи, которой рану в сердце нож нанёс мясницкий,
 И свинья хрипит, сдыхая. Что такое? Даже к страху
 Крепостной привыкший, в страхе управляющего кличет.
 Тот приходит и трусливых вновь на поиск подбодряет,
 Вместе с ними ищет в чаще — что ж он видит? От такого
 Сохрани, господь, ты даже и татар неверных крымских!
 Барин к дереву привязан, мохом рот набит зелёным,
 Дорогой одежды клочья, словно рублище, повисли.
 Тут верёвку обрезают, тащат мох ему из глотки,
 Управляющий дрожащий говорит подобострастно:
 «Зверь какой, какой язычник так осмелился замучить
 Дорогого господина?» Но в ответ ему Дебреги

Стал плеваться кровью сильно, стал икать, промеж икоты
Простонал он, что убийца беспощадный — Мати Лудаш.

Крепостной один другого потянул тут за одежду.
А другой толкнул легонько, потихоньку в бок соседа,
А Дебреги умолял их, весь слезами обливаясь:
«Сыновья мои, несите поскорей, не то умру я!»

Люди робкие Дебреги взяли на руки и тихо
Понесли его к коляске, а другие, мох срывая,
Под бока ему совали, кто свою подсунул куртку,
Кто накрыл его кафтаном, чтобы он не простудился.

Кони до дому добрались, тут уж бабка, мыло взявши,
Пополам с вином втирала эту смесь ему повсюду,
Слуги сна уже не знали — на покашливанье сразу
Пять мужчин и столько ж женщин сразу вскакивали с места,
Натыкаясь друг на друга — такова была тревога!

Третья часть

Где же ходит нынче Мати? Всюду все его искали,
Под покровом тёмной ночи перешёл через границу,
И уж снова начал думать о своём повторном мщенье,
Как бы барина Дебреги отлупить ему вторично.
Когда странствовал он раньше, он служил не очень долго
У врача (старик когда-то сам был фельдшером военным
В иностранном где-то войске). Так как он служил примерно,
Знал, что примет врач охотно — так как раз оно и вышло.
Врач-старик был жив, и снова он к нему нанялся в слуги,
Но с условием, что научит врач его всем медицинским
Пёстрым именам болезней, всех хвороб, известных в свете,
Всем полезным травам диким, порошкам своим целебным,
Клизмам и кровопусканью, также и употребленью
Бритв, ланцетов, всяких прочих инструментов хирургии,
Всем припаркам, мазям, ваннам... Головой был крепок Мати!
Две едва прошли недели, как по-гречески, по-римски
Мог хвороб он самых скверных имена сказать не сбившись,
Рассказать о них, как в книгах того времени писали.
Понимать он стал в лекарствах против этих всех болезней.
У Шкорбунциуса (имя у врача такое было)
Попросил парик он старый, саблю, дрянненькую клячу
И штаны из чёрной кожи, плащ ободранный военный,
Чтобы масленицу справить небольшую у Дебреги.
Врач охотно согласился, раз дают залог богатый,
Мати, сразу нарядившись, стал вести себя, как доктор,
Шли ему жабо с кафтаном, и парик, штаны из кожи,
И Шкорбунциус до смерти хохотал, живот поджавши:
Мати, словно обезьяна, передразнивал его же.

Мати скоро распрощался и коня в Дебрег направил,
Где хозяин от побоев всё страдал, не мог без дрожи
Вспомнить это избиенье и не знал, что снова в гости
Мати шествует, согласно обещанию тройному.
Барин тщетно окружает дом усиленной охраной,

Лучник тут, гайдук, копейщик — всё равно людей нехватит
Отвратить дубинку мщенья непокладистого Мати.

Мати взял в селе соседнем провожатого до места,
А когда пришёл в Дебрег он, по-военному просил он
У судьбы, чтоб провожатый заменён тотчас был новым,
Так как дальше, сакраменто, на квартиру генерала
Он идёт, который болен (можно этому поверить,
Потому что много разных войск бродило крестonosных
По земле родной в то время), и судья был вежлив с Мати,
Но сначала побежал он прямо к барину и молвил,
Что военный врач приехал. Так как немощный Дебреги
Перепробовал окрестных лекарей разнообразных, —
Пусть, хоть лекарь и колесник, коновал, коровий знахарь, —
Он в своей беде готов был взять советы у любого.
И сейчас он призывает, чтобы фельдшер, хоть проезжий,
Но боится если бога, пусть придёт к нему хотя бы
На минутку для осмотра, а за то вознаграждение
Обещает он сверх меры и в коляске обещает
Довезти до генерала, до ворот его усадьбы.

Мати малость поломался, а потом, коней сменяя,
Повезли его к Дебреги, захвативши чуть не силой.
(Я молчу хотя об этом, но легко представить можно,
Что умел искусно Мати изменять лицо, особо
Речь менять настолько сильно, что ходил неузнаваем).
Барин, в трёх местах опухший — эти опухоли даже
Рассосаться не хотели, — на спине располагаясь,
Пребывал в постели. Видя пред собой врача-хирурга,
Он из шкуры посиневшей чуть не выскочил от счастья,
Заклинал землёй и небом, чтоб помог в судьбе злосчастной.
Мати пульс его пощупал и опасное волнение
Ощутил в крови горячей и сказал, что если нынче ж
Кровь не пустят, не сготовят ванны, то ещё сегодня
Боль ему падёт на сердце. И хирург пожал плечами.
Стал молить его Дебреги, всех святых упоминая,
Прописать ему лекарства, все, какие бог подскажет.
Мати третьим пальцем стукнул по лбу, как заправский доктор
«Трав, — сказал, — воды для ванной!» Травы же перечисляя,
Сотни трав назвал лесных он, луговых и даже сорных,
Волчьи ягоды назвал он вместе с заячьей капустой.
И ушко медвежье вместе с молоком назвал собачьим,
И кошачьим, и с шипами, что мышинными зовутся,
И чертовские он корни вместе с ангельскими тут же,
Потому что в это время травы так и назывались
По чертям и по животным и по ангелам небесным.
(Книг о травах в это время ещё не было в продаже).
Управляющий и повар, горничные и садовник,
И дворовые служанки, дровосек, гайдук и кучер,
С ними стражники толпою, батраки и повитуха —
Одним словом, все, кто были во дворе, в саду и в доме,
Все галопом побежали в рощу, в поле, на лужайки.

А в котле вода кипела, и огонь держать над нею
Кто-нибудь был должен всё же, раз народ весь дом оставил,

И одной хромой старухе поручил огонь тот Мати,
 Но её к попу он скоро отослал, чтоб поп прилежный
 С прихожанами молился о спасении больного
 И о силе трав целебных. Сам же он сейчас осматривает
 Оба глаза господина. Взял платок, концами глядя,
 Рот закрыл ему он крепко, завязав концы узлами
 На затылке. «Господин мой! — он сказал ему злорадно, —
 Я не фельдшер — Мати Лудаш я, которого велели
 Вы избить, гусей отняли, но к чему слова нам множить,
 Хватит с вас, когда скажу я, что пришёл платить вторично,
 Это главное, а чтобы не терзались вы, волнуясь
 Слишком долгим ожиданьем, мы приступим сразу к делу.
 Если мне господь в дальнейшем даст ещё немного силы,
 В третий раз не опоздаю...» Так взялся он за Дебреги,
 Что свирепой встряской душу чуть из барина не вышиб.
 Взял потом у изголовья ключ от денег и, считая,
 Он сказал: «Возьму я только цену тех гусей хороших,
 Ну, ещё и на расходы». Попрошался, в путь пустился.

Стадо слуг, искавших травы, с грузом трав домой вернулось.
 Открывает дверь служанка, видит морду господина,
 Завизжала, побежала дворню всю сзывать скорее.
 Тот кричит: а что случилось? Тот кричит: а где же доктор?
 Совещаются и спорят, ну какой же это дьявол
 Завязал так рот, что барин даже пискнуть не сумеет:
 Хоть давай его развяжем. А Дебреги полумёртвый
 Уж едва дышал, всё время он терял, дрожа, сознание,
 Только тихо простонал он, что проклятый Мати Лудаш
 Так его измучил. Тотчас на коней вскочили слуги
 И погнались повсеместно, но уж Мати был далёко,
 Бог один про то лишь знает. Он вернулся со злорадством
 И Шкорбунциусу хвастал кошельком своим набухшим.

Четвёртая часть

Вот теперь уже Дебреги в самом деле стало плохо.
 И врачей известных самых, чтоб лечить его, позвали.
 По стране приказ послали, даже в дальние местечки,
 Чтобы был он пойман, этот хитроумный Мати Лудаш.
 Невозможно только было описать его в приказе,
 Потому что каждый раз он приходил в другом обличье.

И никак не попадался этот Мати, что так резко
 Обошёл с господином. Уж надежду потеряли
 На его выздоровление, но врачи лечили дружно,
 Его крепкая натура одолела всю хворобу,
 Постепенно излечился от побоев он Матяша,
 Только это имя — Лудаш — так глубоко в нём засело.
 Что велел убить он злобно всех гусей своей округи —
 От гусиного пера он сразу в обморок валился.

И копейщиков он двадцать для того держал, чтоб десять
 Сутки целые у двери пребывали бы на страже,
 На дворе же остальные — чтоб никто не мог пробраться.
 И к нему пускали только хорошо ему знакомых.

А когда он всё ж решался посмотреть свои владенья,
Десять конных копыеносцев рядом ехали с каретой.
Это знал наш Мати так же, как и знали все другие,
Но побить давал он слово трижды этого Дебреги,
И пускай хоть кровь из носу, но своё он слово сдержит.

Вот в Дебреге городишке снова ярмарка должна быть.
Как порядочные люди, что пешком совсем не ходят,
На коне на конском рынке появляется наш Мати,
Он увидел у подростка подходящую лошадку
И спросил ей цену. «Сударь, золотых одна лишь сотня».
«Как же может быть, дружок! — Мати молвил, — верно,
шутись,

Я куплю коней десятку лучших, верь, за эти деньги».
«Что вы, сударь, велика хоть наша Венгрия родная,
Но пускай мне оба глаза тут же выколют ножами,
Если есть хоть конь единый, что вот этого обгонит...»
«Я твою купил бы лошадь, — так сказал тут Мати, — если
Ты слова свои докажешь, так её никто не купит».
Они в сторону отходят. «Посмотри, живёт там барин,
Ему страшно имя Лудаш, может быть ты это знаешь,
Вот он здесь проедет вскоре, окружённый грозной стражей,
Десять конных копыеносцев едут около кареты.
Как они достигнут леса, подъезжай и крикни громко,
Крикни прямо господину, что ты есть тот Мати Лудаш!
Но потом уж убирайся, потому что если даже
Ты сто душ в себе имеешь, всё равно сгребёт их дьявол,
Если вдруг тебя догонят и зацапают, дружок.
А уйдёшь, и покупаю твоего коня. В задаток,
Чтобы ты не сомневался, золотых даю я десять».
А найдёшь меня ты там-то». Торг понравился подростку,
Он горяч был, с нетерпеньем поджидал теперь Дебреги.

Вдруг поднялся шум, и стали разгонять народ с дороги:
То в карете сам Дебреги, все бегут пред ним в испуге,
Но в подростке, словно пламя, кровь зажглась от нетерпенья.
Он едва дожидаться может, чтоб достиг Дебреги леса.
Как стрелу в полёт, за ним он своего Раро пускает.
«Господа, — кричит он с ходу, — тише, тише! — Подъезжает:
— Барин, знаешь ли, — сказал он, — кто такой перед тобою?
Знай же ты, что пред тобою я явился — Мати Лудаш!»
«О, вперёд! Догнать!» — тут барин завопил — и копыеносцы
Мчатся вслед, но толку мало, он от них легко уходит.
«Распрягай коня ты, кучер, — говорит Дебреги, — лучше
Этот конь, чем десять кляч тех! Сотню золотых даю я,
Кто мне Лудаша поймает! Нажимай!» А сам в карете
Просто пляшет от волнения и с дороги глаз не сводит.
Вот сейчас поймают Мати. А наш Мати тоже смотрит,
На опушке притаившись, и, увидев, что Дебреги
Лишь один сидит в карете, подошёл, за фалду дёрнул:
«Что вы смотрите так, барин? Не поймать того вовеки.
А к тому ж не он тот Лудаш, что по вашему приказу
Был избит, а гуси взяты, тот-то Лудаш — это я!»
Если б молния попала в то мгновение в Дебреги,
Может быть, гораздо лучше это б пережил бедняжка.

Как подкошенный, от страха выпал барин из кареты,
Луда́ш бил его жестоко, но в последний раз лупил он.
В кошелёк его взглянувши, за гусей лишь взял он плату
И сказал: «Теперь не бойтесь, больше вас я бить не стану!»
На коня вскочил, уехал, чтоб уже не возвращаться.
А потом, совсем не скоро, те одиннадцать вернулись.
Кони загнанные, в мыле, еле ноги волочили,
Смотрят: скорчившись в карете, господин лежит избитый,
Еле жив. Ему сказали, что напрасно только гнались
И что Луда́ша догнать им было просто невозможно!

Перевёл
Николай Тихонов.

ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

НА АЭРОДРОМАХ АМЕРИКАНСКОЙ АВИАЦИИ

(Из записок советского лётчика)

Герой Советского Союза
гвардии подполковник

П. ХРУСТАЛЁВ

★

На мою долю в Великой Отечественной войне выпало летать на дальнем бомбардировщике. Вместе с друзьями по экипажу мощного воздушного корабля я совершил более трёхсот боевых вылетов. Советская Дальняя авиация, взаимодействуя с сухопутными войсками и военно-морскими силами, на протяжении всей войны наносила врагу ощутительные удары с воздуха, доставая его всюду — и на передовых позициях, и в глубоком тылу. Начиная с первых недель войны и до конца сражений наши воздушные корабли появлялись над многими военно-промышленными и административными центрами гитлеровской Германии, и в том числе над самым логовом врага — Берлином. Гитлеровская столица в полную меру испытала на себе силу увесистых фугасных бомб, метко сброшенных с бортов наших краснозвёздных самолётов.

Над гитлеровской Германией в годы войны неоднократно появлялись и самолёты англо-американской авиации. Её действия шумно рекламировались зарубежной прессой, пытавшейся выдать бомбардировки Германии за своего рода «второй фронт в воздухе» и якобы являвшихся единственным средством, которое призвано решить судьбу войны. Всеми миру известно, как в ходе борьбы с гитлеровцами, основную тяжесть которой вынес на себе советский народ, была опровергнута эта ложная концепция, широко пропагандируемая определёнными англо-американскими руководящими кругами. Судьба войны была решена не в небе Германии и не самолётами стратегической авиации США и Англии, а советскими воинами всех родов оружия, с боями прошедшими от Москвы и Сталинграда до Берлина, водрузившими на рейхстаге знамя Победы.

Во время войны мне и двум моим друзьям-авиаторам довелось побывать на одном из участков пресловутого «второго фронта в воздухе», пожить на аэродромах американских лётчиков, вместе с ними полетать на их «воздушных крепостях». Вот об этих днях и хочется кратко рассказать здесь, поделиться кос-какими наблюдениями, поведать о некоторых встречах.

★ ★
★

На рассвете весеннего дня 1944 года, когда наша эскадрилья возвратилась из очередного боевого полёта — мы помогали сухопутным советским войскам изгонять врага из Крыма, — дежурный офицер сообщил, что меня вызывают в Москву

— Зачем?

Дежурный пожал плечами:

— В телеграмме не сказано.

Мы только что прослушали по радио последние известия. Лётчики шумно разо-

вались, узнав, что наши войска вышли на государственную границу и, перемахнув Прут, завязали бои с врагом на территории Румынии. Кто-то комментировал военные события на западе, предсказывая продвижение англо-американских дивизий в Италию «ещё на целых двести ярдов» Слова дежурного офицера отвлекли товарищей от этих комментариев. Сообща они начали строить различные предположения, но ни одно из них не казалось убедительным.

Наш командир, полковник Тихонов, тоже не мог сказать ничего определённого. Он не любил отпускать из части «стариков» и был явно не в духе.

— Предупредите капитана Рощенко, что его тоже вызывают. Полетите в Москву вместе.

Несмотря на строгость, командир был человеком общительным и отзывчивым. Каждый лётчик мог говорить с ним запросто, доверяя ему свои сокровенные мысли. Я много воевал вместе с полковником и своими боевыми успехами в значительной мере был обязан ему. Нельзя было не чувствовать его постоянного внимания, чуткой заботы старшего товарища.

— Есть просьба, товарищ полковник.

— Знаю, — перебил он — О них не беспокойся...

Полковник имел в виду мою семью. Жену, которая служила в штабе фотолаб-рантом; мать, работавшую в госпитале; брата, летавшего на бомбардировщике стрелком-радистом. Командир прошелся по комнате, потом положил руку мне на плечо и улыбнулся.

— Надо ехать, — он поправил на моём кителе Золотую Звезду. — Не забывай, где ты её заслужил.

Трудно было расставаться с боевыми товарищами. Все на нашем аэродроме были дороги: и друзья по экипажу, и молодые летчики, которые воспитывались на традициях «стариков», и механики, проважавшие нас в полёты. Дорога была память о годах борьбы, опасностей и успехов.

На рассвете с соседнего аэродрома прибыл весёлый и жизнерадостный штурман капитан Рощенко. Его я знал и раньше. Сержантом он пришёл в нашу часть летом сорок второго. Мы быстро распознали в нём качества, необходимые авиатору: храбрость, выдержку, быструю сообразительность. Звание Героя Советского Союза нам присвоили одновременно за одну удачную боевую операцию. Теперь Рощенко действовал с соседнего аэродрома. За два года боёв он сильно изменился. Высокий, тонкий, он словно выпрямился и стал ещё выше. Лицо возмужало, голос стал гуще, движения — увереннее.

Мы быстро собрались в путь. Несколько часов полёта до Московского Центрального аэродрома, затем короткий разговор в штабе Дальней авиации. И вот уже вечер. Мы сидим в номере гостиницы ЦДКА. Гремят залпы артиллерийского салюта в честь славных дивизий Советской Армии, одержавших ещё одну замечательную победу в одном из сражений того героического периода войны, который советский народ назвал временем десяти сталинских ударов.

— Кто знает, — задумчиво говорит Рощенко, следя за фейерверком ракет, — как далеко мы будем через несколько дней...

И снова — который уже раз за вечер — я мысленно возвращаюсь к беседе с генералом из штаба Дальней авиации. Беседа, правда, была не очень продолжительной. Генерал, осведомившись, как мы устроились, коротко рассказал о «челночных» полётах американской стратегической авиации. Суть этих полётов заключалась в следующем. Группы американских тяжёлых бомбардировщиков, стартуя с аэродромов, расположенных в Англии или Италии, брали курс на какую-либо цель в Германии. Выполнив задание, они продолжали полёт на восток и, пересекая линию советско-германского фронта, приземлялись где-либо на нашей территории, скажем, на Украине. Здесь самолёты заправлялись горючим, брали на борт новый бомбовый груз и через несколько дней шли уже на запад, опять таки через какой-либо объект противника. Посадку теперь уже они производили на своих аэродромах.

— Командируетесь на базу, предоставленную нашим командованием американ-

ской авиации, — сообщил нам генерал. — С вами полетит третий офицер, старший лейтенант Быхал.

Утром нас познакомили со старшим лейтенантом. Этот крепко сбитый человек среднего роста, с выразительным лицом и пронзительными глазами, тоже был штурманом. Так втроём через несколько дней мы и отправились в путь.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО.

Один из наших аэродромов на Украине был предоставлен американцам в качестве базы для «челночных» операций. «Летающие крепости» уже прилетали сюда раза два. Когда они появятся снова, никто точно не знал. Стало ясно, что «челночные» полёты проводятся не очень интенсивно.

Мы — Рощенко, Быхал и я — поселились в большом здании авиагородка. Окна нашей комнаты выходили на зелёное поле, пересечённое бетонированной стартовой полосой и дорожками, сложенными из металлических матов. Несколько самолётов с белыми звёздами на плоскостях — знак авиации США — стояло вдали. Около шоссе на дороге вырос целый городок сборных деревянных домиков, в которых располагались американские солдаты и сержанты — персонал аэродромного обслуживания. Офицеры жили в домах авиагородка. Они казались людьми малообщительными, но подчёркнуто вежливыми. Каждое утро, прочтя сводку Совинформбюро и встречаясь с нашими людьми за завтраком в столовой, они считали своим долгом поздравлять их с новыми победами Советской Армии.

— Это блестяще, чёрт возьми! — восклицал кто-либо из них, остановившись возле большой карты, на которой отмечалось продвижение советских войск.

Наше знакомство с американскими офицерами началось беседой с капитаном, наземным навигатором. Это был замкнутый человек. Из немногословного рассказа капитана можно было узнать, что в армию он призван в сорок первом году. До этого он учился, существуя на средства богатого отца и мечтая о «собственном деле». На темы, не имеющие отношения к специальности, капитан беседовал неохотно, а разговоров о политике сторонился вовсе. Навигационное дело он знал хорошо, но, на мой взгляд, несколько узко, не проявляя заметного интереса к теории, которая, как он считал, не имела в его работе практического значения.

Капитан признавался, что он никогда не приближался к фронту ближе чем на тысячу миль и что его туда особенно и не тянет. Как-то раз в минуту необычной для него откровенности он добавил, что считает войну на земле напрасной тратой средств, ибо «всё дело», на его взгляд, может решить авиация. Трудно было судить, пришёл ли он к этому убеждению сам или оно было ему внушено. Однако и многие другие американские офицеры высказывались примерно в таком же духе, особенно когда возникала необходимость сказать что-либо в оправдание не очень блестящих успехов своих соотечественников из 5-й армии, действовавшей в то время возле Рима.

— Когда развернётся настоящее воздушное наступление, с Германией будет покончено быстро, — говорил майор из штаба базы.

Живя в украинском городе, варварски разрушенном немцами, американские офицеры видели, как самоотверженно переносят советские люди все испытания, ничего не жалея для борьбы с врагом.

— О, у русских много национальной гордости, — часто слышали мы замечания американцев.

Других причин, побуждающих наш народ бесстрашно защищать свою родину, многие из них не видели. Помните, во время экскурсии на места сражений Петра I со шведами навигатор сказал:

— У вашего народа есть призвание к военному делу, военный опыт и традиции.

Только в этом он видел источник успехов Советской Армии. Я тут же попросил переводчицу сказать капитану об идейном факторе, как решающем источнике силы нашего народа, но этому помешал американский сержант. Он был польщён, что находится на месте исторической битвы, и просил сувениров. Ему, а заодно и другим, объяснили, что это у нас не принято. Сержант огорчился и стал утверждать, что

у русских нет инициативы. Коснись дело его — он бы на «драке между монархами» сделал солидный бизнес. Памятные значки для туристов принесли бы ему солидный заработок. Нам было смешно, а навигатор хвалил сержанта за «предпримчивость».

Чем больше мы общались с капитаном, тем труднее было понять, каковы же его стремления, взгляды, убеждения? Как он относится к войне? Всё в нём было противоречиво и непостоянно. Конечно, наивным было бы искать в американском офицере идейную убеждённость, свойственную советским людям. Но какая-то моральная сила должна же руководить человеком, если он взялся за оружие?

Как-то в пасмурный вечер мы вместе с ним сидели у открытого окна. Капитан, настроенный несколько лирически, восхищался мудростью бога, который создал в природе всё так разумно и рационально.

— Мир прекрасен, — рассуждал он, — но люди скверны. Всё создано так, что человек может жить в своё удовольствие. Зачем же нужны войны? Если рассуждать серьёзно, то народы вовсе не хотят воевать, их к этому принуждают правительства.

Почему же господин навигатор в армии? Почему он не сидит дома, в Америке, и не проповедует там этот мещанский пацифизм? Очень просто: одно дело — его личная точка зрения, другое дело — практическая необходимость. Принять участие в войне стало необходимо, поскольку миллионы других людей уже взялись за оружие. Стало быть, не ненависть к фашизму и желание оградить от него мир привели его в армию, а так называемая «практическая необходимость»? Спустя некоторое время я спросил капитана:

— Вы бы уехали из Америки, если бы вам предложили хорошую работу в другой стране?

— Почему же нет? — ответил он таким тоном, словно вопрос показался ему слишком наивным. — Всё зависит от условий..

— Ваша профессия — метеорология. Согласились бы вы поселиться для научной работы в каком-нибудь отдалённом месте?

— Конечно, за хорошие деньги, — ответил он после некоторого раздумья.

— Разве главное в деньгах? А если будет интересная научная работа?

Капитан стукнул себя руками по коленям и, откинувшись на спинку стула, залился смехом. Правы те люди в Америке, которые говорят, что русские — идеалисты. Он больше и больше убеждается в этом. Да, деньги — зло, но зло необходимое. Всё, что происходит в мире, происходит из-за денег. И войны ведутся из-за того, что одни хотят поживиться за счёт других. Люди и не стали бы воевать, если бы знали, что победа не принесёт им выгод.

Значит, не ненависть к фашизму и совсем не так называемая «практическая необходимость» привели его к участию в войне, а желание извлечь какие-то выгоды из величайшего бедствия народов? Сколько же и в каком исчислении думает он выиграть на этой войне?

Капитан, очевидно, понял, что его признание произвело не очень благоприятное впечатление, и поспешил переменить тему, предложив познакомиться с тем, как ведётся бортовая документация на американских бомбардировщиках. Как-то раз мы, исходя из профессионального любопытства, попытались задать ему несколько вопросов, касающихся штурманского дела. Навигатор тогда отвечал уклончиво. Вот почему теперешнее его предложение было неожиданным. Видимо, он просто хотел отвлечь нас от своей циничной откровенности.

Прошли на командный пункт. Тут капитан продемонстрировал нам бортовую документацию, обстоятельно отвечая на вопросы. Из всего, что мы увидели и узнали, удивляло одно: зачем американские штурманы так усложняют свою работу в воздухе. В нашей практике подобные вопросы решаются гораздо проще и безусловно точнее. Нет, нам нечего было позавидовать из опыта американских навигаторов.

Надо сказать, что среди американских офицеров и солдат базы были, конечно, люди, которые горячо, всем сердцем сочувствовали нашему народу в его тяжёлой борьбе, ценили героические подвиги советских воинов, искренно ненавидели фашизм. Но эта ненависть была какая-то неосознанная. Политическая сущность гитлеризма

большинству из них была непонятна, немногие из них смогли бы толком объяснить, что это такое. Но они твёрдо знали, что нацисты — враги. До сих пор мне помнится весёлый, жизнерадостный механик, которого за манеру размахивать сжатыми кулаками прозвали «боксером». Узнавая об очередных неудачах в «битве за Рим», он доказывал своим товарищам:

— Пусть меня назначат генералом — и я устрою нацистам второй Сталинград!

«Боксер», украсив свою блузу красной звёздочкой, подаренной ему кем-то из наших солдат, почти каждый день приходил к переводчице, изливая ей досаду по поводу слабых успехов в русском языке. Отправляясь разучивать очередной «урок», он говорил, что ему обязательно надо знать русский язык, чтобы читать наши газеты. Друг «боксера» — Аллан, тоже в прошлом рабочий одного из нью-йоркских заводов, ещё чаще обращался к переводчице и пользовался любым случаем, чтобы побеседовать с советскими людьми, знающими английский язык. У него был неистощимый запас вопросов.

Он шумно восхищался нашими военными успехами, мужеством, сплочённостью и единством народа. Аллан стремился как можно больше узнать о советских людях, их отношениях, труде, взглядах и убеждениях.

Обоих приятелей возмущало поведение тех американских солдат и сержантов, которые на глазах у горожан, героически перенесших тяжесть фашистской оккупации, делали «бизнес». На перекрёстках улиц часто можно было видеть людей в американской военной форме, торгующих сигаретами, консервами, казёнными вещами. «Заработав», они бродили по городу, спрашивая у жителей:

— Где тут можно развлечься?

Им указывали на театр, кино, парк, летнюю эстраду. Говорили о предстоящем концерте в авиагородке. Напоминали, что для американских военнослужащих открыт клуб, где играет оркестр и опытные повара готовят русские и украинские блюда, которые так нравятся каждому американцу.

— О'кэй! — отвечали они. — Но мы хотим развлечься!

И вечером эти военные ватагами бродили по аллеям городского сада, приставали к девушкам, задевали прохожих и очень удивлялись, когда советские патрули решительно пресекали их дебоширство.

Навигатор и другие американские офицеры говорили, что нельзя так строго осуждать этих парней: у каждого из них много энергии, а обстоятельства обрекли их на некоторое безделье. Они утверждали, что если бы мы видели их соотечественников в деле, то мы бы не придавали никакого значения «шалостям» некоторых слишком экспансивных парней.

Мысль о том, чтобы советские лётчики посмотрели, как воюют американские авиаторы и рассказали об этом своим товарищам, высказал американский бригадный генерал. Он заявил, что если у нас есть желание и советское командование даст своё согласие, то он сделает всё необходимое, чтобы мы могли познакомиться с работой американской авиации. Возможности для этого благоприятные: во время очередной «челночной» операции мы можем полететь с американскими лётчиками.

Больше всего эта мысль понравилась навигатору. Он утверждал, что, полетав на «крепости» и ближе познакомившись с американскими лётчиками, мы поймём, какую роль способен сыграть воздушный флот США в этой войне.

Тем временем уже отцвели украинские сады, а «летающие крепости» не появлялись. Ожидая их, мы занялись серьёзным изучением английского языка, отдавая этому делу добрую половину своего свободного времени.

Однажды ясным солнечным утром, выйдя из дома, мы встретили двух американских солдат. Несмотря на ранний час, они были явно навеселе и приветствовали нас как-то особенно торжественно. В столовой царил необычайное оживление. Лейтенант-переводчик едва справлялся со своими обязанностями: перебивая друг друга, наши и американские офицеры обращались к нему за помощью. Американцы спешили «сразить» нас сенсацией: войска союзников высадились в Нормандии, второй фронт открыт!

Все радиоприёмники в авиагородке были настроены на Лондон. Дикторы захлебывались от восторженных описаний боёв. В течение часа «с передовых позиций во Франции» было передано такое количество сенсационных сообщений, что создавалось впечатление, будто от окончательной победы над фашистской Германией человечество отделяют даже не недели, а дни или, может быть, часы. От этой радиорекламы у наших американских знакомцев буквально кружились головы. Одни предсказывали день взятия Парижа, другие утверждали, что война кончится раньше, чем войска союзников вступят во французскую столицу. Немцы, мол, убедятся в бесполезности сопротивления, капитулируют, и тогда американцы и англичане триумфальным маршем пойдут навстречу русским. Один только навигатор сохранял хладнокровие. Умея быть сдержанным и рассудительным, он не пытался предсказывать дня окончания войны. Его интересовало другое: кто раньше проникнет в глубь Европы — силы, идущие с запада или с востока? Подвыпив, он сказал подчёркнуто двусмысленно:

— Никто не сможет сказать, где и когда наступит мир...

Как раз в эти дни на наш аэродром пришли «летающие крепости». Разрешение на полёт было получено, и мы, пока американские пилоты отдыхали, стали собираться в путь. Вечером меня познакомили с экипажем самолёта, на котором предстояло лететь. Восемь молодых парней во главе со старшим лейтенантом Джекобом Уиллером, человеком спортивного склада, по очереди пожимали мне руку:

— Очень рад, что майор полетит с нами

И они, кажется, действительно были рады советскому офицеру. Особенно восторженно вёл себя второй пилот — Людвиг. Он тут же объяснил, что хотя он и американец, но в его жилах течёт польская кровь. С этой минуты он не оставлял меня без внимания, рад был оказать мне любую услугу.

— Господин майор летал на бомбардировщике или на истребителе? — интересовался Людвиг.

— На бомбардировщике, — ответил я. — А вы давно летаете?

— Да, — произнёс он с достоинством. — Завтра будем бомбить восьмой раз!

Мне трудно было сдержать улыбку, и пилот это заметил.

— Вы много раз бомбили немцев? — спросил он.

— Двести восемьдесят восемь раз.

Тонкое, смуглое лицо лейтенанта вытянулось, глаза смотрели пристально и недоверчиво.

— Это невероятно! — воскликнул Уиллер — Без малого триста раз лезть в драку и остаться живым? Для этого надо быть большим счастливецом! Вы один из очень немногих удачликов.

— Напротив, — возразил я, — среди моих товарищей много таких, у которых насчитывается ещё больше боевых вылетов.

— Я бы на вашем месте не стал больше рисковать, — решительно заявил Уиллер. — Зачем? Вы ведь и так уже давно стали настоящим «воздушным волком»...

Слушая командира «летающей крепости», я невольно подумал, что, видимо, и он — настоящий боевой лётчик — тоже, как и многие другие американские офицеры вроде капитана-навигатора, заражён какой-то непонятной для нас, советских людей, расчётливостью, стремлением «прикидывать», как лавочник на весах: что стоит его каждый шаг на войне, не достаточно ли им сделано для неё, не пора ли ему остановиться? А как же воюют другие лётчики?

— Посмотрим, — дружно ответили мне Рощенко и Быхал, тоже готовясь к полёту.

ЗА СЕРВИС НАДО ПЛАТИТЬ!

Ранним утром экипажи собрались у самолётов. Я с любопытством разглядывал нарисованное на борту машины Уиллера чудовище, извергающее огонь. На других самолетах были изобретены удавы, орлы, драконы. Кто-то из пилотов для устрашения противника избрал эмблему в виде танцовщицы.

Экипажи втаскивали в машины свои пожитки. Войдя в самолёт, я споткнулся о брошенные кем-то ботинки. Тут же висели костюмы и парусиновые куртки с капюшонами. На полу валялись каски, фляги, обшитые брезентом, и всякие другие вещи. Для человека, привыкшего поддерживать строгий порядок на борту боевого воздушного корабля, всё это было, мягко говоря, несколько непривычным.

Я занял место рядом со штурманом, наблюдая, как он, разложив карты и раскрыв боржурнал, вооружался линейкой и карандашами. Наш самолёт должен был подняться в воздух пятым или шестым по счёту. Уиллер вырулил на старт, но машина вдруг накренилась. Со всех сторон к кораблю бежали люди. Пилот выключил моторы. Все выскочили наружу. И хотя ничего особенного не произошло — прокол баллона шасси, — каждый считал своим долгом сокрушительно покачать головой: неудача при взлёте — дурная примета.

Минут через двадцать баллон сменили. Воздушный корабль взлетел и вскоре занял своё место в строю. Вся группа «летающих крепостей», приняв так называемый объёмный боевой порядок и достигнув трёх тысяч метров высоты, легла на курс. Обзор из штурманской кабины был отличный. Ещё до подхода к линии фронта мы достигли высоты более 6 000 метров. Все надели кислородные маски.

Фронт встретил нас довольно жидким зенитным огнём, так как мы пересекали его на наиболее пассивном участке. Однако весь экипаж, завидев редкие разрывы зенитных снарядов, несколько взволновался. Штурман торопливо надел стальной шлем, стал подтягивать лямки парашюта. Кое-кто из экипажа набросил на себя принятую на вооружение в авиации США стальную кольчугу, обтянутую брезентом. Штурман знаками предлагал сделать это и мне.

Через некоторое время штурман показал мне на карте отрезок пути, оставшегося до цели. Он вынул из комбинезона металлическую коробочку и, положив в рот жевательную резинку, предложил разделить с ним это удовольствие. Я отказался. Тогда он широким жестом протянул небольшой, тщательно упакованный пакет. Это был неприкосновенный запас продуктов, которыми снабжается каждый член экипажа, и его полагается вскрывать лишь в случае крайней нужды. Но штурман, видимо обрадованный тем, что «крепость» благополучно миновала одну из зон противовоздушной обороны немцев, пренебрёг этим законом. Я как мог старался убедить его, что в полёте обычно ничего не ем — такое уж у меня правило. Решив, что русский отказывается из скромности, он сам разорвал упаковку.

Бомбардир сличал местность с аэрофотоснимками, на которых был отмечен объект бомбометания. С высоты 6 300 метров, сквозь прозрачный воздух летнего дня, каждая деталь на земле была видна поразительно отчётливо.

Вдали показались первые характерные приметы цели. Подходим ближе. Корабль слегка качнуло, и из открытых люков вывалилось шестнадцать 250-килограммовых сигарообразных бомб. Почти одновременно такие же бомбы оторвались и от других самолётов. Густой дым закрыл под нами большую площадь.

Теперь под нами лежали зелёные Карпаты, рассечённые ущельями и долинами. Немного пройдя по прямой, группа повернула на юго-запад. Мы прошли над живописной восточной частью Чехословакии, затем над венгерской равниной. Потом земля постепенно стала приближаться к нам: это были горы, окрашенные в контрастирующие тона — от мягкожёлтого до темнозелёного, почти чёрного. Северная часть Балканского полуострова.

Штурман повеселел. Бомбардир обрёл полное спокойствие и даже начал подрёмывать. Вдруг толкнув меня в бок, штурман показал на правый пулемёт — стреляй, мол, стреляй! Действительно, в стороне от нашей группы шло около двух десятков немецких истребителей. По-моему, они были от нас настолько далеко, что открывать огонь не стоило. Однако по вспыхивающим огонькам с соседних машин было видно, что американские стрелки не жалеют боеприпасов. Немецкие истребители, преследовавшие некоторое время параллельным курсом с «крепостями», отвалили в сторону.

Вот и Адриатическое море. Южная Италия. Приземляемся на аэродроме. За восемь часов мы перенеслись из мягкого, умеренного климата нашей Украины в южно-

итальянский зной. На аэродроме — ни травинки, в накалённом воздухе стоит поднятая самолётами густая, едкая пыль.

Не знаю, как по аэродрому распространилось известие о том, что с группой «крепостей» прилетел советский офицер. Но раньше чем успела приземлиться последняя машина, к нашему самолёту со всех сторон сбежались американцы. Желющих увидеть русского лётчика собралось по крайней мере человек сто. Они плотно окружили меня. Пришлось отвечать на многочисленные приветствия, фотографироваться, раздать любителям сувениров оказавшиеся в кармане мелкие монеты, расписываться на долларах и в записных книжках собирателей автографов.

Только проделав всё это, я смог присоединиться к ожидавшему меня экипажу. Оставшая за собой облака клубящейся пыли, машина увезла нас с аэродрома. Всех офицеров привели в огромный барак с цементным полом и сказали: «располагайтесь».

Вместе со вторым пилотом я присоединился к длинной очереди, выстроившейся возле раздатчиков постельного имущества. Как и другим лётчикам, мне вручили лёгкую переносную койку и четыре грубошёрстных одеяла. Я несколько задержался около раздатчика, ожидая простыней, но Людвиг предупредил: «здесь не отель». Затем мы отвоевали в бараке ровно столько места, сколько могли занять наши койки, и стали приводить себя в порядок.

С тех пор как был взят старт на Украине, я ничего не ел. Вместе с Людвигом срочно отправляемся в барак-столовую. Перед входом — опять очередь. Проникнув в барак, я, по примеру спутника, беру из железного ящика тарелку, ложку и направляюсь к кухонному окну. Получив по порции супа и боясь его разлить, идём к одному из длинных столов. С первым блюдом покончено. Снова относим тарелки и ложки туда, где их взяли, и взамен получаем другие тарелки, вилки, ножи и кружки. В другом окне нам дают по порции второго и компота. Возвращаемся к столу, но наши места уже заняты.

В эти минуты мне невольно вспомнились наши подразделения аэродромного обслуживания, их люди, так заботливо старавшиеся как можно лучше обеспечить нас, лётчиков и штурманов, всем необходимым — от стакана горячего чая зимой или холодного кваса летом, привозимых прямо к самолётам, до удобного, уютного жилища на полевом аэродроме. И — что греха таить — я почувствовал угрызение совести за те неелстные слова, которые вместе с товарищами порой мы необдуманно адресовали этим людям, считая, что нас плохо обслуживают. Я сказал лейтенанту, что много слышал о пресловутом американском сервисе и удивлён, что офицеров в армии США обслуживают так плохо.

— За сервис надо платить деньги, — ответил Людвиг, полагая, что это достаточно веский аргумент.

Мне надо было попасть в Бари, где находился штаб 15-й американской воздушной армии. Утром туда собрался ехать один авиационный инженер, любезно предложивший мне место в машине. Он сам сидел за рулём.

От Фоджа до Бари больше ста километров. «Виллис» промчался через утопающий в зелени Фоджа и выехал на узкую гудронированную дорогу. Через несколько километров путь преградила крестьянская арба. Инженер настойчиво сигнализировал. Судя по яростным взмахам кнута, итальянец рад был уступить нам дорогу, но это не зависело от его желания — шоссе было слишком узко. Наконец, соскочив на землю, он схватил мула за уздечку и кое-как подал арбу на обочину дороги. Крестьянин, высокий и худой, в большой соломенной шляпе, в холщёвых штанах, босой, посмотрел вслед «виллису» недобрыми глазами.

Когда мы проезжали по узким улицам маленького городка Маргерита ди Савоя, инженер кивком головы указал мне на высокий каменный забор. На нём были изображены в профиль Ленин и Сталин, а рядом — пятиконечная звезда с серпом и молотом. Тут же большими буквами лозунг: «Да здравствует Советский Союз». Подобные изображения и надписи я видел ещё в Фоджа. Они говорили о том, что в Италии, где свыше двадцати лет свирепствовал фашизм, у советских людей немало искренних друзей.

В прибрежном городке Барлетта мы сделали остановку около бара. Хозяин налил по кружке холодного, желтоватого виноградного вина. Вдруг в бар ввалился чернолицый малый. Он схватил мою руку и потряс её с таким видом, словно встретил давнего друга. Затем он что-то экспансивно сказал окружающим, указывая на меня. Какой-то юнец тотчас выбежал на улицу. Вскоре бар наполнился людьми. Их одежда, обветренные лица показывали, что это рыбаки и мастеровые. Многие, особенно пожилые, подходили ко мне, снимали шляпы и, глядя в глаза, говорили что-то на своём языке. Инженер американец был смущен этой демонстрацией дружбы и уважения к СССР. Торопливо допив вино, он позвал меня в машину. Все вышли на улицу, напутствуя меня добрыми пожеланиями.

Вот и Бари. Город подступил к самому морю. Вдоль берега вилась асфальтовая дорога, обрамлённая низким барьером. Впереди были видны портовые сооружения. Из воды торчали трубы и мачты потопленных судов. Высоко над городом лениво покачивались серебристые туши аэростатов заграждения.

На набережной еще издали обращало на себя внимание большое здание с закругленным фасадом. Отель «Империал». Над входом отеля висел английский флаг. Каково же было мое удивление, когда около гостиницы я увидел советского полковника! Несказанно обрадовавшись, я вышел из машины и представился ему. Узнав, что я только вчера «от нас», полковник стал жадно расспрашивать о новостях. Кажется, он давно живет за границей. Но, как тут же выяснилось, он пребывал здесь всего вторую неделю.

— А мне кажется, что я целую вечность не был дома, — сказал он.

Полковник оказался сотрудником советской военной миссии. Он предложил снести мои вещи к нему в номер и сообщил, что штаб американской воздушной армии находится по соседству. Я тотчас же отправился туда в сопровождении переводчика.

Мне сообщили, что на ближайшем аэродроме приземлился бомбардировщик «В-17». Я поехал туда и снова увидел жизнерадостных Рощенко и Быхала.

— Ну как? — вырвалось у нас одновременно.

И тут же мы одинаково неопределенно ответили друг другу:

— Ничего.

Я почти триста раз летал на боевые задания и не помню случая, чтобы наши лётчики, вернувшись на аэродром, не говорили подолгу о том, как проходил полет. А тут вдруг: «ничего». Но ведь много было в полете необыкновенного! Машины чужие, экипажи незнакомые, маршрут и место посадки новые. И тем не менее не было ничего такого, на что хотелось бы сразу обратить внимание.

Наутро я был приглашен в штаб армии. Мне представили майора, которому, очевидно, вменялось в обязанность опекать советских гостей. Это был благообразный мужчина с медлительными движениями и неторопливой речью.

— Сочту за честь быть вам полезным, — сказал он.

У приставленного к нам майора была сложная фамилия, поэтому в разговорах между собой мы называли его просто «эпекуном». К исполнению своих обязанностей он приступил немедленно и, кажется, не без интереса. Он ввёл нас в круг своих земляков-офицеров, которые, по его словам, будут охотно помогать нам ближе познакомиться с жизнью и боевой работой американских лётчиков.

За ужином нас окружила группа штабных офицеров среднего ранга. Приглашая отвешать итальянского ризлинга, майор заметил, что только за стаканом вина люди хорошо узнают друг друга, становятся настоящими друзьями. Быхал возразил, сказав, что, по его мнению, люди узнают друг друга только в совместной борьбе за общие, справедливые цели и становятся настоящими друзьями, когда проникаются доверием и уважением друг к другу. Майор согласился с этим, но тут же оговорил свое согласие:

— Нельзя переносить политическую сущность государственных отношений на личные отношения между отдельными людьми.

Его сосед, молодой офицер, развивая эту мысль, глубокомысленно заметил, что

люди могут быть друзьями, несмотря на существование государственных границ или враждующих партий. Ведь антагонизм между государствами и партиями не должен затрагивать отношений между отдельными индивидуумами. Частные отношения стоят вне политики!

— До войны по поручению одной фирмы мне приходилось жить в Германии, — говорил он. — Я питаю глубокое отвращение к нацистским доктринам. Но я знал многих немцев, которые в деловых отношениях были безупречны, сами зарабатывали и давали заработать нам.

— Возможно, что эти «безупречные» немцы теперь фабрикуют оружие, которым убивают на войне американских солдат, — сказал Быхал.

— Таков закон войны! Но мы ещё посмотрим, кто кого одолеет! — рассмеялся американец, весело поглядывая на своих приятелей.

Никто из сидевших за столом не сомневался, что гитлеровцев удастся одолеть. Офицеры говорили наперебой. Каждый старался рассказать нам что-нибудь «чертовски интересное» из северо-африканской и итальянской кампаний.

МИСТЕР ТОМПСОН И ДРУГИЕ.

Итак, мы находились в Италии, в стране, считающейся колыбелью европейской культуры, богатой памятниками древности, выдающимися произведениями искусства далёкого прошлого. Многие великие русские патриоты питали уважение к этой стране, к её богатому культурному наследству. Горький прожил много лет в Италии, любил язык, песни, музыку итальянского народа. И мы, молодые советские люди, владеющие сокровищами отечественной культуры, безгранично любящие свою Родину, с горечью думали о том, что двадцать лет фашистского владычества черным пятном легли на историю свободолюбивого итальянского народа. В нашей стране образ Спаргака — олицетворение мужества и пробудившегося самосознания невольников, восстающих против своих поработителей. Наш народ чтит память гарибальдийцев, явивших миру пример отваги во имя своей родины. Советские люди высоко ценят культурное наследие итальянского Возрождения.

Но мы прибыли в Италию не на туристском самолёте, а на боевом бомбардировщике. Нас встретили здесь не итальянцы, а американцы. И когда, развернув карту Италии, нам рассказывали, как развиваются военные события, не было ничего удивительного в том, что никто не вспоминал о развалинах древнего Рима. О столице Италии говорилось преимущественно как о стратегическом пункте, крупном узле шоссейных и железных дорог. Ближайшими целями англо-американских войск был захват Флоренции, выход на просторы Ломбардии. Об этом тоже очень много говорили. Но, может быть, только про себя кто-нибудь вспомнил, что Флоренция — город-памятник, что если она не будет уничтожена бомбежками, то вошедшие в неё солдаты и офицеры смогут увидеть творения зодчего Брунеллески, ваятеля Донателло, живописца Мозаччо, смогут побывать в богатых картинных галереях, где собраны произведения Рафаэля, Боттичелли и других художников.

Американские офицеры, с которыми мы познакомлись, проявляли интерес к искусству преимущественно с точки зрения стоимости той или иной скульптуры или пологна здесь, в Италии, и на их родине — в Соединённых Штатах. Позже приходилось наблюдать «меценатов», которые находили, что вкладывать капитал в произведения искусства весьма выгодно, поскольку в голодной Италии можно было за бесценок приобрести дорогие вещи и сбить их в Америке за высокую цену.

Бари был самым шумным городом на занятой англо-американскими войсками части Адриатического побережья. Здесь размещались армейские штабы, тыловые учреждения и так называемая гражданская администрация союзного командования. Вокруг них роём кружились всевозможные дельцы и политики-вояжеры, вроде представителей «польской армии» Андерса. Город являлся не только военно-административным и военно-политическим центром. Район Фоджа — Бари представлял собой гигантский аэроузел, на множестве аэродромов которого базировались соеди-

нения американской авиации. Многочисленных обитателей периферии влекло в Бари. Они заполняли кафе, рестораны, клубы, кинотеатры, гостиницы, «частные дома». Всюду шла торговля сигаретами, консервами, шоколадом, военными вещами, сувенирами, галлсманами местного происхождения, порнографическими открытками, «радикальными» средствами против венерических болезней. И у всех приезжавших в Бари развлечься или сделать «небольшой бизнес» был такой вид, словно Италия завоевывается ими для их выгод и удовольствий.

Некоторые американцы были огорчены, что им приходится делить «лавры» победителей с англичанами. Разумеется, ни король Виктор-Эммануил, ни правительство Бадольо или сменившее его правительство Бономи в расчёт не принимались. Король и правительство, едва успевшие убежать из Рима перед захватом его немцами, сидели в Бриндизи и пока что на многое не претендовали. Они были заняты сбором под быстро перекрашенные фашистские знамёна верноподданных бывшего дуче. Американские республиканцы и демократы, равно как и английские консерваторы и лейбористы, считали, что для их капиталистических интересов «смягчённый» монархофашистский режим в Италии куда выгоднее победы левых.

Надо сказать, что «большая политика» мало занимала большинство американских военных. Они любовались красотами Италии, наслаждались вином и фруктами, пользовались всеми благами, какие только доступны победителю, считавшему, что ему всё дозволено. И, вероятно, они чувствовали бы себя здесь ещё лучше, если бы не англичане. Антагонизм между союзниками в Бари и других городах адриатического побережья усиливался тем, что англичане тоже старались чувствовать себя хозяевами положения. Дело в том, что британские сухопутные силы вели наступление вдоль адриатического побережья и эту часть территории считали как бы своей зоной. Зона же американцев простиралась вдоль Тирренского и Лигурийского морей.

Близко наблюдать англичан и американцев нам довелось впервые, и нас немало удивляли отношения между ними. Так, скажем, в гостиницу, занятую англичанами, очень редко заходили американские офицеры. Нельзя было встретить на улице, в парке, ресторане, в кино или на пляже американских и английских офицеров и солдат в одной компании. Американские солдаты старались не приветствовать английских офицеров. Я ни разу не слышал, чтобы американцы доброжелательно отзывались о своих английских коллегах. Они говорили, что если бы не Америка и Россия, то в этой войне от Англии уже давно ничего бы не осталось. Англичане, в свою очередь, не скупились на сильные выражения по адресу американцев. Янки для них казались воплощением карьеризма и корыстолюбия. Однако зависть их к богатому кошельку дяди Сэма была немалой, а, как известно, рядом с завистью добрые чувства уживаются редко.

Мы жили в Бари в предоставленных нам номерах гостиницы для американских офицеров. Однако американское гостеприимство было весьма своеобразным: нас, троих советских лётчиков, расселили не только по разным комнатам, но и по разным этажам. Но не в этом заключалась главная неожиданность. Дело в том, что каждый из нас вынужден был делить комнату с незнакомым американским офицером. Разве нас не могли поселить в одной комнате? Или, может быть, так диктовали правила, незнакомые нам, советским людям?

Майор — «опекун» — старался рассеять наше недоумение, ссылаясь на случайность. Однако и потом мы не раз убеждались как раз в обратном. Это была заранее продуманная система.

Наш советский лейтенант — переводчик военной миссии, с которым мы подружались, называя его запросто Володей, уделял нам большую часть своего времени. Отличное знание английского языка, длительное общение с американцами позволяли ему быстро определять обстановку. После первого знакомства с моим соседом по комнате — старшим лейтенантом американской авиации Гарвином Томпсоном — Володя заключил:

— Типичный средний янки-интеллигент. Он будет вас пристально изучать.

— Почему?

— Советский лётчик, отмеченный наградами, самый подходящий объект для их «психологических исследований».

— Значит, они поэтому поселили каждого из нас со своим офицером?

— Вероятно, есть и другая причина. Американское начальство вовсе не желает, чтобы люди, приезжающие из Советского Союза, видели больше, чем им показывают. Ведь ничто так не связывает гостя, как назойливое гостеприимство хозяев...

Действительно, мы были окружены таким вниманием, что шагу нельзя было ступить, чтобы за нами не увязался кто-нибудь из американцев. Что же касается Томпсона — представителя довольно распространённой категории американских офицеров, — то, по его словам, ему очень хотелось «по-настоящему понять русских». Это был тридцатидвухлетний, спокойный, я бы сказал уравновешенный мужчина. Чувствовалось, что он привык к размеренному образу жизни, старается не перегружать себя делами в ущерб здоровью.

Томпсон представился мне как офицер метеослужбы. Трудно было судить о глубине его познаний в области метеорологии, ибо он тщательно избегал разговоров о ней. Военская доблесть? Как бы вторя американскому навигатору на украинской базе «крешостей», Томпсон считал, что для его нервной системы вредно приближаться к фронту ближе чем на тысячу миль. Вероятно, в кругу средних американских офицеров он слыл человеком начитанным, ибо мог в разговоре привести десятки имён знаменитых писателей, художников, музыкантов, артистов. Однако, мне кажется, свой «культурный багаж» Томпсон содержал в явном беспорядке. Бизе он отдавал шведам, Шопена — французам, а нашего Льва Толстого порицал за то, что тот на старости лет поддался влиянию коммунистов и стал отрицать бога и религию...

Помнится, как-то раз, вместе с Володей вернувшись с прогулки, мы застали Томпсона перелистывавшим какой-то журнал. Едва мы успели обменяться приветствиями, как он воскликнул:

— Здорово, чёрт возьми!

Он показал нам изобразённую на обложке журнала круглую физиономию какого-то человека с тройным подбородком. На внутренних страницах можно было увидеть обладателя этого подбородка в самых различных положениях: счастливым и задумчивым, смеющимся и грустным, с поднятым бокалом в обществе дам. В первом абзаце пространного описания говорилось, что новая американская знаменитость — гангстер (кажется, Билл Роуз) — сумел того-то убить, а того-то и того-то перехитрить и завладеть таким-то капиталом. Дальше обстоятельно описывалось, кто такой этот мистер, рассказывалось о его необыкновенной «карьере», воздавалась хвала его гангстерскому таланту.

— Простите меня, — сказал Володя, — но ведь это же пропаганда бандитизма!

— Опять эта русская философия! — возразил Томпсон. — Конечно, мы, американцы, как все честные люди, боремся с преступностью. Но, согласитесь, нельзя ведь не восхищаться предприимчивостью.

Томпсон живо интересовался победами нашей армии. Каждый раз, прочитав известия о последних событиях на советско-германском фронте, он просил меня показать ему на карте, где это происходит, рассказать что-либо об этих местах. Нередко сопоставляя военные успехи на востоке и западе, он пытался математически высчитать численное превосходство советских армий. Мы старались разъяснить ему, что решающим является не только количественное, но и качественное превосходство наших Вооружённых Сил. Томпсон этого не мог понять. Не мог или не хотел. Свои сомнения, возникавшие у него буквально по любому поводу, когда речь заходила об СССР, он обычно заключал фразой:

— Я не спрашиваю, что об этом думают в вашей стране официальные лица. Меня интересует только ваша личная точка зрения..

Нашей «личной точкой зрения» он интересовался непрерывно и притом по самым различным вопросам. И не только он, но и «опскуп» и многие другие.

ОБ АМЕРИКАНСКИХ ВЗГЛЯДАХ НА АВИАЦИЮ.

Отель, где мы жили, был заселён преимущественно авиационными офицерами. Многие из них занимали довольно ответственные посты. Их можно было узнать не столько по знакам различия, сколько по озабоченному виду. Время от времени, очевидно для поддержания принципов «демократии», эти люди появлялись в среде младших офицеров. Положив ноги на стол, они пили виски, раскуривали с окружающими по сигаре, шутили и ничего не имели против, когда какой-нибудь весёлый парень одобрительно похлопывал их по плечу. За этой игрой в «демократию» проглядывало самое настоящее ханжество.

В отеле часто останавливались приезжие офицеры-фронтовики. Штабисты обращались с ними фамильярно. Те отвечали непринуждённо. Но в их манере говорить порою сквозила явная ирония. Особенно заметно было пренебрежение фронтовиков к штабистам в разговорах на военные темы. Фронтовики считали, что это они «делают дело», а не «конторщики», извлекающие выгоды из чужой славы. Надо сказать, что последние действительно во многих случаях напоминали коммерсантов, которые стараются перенести свои деловые методы в военное дело.

Всякое большое предприятие, говорили они, требует трезвого расчёта, неторопливых, обдуманных действий. Правда, иногда нельзя избежать риска. Тогда надо создать большое превосходство в силах и лезть в открытую драку лишь после того, как испытаны другие средства. Точно так же и в военном деле на первом плане должны быть: неторопливость, рассудительность, расчёт, стремление избежать риска.

Ознакомившись с подобными «принципами», мы не удивились, когда из статьи, напечатанной в американской газете, узнали, что слово «искусство» применять к военному делу бессмысленно, так как существует не военное искусство, а всего-навсего «проверженные на практике расчёты и приёмы применения силы».

«Опекун» бывал очень недисциплинирован, когда в нашем присутствии между его земляками завязывались слишком откровенные споры. Как полагается благовоспитанным гостям, мы терпеливо выслушивали рассказы об американской предприимчивости, прощая собеседникам нелепые преувеличения, бахвальство мнимыми успехами. Но когда дело касалось авиации, в которой мы, думается, всё-таки кое-что смыслили. Или военно-политических событий, имеющих отношение к СССР, — нельзя было оставаться равнодушными. И если кто-нибудь из американцев соглашался с нами или сам выражал критическую мысль, то наш «опекун» немедленно проявлял красноречивость, достойную адвоката.

Как-то раз в столовой зашёл разговор о боевых действиях в Италии. В это время английская и американская пресса сильно шумела по поводу какой-то частной операции, носящей весьма ограниченный характер. Сидевший за нашим столом капитан, приехавший из пехотной дивизии, резюмировал разговор так:

— Сто против десяти за то, что бои в Италии нам ничего не дадут. Мы распылили силы и потеряли много времени...

Рощенко поддержал капитана, добавив, что, по его мнению, даже полная победа на этом фронте не может оказать решающего влияния на ход борьбы в Европе, в то время как разгром Германии немедленно привёл бы к поражению всех её сателлитов.

«Опекун», до этого не принимавший участия в разговоре, тотчас стал говорить о мудрости тех, кто избрал средиземноморский театр войны в качестве «основного трамплина к победе». Недооценка итальянской кампании, по его мнению, проистекала от непонимания стратегического значения Апеннинского полуострова. Развернув газету, он подкрепил свою мысль цитатой.

«Занятие Италии, — писала эта газета, — открывает новую дорогу во Францию. Есть и другие направления. Италия является кратчайшей и, пожалуй, не самой трудной дорогой в Австрию, Венгрию и Германию. Наполеон показал, какие возможности имеются на этом пути».

— Наполеон! — иронически усмехнулся капитан. — Не забывайте, что ему легко было перевалить через Альпы — его солдаты шли пешком, у них не было «шерманов».

— Зато у нас авиация! — «Опекун» употребил этот козырь, зная, что никто из авиаторов — а нас окружали авиаторы — не станет сомневаться во «всепобеждающей» силе своего оружия.

Многие американские офицеры штаба, с которыми мы периодически встречались либо в гостинице, либо во время поездок по частям, старались рассеять «русский скептицизм» по поводу военных успехов союзников. Однако, ссылаясь на большую мощь своей авиации, боевой техники сухопутных и морских сил, они не могли назвать ни одного сражения, в котором бы проявилось большое оперативно-тактическое искусство союзников, а боевая мощь техники была бы эффективно реализована. Попытки изобразить изгнание немцев из Южной и некоторой части Центральной Италии в качестве большой победы могли быть рассчитаны лишь на довольно наивных, плохо разбирающихся в военном деле людей.

Ведь в то время как союзники сосредоточили на средиземноморском театре свои главные силы и почти все десантные средства, гитлеровцы располагали в Италии всего несколькими дивизиями. Кроме того, десантные операции начались в очень благоприятной обстановке. Победы Советских Вооружённых Сил потрясли военную мощь Германии, советско-германский фронт продолжал сковывать главные силы врага. У немцев в Италии не было авиации (небольшое число самолётов, действовавших здесь, нельзя было принимать в расчёт в сравнении с воздушными армадами союзников), у них не было в Средиземном море сколь-нибудь значительных морских сил.

Вот почему нельзя было всерьёз говорить о том, что со столь ничтожными средствами и при столь неблагоприятных для немцев обстоятельствах командовавший здесь их силами Кессельринг умело срывал замыслы союзников. Сам собой напрашивался вывод о том, что генерал Александер, командующий союзными войсками в Италии, располагая превосходными силами, не смог сокрушить врага и на всех стадиях итальянской кампании действовал слишком неторопливо, не говоря уже о том, что «битва за Италию» не оказывала почти никакого влияния на исход войны в Европе.

Подобные рассуждения, возможно, воспринимались некоторыми американцами, как неблагодарность за их гостеприимство. Но в своих выводах мы исходили не из голословных деклараций в англо-американской печати, а из анализа событий, фактов, наблюдений. Нас же всячески старались убедить, что события на итальянском фронте развиваются в строгом соответствии с планами командования. Мы не знали этих планов. Но что скрывается за общими словами о планомерном развитии военных действий, мы хорошо поняли на примере так называемой «битвы за Рим».

Союзные войска овладели Римом за несколько дней до того, как мы прилетели в Италию. По поводу этого события англо-американской прессой был поднят большой шум, но сообщения о военных действиях в Нормандии затмили славу, на которую рассчитывали «завоеватели Рима». Тем больше старались раздуть значение боёв за Рим штабы войск, действовавших в Италии. Наш интерес к этому событию был вызван памятными сообщениями печати о многих неудачах, постигших союзников на подступах к Риму. Сейчас, находясь в Италии, можно было, пользуясь рассказами очевидцев и участников боёв, более или менее точно оценить усилия, вложенные в борьбу за Рим.

Союзники после неудавшихся попыток прорваться в долину реки Лира, через «зимнюю» линию» обороны немцев, при поддержке авиации и флота высадили большой десант в районе Анцио. Накануне этой операции немцы сняли отсюда три дивизии. Следовательно, удар этот оказался для них неожиданным. Действительно, десантные части продвигались, не встречая сопротивления. Это дало повод Черчиллю заявить в парламенте, что «нет никаких оснований сомневаться в исходе битвы за Рим». На самом же деле «битва» эта ещё и не начиналась.

Захватив плацдарм, союзники устроили длительную оперативную паузу с целью накопления сил перед дальнейшим «планомерным наступлением». Постепенно на плац-

дарме сосредоточились соединения, насчитывавшие до 150.000 солдат и оснащённые большим количеством военной техники.

Казалось, теперь достаточно одной атаки — и операция будет выиграна, что называется, малой кровью. Однако когда готовящееся наступление, наконец, началось, вдруг выяснилось, что немцы оказывают яростное сопротивление и вовсе не намерены сдавать Рим. В сводках англо-американского командования появились тревожные строки, гласящие, что «на предместном укреплении создано напряжённое положение». Это напряжение не ослабевало до тех пор, пока союзные войска — главным образом американские — не потеряли около 20 000 человек и не прекратили атак.

Начались действия патрулей и поиски разведчиков. В то же время с советско-германского фронта поступали сообщения о новых грандиозных победах советских армий, о невосполнимых потерях немцев в людях и технике. Гитлеровский генеральный штаб ничего не мог «подбросить» на итальянский фронт. Таким образом, победы наших Вооружённых Сил самым непосредственным образом облегчали союзникам их и без того, в данном случае, не трудное положение. Союзное командование мобилизовало весь свой пропагандистский аппарат, чтобы оправдать перед общественным мнением неудачи под Анцио. Самым веским аргументом было утверждение, что в большой войне частные неудачи неизбежны.

Слов нет, иногда бывает трудно с исчерпывающей точностью предвидеть исход операции. Тем более, если противник располагает возможностью манёвра крупными резервами. Но ведь таких возможностей немцы в Италии не имели. Вот почему, думается, каждая неудача, которая постигала союзные войска, была следствием того, что их командование в ходе боёв быстро упускало из своих рук инициативу действий. Ведь, скажем, когда десантные части, не встречая сопротивления, высадились в Анцио, развитие успеха зависело от авангарда. Но командиры этих авангардов, не считаясь со сложившейся обстановкой, слепо придерживались ранее составленных планов, с самого начала операции утративших смысл. Вместо того чтобы наступать и наступать, проявляя должную воинскую находчивость, энергию, они, мягко говоря, совершенно непроизводительно теряли время.

Следующее «планомерное наступление» привело американцев в Рим через 24 дня (от плацдарма до Рима было примерно 100 километров). Этому предшествовала большая перегруппировка сил союзников и наступление на левом крыле фронта.

Один из знакомых американских офицеров, подполковник Брейс, рекомендовал нам поехать в Кассино, чтобы посмотреть на плоды «настоящей работы» американской авиации. Он принимал участие в бомбардировках города и Монастырского холма и считал, что результаты действий авиации в этом районе весьма наглядны. Мы уже видели Кассино и Монастырский холм с воздуха, знали все обстоятельства гибели города и старинного монастыря. Я сказал об этом подполковнику. Он заинтересовался нашими впечатлениями.

Брейс — горячий и честолюбивый человек, имевший несколько боевых наград. Он очень гордился и своими заслугами и тем, что он лётчик.

- Что же вы скажете о Кассино, — спросил он, — чисто, правда?
- Город уничтожен полностью, — согласился я.
- Не только город, но и окрестности, — добавил Брейс.
- И окрестности, — снова подтвердил я. — Но в тактическом отношении эта операция, вероятно, не показательна.
- Почему?
- Ведь она не привела к прорыву обороны немцев.
- О! Это другой вопрос, — возразил Брейс, — мы говорим только об авиации.
- А не кажется ли вам, что любую операцию нужно рассматривать с точки зрения её практических результатов, а действия различных родов войск — в совокупности?

Брейс не хотел соглашаться с этим. Нельзя, мол, отрицать эффективность воздушного наступления только из-за того, что наземные войска воюют плохо.

— Авиация, вызванная на поле боя, должна содействовать продвижению своих наземных войск. Если такого продвижения нет, то действия авиации надо считать бесполезными, — сказал я, не думая, что вызову со стороны подполковника на сей счёт какие-либо возражения.

Однако Брейс тотчас же ополчился против этой элементарной истины. Он утверждал, что авиация не может быть «придатком пехоты», что она призвана «расчищать дорогу» наземным войскам, и их дело только и заключается в том, чтобы «подчищать» район, по которому «прошлись самолёты».

За время боёв в Италии союзники наносили удары с воздуха не только при прорыве немецкой обороны в районе Кассино, — без помощи авиации их войска вообще не двигались с места. Но события, которые здесь произошли, были всем памятливы, и взятие города в результате повторного наступления считалось крупной победой. Нам часто указывали на Кассино, когда желали подчеркнуть большую ударную силу американской авиации. Но в данном случае удары с воздуха оказались бесплодными, ибо тут не было организовано настоящего взаимодействия авиации с наземными войсками.

Город Кассино представлял собой ключевую позицию немцев, сопротивлявшихся прорыву союзников в долину реки Лира. Наступление на город началось после длительной авиационной подготовки. Сотни самолётов на протяжении нескольких дней бомбили узкий участок обороны немцев. Город был буквально стёрт с лица земли. Но когда американская пехота попыталась продвинуться вперёд, их встретил сильный огонь врага.

Надо сказать, что на любое военное событие у окружающих нас американских офицеров были «авиационные» взгляды. Признавая, например, что итальянская кампания ещё не принесла решающего успеха, они в то же время доказывали, что капитуляция итальянской армии и занятие части итальянской территории — прежде всего заслуга авиации. Вообще всё, что касалось успехов, американские авиаторы без стеснения относили на свой счёт.

Это и не удивительно. Такой была точка зрения многих теоретиков самостоятельной воздушной войны, которые подчёркивали, что победы в Африке и успешное наступление в Италии являются плодом усилий авиации. Американская печать и радио изо дня в день трубили о гигантских масштабах «воздушного наступления». Пространные статьи, сенсационные заметки и эффектные снимки должны были показать силу американских «армад, заслоняющих солнце». А практические результаты?

Основная масса американских авиаторов мало задумывалась над тем, насколько эффективно используется их оружие. Им внушили, что они «решающая сила», и только немногим приходила мысль о том, что их роль не столь уж решающая. Шум прессы по поводу силы и мощи американской авиации, способной якобы в содружестве с британским воздушным флотом, без участия сухопутных армий, не только одержать победы здесь, в Италии, но и вообще поставить гитлеровскую Германию на колени, заглушал голоса тех военных, которые пытались говорить иное. Что же касается офицерского корпуса авиации, и особенно его среднего и младшего звена, то вся эта реклама действовала на него ослепляюще, а система узкой специализации лишала офицеров интереса не только к стратегии, но даже и к менее сложным вопросам тактики.

Характерно, что в американской печати редко можно было найти сообщения о действиях отдельных экипажей или небольших авиационных групп. Видимо, если количество самолётов не исчислялось сотнями, то любая операция не заслуживала внимания. Только сенсационные события, в которых можно было изобразить американский размах, привлекали внимание тех, кто «делает общественное мнение». Пожалуй, ни в чём нельзя было изобразить «американские масштабы» так эффектно, как в описаниях действий авиации. Тут и большое количество самолётов, и внушительный бомбовый груз, и широкий радиус действий, и ущерб, нанесённый противнику, по поводу которого можно было распространяться, не сдерживая фантазии. Каждый, кто прикладывал руку к оценке действий авиации, словно старался превзойти фантазию другого.

Мне думается, имеет смысл сказать здесь несколько слов о том, почему всё-таки зарубежная пресса столь энергично трубила по поводу действий своих военно-воздушных сил. Объяснять это только рекламными устремлениями, к которым, как известно, склонны «деловые» американцы, было бы неправильным. Поведение прессы, её влияние на военного американца средней руки прямо вытекали из политики, проводимой правящими кругами Англии и США. Известно, сколь долго затягивали эти круги начало активных действий своих сухопутных сил против гитлеровцев, подменяя их воздушными бомбардировками Германии. Эта медлительность преследовала далеко идущие скрытые цели. Однако, чтобы представить общественному мнению существующее положение в ином свете, англо-американской прессе было указано на необходимость как можно больше говорить об успехах союзных войск, говорить о них даже в тех случаях, когда они не представляли собой ничего ценного для войны. Особенно большие похвалы расточались по адресу военно-воздушных сил. Так, преднамеренное преувеличение результатов воздействия англо-американской бомбардировочной авиации на гитлеровский тыл постепенно дало ловким политикам повод к распространению версии о том, что будто бы ими открыт второй фронт борьбы против гитлеровцев, что этот фронт открыт в воздухе.

Всё это было нужно для того, чтобы оправдать политику правящих кругов Англии и США, не желавших активизировать боевые действия на западе, сознательно тормозивших открытие второго фронта. Под миф о втором фронте в воздухе к тому же подводилась и «военно-научная» база в виде теории самостоятельной войны в воздухе, развитой в своё время небезызвестным итальянским генералом-фашистом Дуэ. Суть взглядов Дуэ сводилась к утверждению, что авиация, как новое и сильное военно-техническое средство, может путём тотальной войны без помощи наземных войск и военно-морского флота осуществить конечные цели вооружённой борьбы, то есть достичь полного разгрома противника путём мощных ударов с воздуха. Функции флота и наземных войск Дуэ ограничивал задачами оккупации территории капитулировавшего противника. Надо сказать, что в период между первой и второй мировой войнами его теория имела наибольшее хождение в странах, обуреваемых реваншистскими настроениями, давая их военной клике некоторую надежду избежать затажной борьбы, достичь в ней «молниеносной» победы в основном авиационными средствами.

В Англии и США взгляды, созвучные со взглядами Дуэ, в то время преподносились и такими авторами, как Лиддел Гарт (Англия) или А. Северский (США). Когда в годы второй мировой войны медлительные действия союзных армий стали фактом и когда понадобилось как-то завуалировать определённую политику англо-американских правящих кругов, буржуазной прессой была вытащена из архива и поднята на щит эта теория самостоятельной воздушной войны. Варьируемыми на разные лады утверждениями о том, что авиация принципиально изменяет способы ведения вооружённой борьбы, что якобы она обладает неограниченными возможностями и является главным наступательным средством, как дымовой завесой были прикрыты стремления, не имевшие ничего общего с желанием активно участвовать в борьбе с немецко-фашистскими агрессорами. Так родился миф о втором фронте в воздухе, о якобы решающих действиях англо-американской авиации в войне против Германии.

Отсюда и те взгляды на роль, место и заслуги авиации, с которыми нам неоднократно пришлось встречаться при общении с лётчиками и генералами на итальянских базах «летающих крепостей». Особую силу в кругах американских офицеров этот миф в втором фронте в воздухе, о всемогуществе авиации приобретал ещё и потому, что «научной» пропаганде его был посвящён ряд книг, широко распространяемых и в армии и среди населения Англии и США.

Одной из таких была книга Франсиса Дрейка «Вертикальная война», изданная в США в 1943 году. Автор, ссылаясь на некоторые более или менее успешно проведённые бомбардировочные операции против Германии, предлагал уделить наибольшее внимание действиям с воздуха. «Важнейшей задачей воздушных сил, — писал Ф. Дрейк, — является не уничтожение живой силы, а разрушение промышленности.

В этом есть существенная разница. Нация может быть поставлена на колени многими способами, но путём использования стратегической авиации эта цель будет достигнута непосредственно с меньшими материальными затратами, быстрее и с наименьшими потерями».

Ф. Дрейк рассчитал, что для полного поражения Германии достаточно уничтожить 40 процентов её военной промышленности. Для этого, по его мнению, потребуется сбросить на её территорию всего лишь 220 тысяч тонн бомб. Автор утверждал, что если даже не все бомбы достигнут намеченной цели, то они дадут большой косвенный эффект, ибо моральное состояние немцев якобы не выдержит такого удара. Осуществление подобного плана «вертикальной войны» по плану Дрейка потребовало бы при наличии 1000 дальних бомбардировщиков первой линии не более полугода.

В Англии в защиту мысли о решающей роли воздушных бомбардировок выступил в том же 1943 году один из редакторов английской авиационной прессы П. Масефильд. По его «расчётам», в германской промышленности было занято 7 млн. человек, которые в месяц могли затратить на производство 1,45 млрд. человеко-часов. Для того чтобы сломить сопротивление немцев, по утверждению П. Масефильда, достаточно было бы снизить эту цифру на 500 млн. часов. А так как каждая тонна бомб, сброшенная на Германию, якобы наносила ущерб в 8.000 человеко-часов, то для решения задачи потребовалось бы сбросить на Германию лишь 72,5 тыс. тонн бомб. Эти цифры П. Масефильд приводил — как он и писал — для проповедников самостоятельной воздушной войны, которые якобы «не всегда имеют достаточное количество фактических данных для аргументации своей точки зрения».

Ф. Дрейк и П. Масефильд были не одиноки. Их поддерживало немало других «теоретиков» и военных специалистов. Пальма первенства в этом вопросе принадлежала бывшему в то время командующим воздушными силами США генералу Арнольду. Над созданием мифа о втором фронте в воздухе немало потрудились и небезызвестный Черчилль, и работавший тогда начальником штаба воздушных сил США Спаатс, и другие. Эти «авторитеты» старались убедить широкие круги средних американцев и англичан в том, что решающая роль в военных действиях принадлежит не Советским Вооружённым Силам, уже который год один на один сражающимся с гитлеровцами, а союзной авиации, открывшей мифический второй фронт в воздухе. Между прочим, в этом во время нашего пребывания в Италии кое-кто пытался убедить и нас, советских лётчиков, отлично на своём собственном опыте знающих, где же всё-таки на самом деле решается судьба борьбы с гитлеровской Германией, и внёсших в эту борьбу и свою долю воинского труда.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАБОТА ПОЛКОВНИКА ДЖЕКСОНА.

Мы не рассчитывали задерживаться в Италии, но в штабе 15-й воздушной армии нас уведомили, что «челночные» операции с итальянских баз пока не предвидятся. При этом говорилось, что стратегические бомбардировщики якобы заняты сейчас в других местах. Однако не только у меня, но и у Быхала и Рощенко под влиянием ряда фактов стало складываться впечатление, что американское командование просто не очень-то спешит с использованием своих военно-воздушных сил на стратегических направлениях наступающих советских армий.

Ожидая «оказию», я как-то сказал шефствующему над нами майору, что было бы неплохо посетить какой-нибудь аэродром, встретиться с экипажами, летавшими над Германией. Сразу майор ничего определённого на это не ответил. Видимо, ему надо было получить чью-то санкцию. Неделию спустя он сказал:

— Завтра мне нужно ехать на один из аэродромов. Не хотите ли поехать со мною?

На аэродроме, куда мы добрались назавтра, было почти пусто. В штабе майор представил меня и Володю группе американских офицеров во главе с полковником. Оказалось, мы приехали во-время: вот-вот из полёта вернутся «либерейторы». Дей-

ствительно, нарастающий гул моторов возвещал о приближении самолётов. Полковник, взяв пилотку и дымчатые очки, пригласил нас на командный пункт.

Большая группа тяжёлых бомбардировщиков легла в круг над аэродромом. Почти через равные промежутки времени самолёты один за другим заходили на посадку, но некоторые повторяли заход по два, а то и три раза и очень немногие приземлялись точно у посадочного знака. Вряд ли это могло свидетельствовать о высокой культуре полёта. Не обошлось и без аварии. Правда, американцы говорили, что она произошла из-за неисправности самолёта, получившего повреждение над целью. Но мне кажется, лётчик этой машины слишком поздно вывел её из угла планирования, не убрал крена и соприкоснулся с землёй не всем шасси, а одним колесом, стойка которого и подломилась.

Наконец, все самолёты сели. Суета на аэродроме улеглась. Нас окружила толпа лётчиков. Молодой подполковник с очень заметной ранней сединой, крепко пожимая мне руку, восклицал, что он очень рад познакомиться с советским лётчиком. Кто-то рекомендовал его:

— Это наш воздушный волк.

Подполковнику, видимо, нравилось это прозвище. Взяв под руки меня и Володю, он повёл нас в тень. Мы сели на плетёные табуреты. На нас нацелили, по крайней мере, десяток объективов. Пришёл ещё один подполковник — штурман. Опять началось фотографирование.

Оба офицера — и лётчик и штурман — в сегодняшнем полёте вели флагманский «либерейтор». Их группа бомбила железнодорожный узел на юге Франции. На всём пути они не встретили ни одного немецкого истребителя, но зениток было много, особенно в районе цели. Погода вполне благоприятствовала полёту, и бомбардирование происходило при отличной видимости. Штурман развернул карту и показал маршрут. Лётчик обстоятельно охарактеризовал цель, трудности её «обработки». Касаясь тактики удара, он излагал свои мысли уверенно, как человек, твёрдо убеждённый, что никто лучше его не знает этого дела. И хотя некоторые из его утверждений были спорны, однако нельзя было не признать, что он формулирует свои мысли квалифицированно, опираясь на боевой опыт.

Неожиданно флагманов позвали в штаб. Нас обступили рядовые лётчики. Старший лейтенант, занявший место «воздушного волка», принялся на все лады расхваливать подполковника, говоря, что он один из самых лучших пилотов американской бомбардировочной авиации.

— А вам, — спросил я старшего лейтенанта, — приходилось бывать ведущим группы самолётов?

— О, ведь не каждый может быть лидером! — ответил он.

Я возразил. На мой взгляд, ведущим может быть каждый опытный, смелый и достаточно грамотный лётчик. Старший лейтенант отнёсся к этому недоверчиво: лидер — это самый лучший лётчик, а далеко не все летают хорошо.

— А если лидера собьют?

— На время его заменит другой..

Тут же старший лейтенант добавил, что потеря лидера — самая большая неприятность, и вряд ли у «воздушного волка» — да хранит его PROVIDЕНИЕ! — найдётся достойный преемник.

В ходе довольно продолжительной беседы можно было убедиться, что старший лейтенант прав: ни он, ни его друзья не смогли бы занять в строю место ведущего. Они обнаружили во время разговора слабую тактическую грамотность, довольно своеобразно истолковывали роль и возможности экипажа, видя его задачу только в том, чтобы, идя за хвостом флагманской машины, свести бомбы на цель и, освободившись от них, по сигналу ведущего, в том же порядке вернуться на свой аэродром. Отсюда и равнодушие к тактике: серьёзные знания, по их мнению, необходимы только большим начальникам, которые разрабатывают операцию или ведут их на цель. Они же — только исполнители. Главное — был бы хороший лидер.

Лидер — это своего рода кинозвезда, играющая заглавную роль, безраздельно пользующаяся славой.

Нас пригласили к лётчикам другой эскадрильи. Встреча была тёплая, дружеская. Пилоты расспрашивали о советско-германском фронте, проявляли большой интерес к жизни и борьбе советских людей. Когда разговор зашёл об авиации, я спросил, кому из них приходилось взаимодействовать с наземными войсками. Оказалось, что никому.

— Для этого есть тактическая авиация, — сказал один из лётчиков.

— А разве стратегические бомбардировщики не могут поддерживать действия наземных войск?

— Конечно, нет! — без колебаний ответил тот.

Окружающие поддержали его, говоря, что такое применение бомбардировщиков весьма сложно, рискованно, и вообще решение подобных задач им не свойственно. Это было повторением того, что уже приходилось слышать от других офицеров.

Во время беседы пришёл флагман группы. Осведомившись, о чём идёт речь, подполковник сказал, что он когда-то высказывался за применение тяжёлых бомбардировщиков для оперативного взаимодействия с наземными войсками, но после одного неудачного опыта отказался от этой идеи. Увлёкшись, «воздушный волк» стал чертить на обложке какой-то книги схему одной операции. Он говорил очень быстро. Володя едва успевал переводить.

Внезапность — одно из больших преимуществ авиации. Если удар наносится неожиданно — противодействие слабее, поражение цели наиболее эффективно. Как явствовало из слов подполковника, американское командование, разрабатывая операцию, о которой он говорил, игнорировало этот важнейший элемент тактики. Авиационные и наземные командиры больше всего беспокоились, что бомбардировщики не сумеют найти цели и что от неточного бомбометания пострадают собственные войска. Нет слов, точное бомбометание, исключаящее падение бомб на свой передний край, дело нелёгкое. Мне неоднократно приходилось наносить удары по переднему краю противника, и я знаю, с какими трудностями это сопряжено. Но то, что советские лётчики считали трудным, американцы считали невозможным.

Они разработали такую громоздкую систему обозначения своего переднего края, сигнализации и целеуказаний, связанную при этом ещё и с отводом своих войск назад от линии фронта, что немцам ничего не стоило предпринять нужные меры предосторожности и своевременно увести из района воздушной атаки большую часть своей живой силы и техники. Кроме того, немцы ещё до появления американских бомбардировщиков успели привести в готовность средства своей противовоздушной обороны.

По словам подполковника, в операции участвовало несколько сотен бомбардировщиков, сбросивших несколько тысяч тонн бомб. Я смотрел на начерченную им схему, и мне казалось невероятным, чтобы даже при такой скверной организации удара с воздуха немцы могли быстро оправиться от него и оказать американским пехотинцам и танкистам серьёзное сопротивление. Но, как утверждал подполковник, бомбардировщики были введены в действие вторично. Перед этим союзные войска опять отошли назад в тыл, и, надо полагать, немцы сделали то же самое. «Игра» повторилась несколько раз. Хотя она и закончилась победой союзников, но идея применения тяжёлых бомбардировщиков для оперативного взаимодействия с наземными войсками не только не завоевала себе новых, но даже потеряла старых сторонников, в том числе и «воздушного волка».

Вторую половину дня нам пришлось провести у командира «либерейторов» — полковника, которого назовём здесь условно Джексон, что созвучно его настоящей фамилии. Он сказал, приглашая нас к себе, что ему очень хотелось потолковать с русскими лётчиками по некоторым авиационным вопросам. С аэродрома полковник привёз нас в обширный, окружённый садом особняк.

— Это мой маленький рай, — сказал Джексон, выходя из машины.

Обедали втроем — полковник, Володя и я.

После обеда прошли в кабинет. Полковник, предложив устраиваться поудобней и подвинув ящик с сигарами, поведал, что собирается написать книгу о боевом опыте стратегической бомбардировочной авиации. Это должен быть научный труд, основанный на анализе обширного фактического материала. Таким образом, полковник рекомендовал себя не только практиком, но и в некотором роде авиационным теоретиком. Интересно! Можно было ожидать, что в своих суждениях он проявит больше глубокомыслия, чем некоторые другие его соотечественники, пренебрегающие не только историческим опытом, но и самой действительностью современной войны.

Джексон сидел в глубоком кресле. Его вытянутые ноги покоились на мягком табурете. В руках он держал американский авиационный журнал со статьёй «Взгляды русских на военную авиацию». Спокойным, негромким голосом полковник излагал её содержание: «Русские показали чудеса храбрости. Они добились значительных успехов в освобождении занятых немцами территорий. В сухопутной войне они обнаружили большое искусство. Но они почему-то упорно держатся старых военных традиций, недооценивают роль техники. Это особенно ярко проявляется в их отношении к авиации. Русские отрицают, что авиация — главная ударная сила, способная нанести противнику решающее поражение. По их взглядам, только наземные войска могут решить исход войны, а авиации принадлежит лишь вспомогательная роль. Безусловно, с такой теорией русские наверняка проиграли бы войну, если бы не мощный воздушный флот США и Англии, который держит под ударом всю Германию, методично подрывает её военный потенциал».

«Старая погудка на новый лад», — невольно подумалось мне. Ещё один случай пропаганды в пользу мифа о втором фронте в воздухе, ещё один выпад против советского народа, героически сражающегося с гитлеровской Германией, способного самостоятельно, без чьей-либо помощи достичь полной победы над врагом.

— Такую статью, — сказал я, — мог написать человек, поставивший перед собой цель оклеветать героические усилия советских людей.

Джексон улыбнулся — не принимайте, мол, это так близко к сердцу. Отбросив журнал, он сказал:

— Всё же ведь вы действительно не признаёте, что авиация является главным родом войск?

— Да, мы считаем, что она не способна самостоятельно выиграть войну.

Изобразив на лице преувеличенное удивление, полковник упрекнул меня, что я, авиатор, недооцениваю силы своего оружия. Так ли это было на самом деле? Гитлеровская Германия напала на нашу страну внезапно. Возлагая большие надежды на численное превосходство своей авиации, сосредоточенной у границ Советского Союза, немцы рассчитывали в короткий срок вывести из строя нашу промышленность и транспорт. Но вражеским лётчикам не удалось подорвать экономику нашей страны. Навстречу фашистским эскадрам поднялись советские истребители. Битва за небо привела к победе советской авиации, которая всё время крепла, росла и количественно и качественно. Мы овладели господством в воздухе и повели широкое авиационное наступление, рассчитанное прежде всего на обеспечение действий наших наземных войск.

— Автор статьи, безусловно, плохо знает предмет, о котором пишет, — заключил полковник после минуты обоюдного молчания, — но всё же...

Так начался большой и серьёзный теоретический разговор, в котором Джексон изложил свою точку зрения. Суть её примерно сводилась к следующему. Конечной целью любого сражения прошлых войн было уничтожение армии противника и захват его территории. Это значило, что война могла продолжаться до тех пор, пока воюющие стороны располагали возможностью восполнять потери и пока за ними имелась достаточная территория. Мир наступал тогда, когда одна из сторон, потеряв большую часть своей армии, оказывалась под угрозой полной оккупации её территории.

Чем характерна современная война? Прежде всего тем, что уничтожение армий противника и занятие его территории не составляет первоочередную стратеги-

ческую цель. Главное — лишить противника источников вооружения и военных материалов, подорвать его экономику, деморализовать его тыл. Какой род войск может решить эту задачу? Стратегическая авиация! Если она в состоянии «парализовать сердце противника и остановить кровообращение», то ей в планах войны должно быть сделано предпочтение. Надо создавать крупные авиационные базы вблизи от страны, с которой предполагается или уже идёт война — как, скажем, сейчас, в 1944 году, это сделано на территории Англии и Италии — и сосредоточивать там возможно большие авиационные силы. Они дадут победу прямо в руки наземным войскам.

Поднимаясь с баз, как бы обрамляющих страну противника, ваши бомбардировщики разрушат все её заводы, электростанции, железные дороги, мосты, крупные города, запасы сырья и средства связи. Когда армия противника ничего не сможет получать для продолжения войны и убедится, что ей нечего защищать, она сама сложит оружие. В крайнем случае, для ускорения развязки, от ваших наземных войск потребуются небольшие усилия. И опять же им в этом решающую помощь окажет авиация. В наш век высокоразвитой техники тот, кто имеет мощный воздушный флот, легко может стать полноправным хозяином во всём мире.

Выслушивая теории, развиваемые Джексоном, нельзя было понять, кто же сидит перед вами: друг демократии и враг фашизма, или человек, заражённый идеями о мировом господстве какой-то одной страны, и, конечно, вероятнее всего той, которую он представлял здесь, на базе стратегических бомбардировщиков. Его предложения о тотальной воздушной войне, о сети авиационных баз и аэродромных узлов, заранее окружающих вероятного противника, его мысли об уничтожении городов — а значит, и находящегося в них мирного населения неприятельской страны, отдавали привкусом самого настоящего фашиствующего империализма. Теперь было ясно, какую книгу собирается написать сей американский полковник, каким духом будет насыщен его будущий «теоретический» труд.

Ну ладно, так обстоит дело с «теорией». А практика наших дней, дней борьбы с гитлеровской Германией? Джексон утверждал, что союзники обладают огромным превосходством в воздухе. Американский воздушный флот представляет собой силу, которой немцы не могут противопоставить ничего серьёзного.

В этом, разумеется, была своя доля истины. Однако полковник не должен забывать, что США получили возможность создать сильную авиацию благодаря именно тому, что советские армии и советский воздушный флот вели борьбу с главными силами гитлеровской Германии и нанесли им невосполнимые потери. Не будь этого, оборона немцев на западе была бы иной. Германия имела бы возможность сосредоточить все свои силы против Англии, отстоять Италию, лишить союзную авиацию выгодных баз. К тому же она обладала бы несравненно более сильной противовоздушной обороной. Как бы в таком случае решались союзниками задачи войны?

Но оставим эти рассуждения. Сейчас союзники, благодаря победам Советских Вооружённых Сил, господствуют в воздухе. Они располагают множеством авиационных баз на западе и юге. Почему же формула Черчилля «выбомбить Германию из войны» утратила в последнее время свою популярность? Не потому ли, что воздушные силы союзников не смогли и не смогут окончательно подорвать способность Германии к восполнению своих потерь?

— Конечно, нельзя сказать, что военно-промышленная мощь Германии сломлена окончательно, — осторожно высказывался полковник, — но бесспорно, что нашими бомбардировками ей нанесён непоправимый ущерб.

— Как раз это и спорно, — настаивал я. — Немцы под Сталинградом потеряли вооружение, достаточное для оснащения почти полусотни дивизий. Если они до сих пор в состоянии восполнять такие потери — значит промышленность Германии ещё довольно сильна.

— Выходит, наши удары по Германии с воздуха не оказали помощи Красной Армии?

— Судите сами. Ведь интенсивные налёты союзной авиации на Германию начались лишь с весны этого года. А наши армии начали своё наступление от Сталинграда больше полутора лет назад.

Ещё до этого разговора с Джексоном американские офицеры-авиаторы показывали мне бывшие у них в ходу карты «воздушного наступления на Германию» с обозначением не только крупных городов, промышленных центров, но и местонахождения важных военных заводов. Над каждым пунктом, подвергавшимся бомбардировкам, была изображена бомба с цифрой, указывающей число уже произведённых налётов. Люди, демонстрировавшие нам подобные карты, явно рассчитывали поразить наше воображение «американским размахом», вызвать умиление перспективой уничтожения Германии с воздуха.

В их словах было много энтузиазма, но они оказывались в очень затруднительном положении, когда мы просили объяснить, по какому принципу выбираются объекты для бомбардировок, каким замыслом подчинены отдельные воздушные операции.

— Наша задача — сорвать военное производство Германии, — обычно отделивались они общей фразой и, обращаясь к карте «воздушного наступления», приводили цифры: на металлургическую промышленность совершенно столько-то налётов, на авиационную — столько-то, на артиллерийские заводы — столько-то, и так далее.

Но ведь это ещё не объясняло целеустремлённости замыслов союзного командования. Совершенно ясно, что нельзя сразу вести «воздушное наступление» против всей германской военной промышленности или ставить стратегической авиации задачу вывести из строя все железнодорожные узлы в какой-то короткий срок. Уничтожить ударами с воздуха все заводы, производящие боеприпасы, — задача непосильная, тем более, что противник располагает большой территорией для маневрирования своим производственным оборудованием. Каково же всё-таки направление главного удара американской стратегической авиации?

— Сейчас мы больше всего бомбим авиационные заводы, железнодорожные узлы, нефтяную промышленность и заводы синтетического горючего, — отвечали нам.

— Чем объяснить, что налёты совершаются только на те авиационные заводы, где строятся истребители?

— Сорвать производство истребителей — значит обеспечить безопасность полётов для нашей авиации.

— Но вражеские бомбардировщики тоже способны нанести большой вред союзникам?

— О! Немецкая бомбардировочная авиация бессильна, — заявляли нам. — С 1942 года на западе она не предприняла ни одной сколь-нибудь значительной операции.

— Не потому ли, что почти все немецкие бомбардировщики действуют на советско-германском фронте?

В таких случаях наши собеседники обычно прибегали к средству, которым широко пользуются на западе более ответственные лица: к отрицанию. Они могли с завидным хладнокровием возражать против того очевидного факта, что раньше авиация союзников почти не бомбила заводы синтетического горючего и предприятия нефтяной промышленности только потому, что до высадки их войск в Северной Франции всё горючее шло для гитлеровских армий, действующих на советско-германском фронте. Не смутил бы их, вероятно, вопрос и о том, почему, называя разрушение железнодорожного транспорта Германии важной частью стратегической задачи, союзники ограничиваются лишь налётами на узлы западного грузопотока. Бесполезно было бы спрашивать их и о том, насколько интенсивно, до лета 1944 года, бомбили танковые, артиллерийские и другие заводы гитлеровской Германии. Ответ был тот же — карта, испещрённая значками бомб.

Да, здесь в Италии нам открылась оборотная сторона медали. Мы воочию увидели то, о чём дома — в Союзе — могли лишь догадываться. И стараясь осмыслить ход военных событий на западе, мы начинали понимать, что они прежде всего обуславливаются коварными расчётами военно-политической стратегии заправил капиталистической Америки и Англии. Но, наперекор всему, с Востока на фашистскую

Германию неумолимо надвигалась могучая лавина. Наши доблестные армии приближались к границе Восточной Пруссии, над армиями Гитлера был занесён для последнего удара советский бронированный кулак. И чтобы не опоздать, на Западе стали поторапливаться.

— Против Германии теперь будут предприняты воздушные атаки такого масштаба, — патетически воскликнул Джексон, — о каком немцы и представления не имеют! Германия будет сокрушена с воздуха в очень короткий срок!

Эти слова и этот приподнятый тон звучали смешно, особенно в то время, когда Германия была уже почти сокрушена Советскими Вооружёнными Силами.

Близились сумерки. Пора было прощаться, но полковник хотел найти примирение в нашем «споре».

— Различные взгляды на авиацию и её роль в войне, — сказал он, — определяются, вероятно, различными возможностями, которыми располагают наши страны. Я не берусь судить о возможностях Советского Союза, но Соединённые Штаты сумели создать большой воздушный флот. Количественное и качественное состояние авиации определило её место в войне.

Полковник опять заблуждался. Доктрина самостоятельной воздушной войны вытекала отнюдь не из опыта применения большого воздушного флота, скорее флот этот строился, исходя из подобной доктрины. В основе её лежал не исторический опыт и научно разработанная стратегия и тактика, а частнокапиталистические интересы и авантюристические расчёты господствующих классов. Такая, единственно правильная характеристика американских взглядов, пожалуй, пришлась бы не по вкусу обитателю «маленького рая». Вот почему на его слова я ответил лишь, что военно-промышленный потенциал Советского Союза достаточно велик. Лучшее тому доказательство — широко известный факт, что в первое время войны, в условиях, когда значительная часть страны была временно оккупирована врагом, нам удалось создать мощные воздушные силы, завоевавшие превосходство над немцами. Следовательно, различные взгляды на авиацию и её роль в войне отнюдь не определяются различными возможностями, которыми располагают наши страны.

Джексон, вспомнив, что он ещё не опроверг моего замечания о том, что авиация союзников только с весны 1944 года начала интенсивные налёты на Германию, старался доказать, что систематические бомбардировки ведутся давно и дают весьма высокий эффект.

— Ещё в марте прошлого года, — сказал полковник, — я принимал участие в налёте на заводы Круппа в Эссене.

— Но ведь эти заводы продолжали работать.

— Да, частично. Но наша авиация ещё несколько раз налетала на них.

— И всё-таки заводы работали.

— Им был нанесён огромный ущерб.

— Дело не в ущербе, а в том, что заводы продолжали выпускать военную продукцию.

Полковник заметил, что эссенские заводы Круппа — слишком большой объект, его трудно уничтожить сразу. Однако он полагает, что после налёта, который совершили американские бомбардировщики в конце июля прошлого года, военные предприятия в Эссене вряд ли представляют для немцев какую-нибудь ценность.

— Тогда зачем же нужно было предпринимать ещё ряд налётов на этот город? Совсем недавно сообщалось о подобной операции «летающих крепостей» над Эссенем.

Моё упорство явно начинало раздражать Джексона.

— Вы рассуждаете слишком тенденциозно, — проговорил он сухо.

Собственно, ожидать более мотивированного возражения было бесполезно. В Соединённых Штатах на воздушную войну работали сотни заводов, множество отраслей промышленности. Монополии наживали на воздушном флоте огромные прибыли. Кто же осмелится признать, что главная американская военная доктрина обанкротилась? Кто осмелится заявить, что «главная сила», так как ею распоряжаются апологеты этой доктрины, не играет и не может играть **вписываемой ей роли?**

И меньше всего это следовало ожидать от полковника Джексона, показавшего себя ярким приверженцем теории тотальной воздушной войны, уже в ту пору носившегося с идеями завоевания мирового господства средствами авиации.

Мы собирались проститься с ним, когда за окном промелькнул свет фар и у подъезда остановилась машина. Вошли гости — четверо старших офицеров-авиаторов. Едва поздоровавшись, один из них, молодой, сияющий от какой-то радости майор, сообщил, что он привёз с собой нечто такое, чего нет в коллекции мистера Джексона.

— Покажите, покажите! — полковник был явно заинтригован.

Майор медленно раскрывал сумку, лукаво поглядывая на окружающих. Наконец, он извлёк из сумки большую фотографию и протянул её полковнику.

— Неплохо, — проговорил Джексон, разглядывая снимок.

На фотографии был изображён бомбардировщик, под плоскостью которого разорвался зенитный снаряд. Снимок, сделанный из штурманской кабины соседнего самолёта, выразительно передавал момент разрыва. Второе фото не оставляло сомнений в том, что бомбардировщик серьёзно повреждён. Он был заснят уже с более отдалённой дистанции в момент глубокого крена на правое крыло. Затем последовали снимки, на которых фотоаппарат запечатлел прохождение самолётов в густых разрывах снарядов, полёт бомб из открытых люков и другие моменты полёта.

— Очень обычно, — сказал полковник о последних снимках.

— А вот это?! — торжествующе воскликнул майор, бросив на колени Джексону три снимка таким жестом, как азартный игрок открывает козырного туза.

Разложив перед собой фотографии, полковник одобрительно проговорил:

— Вам здорово повезло!

Это были три кадра трагического эпизода: на первом — объятая дымом машина, шедшая в плотном строю бомбардировщиков; на втором — резкий отворот соседнего самолёта от горящего бомбардировщика; и на третьем — столкновение в воздухе двух воздушных кораблей. Человек, сделавший эти снимки, должен обладать бесчувственным сердцем, если он мог в считанные мгновения трагической катастрофы так хладнокровно и расчётливо следить объективом своего фотоаппарата за всем происходящим в воздухе.

— Очень удачно, — похвалил один из гостей, — только здесь, — и он указал на первый кадр, — было бы выразительней, если бы вы снимали с более высокой точки...

Хозяин «маленького рая» не захотел оставаться в долгу и предъявил свои «последние шедевры». Его снимки тоже были сделаны с борта самолёта. На одном был изображён полёт серии бомб над самолётом, появление которого в такой момент под другими машинами трудно было объяснить. Смотришь на это фото — и чувствуешь: самолёт обречён, потому что расстояние между ним и бомбами, брошенными сверху, слишком незначительно для того, чтобы он успел уклониться от удара. И действительно, второй снимок показывает, как ударом бомбы разнесло огромную машину. Для любителей острых ощущений ничего лучшего и нельзя было бы придумать! Все признавали, что снимки Джексона прекрасны. И ни слова сожаления о событиях, изображённых на фотографиях, об участии людей, погибших вместе с самолётами. Вместо этого только восторги по поводу «острых моментов».

БИЗНЕСМЕНЫ В ИТАЛИИ.

Рощенко и Быхал справедливо жаловались, что им надоел этот «аквариум» — так они называли гостиницу, в которой мы жили. Приходилось даже выслушивать упрёки, что я не принимаю достаточно энергичных мер к тому, чтобы нам всем быстрее вернуться на Родину. Но в штабе снова подтвердили: пока «челночный» полёт с итальянских баз не предвидится. Наш «опекун» удивлялся тому, что мы так спешим вернуться домой. Надо, мол, только радоваться такой прекрасной возможности отдохнуть, набраться впечатлений. Стоило ли объяснять ему, почему нам здесь не сидится, почему мы так страстно хотим быть там, на советско-германском фронте, где сейчас наши товарищи ведут наступательные бои?

Он рекомендовал нам поехать в Рим, Неаполь, Таранто — мало ли в Италии прекрасных мест. Правда, будь он на нашем месте, он не упустил бы такого случая.

— Уверю вас, — продолжал он, — вы не успеете осмотреть и десятой части достопримечательностей Южной Италии, как нашими войсками будет освобождён весь Север. Тогда вам представится возможность увидеть Флоренцию, Венецию, Милан, Итальянские Альпы.

— Не слишком ли смелые предсказания, майор?

— Так будет наверняка, — майор почувствовал себя задетым. — По последним сведениям воздушной разведки, колонны немецких войск начали движение на Север. Гитлер, почувствовав реальную угрозу во Франции, бросает туда свои последние силы. Ясно, что после этого немцам в Италии не удержаться...

— Возможно, — согласился Володя. — А как вы расцениваете сведения, говорящие о том, что немецкие части, снятые в Италии, оказываются не на западе, а на советско-германском фронте?

— Это измышление русской пропаганды!

— Нам трудно спорить на эту тему, господин майор. Во всяком случае, в американской печати не было никаких сообщений о передвижении немецких войск.

— Это держится от корреспондентов в секрете, — ответил майор. Чувствовалось, что он жалеет о затеянном разговоре.

Но секрет этот вовсе не был секретом. Союзное командование старалось не допускать проникновения в печать сообщений об оголении немцами итальянского фронта. Это нужно было для того, чтобы во время предстоящей операции представить легко достижимые успехи, как крупную победу над противником. И действительно, когда, спустя некоторое время, 5-я американская армия повела наступление вдоль Лигурийского моря, продвигаясь в направлении Ливорно, а 8-я английская армия предприняла атаки против Арацо, то печать и радио в Англии и США на все лады затрубили о победах. Это было, как выразился один критически настроенный американец, подкожное впрыскивание мировому общественному мнению, разочарованному тем, что широковещательная реклама развёрнутого наступления союзников во Франции не оправдала надежд.

Ещё на наших украинских аэродромах нам дали небольшое поручение: вручить командующему Средиземноморской авиации генералу Икери фотоснимки, сделанные при посещении им Советского Союза. Мы сообщили, что не выполнили сию «ответственную миссию». Тогда нам предоставили самолёт, который пересёк Апеннинский полуостров и приземлился на аэродроме около Казерты. Мы были доставлены во дворец неаполитанского короля, под сводами которого разместился штаб Средиземноморской авиации.

Генерал, пожилой, но очень подвижный человек, выразил признательность за снимки, долго их рассматривал и, сказав, что русские военные традиции очень сильны в народе, провозгласил тост за взаимодействие союзных сил. Мы выпили по рюмочке вина. После этого я спросил о «челночных» операциях и снова получил весьма неопределённый ответ:

— Пока ещё ничего не известно.

Вот тебе и взаимодействие!

Мы завтракали с офицерами штаба, среди которых было несколько человек, разговаривающих по-русски. За столом говорилось только о вещах приятных.

В тот же день мы отправились к подножью Везувия. Над конусообразной вершиной горы стояло едва заметное облачко. Внизу бродили военные разных национальностей, как и мы приехавшие посмотреть на вулкан. Монахи наперебой предлагали свои услуги: они могут рассказать о Везувии больше, чем написано в книгах; им дополнительно известно, почему бог обрушил гнев на жителей Помпеи и похоронил их под вулканическим пеплом; у них имеются самые достоверные сведения об обстоятельствах гибели дяди Плиния-младшего; они покажут храмы и дома, сохранившиеся под слежавшимся пеплом, покажут, где можно разглядеть живопись на стенах. Навязчивые могахи мешали сосредоточиться на чём-нибудь одном.

Потом мы отправились в Неаполь. Огромный город, расположенный амфитеатром на берегу залива, открылся ещё издали. Он казался красивым и величавым. Но впечатление сразу омрачилось, как только мы въехали на его улицы. Пыль, грязь, толпы солдат, очереди у лавок, табуны военных грузовиков, ещё большая грязь в порту, ватаги оборванных мальчишек, пожилые люди, снимающие шляпу перед военным в надежде получить сигарету, и звуки джаза, доносящиеся из солдатских кафе...

От военных действий город пострадал не много. Его самая большая потеря — знаменитая. Неаполитанская библиотека, которую уничтожили немцы. Разрушено ещё несколько исторических зданий. Но кто знает, во что превратился бы этот замечательный город, если бы не итальянские рабочие! Они не дали его уничтожить фашистским варварам, спасли его от бомбёжек. Неаполь был освобождён от фашистов не американскими войсками, а трудящимися, поднявшими восстание и сражавшимися на баррикадах. Правда, американцы не любили говорить об этом. Во-первых, потому, что им ни с кем не хотелось делить лавры своей «победы». Во-вторых, те, кто сражался на баррикадах и с немецкими и со своими фашистами, теперь не пользовались благосклонностью так называемой гражданской администрации союзников. Это учреждение покровительствовало как раз тем людям, с которыми у итальянского народа были старые счёты

Стояли знойные дни. Осматривая достопримечательности Неаполя, наблюдая жизнь города, мы сильно уставали и выпивали невероятное количество воды со льдом. Рощенко опасался, как бы у нас от этого не раскисли желудки. В поисках прохлады мы забрели в какое-то кафе на углу безлюдного переулочка. Пожилая, тучная женщина принесла воды, присовокупив при этом, что она рада была бы угостить нас традиционным итальянским кушаньем — макаронами, но сейчас они существуют только на старых рекламных плакатах. Пришёл её муж — хозяин кафе, маленький, щуплый человек. Потом появились два приятеля хозяина — безработный портной и автомобильный механик. Володе представился случай попрактиковаться в итальянском.

Итальянцы жаловались на тяжёлую жизнь. В городе безработица и дороговизна. В рабочих семьях давно уже не видели ни макарон, ни мяса. Сытно живут лишь спекулянты и фашисты, которые выслуживаются перед американцами.

— Они спрашивают, — перевёл Володя, — правда ли, что после победы над Германией начнётся война между Советским Союзом и Америкой. Об этом здесь вчера вели разговор какие-то посетители.

Мы ответили:

— Такие глупости могут говорить только фашисты.

Хозяин согласно кивнул головой. Механик сказал:

— Среди американцев тоже есть фашисты.

Портной подтвердил, что и он слышал о предстоящей войне против Советского Союза. К его племяннице ходит американский офицер, который утверждает, что в Америку он будет возвращаться через Владивосток.

Нельзя сказать, чтобы мы и раньше питали особенные иллюзии относительно подлинного дружелюбия к СССР со стороны известных англо-американских кругов. Но здесь, за границей, оборотная сторона их «доброжелательности» была видна более отчётливо. Некоторые «неофициальные» газеты печатали откровенные антисоветские статьи, переключившиеся с гитлеровской пропагандой. В том, что сообщили нам итальянцы, не было ничего неожиданного; но казалось отвратительно чудовищным, чтобы в то время, когда на полях сражений лилась кровь, кто-нибудь смел замышлять новую войну, и притом, против народа, который спас мир от фашистского варварства.

Кто-то заглянул за перегородку и позвал хозяина — к нему по важному делу пришёл американский офицер. Разговор за перегородкой вёлся довольно громко. Американец предлагал хозяину кафе небольшой «бизнес». Он может доставить из Сицилии любое количество апельсинов и продать их ему по сходной цене. Итальянец заинтересовался: на цитрусовые большой спрос, поскольку теперь они заменяют макароны, мясо и хлеб.

Как же господин офицер думает доставлять товар в Неаполь — морем? Американец грубо оборвал хозяина кафе, сказав, что это его не касается. Его дело получить апельсины в любом количестве. Расчёт долларами или какими-нибудь удобоносимыми ценностями. Итальянец ответил, что ни того, ни другого у него нет. Он может платить только итальянскими лирами. Офицер-бизнесмен сочно выругался: с итальянцами невозможно иметь дело. Он знал это ещё в Америке. Там проживает четыре миллиона итальянцев, и все они — бродяги.

Хозяин вернулся расстроенным. Разводя руками, он говорил, что для итальянцев теперь, наверное, нет выхода. Эти свиньи — не трудно было догадаться, кого он имел в виду, — всё прибирают к своим рукам. Они ведут бешеную торговлю и за всё требуют доллары или золото. Но во всей Южной Италии уже не осталось и грамма золота. Итальянская лира — для американцев пустая бумажка. В общем, он не видит никакого выхода. Но автомобильный механик и портной были настроены более оптимистично. Они говорили, что выход есть, только теперь народ не должен дать себя одурачить. Это было справедливо.

Недалеко от центра на стене высокого дома висел красочный плакат: узкобедрая блондинка с предостерегающе поднятой рукой. Плакат походил на афишу, рекламирующую новый голливудский фильм. Броский текст гласил: «Помни, в Америке тебя ждёт жена или невеста!» Странно, зачем об этом напоминать в такой форме, как предупреждают об опасности: «Берегись мин, смертельно!»

Наше недоумение рассеялось, когда мы узнали, что в одном только Неаполе несколько десятков тысяч людей, в том числе малолетних, больны венерическими болезнями. Распространение сифилиса приняло такие размеры, что в больницах не было ни одного свободного места, к частным врачам стояли очереди, а потребность в медикаментах не удовлетворялась и наполовину. Среди мер, принятых американским командованием против распространения венерических болезней в армии, была и широкая «разъяснительная кампания». Этим и объяснялось появление на улицах подобного плаката. Насколько эта мера оказалась действенной, можно судить по заявлению, сделанному журналистам начальником одного военного госпиталя: «Летом этого года (1944.—Л. Х.) венерические болезни в нашей армии распространяются в масштабах, каких ещё не знало цивилизованное человечество».

На одной из неапольских улиц нам встретилась группа солдат. Это были танкисты 5-й армии, которые, получив отпуск, решили побродить по Италии. Их путешествие закончилось, и теперь они снова возвращались на фронт.

— Надоело воевать? — спросил их Рощенко.

— Конечно, надоело. Правда, летом ещё воевать можно, но вот придёт осень, начнутся дожди, тогда совсем неприятно.

— Выходит, надо до осени кончать?

Солдаты ухмылялись.

— До осени, — недоверчиво прикинул один из них. — У фашистов ещё половина Италии, почти вся Франция, вся Германия и ещё какие-то страны.

Длиннолицый капрал хитро улыбнулся:

— А русские собираются кончить до осени?

— Если вы поможете, отчего нет!

— Вряд ли, — скептически проговорил другой. — Сейчас немцы все свои армии повернули против нас.

— Уж это вам кто-то насочинял, — сказал Володя.

— Об этом все говорят, — настаивал тот.

— Кто же все?

— Например, майор... — он назвал какую-то фамилию.

— Помолчи ты со своим майором! — не очень деликатно вмешался в разговор ещё один из солдат. — Нужно же им выдумать что-нибудь, раз дела плохи.

— Почему же дела плохи?

Солдат сказал, что в Италии нельзя быстро наступать. Всею виной плохая местность: горы и плохие дороги. Вот если бы у немцев не было таких хороших позиций...

— Красная Армия наступает в Белоруссии через леса и болота, где иногда не только на танке, но даже на лошадях не проедешь. И ещё как наступает,— сказал Быхал.

Это противопоставление озадачило солдата. Подумав немного, он ответил:

— Мы с русскими не равняемся.

Капрал, посмотрев на авиационные эмблемы наших фуражек, поинтересовался:

— Вы лётчики?

— Да.

— А вы тоже на своих бомбы бросаете?

— А разве ваши бросают?

Он издал свистящий звук:

— Сколько угодно!

Один из его товарищей поспешил пояснить:

— Они не нарочно. Это случайно.

— Один чёрт — случайно или не случайно,— зло заметил капрал. — Раз под бомбёжкой побудешь — второй раз не захочешь.

Во время разговора появился сержант со свёртком в руке. Он оживлённо стал рассказывать, что какой-то моряк продаёт в порту мороженных кур. Сержант хотел купить курицу, но тот назначил бешеную цену. Тогда сержант рассвирепел и потребовал, чтобы моряк бесплатно отдал ему одну из своих дохлых птиц, в противном случае он грозился доставить моряка «куда следует». Конечно, тот испугался и отдал ему курицу. Все засмеялись, а Володя заметил, что моряк, наверное, очень жадный человек и такого следует проучить.

— На парня обижаться нечего,— сказал сержант. — Это его бизнес. Я просто разозлился, что он заломил высокую цену.

У солдат было вино, консервы, галеты. Теперь прибавилась курица, с которой они не знали, как поступить. Наконец, было решено продать её какому-нибудь итальянцу. Поручив сделать это одному из товарищей, они строго предупредили его, чтобы он не продешевил. Потом, покончив с «куриной проблемой», они стали рассказывать о своих военных подвигах. Капрал вспоминал, как он на танке гнался за немецкой бронемашинной. Танкисты в любую минуту могли влить в неё снаряд, но решили, что просто так прикончить немца нет смысла, и стали играть с ним, как кошка с мышью.

— Это было чертовски забавно! — с удовольствием восклицал рассказчик.

Они «играли» с немецким броневиком до тех пор, пока не попали вместе с танком в воронку от бомбы. Немцам здорово повезло, они могли убежать. Но вместо этого они остановили броневик и вылезли из него, подняв руки. Капрал и его товарищи по танку до сих пор вспоминают этот случай. Здесь есть над чем посмеяться.

Сержант, сидевший рядом с капралом, считал, что во всей этой истории нет ничего удивительного. Вот у него был случай! Во время атаки их танк подорвался на mine. Сержанта оглушило. Он очнулся бог знает через сколько времени. Осмотрелся — в танке никого нет, все убежали. Выглянул из люка — страшно стало: метрах в четырёхстах движутся два немецких танка. Что делать? Конечно, он мог бы убежать. Но вдруг у него появилась мысль: открыть огонь по немцам.

Тут рассказчика прервали: он говорит неправду. Ещё никто не оставался сидеть в подорвавшемся танке и ждать, пока его расстреляют немцы. Сержант боялся, что всё это сушая правда, что он даже подбил одного немца, а второй повернул обратно.

Танкисты хотели казаться храбрыми. Но о своих «проделках» они говорили относительно к целям войны или к конкретной тактической обстановке. Что-то авантюристическое было в их взглядах на подвиг. Храбрость — ради храбрости, подвиг — ради подвига.

В ОФИЦЕРСКОМ КЛУБЕ.

Вечером мы отправились в офицерский клуб. В большом зале, уставленном множеством столиков, свирепствовал оглушающий джаз. Проходя к ещё не занятым столикам, мы чувствовали на себе пристальные взгляды. Некоторые танцующие пары остановились, с откровенным любопытством разглядывая советских офицеров.

Один из посетителей, офицер инженерно-технической службы, подошёл к подмошкам и энергичным жестом заставил джаз умолкнуть. Он что-то сказал человеку с саксофоном, тот понимающе кивнул головой, и вот уже кто-то под звуки скрипки и аккордеона затянул: «Ах, эти чёрные глаза...» Трио издавало такие скорбные звуки, будто оплакивало свою судьбу. Потом солисты и «ансамбль» исполнили несколько старых, давным-давно у нас забытых мещанских романсов, сляясь придать им предельно сентиментальное звучание. Публика неистово аплодировала и смотрела в нашу сторону.

— Они играют специально для вас, — сказал «опекун».

Мы понимали, что русским хотят сделать приятное. Но хотелось сказать, что не такие песни поёт теперь наш народ, что в этой псевдонациональной музыке и в её ложной интерпретации сказывается непонимание духа и силы нашего народа.

В клуб ввалилась шумная компания американских лётчиков. Они уселись по соседству и долго о чём-то совещались. Потом один из них подошёл к нашему столику: он просит русских друзей оказать честь его товарищам и присоединиться к их обществу. У лётчика было открытое лицо, прямой взгляд. Мы приняли приглашение и, сдвинув столики, стали знакомиться. Сразу запомнились имена только двоих: Джемса — добродушного парня, пригласившего нас, и лейтенанта с усиками, которого звали Диком.

Наши новые знакомые не обращали внимания ни на джаз, ни на публику. С первой минуты между нами установились простые, непринуждённые отношения. Как часто бывает между людьми незнакомыми, мы начали разговор с наших профессиональных тем. Да, все они лётчики. Дик летает на бомбардировщике, Джемс и его сосед служат в истребительной авиации.

— Вы много сбили самолётов? — спросил я Джемса.

— Я участвовал в одном групповом бою, — ответил он. — Мы сбили две немецкие машины, но я не могу приписывать себе эту победу...

— В Италии у немцев немного авиации, — добавил Гарри, давая понять, что не каждому американскому истребителю выпадает случай сразиться с врагом.

Отвечая на вопрос Джемса, Володя объяснил, что на советско-германском фронте борьба в воздухе носит более активный характер, ибо там немцы сосредоточили свои основные воздушные силы.

— Но ведь по данным штаба Эйзенхауэра, — удивился Джемс, — немцы бросили во Францию все свои эскадры. Да и сама логика говорит о том, что они должны направить на запад всё, что у них есть. Ведь против них сейчас там действуют такие огромные силы!

— Однако немцы, вероятно, руководствуются собственной логикой, — сказал Володя.

— Пожалуй, немцы боятся русских больше, чем нас, — высказал своё мнение Гарри. — Я всегда с досадой читаю письма из дому, в которых хвалят русских и ругают нас. Ругают за то, что мы ещё не сумели устроить бошам что-нибудь похожее на Сталинград.

— Давайте попросим русских друзей, — предложил Гарри, — рассказать что-нибудь о своей стране.

Надо сказать, что лётчики обнаружили глубокий интерес к жизни СССР, а главное, хотели понять, что лежит в основе грандиозных успехов нашей армии. Отвечая их желаниям, мы рассказывали о Сталинградской битве, о блокаде Ленинграда, о победоносном наступлении в Белоруссии. Нам пришлось говорить о советском государственном строе, о колхозах, о партизанах. Нам задавали много вопросов, ещё раз убеждаю-

ших в том, что рядовые американцы мало знают об СССР, что о многом происходящем в нашей стране у них наивное или извращённое представление.

Постепенно мы вернулись к военным темам. В словах собеседников хотелось найти ответ, как они относятся к войне, к своему воинскому долгу? Джемс, видимо, был человеком открытой натуры, его легко было понять. Он негодовал по поводу того, что война затянулась, в то время как сотни тысяч солдат, которые ещё не нюхали пороха, давно могли облегчить положение советских армий и участь народов, находящихся под нацистским игом. Его возмущала медлительность «больших генералов».

Дик казался человеком, настроенным весьма скептически. Он не понимал, почему американцы участвуют в европейской войне, в то время как «главный враг Америки — Япония». Своё участие в боях Дик рассматривал как интересный эпизод, но эпизод слишком затянувшийся. Гарри, напротив, собирался сделать в военной авиации «настоящую карьеру» и боялся, что война кончится раньше, чем он осуществит своё желание. Ему было досадно, что его держат в Италии, где мало немецкой авиации и где он не может во всю силу проявить свои качества лётчика-истребителя.

Среди сидевших с нами пилотов был офицер с глубоким шрамом на лбу. В этом сухом, жилистом человеке угадывалась большая физическая сила. Он не отличался красноречием, но достаточно было одного его взгляда, чтобы заставить незнакомого человека насторожиться. Джемс и Дик утверждали, что Том — чудесный парень, никого зря не обидит и в любое время защитит товарища. До войны он испробовал много профессий, был жокеем, боксёром, цирковым артистом, автомобильным гонщиком. Он любил сильные ощущения, стремительное движение, быстроту. Поэтому служба в истребительной авиации ему пришлась по вкусу.

— Война словно для таких парней выдумана, — сказал Дик.

Том среди американских лётчиков прослыл орлом, хотя сам жаловался:

— Второй год на войне, но ещё ни разу не был в настоящей драке...

За столом было высказано много гневных слов по адресу немцев. Но понятие воинского долга, как это понимают советские люди, было чуждо американским пилотам. Сомнительно, чтобы многие из них, вместе с Томом, у которого жажда «драки» носила какой-то патологический характер, были способны на сознательный воинский подвиг. Человек, готовый на самопожертвование, должен, прежде всего, обладать безграничной верой в идеалы, которые он призван защищать с оружием в руках. Идеалов-то им и не хватало.

Я смотрел на этих людей в военной форме и думал о том, какие они все разные и какие они в сущности одинаковые. Чем же они так сильно похожи друг на друга? В Америке широко рекламируется так называемая «свобода личности». Мы много слышали и читали о праве американцев жить и мыслить так, как им хочется. Жить, действительно, американцу позволено, как он хочет, если у него карман набит долларами, то есть если он преуспевающий бизнесмен. Но долларов у одних много, а у других их нет совсем. Таких американцев подавляющее большинство. И вся их жизнь, что бы они ни делали, где бы они ни находились, подчинена одной цели — добыть побольше долларов. Этим поглощена их «свободная мысль», вся их энергия расходуется на достижение этой цели. Стремление удовлетворить только свои личные интересы, восприятие всех явлений жизни сквозь «призму» собственного эгоизма — таковы отличительные черты многих так называемых средних американцев, поработанных волчьими законами капиталистической Америки. И если среди них находятся люди, которые понимают всю мерзость подобного образа жизни, то они резко выделяются из окружающей их среды.

К нашему столу часто подходили американские офицеры, задавали нам вопросы или просили их выслушать. Мы охотно отвечали и слушали, пока в конце зала не поднялся скандал. Кто-то шумел, ругался, на пол летела посуда, визжал женский голос. Считая себя ненужными свидетелями этой истории, мы решили уйти. Но вся компания стала нас упрашивать посидеть ещё немного. Мы остались и тотчас же пожалели об этом. За соседними столиками вдруг возник бурный смех. То, что вызывало восторг публики, не могло не поразить нас.

Два солидных офицера, встав на четвереньки и издавая звуки, похожие на собачий лай, гонялись друг за другом вокруг стола. После нескольких кругов один было уже настиг своего соперника, норовя вцепиться в него зубами, но тот вдруг вскочил на ноги и отбежал в сторону. Зрители гневно протестовали против нарушения правил «игры», требуя, чтобы нарушитель признал своё поражение и дал победителю укусить себя. Неудачник оправдывался, но его всё же заставили «переиграть». Он повалился на пол, и снова начались гонки. Наши знакомые, подобно всем зрителям, реагировали бурно, подбодряя гонщиков громкими возгласами. Наконец, «справедливость» восторжествовала. Офицер, нарушивший правило, растирая ягодицу, укушенную победителем, ушёл, сопровождаемый насмешками публики.

Нас уговаривали остаться ещё хоть на полчаса, но мы, сославшись на сильную усталость, стали прощаться.

После яркого электрического света ночь казалась непроницаемо тёмной. С моря дул холодный ветер. Мы шли медленно, делясь мыслями и впечатлениями.

— Как можно после такого разгула сесть за штурвал самолёта, — негодуяше говорил Быхал.

Лётчик должен обладать крепким здоровьем, выносливыми нервами и ясной головой. Взвинченность или депрессия, являющиеся следствием истощения сил, лишают его основных качеств: хладнокровия, рассудительности, быстрой сообразительности и стойкости в бою. У многих же американских пилотов безрассудные кутежи считались «нормой поведения», многие старались показать в них свою лихость, широту натуры.

Утром Володя сказал, что только что видел в вестибюле Джемса с двумя неизвестными американскими офицерами. Когда мы спускались в столовую, Джемс, сидевший с газетой в глубоком кресле, поднялся:

— Хелло! Два моих приятеля хотели бы с вами познакомиться, — сказал он, — это очень хорошие парни, уверяю вас.

Генри Макклой и Аллан Ингерн предложили позавтракать вместе. Это были высокие стройные офицеры. Им было по 32—33 года. Макклой — майор, Ингерн — капитан. Военную форму они носили с типичной для многих американцев небрежностью, словно это был модный спортивный костюм.

По дороге в кафе они рассказали, что третьего дня прилетели из Англии и проведут некоторое время в Италии. Англия переживает тяжёлые дни. Лондон живёт в страхе перед немецкими самолётами-снарядами. Ежедневно немцы выбрасывают на остров 100—150 самолётов-снарядов. Они приносят много бед и держат население в состоянии нервного напряжения. Англичане ругают правительство и, прежде всего, Черчилля.

Когда подали завтрак, Макклой спросил меня:

— Скажите, смогла бы Советская Армия при нынешнем положении дел добиться окончательной победы без участия союзников? Я спрашиваю об этом потому, — добавил он, — что среди моих друзей был на эту тему большой спор.

— Я думаю, что смогла бы!

Макклой сказал, что он придерживается той же точки зрения. Он просил извинить, если его любопытство покажется слишком назойливым. Он много читал о Советском Союзе, часто слушал людей, которые рекомендуют себя знатоками России, но во всех их рассказах и писаниях много путанного и противоречивого. Иные изображают Советский Союз страной огромных потенциальных возможностей, но ещё отстают в техническом и экономическом отношении. До войны многие американские газеты писали о внутренней неустойчивости советского строя. Но ведь это совсем не вяжется с ходом событий. США — страна мощной промышленности и экономики, вместе с Англией и Канадой несколько лет готовились к открытию второго фронта, а в это время Советский Союз на огромных пространствах один на один вёл борьбу с врагом, блестяще побеждая его. Разве страна с внутренней неустойчивостью, с отставшей техникой могла бы добиться таких успехов?

— У нас не многие понимают сущность советского строя, — продолжал майор. — Но я думаю, раз народ с такой беззаветностью борется за него, значит этот строй ему по душе.

По поводу военных событий Макклой выразил солидарность с той точкой зрения, что война в Европе, вероятно, уже закончилась бы, если бы союзное командование не затеяло итальянской кампании, а сразу предприняло вторжение на континент через Францию.

— Затяжка военных действий обходится нашим странам очень дорого, — присовокупил Ингерн.

— Надеюсь, русские понимают, кто в этом виноват? — произнёс Макклой. Это был намёк на англичан. Можно было подумать, что он продиктован обычной неприязнью американцев к своему британскому союзнику. Но Макклой объяснил: только англичане, рвущиеся на Балканы, виновны в том, что открытие второго фронта затянулось. Он ещё был в Лондоне, когда Черчилль, выступая в палате общин, сказал: «Всем известно, что я был против того, чтобы предпринять это великое вторжение через Ла-Манш в 1942 году, а впоследствии оно было попросту невозможно, поскольку мы избрали средиземноморский театр войны, и все наши средства для производства высадки были сосредоточены там».

Быхал высказал предположение, что если наши собеседники знают, кто виновен в затяжке войны, то им, вероятно, должно быть известно, и какие цели этим преследовались. Такая прямая постановка вопроса явно смутила лётчиков. Он касался «большой политики», и они, вероятно, считали неудобным развивать эту тему при первом же знакомстве с советскими офицерами. Сказать, подобно другим, что это просчёт военной стратегии — значило противоречить тому, что они говорили раньше; признать, что в основе стратегии союзного командования лежат политические расчёты, направленные против Советского Союза, — значило сказать больше, чем они могли позволить себе.

— Тут, вероятно, большое значение имел страх перед немцами, — сказал Ингерн. — Вед англичане до сих пор не забыли Дюнкерка.

Но его товарищи не поддержали этого тезиса. Наконец, Макклой, отодвинув тарелку, сказал:

— Расчёт на экономию своих сил.

— И на истощение сил своего восточного союзника, — добавил я.

Наши собеседники переглянулись. Ингерн многозначительно улынулся. Джем ещё ниже наклонился над столом, Макклой выпрямился, как бы набравшись решимости:

— Да, это, чёрт возьми, подлая игра! — воскликнул он. — Я всё время так думал. Вы не должны думать, что все американцы слепо оценивают события. Многие прекрасно видят, что происходит, и сочувствуют вашему народу. Уверяю вас, это не будет забыто.

Стараясь получше охарактеризовать последние события во Франции и Италии, он говорил о больших надеждах на то, что советские войска скоро почувствуют сильное облегчение и с Германией будет покончено в короткий срок. Видимо, ему хотелось хоть как-то смягчить наши впечатления. Я поинтересовался взглядами Ингерна и Макклоя на роль авиации.

Да, они считали, что авиация — один из решающих родов войск, но делать на неё главную ставку нельзя. Нужно, чтобы все средства приводились в действие одновременно. Только тогда из ударной силы авиации может быть извлечена большая польза. Если бы «воздушное наступление» происходило в условиях активного наступления на земле, то эффект, безусловно, был бы большой. Но в то время, когда огромные наземные силы бездействовали, смешно было думать, что одна авиация заставит Германию капитулировать. Вот конкретный пример.

В апреле прошлого года стратегическая авиация союзников нанесла удар по заводу в Бремене, где собирались истребители «Фокке-Вульф-190». Все говорили, что этот завод никогда не возродится. Но недавно они разговаривали с пленным немецким

лётчиком, который летал на истребителе бременского завода. Теперь этот завод находится в Померании. Следовательно, завод надо бомбить снова. Но немцы опять восстанавливают его, если им дать время.

Макклой говорил о том, что тактика стратегической авиации однотипна, что немцы её хорошо изучили. Недавно во время одного налёта на западную Германию их соединение понесло серьёзные потери над целью. Но ещё большая неприятность ожидала их на обратном пути. Пока самолёты находились над объектом бомбардировки, немцы устроили засаду как раз на том отрезке маршрута, где этого меньше всего можно было ожидать.

Почти три часа продолжался наш серьёзный и обстоятельный разговор с американскими лётчиками, прилетевшими с английских баз. Разговор этот надолго сохранился в памяти вместе с приятными воспоминаниями о собеседниках. Они хотели знать правду о нашем народе, о нашей стране, о нашей борьбе, испытывая искреннее чувство стыда за ту «игру», которую вели правящие круги их страны. Это были, пожалуй, первые среди знакомых нам американских офицеров, обнаружившие достаточно критические взгляды на всё происходящее. Говоря об авиации и её действиях, они проявили гораздо больше трезвости, нежели многие их соотечественники. Их высказывания укрепляли убеждение в том, что понять пороки так называемых американских принципов применения авиации может только тот, кто способен подняться до критики военно-политической стратегии союзников в целом. А такие офицеры в американской армии встречались не часто.

НА ПРИФРОНТОВОМ АЭРОДРОМЕ.

Мы поднялись с аэродрома близ Адриатического моря, пересекли живописный Апеннинский хребет и вышли к Тирренскому морю. Дальнейший путь лежал вдоль западного побережья Италии. Оно густо населено. Город от города, деревня от деревни расположены настолько близко, что местами составляют непрерывную цепь населённых пунктов. Вдоль берега тянется железная дорога с частыми ответвлениями в глубь страны.

Справа остались развалины Кассино, мы прошли над руинами уничтоженных с воздуха городов Формия и Террачина. Рим остался в стороне. Древний Рим! В далёкое прошлое канули его величие и слава. Без всякой сентиментальности, было жаль этой древней земли. Земли исторических памятников, принадлежащих трудовому итальянскому народу. Италия голодала, но многие итальянцы с меньшей болью говорили о недостатке макарон, чем о безвозвратных потерях сокровищ, созданных их предками. Многие украли и разрушили немцы. Но не меньше погибло от бессмысленных бомбардировок. Один итальянец из Неаполя, человек, которого ни в малейшей степени нельзя заподозрить в недружелюбном отношении к союзникам, сказал мне:

— Я долго ждал сокрушения фашистской тирании. Когда союзники стояли на пороге Италии, я, как и каждый честный итальянец, желал им успеха. Понятно, что если на войне не считаются с человеческими жизнями, то с другими ценностями меньше всего приходится считаться. Но когда есть возможность избежать уничтожения того, что освящено памятью веков, почему этого не сделать?

И он говорил о том, что во многих случаях американские бомбёжки не имели никакого смысла. Нередко бомбы сыпались туда, где не было противника или где его силы были весьма незначительны. Итальянец был прав в главном: американская авиация часто бомбила «по плану», без учёта изменений в обстановке. Бывало же так, что она жестоко бомбардировала города, через которые уже прошли передовые части сухопутных американских войск. Мне рассказывали, что во время боёв за один старинный итальянский город, богатый историческими памятниками, антифашисты перебили оборонявшихся там гитлеровцев и немедленно уведомили об этом командира наступающей американской части. К великому удивлению итальянцев, американцы не торопились и вступили в город лишь после того, как большая часть его была уничтожена бомбардировщиками. Есть исторические ценности, которые формально принад-

лежат одному народу, фактически же они являются достоянием всего культурного человечества. Италия была богата памятниками старины, и очень жаль, что многие из них безвозвратно погибли от рук тех, кто должен был и мог их уберечь.

Наш самолёт приземлился у города Гроссето. Отсюда мы перелетели на передовой аэродром, находившийся в 20—25 километрах от линии фронта. Нас пригласили осмотреть самолёты. Это были машины довольно известного типа, предназначенные для действий в ближайшем тылу противника. Хозяева в деликатной форме допытывались, какое впечатление производит на нас американская техника. Они знали, что в начале войны США поставляли Советскому Союзу по ленд-лизу самолёты устаревших конструкций и полагали, что удивят нас этими «новинками». Мы сказали, что советские самолёты этого типа ничем не уступают американским и что самолёты из Америки в СССР уже давно больше не импортируются. Это их сильно удивило: ведь они много раз слышали, что Россия не в состоянии сама обеспечить вооружение своей армии.

Чтобы дополнить наши впечатления, был продемонстрирован полёт истребителей звеньями и плотно сомкнутым строем. Взлёт, несколько упражнений в воздухе и посадка были исполнены с большой точностью. Чувствовалась натренированность пилотов.

После обеда начальство, наконец, избавило нас от своего внимания, и мы смогли оказаться в среде лётчиков. Последние подробно расспрашивали о Советском Союзе. Слово «Сталинград» почти каждым из них произносилось с величайшим уважением. У этих людей не было ничего общего с теми заносчивыми и самодовольными штабными офицерами, которыми был заполнен Бари. Хотя им не так часто и не так много приходилось летать, как нашим лётчикам, но они, видимо, знали, какой ценой добывается победа.

Лётчики рассказывали, что встречи с немцами в воздухе стали редкостью. Ослабла и противовоздушная оборона противника. Летать над вражеской территорией стало значительно безопаснее, чем год или полгода назад. К нашим словам, что такой тишины нет, да и не может быть на советско-германском фронте, они отнеслись довольно недоверчиво. Как и многие другие американцы, которых питали лживой информацией, эти лётчики считали, что вся тяжесть войны теперь передвинулась с востока на запад. А если это не соответствует действительности, то чем же объяснить, что огромные свежие силы союзников так медленно продвигаются на севере Франции?

Завязался живой разговор, во время которого большинство порешило, как это всегда бывало, что наземные войска ещё не научились хорошо воевать.

— Прислали бы сюда несколько русских дивизий — и всё было бы кончено! — сказал один из лётчиков, вызвав среди окружающих дружный смех одобрения.

Хотя итальянский фронт теперь признавался второстепенным, он всё же был насыщен авиацией. Без участия самолётов не обходились даже так называемые поиски разведчиков и столкновения патрулей. Не все лётчики одинаково высоко расценивали свою роль. Среди них находились разочарованные романтики, недовольные тем, что на войне далеко не всё происходит так, как в американских кинобоевиках. Другие, отказавшись от спортивного взгляда на свою профессию, считали войну трудной и опасной работой. Они даже военную форму носили, как носят спецовку: небрежно, заботясь лишь о том, чтобы не испортить костюм, приобретённый за собственный счёт. Встречались среди фронтовых пилотов и лихие «воздушные волки». Все они считались хорошими парнями.

Фразами «хороший парень», «славный парень» американцы оценивают достоинства человека. Но при этом они исходят только из личных отношений к нему, часто совсем оставляя в стороне то, как он относится к общественному и служебному долгу, как он ведёт себя в бою.

Что бы, например, сказали в среде советских людей о лётчике, который сбросил бомбы или «прочесал» заданный участок, проявив полное равнодушие к результатам своих действий? Как бы у нас отнеслись к пилоту, который уклонился от боя, в то время когда на его стороне были все преимущества? Какую встречу устроили бы на

земле лётчику, который бросил свою машину и спасся на парашюте только потому, что ему показалось, будто шасси не плотно становится на замки? А подобные случаи мы наблюдали у американских фронтовых лётчиков. Трудно судить, как широко были они распространены. Но то обстоятельство, что они не вызывали негодования в широкой среде авиаторов, уже само по себе достаточно показательное.

Мы познакомимся с группой лётчиков, которые вчера участвовали в одной операции. Каковы её результаты? Высказывания лётчиков были самые противоречивые. Выяснилось, что они об этом просто не осведомлены. На помощь пришёл штабной офицер, заявивший, что операция не дала предполагаемого результата.

— Почему?

— Мало самолётов участвовало,— ответил офицер. И все присутствующие его единодушно поддержали.

Но на основании боевого опыта можно было утверждать, что для выполнения задачи, о которой шла речь, количество участвующих самолётов было более чем достаточным. Однако доказывать это было бесполезно. Во-первых, неудачный вылет никого из лётчиков не огорчал. Во-вторых, всякий неуспех они привыкли относить за счёт недостатка количества, а не качества. А в данном случае всё заключалось в последнем. Владея простейшими тактическими приёмами, они считали, что этого достаточно для достижения победы, если обладать многократным численным превосходством над противником. Ведение боя с равными или с большими силами противоречило их «принципам».

Но ведь любое количество состоит из единиц. Чего же оно стоит, это количество, если каждая отдельная «единица» не проявляет инициативы, упорства и боевой настойчивости? Любой американский лётчик справедливо сочтёт себя глубоко оскорблённым, если его заподозрят в слабодушии. И этого об американских фронтовых лётчиках, сражавшихся с гитлеровцами, я и не думаю говорить. Но надо помнить, что существует грань между слепой яростью и сознательной отвагой. Те же лётчики рассказывали об одном из своих товарищей, что он «чертовски хорошо дрался». Мы спросили, что значит хорошо? Нам расписывали его бесстрашие, сводя мысль к одному: «он дерётся зло». Но никто не сказал, что он сражается умело, как хороший, опытный лётчик.

Мы оказались случайными свидетелями такой сценки. Развлекавшиеся после полёта офицеры приняли в свою компанию уже изрядно подвыпившего лейтенанта.

— Зря ты не подстрелил того немца,— с упрёком сказал ему один из лётчиков. Лейтенант, сдвинув пилотку, махнул рукой:

— Пошёл он ко всем чертям! Стоило ли свою шею подставлять!

Прозвучал чей-то насмешливый голос:

— Конечно, тебя ведь невеста ждёт.

Лицо лейтенанта расплылось в широкой улыбке:

— Это удерживает меня от необдуманных поступков,— сказал он. — От того, что я ухлопаю одним немцем больше или меньше, дело не изменится. А рисковать из-за этих болванов нет смысла.

Володе захотелось отвести душу:

— Во время войны в Испании жёны антифашистов говорили: «лучше быть вдовой героя, чем женой труса». Так рассуждают и советские женщины. К сожалению, мнения американок я не знаю...

— Слушайте,— напыжившись сказал лейтенант,— я не позволю...

— Русские вправе говорить так,— вмешались его товарищи. — Мы ещё не сделали и десятой части того, что сделали они. Бросьте спорить. Выпьем, лейтенант!

Лейтенант поднял рюмку.

Да, у этих людей было своё представление о воинском долге и чести. Спорить с ними на эту тему было бесполезно. Американский офицер, казавшийся человеком серьёзным и даже несколько стеснительным, пожелал смягчить неприятное впечатление от этого эпизода.

— Лейтенант запальчив и болтает глупости,— сказал он.

А когда мы разговорились, выяснилось, что и этот офицер в своих взглядах недалеко ушёл от лейтенанта. Он считал, что индивидуальный риск абсолютно бессмысленен. То, что может сделать один человек, очень ничтожно, зачем же рисковать? И опять мы вернулись к старой теме. Если каждый считает, что его роль слишком ничтожна в общей борьбе, то можно ли от него ожидать активности и инициативы в бою? Ответ один: численное превосходство даёт уверенность в победе, ограждает от риска каждого участника боя. Впрочем, мы уже были настолько знакомы с американским эгоизмом, что все эти высказывания о роли одиночного воина нас не удивили.

Не проявляя большой заинтересованности в том, чтобы извлечь из своей боевой техники максимум пользы, американские лётчики демонстрировали и другое, не очень-то похвальное качество. Я имею в виду безразличное отношение к своим машинам как к оружию и материальной ценности государства.

Нам привелось быть на американском аэродроме во время налёта небольшой группы немецких бомбардировщиков. Американцы не ждали этого налёта, так как давно привыкли считать себя господами в итальянском небе. Бдительность службы ПВО была усплена длительным бездействием.

Перед вечером американские лётчики вернулись с боевого задания и вознаградили себя за ратные труды. Пир длился до позднего вечера. А когда умолк джаз и все удалились на покой, над аэродромом повисли немецкие осветительные бомбы. Затрещали зенитки. В небе рвались снаряды.

Из барачков выбегали люди, на ходу натягивая на себя одежду, напяливая на головы каски. Мне послужило убежищем углубление, вырытое в земле для прокладки телефонного кабеля. Я следил за разрывами бомб, стараясь определить расстояние до стоящих на земле самолётов. Вот один из них вспыхнул ярким пламенем. Другая бомба упала между двумя самолётами, и они тоже загорелись.

— О'кэй! — раздался чей-то восторженный голос.

Я оглянулся. На земле лежал человек. Он был одет не совсем аккуратно, но на его голове красовалась стальная каска. Подползая ближе, он снова воскликнул:

— О'кэй!

Ещё одна бомба угодила в самолёт. Американец, дёргая меня за рукав и показывая на небо, где кружили немцы, восторженно загалдел, что эти боши — чёрт их побери! — отчаянные ребята — лучшего представления и придумать нельзя.

Когда бомбардировка закончилась и отовсюду стали собираться авиаторы, начался обмен впечатлениями. При этом выяснилось несколько любопытных деталей. Группа офицеров, отъехав на машине на достаточно безопасное расстояние, собралась на пригорке, откуда был отлично виден освещаемый осветительными бомбами немецкий аэродром. Они затеяли азартное пари: попадёт бомба вон в тот самолёт или не попадёт?

А утром один капитан, потирая руки, объявил, что поскольку его самолёт сгорел, он сможет утратить свободное время для какого-то «интересного дельца».

— Много вы налетали на своей машине? — спросили его мои товарищи.

— Я летал на ней раз двенадцать, — ответил капитан.

— Жаль нового самолёта, — пособолезновали мы.

Капитан рассмеялся:

— Это ведь не моя личная машина!

Мне невольно вспомнилось, как любовно и бережно наши лётчики относятся к своим машинам, сколько заботы они вкладывают в уход за ними. Успешная посадка на повреждённом в бою самолёте у нас не редкость и никого не удивляет. Посадка на незнакомой местности ради спасения машины давно перестала быть единичным явлением. А как самоотверженно работают наши техники, ремонтируя машины в полевых условиях — днём и ночью, в зной и суровую стужу!

Так было не только в те дни, когда враг обладал большим численным превосходством в воздухе. Так происходит и теперь, когда наша отечественная промышленность даёт авиации достаточное количество современных самолётов. Да иначе и быть не может! Мы привыкли дорожить своей боевой техникой, потому что она является оружием победы, выкованным народом, принадлежащим народу.

Безразличное отношение американских лётчиков к своим машинам проистекло, думается, не от того, что «Америка богата» и имеет много самолётов, а от того убеждения, что машина не является его собственностью и принадлежит, как объяснял один бомбардир, «никому», то есть государству.

Не удивительно, что вокруг американских аэродромов мы видели целые кладбища разбитых и сгоревших машин. Один американский журнал писал, что США теряют от аварий до десяти тысяч самолётов в год. 10 000 машин гибнет во время войны, не успев даже приблизиться к противнику! Пожертвовать самолётом и тем, что он может принести в бою, лишь бы избежать риска — было своего рода неписаным правилом, бытовавшим среди значительной части американских лётчиков. Когда дело касалось технических причин, вызывающих аварии, американские специалисты обнаруживали достаточно изобретательности, чтобы их устранить. Но они оказывались бессильными сделать что-нибудь для устранения «психологических» причин небоевых потерь.

Кто-то высказал мысль, что лучший способ заинтересовать лётчиков в сохранении своих машин — это установить денежное вознаграждение. Скажем, совершил посадку на неисправном самолёте — получай несколько сотен долларов. По этому поводу французский лётчик, с которым нам привелось познакомиться, насмешливо заметил:

— Тогда они будут умышленно портить в воздухе свои самолёты.

Встреча с французским лётчиком произошла не случайно.

— Я слышал о вашем пребывании здесь и давно вас разыскиваю, — сказал он, сопроводив свои слова крепким рукопожатием.

Это был человек небольшого роста, с коротко подстриженными усиками на смуглом лице. Он ни на минуту не сводил с нас глаз, приветливо улыбаясь тонкими губами. Он хотел как можно больше узнать о лётчиках из французской эскадрильи «Нормандия», сражавшейся против немцев в Советском Союзе. К сожалению, мы не могли ему сообщить больше, чем знали из газет: французские лётчики дерутся храбро и умело, удостоились многих наград от советского правительства.

— Россия решает судьбу моей страны, — сказал француз. — Воевать рядом с русскими — большая честь...

Мы заговорили о перспективах освобождения Франции. Действия союзников на северо-западе несколько активизировались, офицеры поговаривали о предстоящей высадке большого десанта на юге Франции. Следовательно, её полное освобождение — дело ближайшего будущего.

— Боюсь, что это освобождение будет равносильно уничтожению, — с горькой иронией сказал французский офицер. — Союзники, особенно американцы, умеют пробираться к победе только через руины.

Мои товарищи заметили, что, ведя войну во Франции, англичане и американцы, вероятно, позаботятся о том, чтобы предотвратить ненужные разрушения.

— Вы так думаете?

— Мне кажется, так должно быть, — ответил Рошенко.

— Сомневаюсь. Многие города в Северной Франции уже разрушены. А что будет впереди? — французский лётчик говорил по-английски и старался, чтобы его слов не слышали американцы. — Разве им жаль Франции или какой-нибудь другой страны? Янки хотят выйти из этой войны единственными победителями.

— Не совсем понятно...

Француз посмотрел на нас не то с удивлением, не то с недоверием.

— Американцы хотели бы кончить войну так, чтобы у них не было конкурентов, — разъяснял он свою мысль. — Ведь чем больше потерь понесут другие народы, тем богаче и сильнее будут США. Война для деловых американцев — большой бизнес. Для него они готовы пожертвовать всем, так же как ради бизнеса, ради наживы жертвуют всем, даже воинской честью некоторые американские лётчики.

Разгорячившись, француз схватил прутик и стал чертить на песке схему воздушного боя. Вот линия фронта. Вот с севера, к фронту идёт группа немецких бомбардировщиков в сопровождении истребителей. Вот их атакуют американские истребители, обладающие, по крайней мере, тройным превосходством. Простейшее правило тактики

диктует, чтобы часть атакующих завязала бой с немецкими истребителями в то время, как другая часть обрушится на бомбардировщиков противника. Однако этого не произошло. Американские лётчики, зайдя со стороны солнца, сблизилась с немецкими истребителями и открыли огонь. Тем удалось увернуться от огня атакующих. Американцы не стали их преследовать, а все устремились к бомбардировщикам. Получилась неразбериха. Каждый хотел, чтобы добыча досталась ему. «Мессершмитты» же тем временем спокойно сбили пятерых американцев.

— И всё из-за жадности, — заключил француз, — ведь за каждый сбитый самолёт платят. За уничтоженный бомбардировщик выплачивается сумма много большая, нежели за сбитый истребитель. Вот почему каждый спешил наброситься на «юнкерса», а не на «мессершмитта».

Мне казалось, что француз преувеличивает. Кто пожелает нарушить элементарные правила боя и подвергать себя и своих товарищей риску из-за нескольких сот долларов? Для этого надо совершенно утратить и чувство воинского долга и чувство обычной человеческой порядочности. Но нам было трудно спорить: французский лётчик, что называется крыло к крылу, воевал вместе с американцами и несомненно знал их лучше нас.

В Италии сражались эскадрильи, состоящие целиком из негров. Нам много рассказывали об их мужестве и мастерстве. Мы не раз пытались познакомиться с лётчиками-неграми, но нам это не удавалось (недаром же к нам был приставлен «опекун»). То нам говорили, что негритянские подразделения перебазируются, то ссылались на их якобы большую отдалённость.

Случайные обстоятельства свели нас на дорогах Италии с группой негров — солдат и офицеров. Все они служили в 92-й дивизии. Наша встреча была не очень продолжительной, но крепко запала в память.

Когда мы рассказали им, что в Советском Союзе живут и совместно трудятся люди более шестидесяти народностей и национальностей, они буквально раскрыли глаза от удивления. Володя, засев под деревом с негром-капитаном, объяснял ему социалистический принцип самоопределения национальностей. Другие негры, слушая его, непрерывно издавали одобрительные восклицания. Они долго комментировали наши рассказы о том, что в Советском Союзе национализм, расизм и шовинизм расматриваются государством, как преступление народа.

— Что же вы делаете с такими преступниками? — спросил негр-офицер.

— Их судят и строго наказывают, — ответил Володя.

Негр звучно рассмеялся.

— Представляю себе, — сказал негр, — как бы выглядел мой патрон, если бы я его потащил в суд и он уплатил бы тысячу долларов за оскорбление негра.

Это были первые солдаты армии США, которые говорили о том, как они воюют с фашистами, а не о том, какие они храбрые. Ненависть к врагу чувствовалась в каждом их слове. Фашизм и расизм были для них равнозначными понятиями. Им казалось, что, победив фашизм в Европе, они завоюют себе равноправное существование в Америке. «Война», говорили они, многому научила людей, и теперь они станут умнее и лучше». Смертельная ненависть к нацистам, надежда на торжество справедливости в Америке вдохновляли их в борьбе.

В Италии сражались войны и многих других национальностей. Но они редко соединяли свои усилия в одной операции. Так называемый «закон армии», провозгласивший «равенство для всех», признавался лишь формально, и столкновения на почве национального антагонизма и расовой вражды не были редкостью. В своём скрытом виде они особенно процветали в наземных войсках. И в этом несомненно заключалась слабость последних, неустранимая в условиях капиталистического «содружества». Осенью 1944 года, подыскивая объяснения тому факту, что война в Италии затянулась и не сыграла большой роли в разгроме фашизма, генерал Александер говорил на пресс-конференции:

— Мы полностью господствуем в воздухе. У нас больше танков и орудий. Но противник располагает или располагал всеми преимуществами, протекающими

из... однородности своей армии, тогда как союзные войска состоят из представителей многих национальностей: британцев, американцев, канадцев, новозеландцев, южно-африканцев, поляков, французов, греков, итальянцев, бразильцев и индийцев.

Нам, наблюдавшим в армии США отношения между солдатами и офицерами разных национальностей, понятна была горечь слов генерала, осмелившегося высказать то, что так тщательно скрывали и скрывают поборники «вечного союза западных демократий». И мы были пренебрежены ещё большей гордости за нашу великую социалистическую Родину, где советский многонациональный народ живёт, трудится и побеждает единой дружной семьёй.

Там, на чужой земле, часто напрашивались сравнения и сопоставления и неизменно крепло одно чувство, одна мысль: счастье, что я советский человек, что я принадлежу к великой большевистской партии, преобразовавшей нашу страну, наших людей; счастье сознать мощь своего народа, сильного сталинской дружбой, сталинским единством.

МЫСЛИ ЧЕСТНОГО АМЕРИКАНЦА. ЛАГЕРЬ В ТАРАНТО.

В первых числах августа союзные войска овладели Флоренцией. Но это прошло почти незамеченным. Каждый ждал более значительных событий.

На западном побережье освобождённой части Италии происходило усиленное передвижение войск, многие районы были объявлены запретными зонами. В воздухе стоял гул моторов: одни авиационные эскадры шли на север, другие возвращались на юг, на свои базы. Готовилась большая операция.

Утром 15 августа морская армада, прикрытая сотнями самолётов, двинулась к южным берегам Франции. Первые десантные баржи подошли к побережью, не встретив сопротивления противника.

Операция была задумана и разработана задолго до её осуществления. По замыслу, англо-американские армии, наступающие с севера и юга, должны были соединиться где-то в центре Франции, изолировав силы немцев, находящиеся в западной и юго-западной части страны. Начало операции было в общем удачным, но главное предстояло впереди: немцы не обладали на юге Франции силами, способными остановить наступление союзников, но, воспользовавшись пресловутыми «оперативными паузами», они смогли бы создать на их пути серьёзные препятствия.

Лётчики, возвращавшиеся из полётов над Южной Францией, распространяли противоречивые слухи относительно того, что там происходит. Одни утверждали, что десантные войска продвигаются беспрепятственно; другие говорили, что только что началось большое сражение с главными силами немцев; некоторые же уверяли, что пока никакого сражения нет, но что они своими глазами видели, как по всем дорогам на юг движутся десятки немецких дивизий. Трудно было разобраться, кто говорит правду, а кто заблуждается, приняв колонны беженцев за немецкие дивизии. Ясно было одно: все хотят изобразить дело так, будто эта высадка в самый короткий срок решит исход войны.

Дня через два, вечером, раздался негромкий стук в дверь.

— Простите за беспокойство в такой поздний час, — с этими словами на пороге показался майор Макклой.

— Мы рады вам в любое время и часто вспоминали вас, — сказал я.

— Серьёзно? — Макклой, казалось, принял эти слова за обычную фразу вежливости. Но мы действительно часто вспоминали его и его товарищей. Это происходило каждый раз, когда, обдумывая впечатления от новых встреч и наблюдений, мы говорили друг другу, что нельзя всех стричь под одну гребёнку, что среди американских авиаторов имеются прогрессивные люди, самостоятельно мыслящие, воюющие с полным сознанием своего гражданского и воинского долга.

— Уже, наверное, в курсе всех новостей? — Макклой кивнул в сторону стола, где лежали газеты, пестревшие телеграммами о событиях на юге Франции. — Сожалею, что не я первый сообщил вам подробности этой операции.

— Вы ещё не опоздали, — сказал я.

— В таком случае, с удовольствием расскажу всё, что видел своими глазами.

В течение трёх дней Макклой совершил много вылетов в район десантных операций. Он считал, что всё идёт как нельзя лучше, и если высшее командование проявит достаточно оперативного искусства, то во Франции немцы будут разбиты в течение одного-двух месяцев. Армия охвачена наступательным порывом. В движение приведены такие силы, что никто — он в этом уверен — не в состоянии их остановить!

Макклой говорил горячо и взволнованно. Он не восторгался, подобно другим, «американскими масштабами», не любовался внешними эффектами. Его уверенность в том, что у союзников достаточно сил, чтобы к новому году закончить войну, была основана на разумных расчётах. Главные силы немцев уничтожены на советско-германском фронте, большую часть того, что у них осталось, и теперь отвлекают на себя советские армии. Следовательно, имеются все предпосылки для быстрой победы. Свежие, отлично оснащённые армии союзников многократно превосходят противника. Они имеют за собой хорошо обеспеченные коммуникации, обладают резервами.

Макклой не пытался изобразить дело так, будто американские вооружённые силы вступили на европейский континент в качестве самой могущественной силы. Он знал некоторые слабости своей армии. Но он был передовым человеком своей страны, разделяющим взгляды прогрессивных людей, и хотел, чтобы в достижении победы над фашизмом его родине принадлежала достойная роль. Когда он говорил, что американцы сумеют хоть частично отплатить долг советскому народу, то это был голос человека, обладающего большим чувством национальной гордости. Комбинации политических спекулянтов оскорбляли это чувство. Он был очень логичен, когда говорил, что американский народ нельзя отождествлять с теми, кто ведёт «игру» в своих чисто корыстных целях.

Володя включил радиоприёмник и настроился на московскую волну. Послышались звуки симфонического оркестра. Макклой обратил внимание на радиоприёмник и потом внимательно осмотрелся. Его взгляд скользил по множеству предметов американского происхождения. Перехватив его удивлённый взгляд, Володя объяснил, что я разделяю эту комнату с американским офицером.

— А где живут ваши товарищи? — спросил Макклой.

Пришлось рассказать, как нас «случайно» расселили. Майор смутился. Было заметно, что он испытывает чувство стыда за тех, кто позволил себе эту бестактность. Желая, видимо, переменить тему разговора, Макклой заговорил о капитане Ингерне. Его друг до войны работал техником в авиационной компании. Он мог бы и во время войны работать по этой специальности в частях технического обслуживания, но ему хотелось воевать по-настоящему. Вот почему Ингерн стал лётчиком. Майор охарактеризовал его, как скромного, безукоризненно честного человека и решительного, смелого авиатора. Ингерн знал, за что он воюет, и не любил людей, которые смотрели на войну, как на прогулку с фейерверками. Он много читал. Но ему нехватало системы. Поэтому он путался в противоречивых мыслях у разных авторов и часто искал ответа на волнующие его вопросы там, где их нельзя было найти. Ингерн давно стал задумываться над социальными проблемами и с захватывающим интересом следил за великим экспериментом русских. Но здесь была та же беда: его часто сбивали с толку противоречивые суждения всяких авторитетов. И самое главное: эти политические авторитеты так ловко умели обосновывать свои взгляды, что нередко ставили его в тупик.

— Ингерн хотел вас кое о чём расспросить и очень сожалел, что не мог поехать вместе со мной, — сказал Макклой. — Мне кажется, ваши слова произвели на него сильное впечатление. Смотрите, как бы вы его не заразили «коммунистической болезнью».

— А вы этого не боитесь?

Майор рассмеялся.

— В последнее время я часто слышу о том, что жизнь повернула влево. Кто знает, как далеко приведёт нас этот поворот!

Наутро, сопутствуя представителю комиссии по репатриации советских граждан, я и мои товарищи выехали в Таранто. Мы ехали на юг мимо богатых латифундий и жалких земельных полосок, мимо барских особняков и жалких лачуг. На городках и деревнях лежала печать бедности, нужды. Всюду бродили монахи и монахини в тёмных облачениях.

Юг Италии — отсталый край. Народ тут опутан религиозными предрассудками. Люди обрабатывают землю примитивными орудиями. Девять десятых крестьян владеют всего пятью процентами земли. Остальная земельная площадь занята угодьями богатеев.

Более развитый в экономическом отношении Север Италии находился ещё в руках немцев, и сюда, на юг, долетала молва о мужестве партизан Милана и Турина, Генуи и Болоньи, борющихся с немецкими оккупантами. Из уст в уста передавались рассказы о подвигах партизан-коммунистов. Народной любовью были окружены имена руководителей движения сопротивления и среди них имя партизанского командира Валерио. Только после войны народ узнал, что это партизанское имя принадлежало бухгалтеру из Александрии, отряд которого 28 апреля 1945 года совершил справедливый суд над Муссолини. Сражающийся с фашизмом пролетариат Севера вдохновлял трудовой народ Юга в его борьбе за демократическое переустройство страны.

В полдень мы въехали в Таранто. Это старинный город и порт. Кто не слышал гарантеллы? Здесь её родина. Нам говорили, что жители Таранто отличаются весёлым нравом, какой-то особенной жизнерадостностью. Но это, очевидно, относилось к прошлому, ибо теперь в городе не слышно было ни смеха, ни пения, ни музыки. К лавкам тянулись длинные очереди. Двери под большими выцветшими вывесками «Макароны» были заперты на замки. Кое-где на стенах уцелели старые королевские указы и правительственные распоряжения. Немногие посетители летних кафе, усевшись под большими parasолями, апатично попивали воду со льдом.

По центральным улицам расхаживали английские и американские моряки. Их не видно было в узких, грязных переулках и улочках, где ютится беднота. В не очень отдалённом от центра районе мы прочли на стенах нескольких домов надписи, сделанные на английском языке: «Здесь — бандиты!» Несмотря на столь прямое предупреждение, мы осмелились остановиться около одного из таких домов. Из окон смотрели итальянцы, и ни один не внушал никакого опасения. Совсем наоборот — мужчины и женщины тепло нас приветствовали. Разговорившись с ними, можно было убедиться, что это симпатичные и в высшей степени миролюбивые люди. А надписи на стенах? Со смехом нам объяснили, что они появились после того, как жители рабочих кварталов нашли способ отвадить некоторых иностранцев, приверженцев ночных походов.

Люди, которые некоторое время тому назад восторженно встречали первых солдат союзников, теперь жаловались на нужду и голод, говорили о несбывшихся надеждах на право быть хозяевами в своей стране. Некоторые смотрели на будущее пессимистически, не знали, куда направить усилия. Но мужественные голоса в рабочих кварталах, боевые призывные лозунги, эмблемы единения трудящихся говорили о том, что многие знают, где выход, что делать, кому довериться. Имя вождя итальянских трудящихся Пальмиро Тольятти звучало всюду, где слышна была человеческая речь.

В Таранто находились люди ещё более несчастные, чем его постоянные обитатели. Последние пользовались хоть внешней свободой, они были у себя дома, могли объединяться для борьбы и активной деятельности. Они вызывали сочувствие, но нельзя было забывать, что на них самих лежала вина за то, что они на протяжении многих лет терпели иго фашистской диктатуры и позволили Муссолини втянуть Италию в гитлеровскую военную авантюру. А в чём была вина советских граждан, угнанных в фашистское рабство и оказавшихся на освобождённой союзниками терри-

тории? Вдали от родины, после пережитых несчастий они оказались в настоящем заточении, без прав и возможностей бороться со своими новыми притеснителями.

Здесь был также лагерь для бывших военнопленных, в котором содержались военнослужащие всех стран, сражавшихся против Германии. Однако для русских администрация лагеря установила особый режим. Причём, по чьей-то воле сюда собрали мужчин, которые никогда даже не служили в армии. В «русском батальоне» этого лагеря мы встретили пожилого человека, который ничего не мог сказать о своей воинской принадлежности по той простой причине, что он был... глухонемым. Что же касается действительных военнопленных, то среди них были люди измученные, изурнённые, но горящие желанием с оружием в руках отплатить фашистам за страдания своего народа.

Незадолго до нашего приезда в лагерь прибыла группа бывших военнопленных, которые бежали из немецкого заточения, организовали партизанский отряд, сражались с гитлеровцами на Балканах. Они пересекли Адриатическое море, надеясь с помощью союзников вернуться на родину, чтобы продолжать борьбу в рядах своей армии. Однако они обманулись в своих надеждах и горячо выражали своё негодование. Это, собственно, и послужило причиной их строгой изоляции.

Нельзя было не взволноваться встречей, устроенной нам бывшими военнопленными. Мы не знали, кому раньше отвечать на вопросы. Никто из них не знал о последних победах нашей армии. То, что советские войска ведут бои на вражеских территориях, прозвучало для них совсем неожиданно. До нашего приезда им говорили, что силы СССР давно истощены и советский народ может оказаться перед катастрофой, если его не спасут американцы и англичане. В то же время им рассказывали о фантастических успехах союзных войск, вели «разъяснительную» работу, имевшую целью заставить советских людей отказаться от возвращения на родину.

В числе наиболее назойливых антисоветских пропагандистов были молодчики из польской армии небезызвестного Андерса. Советские люди не желали их слушать. Вначале они просили их умерить свой антисоветский пыл. Но это не возымело должного действия и однажды привело к открытому столкновению между бывшими военнопленными и андерсовскими провокаторами. Администрация лагеря ответила репрессивными мерами, окружив «русский батальон» колючей проволокой.

В лагере для гражданских лиц, подлежащих репатриации, советские люди встретили нас слезами радости. Расспросам о Родине не было конца. Их тоже держали в неведении относительно событий на советско-германском фронте. И сюда заглядывали андерсовцы, ведя злобную антисоветскую пропаганду, не останавливаясь перед самой низкой клеветой, подлыми измышлениями и угрозами по адресу тех, кто пытался изобличить их во лжи.

Первое, о чём просили советские люди представителя комиссии по репатриации, это помочь им скорее вернуться домой. Они понимали, что от родной страны их ещё отделяют вражеские территории, что морской путь опасен. Представитель комиссии ободрил их сообщением, что советское правительство и лично товарищ Сталин забываются о быстрейшем возвращении советских граждан на родину. Это вызвало всеобщее ликование.

Надо было позаботиться о том, чтобы для советских людей были созданы в лагере хотя бы минимальные человеческие условия, ликвидирована существующая по отношению к ним дискриминация. Они просили оградить их от всякого рода информаторов и просветителей, которые бродили по лагерю.

Командант лагеря, английский майор, на все требования советского представителя отвечал положительно. Он был приветлив, учтив и вежлив. Но в каждом его слове и движении было столько лицемерия, что мы сразу же усомнились в практической ценности всех его заверений. Сомнения эти укрепились ещё больше, когда майор стал говорить о безграничных симпатиях, которые он питает к русскому народу.

На нём были короткие до колен брюки, короткая куртка и берет с кисточкой. Он ни на минуту не выпускал из рук гибкий стэк. В соответствии с уже знакомым нам стилем майор тут же, в служебном кабинете, разлил из графинчика какой-то

напиток и предложил выпить за дружбу. Именно за дружбу, ибо он с давних пор питает к русским добрые чувства и даже хорошо знает их обычаи. И демонстрируя это, он тут же сплясал русскую «камаринскую» в английской интерпретации. О, пусть господа офицеры не сомневаются, в дни своей молодости он ещё и не так плясал! Этому искусству он научился в России, в штабе «самого генерала Деникина».

Что и говорить, самая подходящая фигура на пост коменданта лагеря, в котором содержатся советские граждане!

За воротами лагеря маячила группа андерсовцев, явно ждавшая нашего отъезда. Как выяснилось позже, мы не ошиблись. Узнав, какую встречу устроили нам в лагере, андерсовцы окончательно распоясались, подвергая советских людей отвратительным издевательствам.

Мы встречали этих вояк во всей южной Италии. Не блистая храбростью на фронте, они всячески старались выслужиться перед своими английскими хозяевами в тылу. Итальянцы ненавидели этих отщепенцев, с каждым днём всё больше наглевших под английским покровительством. Большинство американцев говорили о них с брезгливым чувством, а рядовые англичане относились к ним откровенно враждебно. Об Андерсе и его воинстве ходили злые анекдоты, распространялись едкие карикатуры. Но зато английские военнополитические дельцы были довольны: в лице верноподданных Андерса, одетых в английскую военную форму, они имели верных псов.

На пути из Таранто в Бари мы много говорили о том, как с каждым днём открываются всё новые факты, свидетельствующие, что известные англо-американские правящие круги лишь на время затаили свою ненависть к советскому народу. Чем значительней наши победы, чем ближе к концу войны, тем ощутительней эта вражда.

Когда фашистские армии стояли на берегу Ла-Манша, угрожая Англии, но не смогли осуществить своей угрозы, потому что могучий Советский Союз сковал, а затем уничтожил их главные силы, из Лондона раздавались голоса: «Россия спасла Англию». Американцы широко вещали: «Героиизм и стойкость русских позволили нам организовать свои силы». Теперь же, когда благодаря победам советского народа окончательно отпала опасность, грозившая Англии, этих голосов уже не было слышно. Наоборот, теперь делалось всё возможное для того, чтобы заглушить в рядовом англичанине и американце чувство восхищения храбростью и мужеством советского народа, возбудить подозрения к нему.

Правда, официальные лица и официальная пресса ещё не решались выступать с открытыми антисоветскими проповедями. Но от так называемых неофициальных особ и из столь же неофициальных газет можно было узнать, что Красная Армия не наступает, ведя ожесточённые бои, а просто следует за немцами, которые отходят к «восточному валу»; что на восточном фронте появились советские женские полки, так как в России уже больше некому воевать; что в Москве формируется коммунистическое правительство для всей Европы и т. д. и т. п.

А когда советские войска на юге, ведя ожесточённые бои, стали приближаться к Бухаресту, а на севере — к границам Восточной Пруссии, из тех же источников начали доноситься вопли: «Русские слишком быстро наступают!» Некоторые перепуганные джентльмены яростно бранили высокопоставленных особ за то, что те ошиблись, мол, в своих расчётах на «взаимоуничтожение немцев и русских». Они сокрушались по поводу того, что Западу не придётся сказать последнее и самое решающее слово. Так в своём гневе они выбалтывали то, что составляло «дипломатическую» тайну.

Злобная клевета никогда не служила признаком добрых намерений, равно как слепая ярость не является свидетельством большой силы. И мы, разумеется, не огорчались: объективные впечатления полезны впрок.

ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР.

События во Франции всколыхнули однообразную жизнь обитателей нашего отеля. Печать, радио, кино, всякие осведомлённые и неосведомлённые личности расписывали победы союзников, предвещая скорое освобождение Западной Европы. По несколько раз в день передавались сообщения о взятии Парижа и тут же сразу опровергались. Теперь все считали, что итальянский фронт утратил всякое значение и что капитуляция Германии состоится буквально в ближайшие дни. Все рвались во Францию.

Мы тоже рвались из Италии, рвались на Родину. Наконец, стало совершенно ясно, что ждать «челночной» операции бесполезно. К большой радости, подвернулся счастливый случай: в Советский Союз должен полететь транспортный самолёт, в котором нам обещали предоставить места.

Время отлёта не было известно. Это могло произойти в любой час. Я безвыходно сидел в гостинице. Наш «язык» Володя безотлучно дежурил тут же. Рошенко и Быхал снесли в мою комнату свои парашюты, лётное обмундирование и вели себя, как беспокойные пассажиры, которые боятся пропустить долгожданный поезд.

Володя грустил и сетовал на судьбу, забросившую его так далеко от Родины, близких и друзей. После нашего отлёта он должен был вернуться в военную миссию и не знал, как долго ему ещё придётся здесь оставаться. Он рассказал о родителях, которые эвакуировались из Ленинграда, о любимой девушке, перенёвшей блокаду, о товарищах, сражавшихся на фронтах. Все они в его глазах были героями. Только ему одному не представилась возможность «по-настоящему» проявить себя на войне.

— Если бы меня не назначили на работу переводчика, — жаловался он, — я был бы артиллеристом или танкистом. У меня есть школьный товарищ, который начал войну сержантом, а теперь командует артиллерийским полком. Когда я об этом рассказываю американцам, они не верят. Они убеждены, что в армии нельзя быстро сделать «настоящую карьеру». Инициативу и предприимчивость они признают только в бизнесе, а в армии надо только выслуживаться.

Володя умолк. Потом на его лице появилась лукавая улыбка.

— Товарищи, — сказал он, — вы заметили, о чём бы ни шла речь, мы обязательно переходим к разговору об американцах?

— Ничего удивительного. Мы наблюдаем их очень близко, многое кажется парадоксальным, — ответил Быхал.

Володя отрицательно покачал головой.

— Это не главное. Мне кажется, мы часто подсознательно делаем сравнения, желая, если можно так выразиться, лучше познать самих себя. Вот сейчас вы вернётесь домой и на всё теперь будете смотреть другими глазами. Ведь правда?

— После всего, что я здесь видел, само слово «советский человек» стало мне в тысячу раз дороже, — сказал Рошенко.

Пришёл мой сожитель Томпсон, никогда не отказывавшийся от часа дневного отдыха.

Стук в дверь. Мы оглянулись. В комнату вошли майор Макклой и капитан Ингерн. Они были бледны и заметно взволнованы.

— По дороге сюда мы узнали ужасную новость: погиб Джемс, — с искренней скорбью в голосе сказал Макклой.

Воцарилась тишина. Не хотелось верить в смерть этого смелого лётчика. Я не знал, какими словами выразить сочувствие его друзьям. Молчание нарушил Томпсон.

— Это ужасно! Так тяжело терять друга. Я вполне вам сочувствую, друзья мои, — проговорил он пасторским тоном. — Когда же произошло это несчастье?

— Сегодня утром. Он стал жертвой трусости своих товарищей, — сказал Ингерн. — Джемс был храбрым и честным человеком. Он атаковал немцев, не думая, что в критическую минуту его оставят.

Макклой рассказал, что группа, в которой летел Джемс, завязала бой с двумя немецкими истребителями. Один из них сумел уйти в облака. Второй, видя большое численное превосходство американцев, прибегнул к хитрости: он устремился вниз,

симулируя падение машины. Джемс бросился за ним и на небольшой высоте зажёл вражеский самолёт. В это время из-за облаков вынырнул второй немец. Зайдя в хвост двум американским истребителям, он обратил их в бегство — что ему и нужно было — и устремился прямо на Джемса. Джемс принял бой в невыгодном для себя положении, надеясь, вероятно, что товарищи его поддержат. Но те не пришли ему на помощь.

Положение надзирателя обязывало Томпсона пресечь разговоры, компрометирующие американских лётчиков. Он опять стал говорить о своём сожалении и сочувствии и заметил, что майор и капитан, видимо, потому так резко говорят о коллегах покойного, что они находятся под впечатлением тяжёлой утраты. На войне, к сожалению, без жертв не обходится.

Макклой молча смотрел на Томпсона. Ингерн же обнаружил меньше сдержанности и тихо сказал что-то очень язвительное. Лицо Томпсона дрогнуло.

— Надо уметь мужественно переносить горе, — проговорил он, стараясь придать своему голосу спокойствие. — Русские понесли в этой войне большие жертвы. Не представляю себе, как бы они кончили войну, если б предались отчаянию.

— Но у нас никому не прощают трусость в бою, — воскликнул Володя.

— Кроме предположений, у этих джентльменов нет никаких других доказательств, что коллеги покойного показали себя трусами. Уверю вас, это не в характере американских лётчиков.

Эти слова словно взорвали капитана Ингерна. Он во весь голос заговорил о лицемерии, которое процветает в американской армии и поощряется примерами «некоторых господ сверху». Только лицемеры боятся правды, только трусы защищают трусов.

Перепуганный Томпсон старался успокоить негодующего капитана, упрямивая его прийти в себя и вспомнить о присутствии посторонних людей, у которых могут сложиться об американских лётчиках самые неправильные впечатления. Макклой внушительно заметил, что у русских действительно создается подобное впечатление, если они будут судить об американцах только по некоторым обитателям этого отеля. Но он уверен, что русские гости отлично знают, чьими руками делается победа, кто расплачивается за неё своей жизнью.

Томпсон с оскорблённым видом взял пилотку, давая понять, что намерен покинуть комнату. Но Макклой и Ингерн первыми направились к двери. Я и Володя вышли их проводить. Оба приятеля были сильно взволнованы. Они извинялись за инцидент и просили посидеть с ними в кафе. За столиком у окна, где произошла наша первая беседа, мы вспоминали Джемса. Ингерн, которому он был особенно близок, подробно говорил об обстоятельствах его гибели. Он заметил, между прочим, что в куртке покойного осталось неотправленное письмо на родину, в котором Джемс очень тепло писал о встрече с советскими лётчиками.

— Вы возвращаетесь в Советский Союз накануне самых решающих событий, — сказал Макклой. — Интересно будет, если, расставшись в Италии, мы с вами скоро встретимся в Германии. Назначаю свидание в канцелярии Гитлера!

Нам подали кофе. Макклой попросил вина.

— Я хочу выпить за нашу встречу в Берлине и за дружбу между Америкой и Россией! — воскликнул он.

Спустя некоторое время я говорил нашим собеседникам:

— Нельзя не заметить, чем ближе к концу войны, тем чаще и громче раздаются антисоветские голоса.

— В этом нет ничего удивительного. Многих пугает популярность вашей страны, сильно выросшая в годы войны. Но симпатии честных людей на стороне советского народа.

К этим словам майора Ингерн добавлял, что мир населён не одними томпсонами, у которых нет ни собственных взглядов, ни собственных убеждений. Большинство людей обмануть невозможно.

Пожелав друг другу успехов в борьбе и личной жизни, мы расстались искренними друзьями.

Обратный путь был долгим и утомительным.

Из Бари самолёт взял курс на юг. Над Ливией мы круто повернули на восток. Дальнейший маршрут лежал почти по прямой через Египет, Палестину, Ирак, до столицы Ирана. Отсюда зигзагами, намного удлинившими маршрут, мы на четвёртые сутки прилетели на Украину.

Вот она, наконец, родная земля, родной воздух, родная речь, лица родных людей. Наша комната наполнилась весёлыми голосами друзей, требовавших рассказов о путешествии. Но раньше чем говорить о своих впечатлениях, хотелось подробно узнать о событиях, которые произошли на Родине.

Это были знаменательные дни. Советские армии вывели из войны Румынию, лишили Германию главного источника нефти. Фашистская Германия оказалась перед реальной угрозой потерять весь балканский тыл, имеющий большое военно-экономическое значение. Советские войска вышли за Вислу. Снаряды наших артиллеристов рвались на территории Восточной Пруссии. Под ударом оказались районы, в которых немцы во время войны сосредоточили большую часть своей военной промышленности.

Лишь глядя отсюда, можно было правильно понять и оценить события, развивающиеся в Западной Европе. Чтобы оттянуть крушение своего восточного фронта, немцам ничего не оставалось, как снять с Запада отборные дивизии, возложив там все надежды на второсортные воинские формирования, имеющие в качестве «щита» линию Зигфрида.

Но американские офицеры украинской базы «летающих крепостей» смотрели на все события глазами западных радиокомментаторов. Через всю Европу, сквозь дым и шум сражений, сюда долетало славословие в честь военной доблести союзников. Американской военной техникой, американским размахом старались поразить воображение радиослушателей, в каком бы уголке мира они ни находились. Призрак поражения в Арденнах возник внезапно тремя месяцами позже.

«Челночные» операции проводились не интенсивней, чем раньше. Оказывать союзникам содействие на бездействующем аэродроме — это занятие было не по мне. Я стал хлопотать о переводе в свою часть.

★ ★
★

Была облачная осенняя ночь. Мы пришли к аэродрому «вслепую». Произвели посадку и зарулили на стоянку. Вскоре приземлился весь полк. Наш командир, полковник Тихонов, суммировав все доклады и данные фотоконтроля, отметил, что вылет дал хорошие результаты: все бомбы легли в цель.

В столовой, как давно повелось, лётчики комментировали последние известия. Когда дело коснулось сообщений с Запада, товарищи попросили меня: пусть очевидец объяснит, почему, хвастаясь своей техникой, американцы не могут похвастать значительными боевыми успехами. На это нельзя было ответить, не касаясь тайных политических расчётов американского империализма и американской военной доктрины. Но самую существенную причину можно было объяснить коротко:

— Машины никогда не заменят человека.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Е. Книпович. Весна в Европе. — Лев Озеров. Поэзия борьбы за мир. — Майор В. Хабин. Роман об армии героев. — Вл. Николаев. Повесть о молодости. — Александр Чаковский. На большой дороге. — С. Григорьева. Поэмы Антона Белевича.

ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. ВОЕННАЯ НАУКА

Академик Е. Тарле. Заокеанские гитлеровцы. — В. Мочалов. Югославия под пятой фашизма. — Инженер-контр-адмирал А. Юровский. Морская слава нашей Родины. — Полковник Н. Денисов. СССР — родина парашютизма. — Член-корреспондент Академии наук СССР Н. Дмитриев. Новый труд по истории культуры Азербайджана. — Кандидат технических наук инженер-майор В. Кириллов. Конструктор стрелкового оружия.

ПРАВО

Член-корреспондент Академии наук СССР А. Трайнин. В лабиринте английского права.

ТЕХНИКА

И. Пешкин. Школа новаторов. — А. Иглицкий. Создатель «огненной машины».

ГЕОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Сергей Марков. Дневники писателя-путешественника. — Подполковник П. Корзинкин. Землепроходец XX века. — Кандидат исторических наук М. Салманович. На пороге новой науки.

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ

Михаил Ботвинник. Книга о М. Чигорине.

Литература и искусство

Весна в Европе

В последние годы советская литература уже дала значительные произведения, посвященные завершающему этапу Великой Отечественной войны. Советский воин, разгромивший гитлеровские полчища на родной земле и пришедший в Европу как освободитель поработанных фашизмом народов, стал героем трилогии О. Гончара «Знаменосцы».

Последнему этапу Отечественной войны посвящен и новый роман Э. Казакевича «Весна на Одере». В нём показан боевой и победный путь советской армии от границ Германии до Берлина. В нём изображена и нескрушимая военная мощь народа-победителя и духовное величие советских людей, воспитанных партией Ленина — Сталина в духе советского патриотизма и подлинного интернационализма. Несмотря на все преступления фашизма, несмотря

на историческую вину немецкого народа, который дал себя использовать гитлеровской клике для империалистической агрессии, несмотря на справедливую жажду возмездия, советские воины, вступившие на территорию Германии, крепко помнят слова великого Сталина: «... было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остаётся»¹.

Действие романа Э. Казакевича начинается в туманное зимнее утро 1945 года, когда одна из дивизий, входящих в состав 1-го Белорусского фронта, вступает на территорию Германии.

«— Так вот ты какая!..— задумчиво про-

Эм. Казакевич. «Весна на Одере». Журнал «Знамя», №№ 8, 9, 10 за 1949 год.

¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат, 1947, стр. 46.

изнёс какой-то коренастый русский солдат, впервые назвав Германию в упор на «ты» вместо отвлечённого и враждебного «она», как он называл её в течение четырёх последних лет. И все подумали о великом Сталине, который вёл и привёл их сюда. И подумав о нём, солдаты посмотрели друг на друга, и их зрачки расширились от горделивого сознания собственной непобедимой силы.

— Так вот мы какие!»

Так вот мы какие... Вопрос здесь идёт не только о том, что в суровых боях за свободу и независимость Родины вырос и приобрёл зрелость каждый советский боец. Дело ещё и в том, что каждый осознаёт себя членом великого коллектива — «армии коммунистов-сталинцев — людей, не знающих преград».

Боевой путь советских воинов от границы и до Берлина не лёгок. Враг ещё огрызается. В дни наступления дважды тяжело ранен командир разведки дивизии герой книги майор Лубенцов, героически погибает его ординарец Чибирёв, комбат Семёнов, ефрейтор Семиглав — замечательный советский юноша, почти накануне смерти принятый в партию дивизионной парткомиссией.

Каждый советский воин, перешедший рубеж, прежде всего остаётся бойцом, который ломает вражескую оборону, гонит и истребляет врага. Но каждый советский воин за рубежом становится вместе с тем и своего рода международным деятелем, представителем могучей советской державы перед разноплеменными людьми.

В 1945 году А. Твардовский рассказывал нам о том, как идёт по дороге на Берлин Василий Тёркин. А навстречу ему —

На восток, сквозь дым и копать,
Из одной тюрьмы глухой
По домам идёт Европа...

И в романе Э. Казакевича навстречу советским воинам идёт «по домам» освобождённая ими Европа, Азия и Америка.

Характерно, что в положении «полпреда» советской страны перед «разноплеменным людом» в романе выступает в основном капитан Чохов — отличный парень, но далеко не самый передовой представитель советского офицерства.

Автор идёт здесь, так сказать, по линии наибольшего сопротивления. Не только со-

ветские полководцы, такие как генерал Сизокрылов, не только лучшие представители новой коммунистической интеллигенции, такие как майор Лубенцов, правильно решают сложные задачи, встающие перед советским воином за рубежом.

Сила морально-политического единства советского народа и советской армии так велика, что и Чохов — эршистый, импульсивный, иногда склонный к загибам, тоже оказывается «на высоте», неизбежно должен оказаться, ибо и он чувствует свою ответственность и равняется на лучших. «Международная деятельность» капитана Чохова нарисована автором в тонах мягкого юмора, который, однако, ни в чём не снижает высокой патетики отношений советского воина-освободителя и освобождённой «Европы».

«Тут распахнулась дверь, и в комнату гурьбой вошли иностранные рабочие. Впереди шла, сияя синими глазами, красивая голландка. Она протянула руку Чохову и произнесла несколько слов, покраснев и заметно волнуясь. Чех перевёл. Маргарета от имени всех иностранцев, а также от имени их семейств благодарит капитана и храбрую русскую армию.

Чохов пожал её маленькую руку и не знал, что ответить. Ему казалось, что здесь, в этой большой темноватой комнате, заставленной книжными шкафами, он стоит на виду у целого мира. И надо было сказать что-нибудь весомое, конечно, не стихами, но вроде стихов. А то, что он просто капитан, да ещё не на очень хорошем счету у начальства, — откуда могли об этом знать молодая голландка и стоявшие позади неё люди из разных стран? В их глазах он был могуч и безупречен, и за ним стояла вся армия Сталина».

И в словах и в действиях своих капитан Чохов не посрамил чести и славы сталинского солдата.

Советскую Армию, в соответствии с жизненной и исторической правдой, Э. Казакевич рисует как армию нового типа, вдохновлённую благородными целями Отечественной войны, до конца преданную идеям партии Ленина — Сталина. Под ударами этой армии распадается на части гитлеровский «райх».

Но процесс распада фашистского государства является одновременно и процес-

сом внутренней и глубокой дифференциации всего населения Германии.

Сначала к имперской канцелярии, затем ближе к американской армии стягиваются большие и малые столпы фашистского режима, матёрые мерзавцы, организаторы провокаций и диверсий на территории, занятой советскими войсками.

«Находясь за рубежом родной земли, будьте особенно бдительны!»¹ — эти слова сталинского приказа от 1 мая 1945 года невольно вспоминаются, когда читаешь в романе о деяниях Гаусса, Бюрке и прочего фашистского охвостья. Майор Лубенцов, человек огромной нравственной чистоты и силы, ранен предательским выстрелом Бюрке в ту минуту, когда он вышел с белым флагом, чтобы побудить сдать заставшую в лесу разбитую немецкую часть.

И символично то, что убийца, диверсант Бюрке находит ласку и привет со стороны американского командования. Причём, оба офицера американской разведки, пригrevшие фашистского убийцу, — один «высокий, худощавый с чёрными усиками и тощими волосатыми руками» и другой «маленький, очень весёлый, с большой орденской колодкой», — через несколько дней при встрече советских и американских войск на Эльбе будут весьма прочувствованно поздравлять советское командование с победой над фашизмом.

Кипят страсти в среде немецких обывателей, впервые готовых назвать всех фюреров и фюрериков «оня», проклясть их за то, что они восстановили против немцев весь мир. Но вот автор вскрывает перед нами и следующий, более глубокий, волнующий и важный процесс. Из осаждённого города Врицен к гвардии майору Лубенцову приходит перебежчик — немолодой немец с суровым решительным лицом, ныне минёр, в прошлом берлинский токарь Вилли Клаус. Он сам минировал южную окраину города и сейчас пришёл к русским, чтобы провести их безопасной дорогой через минные поля. В романе Э. Казакевича не только с большой отчётливостью нарисован этот двойной процесс, но и показан государственный, партийный разум советских воинов, которые и видят эту диффе-

ренциацию, и направляют её, и активно содействуют ей.

Разумеется, политику Советской Армии в этом вопросе прежде всего определяют в романе «старшие» — генерал Сизокрылов, полковник Плотников. Но основной носитель этой темы в романе — сержант Сливенко, парторг роты капитана Чохова, в прошлом донбасский шахтёр. И это не случайно. Потому что автору важно было показать «государственность мышления», проявляемую рядовым бойцом и низовым партийным деятелем.

У сержанта есть и личный счёт к Германии. Дочь его Галя была угнана в фашистское рабство. Где она и жива ли она, сержант не знает. Мало ли есть немецких хуторов и русских могил возле них. Но Сливенко — коммунист. И при первой же встрече с немецким населением он тотчас гасит пробудившийся в нём гнев. Нет, перепуганные немецкие крестьянки не могут быть в ответе за судьбу Гали. Сливенко увидел «их большие красные руки, руки людей, привыкших к тяжёлому крестьянскому труду, и, по правде сказать, в душе пожалел их: «Разве эти угнали? Разве эти разорили?» И отсюда Сливенко делает правильный, единственно возможный для воина-коммуниста вывод: «Я думаю... что с ними теперь надо поспокойнее. С гражданскими то есть. Просто, как будто и не немцы они совсем... а так — люди».

Э. Казакевич наглядно показывает нам, как выкристаллизуются те демократические силы, которые в наши дни уже определяют будущее Германии.

Идейную и художественную кульминацию этой линии романа являет образ Франца Эвальда, члена ЦК компартии Германии, захваченного в 1937 году агентами гестапо и освобождённого в 1945 году разведчиками майора Лубенцова. Освобождение Эвальда, его беседа с начальником политотдела полковником Плотниковым, братское сочувствие советских командиров мужественному немецкому коммунисту, горячая, сыновья любовь Эвальда к Советскому Союзу и Сталину — всё это звучит в романе, как страстное поэтическое прославление великой интернациональной солидарности коммунистического авангарда всего мира.

А в чём же всё-таки сюжет романа? — может спросить нас читатель. Или централь-

¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат, 1947, стр. 190.

ной, основной сюжетной линии в романе «вовсе нет, потому что «на войне сюжета нет», как сказал когда-то А. Твардовский. Сюжет в романе есть. Майор Лубенцов в день вступления дивизии на немецкую территорию встречает молодого хирурга Татьяну Васильевну Кольцову, с которой он в 1941 году вместе выходил из окружения под Москвой. Так завязывается их любовь, которая, проходя многие испытания, завершается благополучным концом в дни победы.

Однако переход от новеллы к большому полотну не прошёл в творчестве Э. Казакевича без «издержек производства». Сюжет романа построен и разработан не в рост теме. Не потому, что он «неподходящий» сам по себе, а потому, что великая моральная чистота, широкий кругозор человека сталинской эпохи, так полно и поэтично раскрытые в общественных функциях героев, оказались не воплощёнными, а лишь декларированными там, где дело коснулось их личных отношений.

Вероятно, больше всего вызвано это тем, что образ Тани Кольцовой создан автором по иному принципу, чем все остальные образы романа. Создавая образы Лубенцова и Мещерского, Сливенко и Семиглава, Гогоберидзе и Чибирёва, автор верит себе своему чувству, зрению, знанию действительности. Но создав образ Тани Кольцовой — одновременно женственный и сильный, чистый и страстный, автор вдруг усомнился, что «так бывает», и, доверяя общественным качествам героини, захотел вместе с тем кое в чём снизить её в личном плане. Так возникла в романе линия отношений Тани Кольцовой с полковником Красиковым, пошляком и фанфароном. То, что Красикову, по существу, грош цена, видят в романе буквально все: и бойцы, которых претит его барски-по-

кровительственное отношение к ним, и генерал Сизокрылов, распознавший в Красикове политически нечуткого и самовлюблённого дурака. Даже подружили Тани по медсанбату поняли, что «водиться» с полковником не стоит. Таким образом, Таня оказывается самой нечуткой, неразборчивой, нетребовательной из всех. И это совсем не «очеловечивает», а лишь раздваивает, делает смутным, противоречивым её образ. Неудачно «очеловечив» Таню, Э. Казакевич тем самым втянул и Лубенцова в совершенно несвойственные ему по характеру положения и переживания. Поэтому Лубенцов — воин, коммунист, освободитель Европы — нам очень дорог, а о личных его делах мы как-то забываем. Нас волнует в романе прежде всего тот широкий поток людей и событий, которые определяют политически острую, талантливо разрешаемую тему «весны», принесённой в Европу армией сталинцев — коммунистов. Она начата в романе именем Сталина, которое естественно возникает в сознании бойцов в час их вступления в Германию.

И она кончается именем Сталина, горячей благодарностью Сталину, которую в день Победы приносит вождю советского народа вся армия — от генерала до рядового.

«Солдат опять прислушался к тишине и тихо сказал:

— Сталину спасибо.

Да, ему спасибо, — думал член Военного Совета, простившись с рыжеусым солдатом и медленно идя вдоль берега Эльбы. — Спасибо его светлому уму, железной выдержке, изумительной настойчивости и необыкновенной прозорливости. Партии, которую он выковал, армии, которую он создал, народу, который он поднял на небывалую высоту, спасибо!».

Е. КНИПОВИЧ.

★

Поэзия борьбы за мир

Солдат вернулся с войны. Он прошёл от Сталинграда до Берлина. Освободил советскую землю от врагов. Помог от них освободиться и другим народам. Но, возвращаясь с победой домой, он не пред-

ставлял себе, что «в золотую пору мира начнётся лишь борьба за мир».

Борьба за мир... В книге Александра Пидсухи это больше, чем тема. Всё здесь, от первой до последней строки, от стихов о «генералиссимусе мира и жизни» до лирической миниатюры о рождении дочери,

Александр Пидсуха. «Я хочу миру». (На украинском языке). «Радянський письменник», 1948.

дышит насущным, жизненно важным, неотложным: борьбой за мир.

Перед нами — молодая, угловатая, беспокойная книга. И это хорошо: читателю непосредственно передаётся живая мысль поэта. Книга перестаёт быть собранием страниц и листов, стеснённых переплётом. Она становится трибуной, с которой поэт обращается к миллионам борцов за мир. Под этими стихами, написанными в большинстве своём от первого лица, сегодня подпишутся простые люди мира. Александр Пидсуха не декларирует и не декламирует — он рассказывает и делится своими впечатлениями. Порой в его голосе слышится любовь, порой его голос звенит от негодования.

Ещё недавно, на Втором съезде писателей Украины, А. Корнейчук называл имя Александра Пидсухи среди имён других растущих молодых поэтов, а уже сегодня П. Тычину, посетившего в составе советской делегации Англию, прогрессивные деятели, в том числе Джек Линдсей, просят прислать книгу «Я хочу мира».

Слово поэта — борца за мир способно перешагнуть рубежи и без всяких виз войти в сердца людей. Причина этого не только в безусловно растущем мастерстве поэта, не только в требовательности его к себе самому, но и в убеждённости и личной заинтересованности, с которой написана книга. В ней есть стихи, удавшиеся более («Всё нам под силу», «Мой друг Джек из штата Миссисипи» и др.), есть и мало удавшиеся (например, поэма «На рассвете»). Но в книге нет холодных слов, нет пустозвонного версификаторства.

Вся книга проникнута верой в победу дела мира и демократии, гордостью за советских людей, выступающих в роли учителей трудящихся всех стран.

«Я хочу мира» — это не мольба, а утверждение. И высказано оно не слабым, а сильным, потому что поэт знает:

У нас 600 миллионов войска,
Что хочет мира на земле.

К этой огромной цифре борцов за мир присоединяются всё новые и новые миллионы. Поэты разных стран мира в своих произведениях выражают уверенность в победе лагеря мира и демократии. Ведамуту, сын Вигавазама (Вьетнам) говорит в своих стихах: «Нас всегда больше, потому что с нами все угнетённые». Когда Шанкар Ша-

лейндра — сварщик железнодорожных мастерских Бомбея — читает: «Теперь врагов Советского Союза назовут врагами своего народа» — многочисленные слушатели отвечают лозунгом: «Мы не дадим начать войну против Советского Союза». Это голоса честных людей труда, они сливаются с голосами советских людей — борцов за мир.

Александр Пидсуха передаёт читателю ощущение эпохи, в которую мы живём. Он пользуется не столько астрономическим, сколько политическим измерением времени. После войны у поэта родилась дочь. На недавнем поле боя уже колосится жито... Ясно, о каком времени идёт речь. Поэт стремится, однако, ещё точнее обозначить время рождения дочери:

Твой первый крик послышался в палате,
Когда посмели выстрелить в Тольятти.

Поэт находит черты существенного сходства в датах рождения своего и своей дочери: «И я родился в дни тревоги тоже», точнее: «Когда из-за угла Ильич был ранен». И вот концовка этого отличного стихотворения:

За тридцать лет,
что с той поры минули,
Мы полпланеты к солнцу повернули.
Когда ты будешь в возрасте моём,
Мы всю планету
к солнцу повернём.

Здесь не только удачно найденный «поборот» темы. В этих стихах дан новый образ мыслей нашего советского человека после войны.

Всюду, где поэт говорит о враге, читатель ощущает: враг советского народа — это враг всего прогрессивного человечества, и имя его — империализм. Однажды в задунайском городке группе советских бойцов пришлось заночевать в доме фабриканта-австрийца. Старшина прочитал своим друзьям письмо из колхоза от родных: сын старшины пошёл в первый класс и мечтает стать агрономом. Через некоторое время после прочтения письма в комнату вбежал хозяйский сын. «Кем хочешь быть?» — спросили его наци бойцы. И он, не колеблясь, ответил: «Фабрикантом!» Бойцы не стали ни попрекать его, ни перубеждать. Но в письме домэй старшина написал:

Учись, сынок.
Учись и знай:
Ещё растут капиталисты!

Удачен новый цикл стихов Александра Пидсухи «Слово о наших друзьях», напечатанный уже после выхода книги «Я хочу мира» в журнале «Дніпро». Здесь поэт с глубокой любовью пишет о Мартине Андерсене Нексе и о Поле Робсоне, об Эми Сяо и о Пабло Неруде. Последний в одном из своих стихотворений писал: «Мир великому колхозу под Киевом». Киевлянина Александра Пидсуху до глубины души тронул этот стих, и он взял его в качестве эпиграфа к своему посланию, адресованному Пабло Неруде. Украинский поэт

желает члїйскому поэту успеха в борьбе за лучшее будущее его родины.

Несомненно, что молодой украинский поэт учился у Маяковского весомости и зримости политического стиха, умению прямо ити на тему, максимально простыми и экономными изобразительными средствами добиваться наибольшего воздействия на читателя и слушателя.

Александр Пидсуха встал на верный путь поэтической работы. Пожелаем ему удачи на этом пути.

Лев ОЗЕРОВ.

★

Роман об армии героев

Тридцать лет минуло с тех пор, как была создана товарищем Сталиным Первая Конная армия. Но время не изгладило в памяти народа образа незнавшей поражений легендарной конницы. Она воспета народом в песнях. Доблесть конармейцев явилась неиссякаемым источником вдохновения для многих наших «речистых былинников» — прозаиков, поэтов и драматургов. И ныне вновь эпопея отважных конармейцев развёртывается на страницах романа, написанного полковником А. Листовским, бывшим командиром эскадрона Первой Конной.

«Калёные тропы» — роман исторический. В центре каждой из трёх частей произведения стоит реальное событие, являющееся узловой вехой на боевом пути конного соединения. Таково участие Первой Конной в выполнении гениального сталинского плана разгрома Деникина, знаменитый 1000-километровый марш конармейцев с Северного Кавказа в район Умани и боевые схватки с бандами Махно, наконец, участие армии, как главной силы Юго-Западного фронта, в борьбе с белопольской интервенцией. Таким образом, в романе отражены важнейшие события истории Первой Конной с сентября 1919 года по сентябрь 1920 года.

Из рассказов ветеранов-кавалеристов, вплетённых автором в канву повествования, читатель узнаёт и о замечательной предистории Конной армии, начиная от

первых успехов отряда Будённого в станице Платовской.

Автор показывает, как товарищ Сталин выдвинул и реализовал изумительную по своему значению идею массированного применения конницы для решения оперативно-стратегических задач.

То был первый опыт сведения кавалерийских дивизий в такое могучее соединение, как армия. Товарищ Сталин хорошо видел, какую ударную боевую силу будут представлять конные массы в гражданской войне. И он создал Конную армию, запечатлевшую на страницах военной истории классические образцы сокрушительного манёвра.

Волнующее впечатление оставляют эпизоды романа, рисующие пребывание в Первой Конной товарища Сталина. Горячая любовь бойцов к своему учителю выразилась в единодушном избрании товарища Сталина почётным конармейцем. Имя его было занесено в списки 1-го эскадрона 19-го полка старшей в Конной армии 4-й дивизии. Автор изображает объединённое заседание Реввоенсовета Южного фронта и Конной армии, на котором товарищ Сталин разъясняет начальствующему составу смысл и значение реализуемого плана разгрома Деникина в противоположность отвергнутому партией вредительскому плану Троцкого.

Радостно встречает население Донбасса своих освободителей-конармейцев. Делегаты от многочисленных групп шахтёров, в первую очередь коногонов, просят зачислить их добровольцами в ряды армии... Живая иллюстрация к сталинским словам: «здесь

А. Листовский. «Калёные тропы». Роман. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1949.

мы имеем среду не враждебную нам — наоборот, симпатизирующую нам, что облегчит наше продвижение».

Выполняя приказ Ленина и Сталина, Первая Конная движется к польскому фронту громить нового противника Мощная лавина конницы, сокрушая на пути махновские банды, проходит сорокакилометровым фронтом от предгорий Кавказа к уманским степям. Страницы, рисующие этот знаменитый многодневный марш, едва ли не самые поэтические в романе.

Выразительно написаны батальные картины романа. Рисуя блестящий прорыв, осуществлённый конармейцами под Озёрна, автор то «держит» читателя у наблюдательного пункта командующего, развёртывая перед ним панораму всего сражения, то вдруг, словно разглядев в сильный бинокль какой-либо частный героический эпизод, ведёт нас в самое жаркое место боёв Конной армии.

В образах конармейцев автор как бы сконцентрировал черты советского народа, творца истории, поднявшегося на защиту своих революционных завоеваний. Преданность делу Великого Октября, в духе которой неустанно воспитывались бойцы партией Ленина—Сталина, сё выдающимися деятелями, составляет главное духовное богатство героев романа. В книге широко отражена повседневная работа военных комиссаров, сыгравших огромную роль в политическом просвещении красноармейцев, насаждавших в массах воинов дисциплину и отвагу.

Высокие нравственные качества конармейцев полнее всего воплощены в образах донецкого шахтёра Дмитрия Лопатина и казака Степана Харламова. Их нерушимая дружба как бы символизирует боевое братство рабочего класса и трудового крестьянства.

В ходе повествования автор на короткое время переносит читателя в Петроград, на курсы, где учились будущие «красные офицеры» — первая поросль молодых советских командных кадров. Среди курсантов нам встречается скромный, вдумчивый Вихров. В суровую годину гражданской войны учит его советская власть искусству победы. И мы знаем, что из таких вот Вихровых, познавших суровый опыт борьбы на полях сражений, получивших впоследствии и высшее военное образование,

выросла плеяда полководцев сталинской эпохи, генералов-победителей, героев обороны Москвы и Сталинграда, штурма Кёнигсберга и Берлина.

Полон обаяния и духовной силы облик дочки сельского учителя Сашеньки. Положённая махновцами, она бесстрашно бросается с ножом на «батьку», покушающегося на её честь. Её жизнь была спасена конармейцами, и Конная армия, борющаяся за те идеалы, которыми живёт и Саша, становится для неё родной семьёй. «Как бы ни было трудно сейчас, но жизнь будет сказка!.. мы сейчас так близко стоим к тому, что совершаем, что даже не можем отдать себе отчёт в величии того, что совершаем...», — проникновенно говорит она подругам-санитаркам. Сашенька является как бы воплощением образа легендарной девушки нашей в походной шинели, воспетой в стихах и песнях о гражданской войне.

В нескольких эпизодах, характеризующих стан Деникина, А. Листовский раскрывает алчные намерения продавшихся Черчиллю и Антанте «деятели» контрреволюции, их люютую ненависть к народу. С едким юмором говорят в романе рядовые будённовцы о напрасных усилиях зарубежных кровавых вдохновителей контрреволюции, оказавших всестороннюю помощь Деникину:

«...Мы, как бы сказать, у Деникина на довольствии состоим. Он, стал быть, у нас навроде главного интенданта... Антанга — это, стал быть, английские и французские буржуи — шлёт Деникину... обмундирование, снаряды, сахар... А мы налестим и отнимем».

В сатирических тонах рисует А. Листовский разбойничий стан «батьки» Махно, под чёрное знамя которого сбегалось отребье разгромленной белогвардейщины.

Писатель явно недооценил некоторые важные исторические моменты. Раскрыв, например, с необходимой полнотой существование сталинского плана разгрома Деникина и показав начало его выполнения в боях за Воронеж, автор почти не коснулся последующих действий по преследованию и разгрому врага, в которых Первой Конной принадлежала ведущая роль. Два небольших эпизода, рисующих вступление наших войск в Донбасс, никак не могут заменить большой эпической картины дальнейшего

победоносного продвижения Первой Конной. Что же касается её действий на Северном Кавказе, то их А. Листовский не коснулся вовсе.

Следует также отметить, что А. Листовский явно погрешил против исторической действительности, представив создание Конной Армии, как плавный, бесконфликтный процесс. Ведь известно, что Первая Конная была создана товарищем Сталиным вопреки попыткам злейшего врага народа Троцкого и его ставленников сорвать, задержать её формирование.

Досадно, что в произведении почти не нашла отражения теснейшая связь белопольского командования с англо-французскими империалистами, по указке которых действовал Пилсудский.

В романе, к сожалению, встречаются образы бледные, едва намеченные, хотя роль их прототипов в описываемых событиях была весьма значительной. Так, например, случилось с образом знаменитого Дундича. Ему посвящено несколько эпизодов в первой части романа. Во второй части о нём нет ни слова, а в третьей мы встречаем лишь хроникальное сообщение о смерти героя.

Некоторых персонажей автор по мере

развития сюжета приводит к психологически неоправданным поступкам. Например, молодой командир Тюрин вначале «отрекомендован» как юноша прямой и честный, верный товарищ Вихрова, преисполненный уважения, искренней привязанности к нему. Однако писатель заставляет затем влюблённого в Сашеньку Тюрина клеветнически нащёптывать ей на Вихрова гнусные небылицы.

Бросается в глаза увлечение А. Листовского стилизацией языка некоторых персонажей, отчего их речь оказалась обеднённой, вульгаризированной.

Отмеченные недостатки в столь значительном по материалу произведении, как «Калёные тропы», характеризуют не только работу писателя, впервые взявшегося за исторический роман, но и поверхностно-формальное отношение к нему со стороны издательства «Молодая гвардия», допустившего издание книги без тщательной правки и доработки.

Роман нуждается в опытном редакторе. Это тем более необходимо, что «Калёные тропы» с увлечением будет читать советская молодёжь, в патристическом воспитании которой роман сыграл немалую роль.

Майор В. ХАБИН.

★

Повесть о молодости

В руках у юноши книга в красном переплёте. На обложке изображены полыхающие на ветру знамёна, и золотом тиснута прекрасное слово — молодость. Молодость, отданная революции! Сколько волнующих воспоминаний о пережитом, прочитанном, слышанном всплывает в памяти!

Во всех деталях мы помним героическую молодость Павки Корчагина и благоговеем перед ним, и в самом сердце храним простые, но мудрые слова его о том, что «самое дорогое у человека — это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёл позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

Александр Войченко. «Молодость». «Молодая гвардия», 1949.

Немеркнущими примерами, на которые равняется нынешняя наша молодёжь и на которые будут равняться будущие поколения молодёжи, являются подвиги юных героев «Молодой гвардии», Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Лизы Чайкиной.

Бесконечно благодарны молодые читатели тем, кто ввёл в литературу этих легендарных героев революционной борьбы, кто сделал их самыми близкими друзьями миллионов советских юношей и девушек.

И не трудно понять, почему с таким трепетом взял в руки юноша эту книгу в красном переплёте. И как только он углубился в чтение книги, к числу испытанных и верных друзей, с которыми его сдружили ранее написанные романы и поэмы, пьесы и картины, фильмы и песни, прибавились новые замечательные товарищи — Вадим Родына и Наташа Стрекаленко, Василий Бойчук и Арон Ицкевич, Андрей

Дубченко и Таня Савченко, Аня Степовая и Борис Тополь.

На первой же странице повести читатель знакомится с большевиком Софроном Искровым, которого автор характеризует как человека неутомимого, неугомонного, никогда не успокаивающегося на достигнутом. Большая любовь рождается к этому человеку по мере того, как ближе узнаёшь его. В Софроне Искрове воплощены беззаветная преданность великому делу Ленина—Сталина, несокрушимая твёрдость и непоколебимость в борьбе, подлинно большевистское самообладание, умение правильно разобраться в самых сложных явлениях жизни—те качества, которые стремится воспитать в себе каждый советский молодой человек. Именно это и сделало Софрона Искрова другом и наставником юных героев повести.

Сурово начало дней ленинско-сталинского комсомола. В те годы, когда были организованы первые ячейки коммунистического союза молодёжи, неоднократно случалось так, что комсомольское собрание прерывалось сигналом тревоги и все комсомольцы бросались отражать налёт банд. В бою завоёвывалось право носить комсомольский билет. О молодости, овеянной романтикой борьбы за становление советского государства, об одной из первых комсомольских организаций на Украине—о ячейке Киевского железнодорожного узла рассказывается в повести Александра Бойченко.

На фоне больших исторических событий складываются судьбы героев повести. Только что закончился X съезд РКП(б), принявший предложенную Лениным новую экономическую политику. Возвращаясь со съезда Софрон Искров: там он лично разговаривал с Владимиром Ильичём. Едва повидавшись с семьёй, он спешит в депо, к рабочим, чтобы рассказать им о решениях съезда, о встрече с Лениным. Великие перспективы возрождения страны открылись в тот год перед советскими людьми. Но как не легко было воплотить намеченные планы в жизнь! Выслушав рассказ Искрова о съезде, рабочие депо решают отремонтировать за три недели в подарок Владимиру Ильичу паровоз. Несложное это по теперешним временам дело. А сколько труда, сколько подлинно революционного энтузиазма и упорства потребовало оно в те годы. Одни не верили

в то, что за три недели, да ещё в сверхурочное время возможно отремонтировать паровоз, другие опасались нехватки материалов, третьи—враги—стремились на каждом шагу вредить. Но, вопреки всем трудностям, паровоз был отремонтирован в срок. И это было великой победой. Это знаменовало не только вступление в строй одной мощной единицы на транспорте, это означало вступление в строй уже проверенного в боях с трудностями мирного времени отряда борцов за построение коммунизма в одной, отдельно взятой стране.

Показывая борьбу с разрухой, с голодом, с националистическим подпольем на Украине, с троцкистами и шпионами, с вредителями и нэпманами, пытавшимися забрать в свои руки контроль над экономикой страны и решить в свою пользу вопрос «кто кого», автор показывает, как в этой борьбе складывались и закалялись большевистские характеры.

Высокие, благородные цели, поставленные перед собой в жизни юными героями, определяют цельность их характеров, ясность мировоззрения, духовную красоту и силу. На их глазах преобразается мир, и они, сами строители нового мира, растут и преобразуются, становятся мужественнее и мудрее. Герои книги неоднократно задумываются над тем, что такое счастье.

Тётушка Тани Савченко, вышедшей замуж за Вадима Родыну, сокрушается по поводу того, что её племянница и мужем живёт бедновато. Ей кажется, что Таня несчастлива. Но сама Таня другого мнения о своей судьбе.

— А разве счастье возможно только в богатстве и сытости—изумлённо спрашивает она свою тётушку. И сама же отвечает:— Нет, тётушка, я люблю Вадима на всю жизнь за его справедливую душу, за мысли его светлые. Мы живём бедно, нам пока трудно, это вы правду сказали, но мы счастливы. Мы с Вадимом не стоим в стороне, не ждём, пока другие для нас всё сделают. Мы вместе строим себе хорошую жизнь.

В служении Родине, в верности большевистской партии черпают свои силы комсомольцы. Вот одна из женщин, глядя на Наташу Стрекаленко, удивляется тому, какая она, несмотря на истощающее недоедание, цветущая, весёлая, жизнерадостная. «Я вам открою одну тайну,— говорит На-

таша Стрекаленко.— Я нашла источник, и когда я к нему прикасаюсь, чувствую, как наполняет меня чудодейственная сила, которой раньше я никогда не знала,— становлюсь бодрой, сильной! Я начинаю лучше понимать жизнь, и поэтому мне радостнее живётся. Этот источник — наша большевистская партия».

Немало в повести запоминающихся страниц о горячей комсомольской дружбе, о чистой юношеской любви. Комсомольцы сурово относятся к проступкам, пятнающим звание члена Ленинского комсомола, но они товарищески внимательны к тем, кто заблуждается, кому трудно разобраться в происходящих событиях. Жестоко раскритиковав ошибки товарищей, комсомольцы искренне, по-дружески помогают им встать на правильный путь.

«Молодость» — первая большая книга автора. Может быть, этим и объясняются отдельные недостатки, присущие ей. А. Бойченко не хватает профессионального литературного мастерства. Это сказывается и в том, что автор недостаточно хорошо владеет искусством построения сюжета, и в том, что в книге излишне много растянутых описаний, монотонных поучений, и в том, что язык книги неровен — взволнованная, яркая, искренняя речь вдруг становится холодной, скучной, вялой.

«Молодость» — историческое повествование, охватывающее большой период, чрезвычайно богатый разнообразными и примечательными событиями. Если повесть нача-

та неторопливо, обстоятельно, с явным намерением исчерпывающе показать и героев и исторический фон, то в дальнейшем, и особенно в конце книги, автор сбивается на скороговорку, спешит, комкает рассказ. Почему это произошло? На наш взгляд, главным образом потому, что автору не всюду удалось добиться органического единства судеб героев с описанием исторических событий. О героях рассказано всё, к их характерам по существу ничего нового уже нельзя прибавить, а исторического материала ещё много, исторический фон ещё недописан. Отсюда и возникает стремление побыстрее рассказать о том, «что было», что отмечено печатью времени.

Несмотря на этот несомненно крупный недостаток, мы горячо рекомендуем повесть А. Бойченко вниманию молодого читателя. Чтение её будит в сердце лучшие чувства, заражает стремлением посвятить свою жизнь великому делу борьбы за народное счастье, быть честным, мужественным, стойким в борьбе за идеалы коммунизма.

Александр Бойченко — активный комсомольский работник на Украине. До войны он был секретарём ЦК ЛКСМУ. Вот уже длительное время автор «Молодости» прикован тяжёлым недугом к постели. Но мы вправе сказать: Александр Бойченко снова в строю, он попрежнему в рядах тех, кто успешно воспитывает советскую молодёжь в коммунистическом духе.

Вл. НИКОЛАЕВ.

★

На большой дороге

Есть книги, похожие на чудесное зеркало: каждый раз, заглядывая в него, видишь не одно и то же отражение, а новую грань жизни. На скучном языке литературной технологии такое свойство произведения зовут многоплановостью.

И дело здесь отнюдь не только в построении сюжета. Он может быть сложен до невероятности; действие может развёртываться во всех сторонах света, а также под землёй и в воздухе; бесконечные ответвления от основной, генеральной сюжетной линии могут вести читателя по лаби-

ренту всё сужающихся тропинок, а.. роман всё-таки будет «иллюскодонкой», и, прочитав его однажды, тщетно будете вы перечитывать его в надежде увидеть, понять, почувствовать что-то новое..

Уже стала радостно-обычной отрицательная реакция нашего читателя на попытки некоторых критиков подменять анализ произведения пространным (или кратким) пересказом его сюжета. И всё же никому не придёт ныне в голову говорить, скажем, об «Анне Карениной» как о любовной истории героини и её взаимоотношениях с Карениным и Вронским. Вряд ли кто «решится» трактовать «Тихий Дон» только как

В. Ильеников. «Большая дорога». «Советский писатель», 1949.

конкретные жизненные перипетии Григория Мелихова. Но вот о произведениях современной прозы часто, ничтоже сумняшеся, вещают: это роман о лесозащитных полосах. Или: это повесть о применении передовых агротехнических способов земледелия... Пора раз и навсегда договориться, что о лесозащитных полосах или о мичуринских достижениях может быть написана прекрасная статья или очерк. Роман же, повесть или рассказ, написанный о людях, занимающихся преобразованием природы или новаторством в сельском хозяйстве, — если только это настоящее произведение искусства, — всегда шире своей узко сформулированной темы. Изображая новаторов-мичуринцев, писатель неминуемо должен показать этих людей во многих планах; мы должны узнать, о чём они думают, кого любят, кого ненавидят, как живут, трудятся, отдыхают.

Так книга и становится тем самым чудесным зеркалом, о котором мы говорили вначале. Заглянешь в него впервые — и увидишь, как самоотверженно трудятся люди на благо Родины. Присмотришься — подумаешь: да ведь тут подняты проблемы новой морали! Перечитаешь книгу — и воскликнешь: а как интересно, как убедительно проводит автор тему дружбы народов...

В. Ильенков стремится в своей новой книге отразить не только одну клеточку жизни, но жизнь в её многообразии.

Попробуем пойти по проторённой и, к сожалению, ещё не перекрытой шлагбаумом дорожке и начнём пересказывать содержательные «Большой дороги». Ну, допустим, так:

«Эта книга повествует о колхозной семье. Время действия — 1941 год — рубеж мира и войны. Действие развёртывается сначала в колхозе, куда к отцу — председателю колхоза, человеку передовому, приезжает «на побывку» его сын — студент Владимир. Владимир влюблён в Машу, замечательную девушку-колхозницу. Сюда же приезжает в гости академик...»

Нет, ничего из этого не получится! Не получится потому, что роман В. Ильенкова — роман и о передовом колхозе, и о советском мирном и военном быте, и в то же время о людях, о нормах коммунистического поведения в жизни — и в этом его основная ценность.

Вот один из многих примеров. К предсе-

дателю колхоза Николаю Андреевичу Дегтереву, как уже было сказано, приезжает в гости его сын Владимир. Вместе едут они на заседание в райком партии. Минуют отсталый Шемякинский колхоз. Владимир удивляется, как это по соседству с таким передовым колхозом, как «Искра», бытует такой, как Шемякинский...

Далее. Идёт заседание в райкоме. Хвалят «Искру» и Дегтерева.

И вдруг просит слово Владимир Дегтерев. Вот что он говорит:

«— Ехали мы сюда с отцом через Шемякино и вот немного поспорили, — начал он и густо покраснел, потому что ему не хотелось говорить плохое об отце, но нельзя было и молчать о том, что встретило его и огорчило. — Это, конечно, хорошо, что «Искра» разгорелась и всем, кто живёт в ней, тепло и светло. Но вот рядом, в Шемякине, по соседству, поле с полем, очень плохо... вы сами знаете. Почему же так вышло?»

— Плохо работают! «Искра» за них не ответчик! — крикнул редактор районной газеты Огурцов, краснощёкий, совсем ещё молодой, но совершенно лысый и с двойным подбородком.

— Нет, ответчик, — спокойно сказал Владимир. — Коммунисты не могут так рассуждать, не могут отгородиться забором интересов только своего колхоза. Искровцам должно быть стыдно, что в Шемякине так плохо... И они должны помочь шемякинцам подняться на ту же высоту, на какой стоит «Искра»... Вот только тогда искровцы могут сказать, что они раздули свой огонёк в большое пламя всеобщего счастья...»

И далее кажется, что дело уходит куда-то в сторону, — после заседания происходит длительная беседа секретаря райкома Шугаева с Дегтеревым-отцом, говорят о жизни, о самокритике, а уже не о шемякинцах и «Искре». Но — так и должно быть. Люди раскрываются перед нами с новых, неожиданных сторон, характер коммуниста проявляется не в одном каком-либо поступке, не в одной детали, но во всём отношении к жизни. Частный случай перерастает в обобщение. И когда Шугаев, «подводя» итоги разговору, с шуточной строгостью пододвигает блокнот и говорит Дегтереву: «Записывай... Ошпаривать беса самолюбия крутым кипятком самокритики.

Ну, записывай, записывай! Первый слог «са», второй — «мо», написал? Третий слог «кри», четвёртый...», то мы ощущаем здесь не дидактику, а живой, партийный вывод из естественно сложившихся отношений. Когда прочтёшь книгу В. Ильенкова, не скажешь, что это роман о методах руководства колхозом или о Московском ополчении (эта тема тоже присутствует в романе). Здесь в одну большую тему включён ряд глубоких жизненных наблюдений. Это роман и о колхозе, и об ополчении, но, главное, он — о высоком интеллекте, о социалистическом сознании советских людей, строящих коммунизм.

Какие реки грязи лили и льют на советских людей пропагандисты буржуазного образа жизни, выдающие низменный буржуазный «здравый смысл» или растленное сознание «мозгового треста» современного англо-американского империализма за высший человеческий разум и противопоставляющие его примитивному якобы сознанию советского человека!.. Но вот в романе В. Ильенкова действуют простые люди: уже упоминавшиеся отец и сын Дегтеревы, Дегтерева-мать, колхозница Маша, самоотверженным трудом помогающая отстающему колхозу выйти в число передовых, и многие другие. Это не просто люди, которые хорошо, самоотверженно работают. Они думают не только об изобилии материальном, — они мыслят, в высшем смысле этого слова, круг их интересов широк и многогранен, и всё это — наглядное доказательство стирания граней между городом и деревней.

Некогда Гёте, рассуждая об уровне науки и искусств Древней Греции, заметил, что дело было отнюдь не в том, что в ту эпоху жило много выдающихся личностей, но в том, что общий уровень образованности был значительно выше, чем в другие времена и у других народов. Я привёл эту мысль не для того, разумеется, чтобы проводить аналогию между узко «верхушечной» культурой Древней Греции и нынешним проникновением передовой, социалистической культуры в самую толщу советского народа. Мне хочется лишь обратить внимание читателей на весьма удачное изображение В. Ильенковым интеллектуального уровня рядовых советских людей — свидетельство массовости нашей культуры.

Вот, скажем, Николай Дегтерев, председатель колхоза. Он не окончил высшего учебного заведения, не имеет специального агрономического образования, он редко даже выезжал далеко за пределы своей деревни. И тем не менее это настоящий крестьянин-интеллигент, интеллигент не только по огромным практическим знаниям, но и по складу своего мышления, по духовным запросам. Да и вся семья Дегтеревых — свидетельство интеллектуального роста советских людей (генерал, мастер-металлург, студент...). Представьте себе прежнего крестьянина, беседующего с академиком. И перечтите после этого страницы романа В. Ильенкова, где Дегтерев разговаривает с академиком Куличковым, — вам станет ясным, как далеко шагнул вперёд наш народ.

Удался автору и образ Маши, этой светлой, обаятельной девушки, у которой твёрдость и целеустремлённость характера органически сочетается с подлинной задушевностью.

Показывая советских людей в мирной жизни и в военном подвиге, показывая их не только материальный, но и духовный быт, В. Ильенков как бы отвечает на призыв товарища А. А. Жданова, обращённый к нашим философам:

«Пора смелее двигать вперёд теорию советского общества... этику и эстетику»¹.

Но в «Большой дороге» не всё равноценно. Неестественны и вызывают досаду персонажи случайные, ненужные, выпадающие из художественной ткани произведения. Трудно простить автору литературшину, срывы в риторике. А в романе В. Ильенкова такие недостатки есть. Кажется надуманным сосуществование «абсолютно» передового колхоза «Искра» с «абсолютно» отсталым Шемякинским колхозом. В жизни новое и старое переплетается, происходит борьба «изнутри» и т. д. Здесь же налицо искусственная иллюстративность. Случаен и выпадает из ткани повествования образ негра Тома. Несколько литературен образ старого большевика, ведущего летопись «добрых дел». Риторичен образ Белозеро-

¹ А. А. Жданов. Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 года. Госполитиздат, 1947, стр. 33.

ва — «члена правительства», потом — члена Военного Совета. Книжностью, литературщиной отдаёт вся линия скульптора — Маши.

В журнальном тексте роман заканчивается пессимистической нотой — показом фашистских зверств на советской земле. Чуткий к голосу читателей и критики, писатель-большевик В. Ильенков в отдельном

издании изменил конец романа. Теперь он в соответствии с правдой жизни звучит победно, оптимистически — это естественно вытекает из всего хода повествования. Книга от этого только выиграла. В Ильенкова можно поздравить с удачей. Его роман — шаг писателя вперёд по большой дороге советской литературы.

Александр ЧАКОВСКИЙ.

★

Поэмы Антона Белевича

**В жизнь настоящую, гордую вышли мы.
Скажешь — и долы покроются вишнями;
Стукнешь — и недра земли раскрываются:
Мужеству светлому всё покоряется.**

Этими словами, заключающими поэму «Дорога из неволи», выражена главная мысль сборника поэм белорусского поэта Антона Белевича — гордая мысль о творческой силе человека-труженика. В образах цимбалиста Игната и его подружки Лиолеты, мужественно боровшихся против княжеской неволи («Дорога из неволи»), председателя колхоза Емельяна Батовкина («Соседи») и старого колхозника Игната («Семья»), ставших подлинными хозяевами земли, поэт показывает великий путь белорусского крестьянина к счастью свободного труда на свободной земле.

Открывающая сборник поэма «Семья» повествует о колхознике Игнате и его сыновьях, вернувшихся после освобождения Белоруссии от гитлеровских захватчиков к мирному труду. Старый Игнат болен —

С невесёлых и горьких тех дат...
Когда первый немецкий солдат
Встал на стёжках заветных ногою.

Но и в тяжкие дни болезни он всем сердцем чувствует радость жизни и труда на освобождённой земле. Игнат слышал салют Победы, он знает, что фашистские поработители понесли заслуженную кару. А колхозная земля снова цветёт, зеленеют луга, зреют хлеба... И в этом торжестве коллективного труда, в природе, покоряющейся человеку, отдающей ему свои богатства, в делах сыновей видит старый крестьянин плоды своей большой жизни.

В поэме широко использован приём

Антон Белевич. «Поэмы». Перевод с белорусского Александра Прокофьева. «Советский писатель», 1949.

оживления природы: фантазия поэта заставляет леса и реки, луга и поля разговаривать с человеком. При всей своей внешней условности, приём этот служит реалистическому изображению характера советского крестьянина.

Вспоминаются строки «Несжатой полосы» Некрасова, в которой также природа разговаривает с человеком. Но там колосья несжатой полосы и ветер рассказывают о трагедии русского пахаря, они выступают печальниками горя крестьянского. В поэме «Семья» голоса природы звучат призывом к труду, к радости. В литературе прошлого написаны многие страницы о тиранической власти земли над человеком. О власти человека над землёй пишет советский поэт. Поэтому его стихи о природе проникнуты радостью и красотой труда.

Игнату и его дружной семье противопоставлен в поэме выродок Федос — предатель, работавший полицаем у гитлеровцев. Выразительно показана в поэме сила народной ненависти к предателю. Когда Федос, крадучись, как зверь, возвращается в родные места, его проклинают все — отец, братья, соседи. И как бы продолжением народной ненависти звучат — на этот раз грозные и суровые — голоса природы. «Обняться с отцовской землёю не имеет он права». «Земля для него отцвела», лоза готова стать петлёю предателю, а осина — виселицей.

В тяжело больном Игнате — больше жизни, чем в физически здоровом Федосе. Федос — живой мертвец, он ненавидит жизнь:

Погасил бы он месяц, коль смог,
Он не хочет, чтоб солнце светило!

Но жизнь торжествует и радует тружеников, а Федоса ждёт осина в тёмном лесу.

Тему труженик — хозяин земли поэт продолжает и во второй поэме сборника «Соседи». «Сосед соседу волк» — таковы были отношения людей в дни детства Емельяна Батовкина — героя поэмы. Через всю поэму проходит такой мотив: река разделяет две деревни; когда-то по этой реке ехали в лодке два соседа, в приступе звериной злобы, вызванной корыстью собственника, один из них убивает другого — отца Емельяна. В конце поэмы опять возникает образ плывущей по реке лодки. Река вражды стала рекой дружбы, и на этот раз в лодке сидят два друга — председатели соседних колхозов Батовкин и Черкасов. Каждый из них болеет и за свой колхоз и за дела соседа. Сознание общности интересов делает их дружбу особенно сердечной.

В основу поэмы положен интересный поэтический замысел. Но на этот раз замысел оказался не реализованным — А. Белевич слишком поверхностно и упрощённо подошёл к изображению двух соседних колхозов.

Соседи мы по праву,
И всё ж, скажу по правде вам,
Не равная нам слава.

Но почему на одинаковой земле, у одной речки, под теми же дождями по-разному колосятся поля колхозов «Великий рост» и «Вишнёвый путь»? Ответ на этот вопрос А. Белевич видит в качествах руководителей колхозов. Батовкина он называет «хозяином всей артели». Такого хозяина нет у соседей. В этом противопоставлении и даже в самом определении Батовкина сказывается ограниченность точки зрения поэта: изображение коллектива — подлинного «хозяина артели» он подменяет изображением руководителей. Поэт обезличил самих колхозников. По его поэме получается, что все колхозники «Вишнёвого пути» беспомощны, безинициативны и нетребовательны к своему руководству, что все они ленивы. Рисуя одной краской целый колхоз и сводя всё дело к личности председателя, поэт явно погрешил против жизненной правды.

Упрощённо и поверхностно изображает Белевич «исправление» «ленивого колхоза». Стоило колхозникам «Великого роста» приехать к соседям с сенокосилкой в порядке социалистической взаимопомощи, как колхозники «Вишнёвого пути» перестали лениваться и почти автоматически колхоз переродился.

Упрощённое, поверхностное изображение «соседей» лишает поэму той жизненной достоверности, конкретности и полноты, без которых невозможна подлинная поэзия. Идейные недостатки поэмы влекут за собой слабость, невыразительность её поэтических образов.

Третья поэма сборника посвящена прошлому белорусского народа. Герои её — влюблённые друг в друга крепостной цимбалист Игнат и девушка Лиолета бегут из панской неволи и через все страдания проносят свои песни, поднимающие народ на борьбу за свободу.

О силе неумирающей песни в литературе прошлого написано много великолепных поэм и стихов. А. Белевич сумел свежо и интересно раскрыть эту старую тему... Его герои выступают как олицетворение свободы, мужества и благородства простого человека труда. Рассказ о их страданиях и подвиге ведётся устами нашего современника — свободного человека социализма. Поэма «Дорога из неволи» — рассказ о далёком прошлом — освещается светом свободы, завоёванной народом в октябре 1917 года.

А. Белевич широко использует в своих поэмах национальные поэтические традиции Белоруссии. Но это не делает его поэмы подражательными. Там, где поэт обращается к бесхитроственному, правдивому показу образа белорусского труженика, голос поэта звучит свежо, ярко, выразительно — в нём слышится поэзия самой советской жизни. Неудачи постигают поэта там, где он скользит по поверхности фактов, не идя дальше изображения внешних черт действительности. Пусть эти неудачи будут уроком для талантливого поэта.

С. ГРИГОРЬЕВА.

История. Международные отношения. Военная наука**Заокеанские гитлеровцы**

Эта небольшая книжка вышла в свет очень кстати. Хотя в подлиннике она появилась ещё в 1947 году, но её содержание в основном ни в малейшей степени не устарело. Более того. В настоящее время оно звучит особенно убедительно, потому что за последние два года в политике США как внутренней, так и внешней успели расцвести пышным цветом многие явления, находившиеся в 1947 году лишь в периоде «нарастания» и «становления».

Основная мысль книжки Дж. Спивака, дополняемая предисловием и примечаниями Б. Леонтьева, заключается в установлении аналогии между действиями правящего класса нынешней Америки и гитлеровской политикой во всём, что касается рабочего класса.

Напрасно автор называет это сходство «странным». Можно смело сказать, что было бы странным, если бы такого сходства не было: схожие причины породили очень схожие действия. Гитлеровская банда обещала вождям и ведущим группам германской промышленности полное подчинение рабочих всем хозяйским требованиям, совершенное уничтожение всех признанных веймарской конституцией демократических «свобод», позволяющих рабочим вести легальную борьбу за свои интересы, наконец установление такого политического режима, который отдавал бы рабочих, связанных по рукам и по ногам, могущественным монополиям.

В Америке империалистический лагерь никогда не переставал мечтать о решительной борьбе против прогрессивных профессиональных союзов, о подавлении рабочего класса, о приравнении — с теми или иными незначительными оговорками — всякой чисто экономической стачки к уголовно наказуемому деянию. И как в Германии, так и в Соединённых Штатах монополии в конце концов добились осуществления очень многих своих требований. Они добились закона Тафта — Хартли, то есть всего, чего можно было добиться, не переходя ещё

вполне формально на почву фашистской диктатуры.

Далее. Безжалостно подавив рабочее движение в Германии, гитлеровцы в своё время приступили к выполнению своей внешнеполитической программы. По этому пути хотели бы идти и американские империалисты — и в 1947 году, когда писалась брошюра Дж. Спивака, и после 1947 года, вплоть до наших дней.

Разгул экспансионистских устремлений и самых наглых провокаций по адресу СССР наблюдался именно в последние два—три года. Не вся рабочая масса успела пока осознать истинное положение вещей, отчасти потому, что ещё не совсем проявил себя надвигающийся кризис, отчасти под страхом репрессий, отчасти сбиваемая с толку хорошо кормящейся группой «рабочей аристократии», свившей себе уютное гнездо в Американской федерации труда.

Об этом периоде гнуснейших провокаций, пропаганды ненависти к СССР, ничем не сдерживаемой и, напротив, всячески поощряемой обеими партиями — и демократической с её Трумэнном и Ачесоном, и республиканской с её Дьюи и Гувером, — и повествуется рецензируемая брошюра.

Движущей пружиной для империалистов Германии, нашедших 16—17 лет тому назад нужное им орудие в Гитлере, и для американских монополий, пока довольствующихся Ачесоном и Брэдли, явилась одна и та же сила: ненависть к СССР, искусственно раздуваемая боязнь СССР, клевета на СССР.

Возьмите любую статью или радиоречь Геббельса, чуть-чуть переиначьте второстепенные детали фразеологии — и перед вами будет такое произведение, что хоть сейчас в типографию «Нью-Йорк таймс» посылай. Конечно, кое-что пришлось бы причесать и пригладить. Но за вычетом мелких деталей всё остальное содержание гитлеризма мы и находим в американской империалистической прессе 1948—49 годов. Даже находим такое, что Геббельсу не снилось в самых сладких сновидениях: например, обещание Оппенгеймера истребить

Дж. С п и в а к. «Американский фашизм». Перевод с английского Д. Куниной. Издательство иностранной литературы, 1949.

одним нажимом нужной кнопки семьдесят пять миллионов советских граждан. Заметим, что Оппенгеймер был правой рукой Форрестала, но пока он ещё не попал в дом умалишённых, подобно своему принципалу, и действует на свободе невозбранно.

Конечно, сейчас, после бесславного краха атомной дипломатии, кое-что уже успело перемениться в настроениях руководителей фашистской пропаганды в США. «Померк торжествующий взгляд», и уже никто не поминает ни об «атомной луне» Форрестала, ни о чудодейственной кнопке Оппенгеймера.

Внезапное исчезновение долгой и безмятежной веры в монопольное обладание атомным оружием, можно смело сказать, потрясло и дезориентировало американскую обывательскую массу, которой так долго и усердно внушали, что если даже и начат новую мировую войну, то счастливый американский континент её и не почувствует.

Брошюра Дж. Спивака даёт любопытную, хотя и слишком уж сжатую картину деятельности фашистов в США, в главном и принципиально важном вовсе не отошедшую в прошлое, хотя теперь поджигатели войны несколько утратили свой пыл. Укажем на некоторые недочёты брошюры. В главе, посвящённой «приказу президента о проверке лояльности», советский читатель найдёт только перепечатку официальных документов. Жизненные и драматические иллюстрации к этим документам наш читатель почерпнёт из многочисленных фактов, приведённых в разное время советской печатью. Очень мало и слабо говорится о «подвигах» американцев при их «дружной

совместной работе» с палачами греческого народа.

Недостатком работы является полнейшее отсутствие данных об организации, функциях и приёмах деятельности пресловутой Американской федерации труда. Малый размер брошюры в данном случае не играет роли: нашлось же место для двух отдельных глав: «Брошюры Торговой палаты» и «В чём подлинные цели Торговой палаты». Да ведь совершенно ясно, в чём могут быть «подлинные цели» и о чём могут говорить брошюры организации, созданной хозяевами-капиталистами специально для открытой борьбы против рабочего движения! Гораздо любопытнее было бы раскрыть пружины сложного могущественного и вреднейшего для рабочих интересов механизма Американской федерации труда, помогающей «из своего прекрасного далёка» немецким шумахеровцам и вообще правым социалистам всех стран в их неустанной пропаганде войны против СССР. А обо всём этом — ни слова. Между тем для вовлечения в реакционные организации менее устойчивых представителей рабочего класса Американская федерация труда делала и делает немало усилий; и в книжке о фашизме непременно следовало это отметить хотя бы вкратце.

В общем, несмотря на эти пропуски и недочёты, книжку Дж. Спивака можно признать небесполезной, хоть и слишком уж бегло характеризующей фашизм в Соединённых Штатах.

Академик Е. ТАРЛЕ.

★

Югославия под пятой фашизма

Под таким названием Славянский Комитет Чехословакии издал в конце 1949 года брошюру, в которой приводятся новые многочисленные факты свирепого террора, установленного в Югославии кликой Тито—Ранковича. Сердце наполняется гневом, когда читаешь эту правдивую брошюру, рассказывающую о злодеяниях кровавых наёмников Уолл-стрита.

„Jugoslavije pod botou fašizmu“. Slovanské nakladatelství v Praze, 1949.

Англо-американская агентура — клика Тито—Ранковича превратила Югославию в военно-полицейское государство фашистского типа. Кровавые преступления этой банды, захватившей в свои руки партийное и государственное руководство, по своей жестокости и бесчеловечности можно сравнить лишь с преступлениями гитлеровцев. Зловещая УДБ (служба безопасности) во главе с палачом Ранковичем орудует во всех звеньях государственного и партийного аппарата. Под контролем УДБ находятся

все общественные и профессиональные организации. Коммунистическая партия Югославии превращена фашистской бандой в орудие проведения её преступной политики.

Клика Тито арестовывает и мучает коммунистов, оставшихся верными принципам интернационализма и учению Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, преследует всех, кто стоит за дружбу с Советским Союзом и странами народной демократии. Серьёзное опасение клике Тито внушают молодёжь и армия.

В застенках УДБ томятся многие тысячи солдат, офицеров и генералов. Среди них множество боевых, любимых югославской армией командиров, сподвижников генерал-полковника Арсо Ивановича, злодейски убитого титовскими палачами в 1948 году: это генералы Бранко Петричевич, Мома Джурич, Мирко Крджич, Иво Щепанович и другие.

В одной лишь тюрьме в Нове Вси в октябре прошлого года находилось 800 арестованных офицеров, младших офицеров и солдат.

Только в одном 4-м танковом дивизионе в августе и сентябре 1949 года было арестовано за несогласие с политикой Тито 23 офицера, 17 младших офицеров и 21 солдат — все коммунисты.

В большом концентрационном лагере у города Лонье, в 46 км. от Сиска, по течению реки Савы, находятся 8.000 коммунистов, большая часть которых — офицеры югославской армии.

На судебном процессе «подсудимый» подполковник Иван Конте провозгласил здравницу в честь Советского Союза и товарища Сталина. Суд увеличил за это честному югославскому патриоту срок наказания с 3 до 8 лет.

В Белградском университете за короткий период времени было исключено из партии и из университета четыреста человек. Большая часть этих людей арестована. Белградский университет стал средоточием борьбы против титовцев. В письме в редакцию «Нова борба» студенты пишут о преследованиях и терроре, осуществляемых бандой титовцев. В последнее время, по неполным данным, из университета было исключено вновь 150 студентов.

Студент Иордан Петрович пишет, что на сельскохозяйственном факультете была арестована Нада Бушетич за то, что после

её выступления на партийном собрании 50 членов партии выразили согласие с резолюцией Коминформа. Исключены из партии секретари парторганизации этого факультета Дража Милетич, Ваца Милетич, Петар Томанович и многие другие. На философском факультете агенты УДБ увели прямо с лекции Бронислава Лалича — инвалида освободительной войны.

Узнав о своём исключении, один студент технического факультета, член КПЮ, воскликнул: «Истязайте, убейте меня, но я до конца останусь со Сталиным».

Жестоким репрессиям подвергается югославская интеллигенция.

Арестован представитель прогрессивного движения среди врачей, председатель союза работников здравоохранения доктор Драган Иванович. Арестованы Ладислав Киаути, писатель и профессор Люблянского университета, и Винценц Логар, профессор философии и директор Люблянской классической гимназии. В Белградском университете арестованы профессора Мирко Маркович, доктор Докчевич и Дракулович.

На место уволенных и арестованных профессоров титовцы назначают реакционеров. Так, например, агент Бошнякович, который был после войны осуждён за сотрудничество с оккупантами, теперь освобождён и получил кафедру техники в университете Загреба. Александр Иванович, который был уволен из Белградского университета за сотрудничество с оккупантами, теперь назначен в Институт международной политики и хозяйства.

Из редакций газет и радиокомитетов уволены все, кто возбуждал подозрения палача Ранковича. По его указанию убит Оскар Карафиата, журналист и корреспондент «Руде право» в Белграде. Палачи Ранковича расправились и с Джеладином Гану, редактором газеты албанского населения в Космете. Джеладин Гану умер в ужасных муках в приштинской тюрьме.

В рецензируемой книге приводится большое число примеров палаческой деятельности клики Тито.

Но никакой террор, никакие преследования не могут сломить свободолюбивый дух народов Югославии и её передовых борцов — подлинных коммунистов, верных марксизму-ленинизму.

Борьба югославского народа против предательской шайки предателей усиливается с

каждым днём, охватывая всё новых и новых патриотов. Здоровые силы КПЮ с первого дня встали на защиту интересов и независимости своей страны. От саботажа при выполнении планов на предприятиях до открытых столкновений с янычарами Ранковича—вот формы борьбы народов Югославии против предателей. Партийный актив, оставшийся верным марксизму-ленинизму, и народные массы Югославии организуют многочисленные партизанские отряды и ведут вооружённую борьбу с титовцами. Секретарь Белопольского райкома КПЮ Илья Булатович из Черногории ушёл в горы вместе со всем составом членов райкома и населением рабочего посёлка.

Бесстрашно борется против титовского режима рабочая, учащаяся, студенческая молодёжь Югославии. Она проникнута глубоким уважением, любовью и доверием к великому Советскому Союзу, Всесоюзной Коммунистической партии и к товарищу Сталину.

Несмотря на жесточайший террор, пытки и издевательства, смелые молодые патриоты, под руководством полных коммунистов-интернационалистов, организуются в подпольные группы и несут слово правды массам. Они печатают на ротаторах газеты, организуют передачи по радио, распространяют газеты, издающиеся политическими эмигрантами в СССР, Чехословакии, Болгарии, Румынии и Польше.

Рабочий класс Югославии, во главе с верными сынами партии, решительно и неуклонно борется за создание новой, подлинно марксистской КПЮ, за быстрейшее свержение подлой шайки ренегатов и изменников, продавшихся англо-американским империалистам.

Сейчас рабочие Югославии решительно выступают против введения новых погогонных норм и расценки. На кожевенном заводе «Пролетер» в Белграде рабочие отказались работать по новым нормам. Многие из них были уволены с предприятия с пометкой в трудовых книжках, лишавшей права поступить на работу куда бы то ни было. На металлургическом заводе «Радиатор» в Зренянии рабочие также протестовали против повышения норм. Тридцать

рабочих за это было арестовано, а восьмидесять человек уволено.

В июне 1949 года на фабрике «Иван Милутинович» около 800 рабочих не получили продовольственных карточек. Подобный случай произошёл и на предприятии «Тоза Маркович» в Кипкинде, где забастовало несколько тысяч рабочих. Забастовка закончилась кровавой расправой над рабочими, учинённой янычарами Ранковича. Вот что пишет по поводу этого один старый рабочий: «Мы бастовали и вели кровавую борьбу в 1936 году против королевских жандармов за свои рабочие права и лучшие условия жизни, а ныне мы должны вести ещё более жестокую борьбу против предателей нашего народа клики Тито—Ранковича».

Текущая рабочая сила на предприятиях, нежелание крестьян, несмотря на тяжёлое положение в деревне, идти работать на фабрики и заводы вынуждает титовскую клику проводить принудительную вербовку рабочей силы. Но завербованные бегут с предприятий, несмотря на угрозы ареста. Даже титовская печать вынуждена признать, что положение с пополнением предприятий рабочей силой явно неблагоприятно. Так, «Борба» в номере от 22 июня 1949 года пишет, что через три дня после поступления на работу на вагоностроительный завод в Кралёво из 115 новых рабочих осталось всего 3. Все остальные бросили работу.

Такова безотрадная картина жизни сегодняшней Югославии. Страна накануне голода. Тюрьмы переполнены тысячами истязаемых югославских патриотов—борцов против банды Тито—Ранковича.

Но кровавый режим, установленный англо-американской империалистической агентурой в Югославии, не может быть долговечным. Брошюра заканчивается выражением твёрдой уверенности в том, что в недрах югославского народа найдутся действительные революционные силы, которые свергнут ненавистную фашистскую диктатуру Тито и вернут страну в братскую семью стран народной демократии, идущих во главе с Советским Союзом по пути мира, демократии и социализма.

В. МОЧАЛОВ.

Морская слава нашей Родины

С незапамятных времён русский народ славится, как народ-мореход, умеющий покорять стихию, открывающий неведомые земли, одерживающий победы в морских сражениях.

Русский флот и мореходство имеют свою длительную славную историю. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, приводимые авторами рецензируемой книги и относящиеся ещё к допетровской истории флота. Например, 22 июля 1656 года у острова Котлин (позднее Пётр I на нём основал крепость Кронштадт) русская флотилия вела морской бой со шведскими кораблями. Шведы славились в те времена своим морским искусством, их флот господствовал на Балтике и в Финском заливе. Но наши моряки и в этом сражении одержали победу.

Интересны и содержательны страницы книги, посвящённые блистательным победам русского флота на Чёрном, Средиземном и Балтийском морях. В народной памяти навсегда останутся имена выдающихся флотоводцев — Ф. Ушакова, П. Нахимова, М. Лазарева, С. Макарова. Современник А. Суворова Ф. Ушаков был основоположником передовой военно-морской тактики. Талантливейший новатор, он прокладывал новые пути в военно-морском искусстве задолго до западноевропейских адмиралов, в том числе и Нельсона.

Наша страна выдвинула и блестящую плеяду кораблестроителей, изобретателей военно-морской техники и оружия. Авторы справедливо заявляют, что утверждение дворянско-буржуазных историков о заимствовании русскими людьми искусства кораблестроения в западных странах — злостная клевета на наш народ. Ещё 250 лет назад корабли, строившиеся братьями Осипом и Фёдором Бажениными, охотно покупались англичанами и голландцами. В историю русского кораблестроения вписано также имя мастера Козьмина. С 1735 по 1790 год он построил 17 кораблей. Среди них было два пакетбота, на которых знаменитые русские мореплаватели А. Чириков и В. Беринг совершили походы к берегам Аляски.

Генерал-майор Д. Корниенко, капитан 1-го ранга Н. Мильграм. «Военно-Морской флот советской социалистической державы». Военное издательство, 1949.

Е. Никонов — талантливый конструктор, изобретатель-самоучка — первый разработал идею подводного плавания и в 1722 году полностью осуществил её. Американец Бушнелл построил своё подводное судно, оказавшееся неудачным, лишь пять с лишним десятилетий спустя. Русский инженер-кораблестроитель М. Налётов построил первый в мире минный заградитель «Краб». Велики заслуги в области отечественного кораблестроения, в развитии военно-морской науки и техники адмирала С. Макарова. Ему принадлежит идея создания торпедных катеров и миноносцев, самодвижущихся мин (торпеды), проектирование первого в мире мощного ледокола, создание теории непотопляемости корабля, изобретение специального наконечника для бронебойных снарядов.

Русские инженеры первыми осуществили идею создания броненосных крейсеров. Корабли этого типа «Генерал-адмирал» и «Александр Невский» были заложены ещё в 1870 году. Представители английского адмиралтейства открыто заявляли в парламенте, что русским первым удалось осуществить идею броненосных крейсеров, опередив на несколько лет Англию и Америку.

Русский флот был колыбелью величайшего открытия — радио, изобретённого преподавателем минного офицерского класса Балтийского флота великим русским учёным А. Поповым.

Советский народ заслуженно гордится славными революционными традициями нашего флота. Главы книги об участии Военно-Морского флота в революционном движении, в гражданской войне и в борьбе с иностранной интервенцией содержат обширный фактический материал.

Наши военные моряки активно участвовали в революционной борьбе против царского самодержавия, против помещиков и капиталистов. Партия большевиков, великие вожди В. И. Ленин и И. В. Сталин всегда проявляли заботу о том, чтобы матросские массы воспитывались на революционных традициях народа.

Ленинско-сталинский план проведения Октябрьского вооружённого восстания ставил перед флотом важные задачи, расценивая его как одну из серьёзных сил рево-

люции. Крейсер «Аврора», а также корабли и десантные отряды, прибывшие по зову большевистской партии из Кронштадта и Гельсингфорса, сражались против контрреволюционного Временного правительства.

Под мостом
Нева-река,
по Неве
плывут кронштадтцы...
От винтовок говорка
скоро
Зимнему шататься¹.

Гениальные стратеги В. И. Ленин и И. В. Сталин рассматривали флот, как составную и неотъемлемую часть Вооружённых Сил советского государства. В феврале 1918 года Ленин подписал декрет об организации Красного Военно-Морского Флота.

Товарищ Сталин, лично руководивший важнейшими операциями Красной Армии, неоднократно привлекал флот для участия в боях с белогвардейцами и интервентами. Уже в те годы крепло боевое содружество, неразрывное единство армии и флота нашей страны.

Авторы приводят различные документы, показывающие дальнейшую заботу партии Ленина—Сталина о развитии и укреплении Военно-Морских Сил. X съезд партии принял специальное решение, в котором говорилось о необходимости в соответствии с общим положением и материальными ресурсами Советской республики, принять меры к возрождению и укреплению Красного Военного Флота. Весь советский народ заботился о защите морских рубежей своей Родины. В октябре 1922 года на V Всероссийском съезде Коммунистического Союза Молодёжи было принято шефство комсомола над Военно-Морским Флотом.

Известно, что рост флота зависит прежде всего от индустриальной базы. По мере организованного большевистской партией общего подъёма советской промышленности развивалось, крепло и советское судостроение. Сталинские пятилетки преобразили нашу страну, высоко подняли её экономическую мощь. За первые две пятилетки Советский Союз построил около пятисот новых боевых кораблей — в четыре раза больше, чем было построено царской

Россией за десятилетие, предшествовавшее первой мировой войне.

По указанию товарища Сталина в 1932 году для защиты дальневосточных рубежей советской страны был создан Тихоокеанский флот, в 1933 году — Северный флот. В июле 1933 года товарищ Сталин, будучи в Заполярье, обошёл на пароходе «Буревестник» Кольский залив и выбрал места для строительства баз и других флотских сооружений.

На пороге третьей пятилетки партия и правительство по инициативе товарища Сталина выдвинули программу строительства морского и океанского флота, достойного социалистической Родины. В строй вступало всё большее количество кораблей. Создавая и укрепляя флот, большевистская партия всегда уделяла большое внимание идейному воспитанию военных моряков. К началу Отечественной войны советский Военно-Морской Флот превратился в мощную и грозную силу; на кораблях и в частях выросли закалённые, мужественные, умелые воины.

Глава «Советский Военно-Морской флот в Великой Отечественной войне» рассказывает об участии Флота в боевых действиях, о беззаветной стойкости, боевой активности и воинском мастерстве моряков, которые, по выражению товарища Сталина, вписали новые страницы в книгу русской морской славы.

На всех этапах боевых действий наших Вооружённых Сил в Отечественной войне Военно-Морской Флот был верным помощником Советской Армии. Советские военные моряки героически защищали фланги и тыл наших армий от ударов с моря, упорно обороняли свои военно-морские базы. Одной из основных задач флота была артиллерийская поддержка сухопутных войск при борьбе на приморских участках фронта. Бессмертна слава доблестных защитников Одессы, Севастополя, Ленинграда, полуострова Ханко. Моряки умело действовали на коммуникациях противника, отправляя на дно корабли и транспорты врага с его живой силой и техникой. В восьми из десяти решающих сталинских ударов, нанесённых по неприятелю в 1944 году, принимали непосредственное участие флоты, речные и озёрные флотилии.

Коммунисты флота показывали пример самоотверженности и отваги, поднимали на

¹ В. В. Маяковский. Сочинения в одном томе. Гослитиздат, 1941, стр. 377—378.

героические дела матросов, старшин и офицеров.

Книга заканчивается показом нашего Военно-Морского Флота в послевоенный период. Большевистская партия, советское правительство, весь народ страны социализма заботятся о дальнейшем укреплении Военно-Морского Флота, зорко охраняющего морские рубежи нашей великой Родины.

К недостаткам книги надо отнести схема-

тичность в освещении некоторых исторических фактов (например, операции по захвату фортов «Красная горка» и «Серая лошадь»), а также кое-какие фактические неточности.

Но в целом это нужная и полезная книга. Широкие круги читателей несомненно будут благодарны её авторам.

Инженер-контр-адмирал
А. ЮРОВСКИЙ.

★

СССР — родина парашютизма

Около сорока лет назад в Петербурге при проведении «праздника авиации» произошла катастрофа. Во время показательного полёта аэроплан лётчика капитана Мацевича потерял устойчивость и резко накренился. Лётчик выпал из машины и разбился. Этот трагический случай произвёл большое впечатление на присутствующих, и в том числе на отставного артиллерийского поручика, актёра труппы петербургского Народного дома Г. Котельникова. Он ушёл с аэродрома с мыслью: надо создать надёжное спасательное приспособление для авиаторов. Историю осуществления этой благородной цели и посвящена выпущенная недавно Военным издательством полезная и интересная книга подполковника Г. Залуцкого.

Как известно, на заре авиации самолёты были далеки от совершенства. Каждый полёт в то время был сопряжён с большим риском для лётчика. Естественно, что постоянная угроза гибели сковывала действия первых авиаторов и, таким образом, тормозила дело завоевания воздушной стихии.

Предшественник авиации — воздухоплавание уже имело несколько типов спасательных средств для терпящих аварию аэронавтов. Однако громоздкость, недостаточная прочность и другие данные парашютов, применявшихся в воздухоплавании, препятствовали механическому перенесению их в авиацию, на самолёт. Проблему создания спасательного средства для авиации следовало решать заново.

Эта проблема впервые в мире была блс-

стяще разрешена в нашей стране. Книга доказывает, что изобретателем первого надёжного и удобного авиационного парашюта является талантливый русский патриот Г. Котельников.

И за рубежом, конечно, пытались снабдить лётчиков спасательным средством. Но иностранные конструкторы с самого начала пошли по неверному пути. Не поняв самой идеи авиационного парашюта, рассчитанного для прыжков с самолёта, летящего с большой скоростью, они пытались модернизировать парашюты, применявшиеся в воздухоплавании. Для этого они снабжали их сложными и далеко не надёжными механизмами, причём одни предлагали открывать парашют силой пружины, другие — сжатым воздухом, третьи — пороховым зарядом и т. д. В 1909—1911 годах и позднее во Франции, Германии, Америке и Англии производились опыты с «парашютами-зонтами», «плащамипарашютами» и т. п. Все эти опыты, как правило, кончались неудачно — им сопутствовали человеческие жертвы.

Мысль зарубежных конструкторов шла мимо важнейшего требования: авиационный парашют должен быть лёгким, компактно складывающимся, составляющим часть снаряжения лётчика.

Эти задачи первый талантливо и оригинально разрешил русский изобретатель Г. Котельников. До начала своих выдающихся работ он стоял далеко от авиации, интересуясь ею только в качестве наблюдателя. Но, как и другие передовые люди нашего народа, он, вдохновившись высокой патриотической идеей, оказался способным достигнуть огромных результатов. «Я понял, — писал в сво-

Г. В. Залуцкий. «Изобретатель авиационного парашюта Г. Е. Котельников». Военное издательство, 1942.

их воспоминаниях Г. Котельников, — что для употребления на самолёте необходимо создать прочный и лёгкий парашют. Сложенный, он должен быть совсем небольшим. Главное, чтобы он находился всегда при человеке...»

Всегда при человеке! Но как добиться, чтобы парашют всегда находился при лётчике, а не составлял часть оборудования самолёта, как то думали зарубежные конструкторы?

Превратив свою квартиру в своеобразную мастерскую, Г. Котельников приступил к напряжённой творческой работе. Он выкраивает полотнища из разных сортов материи. Нет, не годится! Парашют получается попрежнему громоздким, непрочным. Наконец, материя избрана. Это шёлк. Тщательно продумывается порядок укладки шёлкового полотнища в специальный ранец. Шьётся так называемая подвесная система, сделанная так, чтобы всемерно ослабить силу рывка, который может испытать лётчик при раскрытии парашюта. Найдены способы, с помощью которых лётчик, оставивший самолёт, сможет быстро раскрыть парашют. Эти и другие подробности творческой работы Г. Котельникова, приведённые автором, наглядно показывают «предусмотрительность русского изобретателя, создавшего конструкцию РК-1 (так назывался первый парашют Котельникова. — Н. Д.), по существу отвечающую всем основным требованиям, предъявляемым к парашюту и по сей день».

Теперь опыты. Изобретатель, прикрепив свой парашют к манекену, сбрасывает его с воздушного змея. Парашют работает нормально. Манекен сбрасывается с аэростата, с самолёта. Результаты отличные! Затем следуют опыты на прочность. Парашют раскрывается при езде на автомобиле. Стропы, шёлковый купол настолько крепки, действие парашюта столь эффективно, что он останавливает автомобиль на полном ходу.

Казалось бы, всё сделано. Однако выдающееся и столь нужное воздушному флоту изобретение талантливого русского человека, как того и следовало ожидать, в условиях старой, самодержавной России не могло быстро пробить себе дорогу. Раболепие и низкопоклонство перед иностранщиной, неверие в творческие си-

лы русских людей со стороны правящих классов царской России явились своего рода непреодолимой стеной для русского изобретателя. Всячески тормозится не только широкое внедрение парашюта Г. Котельникова в авиацию, но создаются препятствия даже производству дальнейших опытов с ним. История сохранила издевательское заключение о проекте Г. Котельникова, сделанное тогдашним начальником Российских воздушных сил, соизволившим написать, что «парашют вообще в авиации — вещь вредная, так как лётчики при малейшей опасности... будут спасаться на парашютах, предоставляя самолёты гибели...»

Чиновничья волокита, в которой увязло изобретение Г. Котельникова, дала возможность пронырливым дельцам зарубежных фирм быстро перехватить его идею. В то время как русский изобретатель тщетно обивал пороги военного министерства, за рубежом стали появляться «новые» парашюты, как две капли воды похожие на котельниковский РК-1. За них и даже за ещё худшие образцы иностранных фирм царское правительство платило крупные суммы.

Великая Октябрьская социалистическая революция, раскрепостив скованные царским режимом силы народа, создала все условия и для плодотворной работы изобретателя первого в мире авиационного парашюта. Под руководством «отца русской авиации» Н. Жуковского, в созданной им «летучей лаборатории» были исследованы аэродинамические качества РК-1. Затем была организована специальная подготовка первых советских парашютистов при Петроградской воздухоплавательной школе, где производились испытания парашюта Г. Котельникова. В заключении об этих испытаниях говорилось, что имевшийся в то время в нашей авиации парашют одной зарубежной фирмы «как опасный следует изъять из употребления в воздушном флоте и заменить котельниковским».

При поддержке партии и советского правительства Г. Котельников продолжает энергично трудиться над созданием новых образцов авиационных парашютов РК-2, РК-3, «авиапочтальон», РК-4 и т. д. Как и прежде, его творческая мысль значительно опережает разработки зарубежных конструкторов.

«Парашютизм, — говорил однажды товарищ К. Ворошилов, — это область авиации, в которой монополия принадлежит Советскому Союзу. Нет страны в мире, которая могла бы сказать, что она может в этой области хоть приблизительно равняться с Советским Союзом...»¹ И это хорошо показано в книге. Материалы, содержащиеся в ней, отнюдь не ограничены показом самого существа изобретения Г. Котельникова. Умело расширяя границы своей темы, автор дополняет биографию созданного в нашей стране парашюта рассказом о достижениях советских парашютистов, завоевавших своими смелыми прыжками множество рекордов мирового значения, о том большом внимании и любовной заботе товарища Сталина, с которыми он следит за развитием советского парашютизма. Товарищ Сталин бывал у наших спортсменов-парашютистов, они совершали при нём показательные прыжки.

Авиационный парашют, впервые изобретённый в нашей стране, всё время совершенствуется советскими конструкторами. Серьёзный вклад внесли в эту работу лауреаты Сталинской премии братья Ни-

¹ К. Е. Ворошилов. Статьи и речи. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937, стр. 634.

колай. Анатолий и Владимир Доронины, инженер Н. Лобанов и другие. Благодаря неустанным работам конструкторов советских парашютов, возможности парашютного спорта всё время расширяются. Свидетельство тому — успехи многих наших парашютистов, и в том числе мирового рекордсмена В. Романюка, совершившего более 1700 прыжков, капитана А. Быстрова, показавшего высокие достижения в прыжках со скоростных самолётов. Это подтверждает и приведённая в конце книги интересная таблица, в которой в хронологическом порядке показаны основные достижения, завоёванные нашими воздушными спортсменами.

Книга Г. Залуцкого — хороший вклад в массовую литературу, посвящённую истории отечественного Воздушного Флота. Она убедительно опровергает попытки иностранных псевдоисследователей парашютизма доказать, что честь изобретения парашюта принадлежит за границе. Нет! Авиационный парашют — наше изобретение! Наша страна — родина воздухоплавания и авиации — является и родиной авиационного парашюта, страной массовых достижений в парашютном спорте.

Полковник Н. ДЕНИСОВ.

★

Новый труд по истории культуры Азербайджана

Недавно вышел из печати объёмистый труд действительного члена Академии наук Азербайджанской ССР, лауреата Сталинской премии, профессора и доктора философских наук Гейдара Гусейнова под заглавием «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века».

Уже с первых страниц книги становится ясно, что она обладает большими достоинствами. Припомним, что со времени философской дискуссии почти не появлялось капитальных исследований на подобную тему. Книга написана по первоисточникам и на основании многочисленных архивных материалов, большинство из которых впервые были исследованы автором. При всём том, рецензируемый

труд — это не этюды или очерки, а единая и целостная научная концепция, характеризующая азербайджанскую культуру прошлого столетия.

В этом смысле важное значение имеет первая глава, посвящённая социально-экономическому положению Азербайджана в XIX веке. Содержащая ряд оригинальных и глубоких мыслей, она является необходимым фоном, на котором изучается жизнь и деятельность виднейших азербайджанских просветителей и философов прошлого века. Таким образом, явления духовной культуры рассматриваются здесь в неразрывной связи с породившими их социально-экономическими условиями.

«Под влиянием передовой русской культуры и литературы, — указывает автор, — уже в начале XIX века в Азербайджане постепенно начинают развиваться прогрессивная культура и реалистическая литература. Под влиянием русской революци-

Гейдар Гусейнов. «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века». Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, 1949.

онно-демократической идеологии и материалистической философии XIX века в Азербайджане происходил процесс формирования и развития передовой общественной мысли. Целая плеяда в основном дворянской интеллигенции выступала как против гнёта азербайджанских ханов и беков, так и против колониальной политики царизма. Как просветители, они боролись против пережитков средневековья, против фанатизма и суеверия; они пропагандировали идеи просвещения и свободы трудового народа. Среди этих прогрессивных деятелей азербайджанской передовой общественной и философской мысли XIX века особенно выделяются: Абас-Кули-Ага Бакиханов, Мирза Шафи Вазех, Мирза Мамед Али Казем-бек, Мирза Фатали Ахундов, Гасан-бек Меликов (Зардаби)»

Весьма важно, что на протяжении всей книги Г. Гусейнов старательно изучает ту внутреннюю связь, которая всегда существовала между прогрессивными деятелями азербайджанской культуры и передовыми русскими людьми: А. Грибоедовым, В. Белинским, Н. Чернышевским, Л. Толстым, А. Пушкиным, М. Лермонтовым, А. Бестужевым-Марлинским и другими. В этом отношении интересны такие совершенно новые факты, как переписка Зардаби с Л. Толстым или впечатления драматурга А. Островского от Баку и его нефтяных промыслов.

В центре внимания автора стоит образ Ахундова, самого крупного азербайджанского мыслителя XIX века. Его «Письма Кемал-уд-довле», основательно изученные Г. Гусейновым, раскрывают перед нами всю многогранность натуры знаменитого философа-материалиста. А. от Ахундова-философа неотделим Ахундов-драматург, основатель азербайджанского театра, и Ахундов-педагог, первый борец против арабского алфавита, этого типичного пережитка мусульманского средневековья.

«В период, когда жил и творил М. Ф. Ахундов, так же как и во времена средневековья, религия и суеверия связывали народные массы по рукам и по ногам. Влияние мечети и кафедры проповедников было безраздельным. Смерть грозила каждому, кто осмеливался выдвигать в такой обстановке новые, научные идеи. Но это не устрасило Ахундова, и он сме-

ло поднял знамя решительной, героической борьбы против сил, во много раз превышавших его собственные...»

Профессор Казем-бек — первый учёный филолог из азербайджанцев, сыграл в азербайджанской и русской науке весьма значительную роль. Казем-бек создал грамматику азербайджанского языка. С большой любовью изучает Г. Гусейнов жизнь, деятельность и научное наследие этого замечательного человека.

А вот первый азербайджанский дарвинист и издатель первой азербайджанской газеты — Зардаби. В своей области он был таким же новатором, как Ахундов в сфере философии и литературы и Казем-бек в области языкознания.

Зардаби был инициатором созыва первого съезда учителей азербайджанцев. Работая в редакции газеты «Каспий», он предпринял ряд попыток создать новую газету на азербайджанском языке, но превратить эту идею в жизнь ему не удалось.

Зардаби написал много научных и научно-популярных статей о земледелии, по естествознанию и социально-экономическим вопросам. В своих статьях и в своих выступлениях Зардаби боролся за открытие школ для детей рабочих.

Философ и педагог Бакиханов, поэт Мирза Шафи... Перед читателем проходит галерея ярких и запоминающихся образов. Русскому читателю они до последнего времени были почти неизвестны. Служа своему народу, эти люди в то же время крепили узы той русско-азербайджанской дружбы, которая расцвела только в советскую эпоху и сцементирована Сталинской Конституцией.

«Блистательный азербайджанский поэт XII столетия Хагани Ширвани, — повествует автор, — посвятил несколько своих стихотворений родственнику галицкого князя Ярославу Владимировичу. Гениальный Низами Гянджеви тогда же — в XII столетии — знал о России больше и лучше, чем люди Западной Европы того времени. Много прекрасных строк в произведениях Низами посвящено русским богатырям.

В XV веке правитель большого азербайджанского государства Ширвана ширваншах Фарух-Иессар и московский великий князь Иван III обменялись посольствами и утвердили союз дружбы между своими государствами. Русские торговые люди

становятся частыми гостями в Ширване, а азербайджанские — в Москве.

Ещё больше окрепли связи Азербайджана с русским государством после того, как волжский торговый путь, в результате войн Ивана IV, стал свободным для непосредственных торговых сношений государств Востока с Русью. В этом процессе общения зародилась и с течением времени окрепла та русская ориентация, которой придерживались лучшие люди Азербайджана, считавшие более целесообразным связать судьбу своей родины с Россией, нежели с отсталыми феодальными — шахским Ираном и султанской Турцией. Наиболее видным представителем этого прогрессивного течения был выдающийся государственный деятель Азербайджана в XVIII веке — Фатали-хан Кубинский. Фатали-хан не был одинок. К этому времени не только в Азербайджане, но и во всём Закавказье уже сложилась и окрепла ориентация на Россию. Одновременно с Фатали-ханом, стойким сторонником этой

ориентации в Закавказье выступал грузинский царь Ираклий II. Этой же ориентации придерживался один из крупнейших поэтов и государственных деятелей Азербайджана XVIII столетия — Вагиф».

Связь прошлого с настоящим, которую устанавливает автор, является одним из достоинств его книги

К недостаткам труда Г. Гусейнова, не влияющим, впрочем, на общую его оценку, мы бы отнесли то, что в главах, посвящённых Мирза Шафи и Мирзе Джафару Топчибашеву, автор не всегда достаточно глубоко анализирует приводимый им богатый фактический материал. В частности заслуживали более тщательной разработки темы литературные.

Работа Г. Гусейнова — ценный вклад в изучение истории развития культуры Азербайджана. Она заслуживает внимания нашей научной общественности.

Член-корреспондент Академии наук СССР
Н. ДМИТРИЕВ.

★

Конструктор стрелкового оружия

На полигоне испытывались два пулемёта: немецкий и русский. Присутствующие с волнением наблюдали этот своеобразный поединок.

Вдруг пулемёт Дрейзе захлебнулся и, сделав несколько одиночных выстрелов, умолк. А пулемёт Дегтярёва продолжал стрелять, стрелять... Он сделал больше двадцати тысяч выстрелов без единой задержки и поломки. К. Е. Ворошилов поздравил конструктора и пожелал ему новых успехов в работе.

Это был первый образец оружия прославленного советского конструктора и изобретателя Василия Алексеевича Дегтярёва, принятый затем на вооружение Советской Армии.

Одиннадцатилетним мальчиком В. Дегтярёв был определён на тульский оружейный завод. В семнадцать лет он был уже опытным оружейником и единственным кормильцем большой семьи. Когда В. Дегтярёва забрали в солдаты, случай помог ему использовать большой опыт оружейника, и он был назначен оружейным мастером в

опытную мастерскую при Офицерской стрелковой школе в Ораниенбауме, начальником которой был талантливый русский офицер, основоположник теории стрельбы из стрелкового оружия Н. Филатов. Он высоко оценил способности В. Дегтярёва и оказал ему помощь и поддержку в работе.

Это было время, когда в армии вводилось новое автоматическое оружие, различные системы которого проходили через опытную мастерскую. Вот тут-то у В. Дегтярёва и созрела мысль, ставшая сокровенной его мечтой, — изобрести русский пулемёт, который бы превосходил все заграничные системы.

На творческую деятельность В. Дегтярёва оказали благотворное влияние знакомство и последующая совместная работа с Владимиром Григорьевичем Фёдоровым, ныне генерал-лейтенантом артиллерии, действительным членом Академии артиллерийских наук. В. Фёдоров, «отец русской оружейной автоматки», как его называет В. Дегтярёв, правильно определил значение автоматического оружия и всеми мерами популяризировал его, предлагая и

свои собственные конструкции. Сначала он предложил проект переделки винтовки С. Мосина в автоматическую, затем новую систему автоматической винтовки, изменённую позднее и известную под названием автомата Фёдорова — первого русского автомата. Эти проекты были осуществлены и воплощены в металл руками В. Дегтярёва.

В 1916 году, работая уже на сестрорецком оружейном заводе, В. Дегтярёв осуществляет давнишнюю свою мечту и завершает своё изобретение — автоматический карабин.

Но как ни старались В. Фёдоров и В. Дегтярёв, их изобретения не были реализованы в царской России. Это было следствием консерватизма царских чиновников, их неверия в творческие силы народа и преклонения перед иностранцами. В книге «Моя жизнь» рассказывается, например, что на работы по изобретению первой русской автоматической винтовки В. Фёдорову было ассигновано только пятьсот рублей, в то время как иностранцам выплачивались миллионы. Попытка В. Дегтярёва предложить изобретённый им автоматический карабин сестрорецкому заводу кончилась неудачей: директор завода генерал Залюбовский легко и просто отделался от изобретателя, откомандировав его в Ораниенбаум.

Оружейный мастер В. Дегтярёв и генерал В. Фёдоров восторженно встретили Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Получив задание советского правительства организовать опытную оружейную мастерскую, они с радостью отдались любимому делу и наладили в короткий срок выпуск оружия для красных полков, сражавшихся на фронтах гражданской войны. Это были советские автоматы Фёдорова. Организованная ими опытная оружейная мастерская явилась первым советским опытно-конструкторским бюро, в котором В. Дегтярёв исключительно плодотворно трудился до последних дней своей жизни.

За годы советской власти, по заданиям И. В. Сталина, В. Дегтярёв совместно с коллективом своих конструкторов создал первоклассные образцы оружия для Советской Армии, с честью выдержавшие суровые испытания в дни Великой Отечественной войны и показавшие своё превосходство над стрелковой техникой хваленной гитлеровской армии. Это — ручной,

авиационный, танковый и крупнокалиберный пулемёты, пистолет-пулемёт, противотанковое ружьё и другие. В каждый образец оружия вложено много труда и подлинного творчества.

В 1946 году В. Дегтярёву была присвоена учёная степень доктора технических наук без защиты диссертации: новейшие образцы оружия, созданные В. Дегтярёвым, являлись воплощением талантливых идей большого учёного.

Всеобщее признание получило оружие, разработанное при ближайшем участии В. Дегтярёва его учениками: пистолет-пулемёт Шпагина, противотанковое ружьё Симонова, станковый пулемёт Горюнова и другие.

Книга В. Дегтярёва — это не только описание жизненного пути выдающегося изобретателя — от подручного мастерового до доктора технических наук, генерал-майора артиллерии, депутата Верховного Совета СССР, Героя Социалистического Труда, трижды лауреата Сталинской премии, создателя стрелкового оружия Советской Армии. Это правдивая, волнующая повесть о том, как в советской стране простой человек, отдающий все свои силы и знания Родине, становится народным героем. Только в советской стране, где труд на благо Родины окружён заботой большевистской партии и правительства, открыты такие широкие возможности для творчества народа и проявления народных талантов.

Нельзя без волнения читать страницы книги, где автор рассказывает о внимании к его работе великого вождя советского народа товарища Сталина, внимании, окрылившем изобретателя и вдохновившем его на новые трудовые подвиги. Задание товарища Сталина — увеличить ёмкость магазина в пистолете-пулемёте, полученное во время боёв с белофиннами, — было выполнено за пять дней, на два дня раньше обещанного товарищу Сталину срока. Personally заданию вождя проектировались новый пистолет-пулемёт и противотанковое ружьё, которые были также созданы в предельно короткие сроки. Товарищ Сталин принимал личное участие в организации работ В. Дегтярёва и его учеников Г. Шпагина и С. Симонова.

Чувство высокой ответственности за судьбу Родины в дни Великой Отечественной войны, внимание и забота товарища

Сталина сплотили советских конструкторов в едином стремлении — как можно больше сделать для фронта. Свой долг перед отчизной они выполнили с честью.

«Только советская власть меня, как и многих других изобретателей из рабочих, вывела на широкую дорогу творчества. И за это хочется мне от души поклониться ей, поклониться родной большевистской партии и великому вождю и другу всех

трудящихся товарищу Сталину, чей гений вдохновлял и всегда будет вдохновлять наших людей на воинские подвиги и трудовую доблесть». Этими проникновенными словами заканчивает свою правдивую книгу В. Дегтярёв — верный сын своего народа, своей социалистической Родины.

Кандидат технических наук инженер-майор
В. КИРИЛЛОВ.

★

Право

В лабиринте английского права

Политики и юристы, занятые рекламированием английской «демократии», охотно ссылаются на английские уголовные законы, как оплот свободы и равенства граждан. Однако стоит лишь ближе ознакомиться с положением законности и правосудия в Англии, как «оплот» этот начинает обретать все черты хрупкого челнока, гонимого по просторам произвола.

Переведённая недавно на русский язык хорошо известная в Англии книга К. Кенни «Основы уголовного права» служит тому неплохим доказательством.

Мистер К. Кенни отнюдь не склонен выступать в роли скептика и тем более критика английского права. Напротив, он любовно копается в гуще английских судебных прецедентов и парламентских законов, тщательно выискивая в них зёрна юридической истины. Но эти раскопки сталкивают автора с фактами, и факты оказываются неизмеримо более убедительными, чем слащавые комментарии К. Кенни.

К. Кенни пишет: «Наша цивилизация не достигла ещё такого совершенства, которое гарантировало бы каждому уверенность в том, что... полнейшая безупречность его поведения с нравственной стороны устранил всякую возможность возбуждения против него необоснованного или недобросовестного уголовного обвинения».

Итак, по компетентному свидетельству К. Кенни, в Англии, где пресловутый Habeas corpus act будто бы ограждает свободу каждого, никто не может быть уверен в том, что не окажется жертвой

«необоснованного и недобросовестного уголовного обвинения». К. Кенни, правда, торопится с комментарием: он говорит, что цивилизация не достигла ещё такого совершенства. Но здесь мистер К. Кенни явно путает «цивилизацию» с правовым режимом современной Англии.

Правовые нормы, тяготеющие над английскими гражданами, потоками несутся из двух источников: одни берут начало в так называемом общем праве, то есть в судебных прецедентах, другие — в парламентских актах; этих норм, особенно норм общего права, видимо-невидимо. Они в течение десятилетий пластами ложатся друг на друга, образуя, в полном смысле слова, горы решений, правил, исключений из правил и исключений из исключений. Даже опытные проводники — адвокаты еле передвигаются по этому лабиринту норм. А между тем «демократическая» презумпция современной Англии провозглашает: «Никто не может отговариваться незнанием закона».

Перепроизводство норм ложится особо тяжким бременем на простых людей Англии в результате своеобразного построения английского процесса. В английских судах стороны обязаны сами добывать и поставлять суду доказательства.

Как неумолимо решать эту непосильную задачу? Глубоко справедливо и в наши дни звучат слова Энгельса о положении неумолимой стороны в английских судах: «... кто слишком беден, чтобы противопоставить официальному крючкотворству такого же крючкотворца-защитника, будет иметь против себя все те формы, которые были созданы для его защиты. Кто слишком

К. Кенни. «Основы уголовного права». Перевод с английского. Издательство иностранной литературы, 1949.

беден, чтобы выставить защитника или изрядное количество свидетелей, погиб, если дело его сколько-нибудь сомнительное»¹.

К. Кенни исполнен глубочайших этических эмоций, когда речь идёт о защите животных. Случай осуждения английским судом хозяина за жестокое обращение с лошадью автор считает «ярким показателем прогресса, происшедшего за последнее столетие в представлениях об этических обязанностях человека по отношению к низшим существам».

И этот же К. Кенни, мгновенно забыв о прогрессе и этике, торопливо перебегает на сторону истязателей, когда речь идёт о жестоком обращении с рабочими. Даже если рабочий умер в результате истязаний, убийца-хозяин не должен нести ответственности, если средства истязания не выходили за пределы «разумных», с точки зрения среднего англичанина, мер.

Когда речь идёт о защите классовых интересов, человек оказывается не только беззащитнее животного: курица оказывается дороже человеческой жизни. Один из творцов английского общего права Кок поучал: «Если кто-либо стреляет в дикую птицу, сидящую на дереве, и выстрел, без какого-либо злого намерения стрелявшего, попадает в человека, находящегося в отдалении, — это есть случай, ибо в дикую птицу стрелять можно. Но если тот же человек стрелял в петуха, курицу или какую-либо ручную птицу, принадлежащую другому лицу, то совершённое при тех же условиях случайное убийство есть тяжкое преступление, ибо действие было незаконным».

Свобода или смерть стрелявшему — в зависимости от того, бесхозяйная была птица или нарушена священная частная собственность!

Воззрения автора по некоторым принципиальным вопросам неясны и неустойчивы. Так, автор одновременно (хотя и частично) разделяет взгляды трёх известных наук уголовного права школ — классической, социологической и антропологической.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. II, стр. 385.

Есть, однако, проблема, в которой высказывания автора блещут подкупающей прямотой и ясностью. Это — проблема порки: мистер К. Кенни — страстный, убеждённый и решительный сторонник применения в качестве наказания — порки. Исторические факты, опыт других стран, мнения авторитетов — все средства мобилизуются автором для обоснования сей «идеи». Спора нет: порка — наказание и скорое и дешёвое! Как ни бедна Англия лесом, «лесо-заготовительные» операции для обеспечения, так сказать, «нужд населения» по сей части вряд ли потребуют долларовых затрат...

Однако где источник столь сильно обуевающей автора привязанности к розге? Его, кажется, нетрудно отыскать.

Буржуазные учёные потратили немало труда и изобретательности на разработку тюремных систем на все вкусы и требования: система одиночного заключения, смешанная система, «прогрессивная» и т. д. Почтенные правоведы, однако, не учли, что меняются не только тюремные системы: меняется и жизнь. А жизнь в современной Англии для многих стала такой, что тюрьма потеряла свой устрашающий характер. К. Кенни приводит следующее показание одного из отчётов уполномоченных по английским тюрьмам: «Женщины часто оставляют тюрьму, говоря, что им никогда не было так хорошо, или что они никогда не были так счастливы, как в тюрьме». Может быть, потому К. Кенни и его единомышленники и возлюбили розгу, что многие английские граждане почувствовали симпатию к тюрьме? Есть, правда, другой выход: не наказание делать хуже, а жизнь лучше. Но не К. Кенни, конечно, борец за этот выход...

Советский читатель с интересом и пользой прочтает книгу К. Кенни и увидит подлинное лицо английского правосудия, каким бы гримом ни покрывал его автор. Содержательное предисловие и примечания редактора книги Б. Никифорова помогут в этом читателю. Перевод В. Каминской сделан со знанием предмета и языка.

Член-корреспондент Академии наук СССР
А. ТРАЙНИН.

Техника

Школа новаторов

Недавно мне пришлось побывать в Магнитогорске. Этому городу всего двадцать лет. Раньше строительство завода и города велось на левом берегу реки Урал. Затем было решено основные массивы городских строений сосредоточить на правом берегу. Война помешала развернуть широкие строительные работы на новой площадке. По-настоящему строительство нового социалистического города на правом берегу началось лишь после войны.

С тех пор прошло всего три года — и за этот короткий срок вырос новый, большой город. Строгие линии кварталов, залитые асфальтом и озеленённые улицы, трамвайные пути... Трудно поверить, что два—три года назад здесь была голая степь. В новом городе уже живёт свыше пятидесяти тысяч металлургов. Строительные работы продолжаются.

Главная улица города — проспект имени Сталина — обстраивается многоэтажными красивыми домами. Мы подходим к стройке большого дома. Уже выложено шесть этажей, а производитель работ рассказывает, что строительство дома началось всего полтора месяца назад.

— Мы строим, — сказал нам один из каменщиков, — по методу московского каменщика Федоса Шавлюгина. Кладку ведём звеньями «пятеркой», как строили в Москве на Дорогомиловской.

Революционные методы труда всё шире внедряются на стройках нашей Родины. Творческий ум советских строителей уже нашёл пути ускорения строительства в несколько раз. Советская страна знает имена каменщиков-новаторов Ф. Шавлюгина, С. Максименко, И. Ширкова и других. Их методами работает всё большее число строительных рабочих. И именно эти методы труда позволили в необычайно короткий срок построить на берегу Урала новый благоустроенный город.

Перед нами две книжки: одна называется «Каменщик Ф. Д. Шавлюгин», другая — «Мой опыт кирпичной кладки». Первая

С. А. Палевский. «Каменщик Ф. Д. Шавлюгин». Стройиздат, 1949.

И. П. Ширков. «Мой опыт кирпичной кладки». Издательство Министерства коммунального хозяйства РСФСР, 1949.

принадлежит перу инженера, вторая написана самим новатором. Эти книги предназначены для передачи производственного опыта, и тираж их относительно невелик, но они заинтересуют и неспециалиста.

Профессия каменщика — одна из самых древних. Но и в эту область труда мощно вторглась советская рационализация. В труд каменщика внесено столько нового, что самый его характер в корне изменился. Рабочих освободили от наиболее трудоёмких операций по подъёму и доставке материалов, — их теперь выполняют механизмы, краны. Организация труда при кладке кирпича основывается теперь на точном расчёте, продуманном сочетании действий всех участников процесса. Многие из этого сделано по мысли рядовых каменщиков.

Федос Дмитриевич Шавлюгин родом из села, которое покоя веков поставляло на стройки каменщиков. Безрадостным и тяжёлым был труд этих людей. Проходило много лет, прежде чем новичка подпускали к кладке кирпича. До этого начинающий каменщик должен был исходить много вёрст по шатким лесам, перенося на спине десятки тысяч кирпичей. Ф. Шавлюгин начал работать на стройке «козозосом». Автор напоминает нам, что «козозос» на деревянных, висящих на плечах, рогатых носилках за один приём поднимал на леса тридцать — сорок кирпичей. У нас имеется немало молодых каменщиков, которые и в глаза не видели «козозосов».

Но не только это отличает труд каменщиков на советских стройках от труда каменщика в прошлом.

Раньше каменщик сам доставлял на стены материалы, устраивал леса, укладывал кирпич. Работал он малоудобными инструментами. Это приводило к крайне низкой производительности труда: каменщик укладывал за смену не более 300—500 кирпичей. Советских строителей подобные темпы удовлетворить, конечно, не могли.

Ф. Шавлюгин пришёл к мысли расчлнить сложный технологический процесс кирпичной кладки на ряд простых операций и закрепить эти операции за отдельными исполнителями. Ф. Шавлюгин сначала стал работать звеном, которое состояло из двух человек, — «двойкой»: один готовит

материал, другой кладёт кирпич. Затем он создал звено из трёх человек. Разделение труда между ними стало более полным, и производительность резко поднялась. Работая «тройкой», Ф. Шавлюгин с двумя подручными установил рекордную выработку, выполнив за смену 14 норм. Но он на этом не остановился. Продолжая совершенствовать свой метод, он перешёл на работу «пятёркой». По этому способу сейчас работают многие каменщики Советского Союза. Последователей Ф. Шавлюгина мы и встретили в Магнитогорске. В среднем на одного участника звена, считая и неквалифицированных рабочих, теперь приходится не 300—500, а 2500—3000 кирпичей.

Москвичи по достоинству оценили патристический новаторский труд Ф. Шавлюгина и избрали его депутатом Верховного Совета РСФСР.

В брошюре о Ф. Шавлюгине затронута только одна сторона работы каменщиков — организация труда. Более широкий показ труда каменщика мы находим в книжке И. Ширкова. Автор книги, Иван Пегасевич Ширков, имеет двадцатилетний стаж работы каменщика. Ещё в 1935 году он выдвинулся в ряды передовых стахановцев и один укладывал в течение смены свыше шести тысяч кирпичей. И. Ширков обучил около двух тысяч человек передовым, рациональным методам кладки кирпича. Его многочисленные ученики работают теперь инструкторами и каменщиками в разных городах Советского Союза.

Автор сумел в доступной, интересной форме рассказать об особенностях труда каменщика. Книжка изобилует чертежами и схемами, показывающими, как надо и как не надо начинать работу, как надо и как не надо размещать рабочую силу, какие инструменты следует и какие не следует применять. Чуть ли не на каждой странице книги даны описания конструкций и различных приспособлений, сделанных по идее автора. И мы видим, что книгу эту написал человек широких, поистине государственных масштабов мышления.

И. Ширков строит дома для граждан своей социалистической Родины. Только за годы послевоенной пятилетки в городах нашей страны построено и восстановлено свыше 61 миллиона квадратных метров жилой площади. Предстоит строить ещё очень

много. Это побуждает И. Ширкова критически оценивать каждую деталь работы, страстно бороться за новшества, отстаивать свои принципы в организации строительных работ.

Вот типичный пример. Для перевозки и подачи кирпича строители много лет применяли далёкие от совершенства контейнеры. В конце 1948 года инженер В. Самодуров предложил конструкцию нового контейнера, но И. Ширкова и эта усовершенствованная конструкция не удовлетворила. Он её переделал по-своему. В книге очень доходчиво показаны выгоды, которые сулит контейнер конструкции Самодурова—Ширкова. Всё от начала до конца тщательно продумано: как будет грузиться на заводе кирпич, как контейнеры будут устанавливаться на грузовиках и как их будут снимать.

Любопытен такой факт. В конце 1948 года в свет вышла книга кандидата технических наук И. Мирошниченко «Каменные работы». Ознакомившись с этой книгой, И. Ширков пришёл к выводу, что И. Мирошниченко рекомендует старые приёмы работы и приспособления, которые в своё время разработал он же — И. Ширков, но от которых передовые каменщики, и прежде всего он сам, уже отказались.

В докладе «32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции» Г. Маленков говорил: «Наша обязанность состоит в том, чтобы и впредь опираться на передовое, всеми силами поддерживать его, всемерно приумножать и распространять прогрессивные начинания и положительные примеры нашей работы, вести дело так, чтобы все мы равнялись на достижения новаторов, передовых советских людей»¹.

Разумеется, эти слова относятся не только к партийным, хозяйственным, профсоюзным работникам, в прямые обязанности которых входит внедрение и распространение нового. Они адресованы и литераторам, ибо художественное воплощение того нового, что созревает в толще народной и властно заявляет о себе, является одной из основных задач советской литературы. Рецензируемые брошюры могут дать нашим литераторам немалую пищу для размышлений на эту тему.

И. ПЕШКИН.

¹ «Правда» от 7 ноября 1949 года.

Создатель „огненной машины“

Если бы дореволюционный читатель, желая познакомиться с деятельностью Уатта, обратился к кладезю буржуазной премудрости — многотомному энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, издававшемуся в России, его любопытство было бы вполне удовлетворено. Он узнал бы множество подробностей не только об изобретениях, но и о жизни английского механика. Читателю стало бы, например, известно, какие игрушки любил в детстве Уатт, каким был характер его первой, а затем и второй жены, и так далее и тому подобное. Составители словаря не пожалели места для Уатта: ему отведено пять столбцов убористого текста.

Более трудным было положение читателя, стремившегося удовлетворить свой законный интерес к работам гениального русского теплотехника И. Ползунова, построившего паровую машину, которая была первым в мире универсальным двигателем, и опередившего Уатта на двадцать с лишним лет. Ползунову отведено в словаре... семь строк!

Но и в этих семи строках словарь постарался принизить и извратить роль русского изобретателя, указав лишь, что он построил первую паровую машину в России.

Эта пропорция — пять столбцов для англичанина и семь строк для русского — ярко рисует отношение в царской России к отечественной науке.

Лишь в советское время многие русские учёные и изобретатели предстали перед нами во всём своём величии, распрямившись во весь свой подлинный, гигантский рост.

Об одном из главных русских изобретателей рассказывает книжка Н. Харджиева и В. Тренина.

Действие повести относится к той эпохе, когда отсталой феодально-крепостнической России насущно необходимо было укрепить промышленность, расширить торговлю, улучшить технику военного дела.

Солдатский сын Иван Ползунов был современником крестьянского сына Михаила Ломоносова. Оба они вышли из гущи народа и отдали родному народу весь свой гений, все свои силы. «Облегчить труд по

нас грядущим», — эти слова И. Ползунова лучше всего определяют весь его славный и трудный жизненный путь.

И. Ползунов родился в 1728 году на Урале, в Екатеринбурге (ныне Свердловск). Вся его жизнь неразрывно была связана с уральскими и алтайскими заводами. Работу на них он начал в качестве «механического ученика», умер он в высоком звании «механикуса».

Урал — эта чудесная кладовая нашей Родины — в то время начинал осваиваться русскими людьми. Тем не менее Урал играл уже крупную роль в мировой металлургии. В 1737 году количество чугуна, выплавленного на заводах горнопромышленника Акинфия Демидова, было равно половине чугуна, выплавленного всеми заводами Англии.

Демидовы нещадно эксплуатировали приписанных к заводам крепостных крестьян. Жестокие телесные наказания за малейшую провинность вызывали непрерывные волнения рабочих людей, переходившие подчас в вооружённые восстания.

С непреодолимой силой овладело И. Ползуновым стремление облегчить непосильный труд крепостных и усовершенствовать примитивную технику, царившую на заводах и основанную на действии старинного водяного колеса. Это «водяное руководство», — по выражению И. Ползунова, — приковывало завод к реке и во многом ограничивало его возможности в условиях суровой зимы.

В редкие часы досуга И. Ползунов упорно совершенствует свои знания, знакомится с трудами великого Ломоносова, постигает достижения науки и техники того времени. На далёком Алтае — два месяца пути отделяли его от центральной России — рос и мужал замечательный, весь устремлённый в будущее изобретатель.

Ползунов сумел предвосхитить путь прогресса, по которому должна была двигаться мировая техника, и воплотил в жизнь смелую мечту человечества о машине, способной путём превращения тепловой энергии в механическую приводить в действие самые разнообразные заводские механизмы. Существовавшие в то время установки справедливо называли огнедействующими насосами, так как они были пригод-

Н. Харджиев, В. Тренин. «Огненная машина. Повесть об Иване Ползунове». Детиз, 1949.

ны лишь для подъёма воды, которую пускали затем на то же водяное колесо.

Долгие годы вынашивал Ползунов идею своей новой машины. Куда бы ни забрасывала его судьба: на берега полноводной Оби или быстрого Чарыша, в Змеиногорск, в Горную Колывань, — перед Ползуновым неотступно стоял образ будущего двигателя, посредством которого можно было бы «огонь слугою к машинам склонить».

История создания и гибели машины И. Ползунова поистине трагична. Изобретателю, работавшему к тому же без помощников-специалистов, приходилось быть одновременно и инженером, и конструктором, и технологом, и машиностроителем. Ползунову не дана была даже возможность предварительно создать действующую модель своего универсального двигателя, и ему пришлось сразу же приступить к строительству «машины большого корпуса». Изобретателю пришлось решить множество новых и весьма сложных задач. Ведь не только подобной машины, но и отдельных деталей её ещё никто не создавал.

И всё же мировая техника на исходе 1765 года обогатилась одним из самых выдающихся изобретений. Мечта И. Ползунова осуществилась: первая в мире двухцилиндровая поршневая огнедействующая машина была построена! Высота машины достигала 11 метров. Вес отдельных её частей превышал 170 пудов. Наибольший диаметр котла был равен 3,5 метра.

Но машина И. Ползунова была и качественно новой по сравнению с примитивными двигателями того времени. Это была машина с непрерывным действием, пригодная для непосредственного привода заводских механизмов.

Создателю дивной машины не довелось увидеть своё детище в действии. Его силы были надорваны непосильным трудом, и 16 мая 1766 года — за неделю до начала испытаний уже готовой машины — И. Ползунов скончался.

Машина И. Ползунова была пущена в эксплуатацию и проработала исправно три месяца, несмотря на крайне неумелое с ней обращение.

При первой же неисправности машину остановили и больше уже в ход не пускали: гениального «механикуса» И. Ползунова заменить было некем! И всё же за краткий срок своего действия, несмотря на то,

что она была использована только на треть своей мощности, машина полностью себя оправдала, дав свыше 12 тысяч рублей чистой прибыли.

Крепостнической России, правильно отмечают авторы, изобретательский подвиг Ивана Ползунова был не нужен. Определённую роль в этом сыграл и нарочито недобросовестный отзыв о машине, данный видевшими её иностранными учёными Палласом и Фальком. Между прочим, они сетовали, что машина «не во всех своих частях подобна английской». И то, что должно было стать для машины, изобретённой в России, высшей похвалой, в глазах петербургского начальства её погубило.

Враги русской культуры немцы Ирман и Меллер, орудовавшие на Колывано-Воскресенских заводах, завершили дело, начатое Палласом и Фальком, и добились разрешения уничтожить творение И. Ползунова.

Книга Н. Хаджиева и В. Тренина об Иване Ползунове могла бы явиться хорошим дополнением к школьному курсу физики и рассказать учащимся о победе гения над косностью, о силе творческого начала у русского человека.

К сожалению, авторам не удалось с достаточной полнотой раскрыть благородный облик русского изобретателя. Это произошло из-за того, что авторы, забывая подчас о читательском адресе книги, допустили нарочитую фрагментарность в изложении, разрывающую логическую нить повествования и затрудняющую чтение. Первые эпизоды повести — о встречах Петра I с Демидовым — хоть и не относятся непосредственно к теме книги, всё же имеют определённую познавательную ценность. Но ряд других отступлений от основной линии, например сцены в царском дворце и в театре, рассчитанные больше на занимательность, без ущерба можно было бы опустить. За их счёт следовало подробнее рассказать о других изобретениях и усовершенствованиях И. Ползунова — в частности, о созданной им у подножья горы Караульной на Алтае деривационной установке, бывшей в то время новым словом в технике.

Следует в заключение пожелать Детгизу побольше выпускать книг о смелых дерзаниях русских людей в различных областях знания.

А. ИГЛИЦКИЙ.

География и антропология**Дневники писателя-путешественника**

Золотом, серебром, волшебным земным корнем, пшеницей и разными плодами изобилна страна, лежащая между устьем Амура и Ляодуном. Она омывается двумя морями и далеко выдаётся в океан. Если плыть от Амура в Китай, надо затратить немало времени на то, чтобы обогнуть этот «великий нос Корей». Страна платит дань богдыхану, хотя ею управляет «особливый хан корейский». Так писал Н. Спафарий, глава московского посольства, ездивший в Пекин в 1675—1678 годах.

У порога Кореи амурские казаки появились давно. В 1669 году русские землепроходцы из крепости Албазин дошли до стен маньчжурского города Нингуты, на притоке Сунгари. Албазинцам уже тогда не составляло больших трудов пройти на юго-восток от Нингуты, к берегу благодатного «Тёплого моря». До него было лишь около 250 вёрст. Они должны были хорошо знать о Корее, и, вероятно, их сведения прежде всего легли в основу первых русских тихоокеанских чертежей XVII века, составленных в Тобольске, на которых, к слову сказать, появилась и Япония. Корейские купцы ещё в XVII веке приходили в Нерчинск и на Аргунь и приносили для продажи русским золото, шёлковую бумагу, посуду, китайские ткани. В Корею они увозили дорогие сибирские меха. Представитель Петра I в Пекине беседовал с корейскими послами и получил от них сведения о Корее.

С чистым сердцем в Корею шёл только русский народ. Корея всегда видела могучую защитницу в лице России. Русские люди в Приморье спасали корейцев от голюда, давали им прибежище и защиту от врагов. Страна ста городов, обнесённых, как в старину, каменными стенами, вечно была под угрозой нападений иноземцев.

Летописи открывают нам страшные свидетельства. В начале XVI века японцы заставляли корейцев платить ежегодную дань человеческой кожей, снятой с тел тридцати казнённых. Она шла впридачу к золоту, рису и дорогой бумаге из тутового

дерева. В 1592—1598 годах в Киото, древнюю столицу самураев, было привезено тридцать тысяч ушей корейцев, зверски умерщвлённых во время войны.

Корею терзали богдыханский дракон, японцы, французские империалисты, американские пираты, английские купцы. За её счёт наживались иезуиты и банкиры. На золото Кореи зарились все — от «китайского Бисмарка» Ли Хун-чанга до неизвестных проходивцев, осквернявших корейские золотые погребения.

Иноземцы нагло ломились во все восемь ворот древнего Сеула. В Сеуле появился некий американец корейского происхождения Ф. Джесон (Са Чжа-ниль). Надев личину борца за народную независимость, Ф. Джесон стал выступать в первую очередь против русского влияния в Сеуле, где тогда существовала русская школа.

В 1895 году в Гензане (порт Лазарева) жило 1336 иностранцев, среди них было 1307 японцев. Года через два в Фузане, где проходила лучшая в стране дорога на Сеул, насчитывалось пять тысяч японцев. В их руках была вся торговля и средства связи. Они захватили путь Фузан—Сеул, поставили для охраны его свою пехоту, овладели телеграфом. Тысяча солдат была размещена в городах Кореи под видом охраны концессий и поселений японцев. В этих условиях русские исследователи продолжали свои работы в Корее.

Вероятно, никто не выразил с такой теплотой и искренностью свои чувства к судьбам корейского народа, как сделал это русский писатель — путешественник, строитель и чудесный мечтатель Н. Гарин-Михайловский. Он создал замечательную книгу, главное место в которой занимает описание его похода по Северной Корее в 1898 году. Н. Гарин участвовал в большой экспедиции А. Звегинцева. Исследователи должны были изучить водные и сухопутные дороги вдоль границы Кореи, Маньчжурии и восточного побережья Ляодунского полуострова и достичь сушей Порт-Артура. Астроном, геолог, инженеры и техники, матрос и солдат были объединены общей целью.

Опытным взором открывателя новых путей окидывал Н. Гарин залив Посьет с

Н. Г. Гарин. «Из дневников кругосветного путешествия. (По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову)». Сокращённое издание. Географгиз, 1949.

Рейдом Паллады. Он заметил, что это одна из самых огромных и удобных корабельных гаваней земного шара. Н. Гарин вступил в страну «белых лебедей». Так он называл корейцев за их белоснежные одежды.

С хорошими помыслами шли русские люди по «Стране утреннего спокойствия». Они свято уважали обычаи корейцев. Проезжая мимо их жилищ, путники или слезали с коней или выпускали ноги из стремян, как это требовало приличия. Н. Гарин с уважением отзывался о трудолюбии, искренности и честности корейцев. Его тронули сказки народа, и он неумоимо записывал их, в дымных фанзах, у походных костров, на коротких привалах. Русского писателя сопровождал знаменитый сказитель Цой-сапоги, который когда-то был председателем корейского «Общества любителей чтения» во Владивостоке. До Н. Гарина в русской печати появились лишь две корейские сказки, он же собрал свыше ста этих жемчужин народного творчества.

Путешественник изучал искусства древней страны. Вот мраморный памятник под черепичной кровлей, воздвигнутый 400 лет назад в честь богатыря Ким-кору, победителя хунзузов. Вся деревня заботится о том, чтобы память о храбром богатыре была передана и следующим поколениям. Памятник с изображением райской птицы будет когда-нибудь воздвигнут и на могиле проводника Гарина — старого корейца Дишандари. Он отличный стрелок из лука и бесстрашный охотник на тигров, о чём свидетельствует выданная старику императорская грамота. Путешественник пишет, что у старика прекрасное лицо. Н. Гарин умел находить всё совершенное и прекрасное в людях и в природе.

Вот и город Кенгхын, Кыген-пу, который когда-то был посещён Н. Пржевальским, славным предшественником Н. Гарина. В деревнях на пути к Хойренгу корейцы говорят путешественнику, что их страна «примет науку» прежде всего от России. Начальник города Хойренга, на гербе которого красуются изображения диких гусей — олицетворение весны, показывает русским образцы каменного угля и просит их поскорее построить железную дорогу в Корею. Здесь Н. Гарин узнал о страстной мечте людей, ждущих с нетерпением прихода русских. «Араса» — русский человек —

спасёт страну от хунзузов, проложит дороги, откроет богатства недр.

В Северной Корее были осязательными связи с Россией. В стране «белых лебедей» Н. Гарин постоянно слушал уверения в дружбе, ему говорили, что имя русского священо для корейцев.

Отряд продвигался через дикие леса, киноварные горы к базальтовому плоскогорью Чанбаншань. Над ним поднимался вулкан Пектусан, склоны которого были подобны серому жемчугу. На подступах к Пектусану расстилались лиловые и серые мхи. На них были отчётливо видны следы колёс и конских копыт. Это была дорога Ивана Стрельбицкого, побывавшего здесь три года назад. Н. Гарин и его спутники спустились в кратер жемчужного вулкана. Там они увидели прекрасное зелёное озеро. Озеро Дракона отдало путешественникам свои тайны. Они сделали промеры, определили очертания водоёма.

В дороге Н. Гарин работал над составлением карты Кореи. Экспедиция открыла истоки Сунгари, Туманганга и Амнокганга (Ялу). Путешественники были первыми европейцами, прошедшими путь к верховьям Амнокганга.

По пятам отряда всё время шла шайка хунзузов. У Н. Гарина уже был опыт борьбы с разбойниками: при постройке Батумской дороги на него нападали турецкие головорезы. Сжато и сильно описывает он ночной бой с хунзузами. Часть пути была пройдена по землям Маньчжурии, а у города Ый-Чжу отряд вновь вышел в страну «белых лебедей».

Н. Гарин-Михайловский был одним из первых путешественников, прошедших сушей из Владивостока в Порт-Артур. Зоркий взор исследователя и строителя остановился на лазурной бухте Порт-Артура. Н. Гарин заметил, что гавань не совсем удобна для прохода больших кораблей и предложил углубить южную часть порт-артурского залива.

Дальнейший путь Н. Гарина лежал через Чифу, Шанхай, Нагасаки, Гонолулу, Сан-Франциско, Чикаго, Париж.

Побывав в тигровых лесах Кореи, в трущобах Маньчжурии, Гарин вынес самые светлые впечатления о народах, населяющих эти глубины Дальнего Востока. Чистое сердце писателя было преисполнено любви и уважения к труженикам. Он восставал против взяток и произвола пра-

вающей верхушки Китая и Кореи. Но он уважал и любил народы Азии. Когда Н. Гарин попал в «европейское» общество, он услышал, как его сосед по столу, англичанин, громко рассуждал о том, что латинские расы, обречённые-де на вымирание, должны уступить место англичанам, американцам, немцам и японцам. Это говорилось в присутствии французов! Пассажиры-китайцы во время обедов на пароходе не допускались к общему столу. Н. Гарин-Михайловский, нашедший столько слов дружбы и любви для книги о стране «белых лебедей», выразил гневное

возмущение поведением цивилизованных людоедов.

Он записал, что в Лондон он не поехал только потому, что не хотел видеть лишний раз людей, «пожелавших крови и смерти».

Благородная книга Н. Гарина светла и безупречна по форме. При этом взыскательный художник и искусный строитель обладал драгоценным качеством — чувством времени, в котором он жил, и предвидением лучшего будущего человечества.

СЕРГЕЙ МАРКОВ.

★

Землепроходец XX века

Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки в мёрзлых степях, забытых природой, — закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана... И такие колоссальные события едва помечены историей, или помечены для того, чтобы поразить воображение дантовским образом ледяного острова в несколько тысяч вёрст...»¹

Так писал Герцен о русских землепроходцах — людях, которые первыми пересекли сухопутный океан, прорубаясь топорами сквозь тысячи вёрст тайги и бурелома. Они совершили великий подвиг, освоив огромное пространство от Урала до берегов Тихого океана. Дальше, казалось, идти было некуда, но кипучая русская энергия звала вперёд: землепроходцы переплыли Берингов пролив — и Аляска стала русской землёй.

Ермак Тимофеевич, Семён Дежнев, казак Я. Хабаров, штурман И. Челюскин, В. Атласов, братья Х. и Д. Лаптевы, С. Крашенинников, первый исследователь Курильских островов И. Анцыферов и многие другие (имена их ещё скрыты мглой неизвестности) своими путешествиями-подвигами расширили просторы своей родины и заслужили благодарность потомков.

Героична деятельность наших землепроходцев, устремлявшихся на Север, в глубины Арктики.

¹ А. И. Герцен. Сочинения, т. IX, стр. 458. Изд. 1919 г.

Н. Болотников. «Никифор Бегичев». Издательство Главсевморпути, 1949.

Одним из таких «открывателей» Арктики был Никифор Алексеевич Бегичев, скромный военный моряк, боцман русского флота. Его жизнеописанию посвящена книга Н. Болотникова.

Н. Бегичев умер всего двадцать с лишним лет назад, и его деятельность тем более интересна, что она непосредственно предшествовала широкому и мощному советскому наступлению на Арктику. Н. Бегичев частично и сам участвовал в этом наступлении.

Участник многих походов и дальних плаваний, Н. Бегичев большую часть своей жизни провёл на Севере. Вся его деятельность — самоотверженный подвиг, продолжавшийся многие годы. Когда надо было идти на выручку терпящим бедствие людям, когда надо было спасти погибающих и разыскивать пропавших, когда надо было помогать экспедициям, — всегда вспоминали о Н. Бегичеве. За тысячи вёрст, из Петербурга, летели телеграммы, скакали нарочные к Н. Бегичеву — и он шёл, спасал, разыскивал, помогал...

Вместе с Эдуардом Васильевичем Толлем он в 1900 году отправился на поиски загадочной Земли Санникова. Позже он стал фактическим руководителем экспедиции, посланной на остров Беннета для розысков исчезнувшего Э. Толля. В 1915 году Н. Бегичев, организовав целый поезд в тысячу оленей и пройдя сотни километров по тундре, помог вырваться из ледяного плена командам дрейфовавших экспедиционных судов «Таймыр» и «Вайгач».

Когда в сентябре 1920 года в Дудинку, на поиски пропавших спутников Амундсена,

прибыл заместитель председателя Комитета Северного морского пути, первое, что спросил он, сойдя на берег, было: «Где найти Бегичева?» Н. Бегичев был тут же и без колебаний принял на себя руководство этой опасной экспедицией, во время которой за полгода пришлось пройти около двух с половиной тысяч вёрст по безлюдным ледяным просторам, через бурные и холодные реки, в дождь и пургу, в туман и в ночную тьму. Н. Бегичев продолжал поиски и тогда, когда норвежцы их прекратили, и выполнил возложенную на него задачу.

Вместе с геологом Н. Урванцевым Н. Бегичев принял участие в экспедиции 1922 года, когда закладывалось начало советскому освоению Арктики. Об этой экспедиции Н. Бегичев кратко записал в своём дневнике: «Наконец, кончилось наше путешествие на простой рыбацкой лодке. Прошли всю реку Пясину 850 вёрст и море около 500 вёрст. Не буду хвастать, пусть другие смельчаки сделают это».

Благородная цель — возвеличение родины — всю жизнь была путеводной звездой Н. Бегичева. Н. Болотников, много лет проведший в Арктике и собравший обширный материал о своём герое, описывая первое полярное плавание Н. Бегичева на шхуне «Заря», приводит знаменательный ночной разговор начальника экспедиции с боцманом:

«... — Я не знаю, — говорил Э. Толль Н. Бегичеву, — может ли существовать на свете большее счастье, нежели счастье исследователя, открывающего землю, на которую до него не ступала нога человека? В эту минуту забывается всё: и долгие годы лишений, и тяжкие труды, и смертельная усталость, ещё час назад сковывавшая тело. Ты не знаешь ещё, сможешь ли вернуться на родину, чтобы поведать человечеству о своём открытии. Может быть, на последней версте обратного пути тебя ожидает смерть, но ты идёшь, выбиваясь из последних сил, потому что идея сильнее тебя. Рождённая человеком, она удесyatряет его силы. Она толкает его, вливает в его жилы энергию, мужество. Не знаю, боцман, сможешь ли ты понять, постичь эту радость?»

Н. Бегичев не только понял, но и познал эту радость. Он пошёл нехоженными путями, всего себя посвятив географическим

открытиям. И ему довелось испытать счастье первооткрывателя — человека, дающего названия открытым им островам, рекам, горам...

В Хатангском заливе, примерно на 74 градусе северной широты и 112 градусе восточной долготы, там, где на всех картах значилась водная гладь, он открыл новый остров, названный его именем. Это было 30 апреля 1908 года.

Н. Бегичев с двумя товарищами провёл на острове всё лето и часть осени. Простой моряк, не получивший почти никакого образования, он подошёл к возникшей перед ним задаче так, как подошёл бы к ней учёный. Он наблюдал животный мир, производил глазомерные съёмки и делал необходимые вычисления, собирал образцы пород, растений и окаменелых раковин. Достаточно сказать, что Н. Бегичев на этом острове открыл залежи каменного угля, нефти, отыскал следы доисторических животных.

Книга о Н. Бегичеве — первая книга Н. Болотникова. Новый автор пришёл в литературу с глубоким знанием материала, богатым запасом наблюдений, свежих образов. Тем досаднее, что издательство не оказало ему достаточной помощи.

Непонятно, например, почему редакторский карандаш не вычеркнул ошибочных рассуждений о том, будто «прогрессивные стремления учёных — Макарова, Менделеева, Толля, Книповича, ратовавших за изучение и освоение северных морей, совпали в ту пору с империалистическими планами некоторых царских плутократов...»

В книге остались и другие неотредактированные строки. Часто цитируются документы, никакого отношения к теме книги не имеющие.

Серьёзного порицания достойно неряшливое издание книги. В ней есть опечатки, искажающие даты, названия. Особенно небрежно сделана карта походов Н. Бегичева. На этой карте, например, Кронштадт обозначен где-то... на Волге. Имеются и другие искажения.

Несмотря на эти недостатки, которые легко могут быть устранены в последующем издании, книга Н. Болотникова обогащает русскую историко-географическую науку описанием деятельности ещё одного талантливого самородка. Испытанный полярник, защитник Порт-Артура, организа-

тор первой промысловой кооперативной артели на Севере, Н. Бегичев хотел видеть свою родину ещё более сильной и могучей. Благодаря его трудам наша страна получила две с половиной тысячи квадратных километров новой территории, богатой различными ископаемыми. Ныне имя Н. Бегичева мы встречаем не только на географических картах и в лощинах арктических морей. Этим именем названы суда, плавающие в северных водах.

«Но лучшим памятником Никифору Бегичеву, — как справедливо пишет автор, —

являются дела его соотечественников. Там, где когда-то одиноко бродил этот упорный искатель нехоженых троп, славный русский мореход и землепроходец Никифор Бегичев, советские полярники прокладывают трассы, создают города и рудники. Сплочённые большевистской партией, вооружённые передовой наукой и первоклассной техникой, они с каждым днём раскрывают всё новые и новые тайны Арктики, заставляя её богатства служить великому делу построения коммунизма.

Подполковник П. КОРЗИНКИН.

★

На пороге новой науки

Книга М. Герасимова издана под малопривлекательным для неспециалистов названием — «Основы восстановления лица по черепу». Эта новая наука ещё не имеет даже собственного названия, однако о том, какую пользу она способна принести, уже свидетельствуют антропологи и этнографы, историки и археологи, биологи и криминалисты. Она имеет существенное значение и для топографической анатомии, а следовательно, не сможет не помочь и медицине, в частности пластической хирургии лица.

В чём же суть работ историка, археолога и скульптора М. Герасимова?

Вот уже несколько десятков лет, как перед антропологией встала задача научиться восстанавливать по черепам также и лица. Действительно, можно ли ограничить представление о том, каковы были наши предки, — начиная с первобытного человека — синантропа, неандертальца и так далее, — только их черепами и скелетами, то есть только тем, что нам скупо сберегла земля? Совершенно естественно желание представить себе наших предков не только схематически, но как бы воочию увидеть их лица, узнать, как и насколько они отличались от нас.

Но хотя задача восстанавливать живые лица по откапываемым черепам и встала перед антропологией уже несколько десятков лет назад, до сих пор ни одна попытка в этом направлении не была достаточ-

но удачной. Более того. Подавляющее большинство зарубежных антропологов вообще отвергало возможность решения этой задачи. Крупный немецкий учёный Вирхов считал, например, что в наше время в распоряжении учёных ещё нет необходимых данных о соотношении лица и черепа.

Такова, в общих чертах, была картина, которую застал М. Герасимов двадцать с лишним лет назад, впервые приступив к своим опытам портретного восстановления лица по черепу. Основной научной посылкой М. Герасимова было животворное диалектико-материалистическое положение: всё в живом организме взаимосвязано, взаимообусловлено. Следовательно, так же, как Кювье смог по одной кости восстановить весь скелет ископаемого животного, — точно так же возможно и лицо восстановить по черепу. Это не фантастика, это реальная научная задача, но для её решения нужно было располагать достаточным материалом и установить закономерности соотношений между костным остовом черепа и мягкими тканями лица.

И М. Герасимов принялся за колоссальную работу по сбору такого материала.

В качестве примера вновь открытых М. Герасимовым закономерностей соотношения костного остова черепа и мягких тканей лица приведём разрез глаз. казалось бы, уж он никак не зависит от костей. Но М. Герасимов, проведя множество наблюдений, установил, что давно известный анатомам и как будто бы ни на что не влияющий (казавшийся настолько безынте-

М. М. Герасимов. «Основы восстановления лица по черепу». Государственное издательство «Советская наука», 1949.

ресным анатомам, что оставался даже безымянным!) гребешок на внутренней стороне орбитального отростка скуловой кости определяет именно разрез глаза—внешний его угол, в частности! А прямая, проведенная от этого бугорка до средней части луночки слезного мешка, от которой зависит второй, внутренний угол разреза глаз, определяет основное направление разреза глаза.

Эта находка не была случайной удачей учёного. Чрезвычайно способствовало конечному успеху его работы то, что он с самого начала определил те части лица, в которых костный остов черепа не даёт гарантии соответствия мягких тканей. Таковы кончик носа, ушная раковина, форма ноздрей, некоторые детали губ. Эти детали лица не поддаются точной реконструкции по данным только черепа,—здесь неизбежен домысел скульптора.

М. Герасимов точно формулирует, что, собственно, он называет портретной реконструкцией, и эта формулировка его безусловно справедлива.

«Портретной реконструкцией я называю такую, по которой возможно опознание — идентификация определённого лица по маске, воспроизведённой на его черепе. Маска ни в коей степени не является собственно портретом некогда жившего человека, это всего-навсего максимальное приближение к внешнему его виду. Ещё менее полученное изображение можно назвать художественным портретом, так как это документальное воспроизведение внешнего вида субъекта, а не эмоциональное представление о нём создавшего его художника. Таким образом, в отличие от художественного портрета, реконструкция по черепу является не субъективным, а строго объективным изображением. Это как бы объективная скульптурная схема, воспроизведённая документально по черепу и максимально приближающаяся к внешнему виду субъекта, череп которого послужил основой для создания реконструкции».

Вот портретная реконструкция по черепу убитой Валентины Косовой и её же фотография, сделанная за несколько времени до смерти. На читателя со страницы книги смотрит — совершенно явно! — одно и то же лицо. Между тем женский череп, который был обнаружен в роще близ Сталинграда в 1940 году и затем послан для реконструкции М. Герасимову, при-

надлежал неизвестному человеку. Только после того, как М. Герасимов восстановил по этому черепу лицо, на следователя глянула с присланной М. Герасимовым фотографии пропавшая без вести жительница Сталинграда В. Косова. (Между прочим, благодаря этому удалось установить и её убийцу. Вообще, работы М. Герасимова уже десятки раз помогали криминалистам в раскрытии преступлений).

Приведём ещё один пример, кстати, не упоминаемый М. Герасимовым, ибо этот эпизод относится к самому последнему времени, когда книга уже находилась в печати.

При раскопках профессора А. Арциховского в Новгороде-Великом было обнаружено захоронение крупного политического новгородского деятеля архиепископа Василия. Считалось, что портретов Василия не сохранилось. Тогда обратились к М. Герасимову с просьбой восстановить лицо Василия по черепу. Реконструкция показала умное, волевое, надолго запоминающееся и очень характерное лицо новгородского владыки.

А в конце 1949 года, ничего не зная об этой реконструкции, искусствовед В. Лазарев нашёл один старинный портрет и неопровержимо доказал, что он изображает архиепископа новгородского Василия. Тогда сравнили этот портрет и реконструкцию М. Герасимова. И что же? С портрета и реконструкции на нас смотрит одно и то же лицо!

Значительна роль книги М. Герасимова и в борьбе со всяческого рода расистскими концепциями о происхождении человека. В своей работе М. Герасимов исходит из непрменной взаимосвязанности и взаимообусловленности всех частей живого организма, а также из того непреложного факта, что человеческие расы подчиняются одним и тем же закономерностям развития. Между тем антропологи-расисты исходили из диаметрально-противоположных установок: сколько рас, столько и закономерностей, раса — нечто неизменное и от бога данное, и толковать о равенстве рас нечего. Книга М. Герасимова наносит удар по антропологам-расистам и является превосходным свидетельством созидательной силы советской науки.

Кандидат исторических наук
М. САЛМАНОВИЧ.

Физкультура и спорт

Книга о М. Чигорине

Когда в 1889 году Гаванский шахматный клуб предложил чемпиону мира В. Стейнницу сыграть матч с сильнейшим своим противником, Стейнниц указал на русского шахматиста Михаила Ивановича Чигорина...

М. Чигорин добивался выдающихся успехов на международных турнирах. Однако мы знаем немало крупных шахматистов, которые всё же не пользовались особой популярностью в шахматном мире; популярность же М. Чигорина была исключительной. Она объяснялась характером его творчества.

В то время общее признание получила несколько суховатая и догматическая, так называемая «новая» школа во главе со Стейнницем. Появление её не было случайным: до «новой» школы в шахматах господствовало, в основном, романтическое направление. Мастера стремились к атаке, к жертвам, играли гамбиты (дебюты, где ради атаки жертвуются пешки и фигуры). Шахматные учебники, по сути дела, являлись справочниками по гамбитным началам, где приводились старинные варианты всевозможных королевских гамбитов. Защищались мастера в то время слабовато — они предпочитали атаковать, а если из атаки ничего не получалось, ну что же — тогда и проигрывали! В своё время Стейнниц также был «романтиком».

Но материалистическое направление, свойственное передовой науке и культуре второй половины XIX столетия, не могло пройти мимо шахмат. Действительно, ведь стиль мастеров-романтиков, которые любой ценой стремились к атаке, был в скрытой форме стилем авантюристическим. Сильному шахматисту, настроенному реалистически и искусному в обороне, такие партнёры были весьма по душе: стоило лишь принять все эти жертвы, предоставить противнику возможность атаки, выдержать первый натиск, а затем уже использовать либо материальное превосходство, либо позиционные слабости, возникшие в лаге-

ре неприятеля в процессе слишком стрессовой атаки...

Такова, собственно, основная «философская» установка «новой» школы. Приобретя опыт в обороне, Стейнниц отказался от романтического стиля игры: гораздо выгоднее было использовать «активность» своих партнёров! Для этого, разумеется, пришлось поднять позиционную технику игры на большую высоту: появилось учение об использовании пешечных слабостей, о медленном, постепенном накоплении преимуществ, важности овладения открытыми линиями, обороноспособности стеснённых позиций. Всё в большую моду входили так называемые закрытые начала, в которых нет возможности с первых же ходов начинать атаку. Повышение техники позиционной игры (не только у Стейнница) привело к тому, что романтическая, «старая» школа довольно быстро пришла к своему поражению.

Однако остался в шахматном мире один крупный мастер, который, по мнению его современников, не отошёл от «старой» школы, — им был М. Чигорин. Он попрежнему с успехом применял открытые начала, ведущие к острой борьбе, и стремился к бурным атакам, к контрастному давлению против «самого» Стейнница!

Объяснялось это двумя причинами: во-первых, М. Чигорин обладал исключительным комбинационным талантом, он был величайшим мастером атаки и активной обороны; во-вторых, М. Чигорин интуитивно чувствовал догматизм многих принципов Стейнница, и его позиционная техника частично превосходила уже начинавшую застывать позиционную теорию «новой» школы. Следует особо подчеркнуть, что в понимании многих характерных позиций М. Чигорин опередил своё время; поэтому зачисление его в ряды сторонников «старой» школы являлось недоразумением.

Представители «новой» школы без промаха поражали правоверных приверженцев «старой» школы, а с М. Чигориным, который сумел сохранить и всё ценное от наследия «старой» школы, да и частично превзойти современников в позиционном

Н. И. Греков. «М. И. Чигорин — великий русский шахматист». Издание второе, переработанное и дополненное. Государственное издательство «Физкультура и спорт», 1949.

понимании шахмат, им было сражаться трудновато...

Жизнь М. Чигорина была нелёгкой. По окончании сиротского института он работал в качестве мелкого чиновника и лишь в возрасте 23 лет начал с увлечением изучать шахматы. Через восемь лет он уже с блеском защищал честь русских шахмат на международном турнире, а ещё восемь лет спустя вступил в единоборство со Стейнцем.

М. Чигорин основал русскую школу в шахматах. Исключительно велика была его роль и в развитии шахмат в России. Почти все русские мастера были его последователями.

После смерти М. Чигорина имя его не было забыто в шахматном мире, но партии его были преданы забвению. Современники великого русского шахматиста не оценили всей тонкости его идей, основанных на глубоком проникновении в позиции, получающиеся в процессе борьбы за шахматной доской; на протяжении десятилетий в шахматной литературе «пережёвывалась» позиционная теория Стейница.

Советские шахматисты не имели возможности изучать творчество М. Чигорина, ибо его партий не было в современной шахматной литературе. Конечно, косвенным путём мастера советского поколения перенимали опыт чигоринской школы у шахматистов дореволюционного поколения: Б. Верлинского, Ф. Дуз-Хотимирского, А. Ильина-Женевского, Г. Левенфиша, В. Ненарокова, И. Рабиновича, П. Романовского и других, а также изучали партии крупнейших последователей М. Чигорина. Но непосредственно изучать его творчество по «первосточнику» советские шахматисты начали лишь после того, как появилась книга Н. Грекова (первое её издание вышло в 1939 году), посвящённая замечательному русскому шахматисту.

Н. Греков совершил своего рода жизненный подвиг: на протяжении многих лет он собирал партии, анализы, статьи М. Чигорина. Они были разбросаны по специальным шахматным книгам и журналам, по различным периодическим изданиям,

давно уже ставшим библиографической редкостью. Н. Греков любовно отобрал лучшие партии и анализы М. Чигорина и включил их в книгу. Критико-биографические очерки автора также заслуживают признания.

Н. Греков анализирует творчество М. Чигорина с большим знанием дела. Он, например, правильно отмечает достоинства и недостатки М. Чигорина как спортсмена; укажем лишь, что здесь он, пожалуй, несколько идеализирует М. Чигорина, избегая критической оценки этих недостатков, не подчёркивая важности единства творческого содержания партии и её результата, — а к этому как раз и стремятся советские мастера. Между тем М. Чигорин настолько велик, что не нуждается ни в какой идеализации.

Когда же Н. Греков переходит к оценке других больших мастеров прошлого, его работа не всегда является убедительной. Автор не отметил положительной роли, которую сыграла «новая» школа в повышении позиционной техники игры. Стейниц и другие мастера той эпохи освещены односторонне и получились несколько тусклыми. Вызывает также недоумение то, что автор зачислил современных нам шахматистов М. Видмара и Дж. Томаса в число последователей М. Чигорина, что просто не соответствует действительности. Но все эти недостатки мало существенны.

Основное значение патриотического труда Н. Грекова состоит в том, что он открыл советским шахматистам подлинного Чигорина. Это, разумеется, послужило мощным толчком к изучению творческого наследия великого мастера и сыграло немалую роль в достижении советскими шахматистами их ведущего положения в шахматном мире. Второе издание труда Н. Грекова, значительно расширенное и улучшенное, позволит сейчас познакомиться с творчеством М. Чигорина новым кадром советских шахматистов. Это, несомненно, будет способствовать новым достижениям отечественной шахматной школы.

Михаил БОТВИННИК.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

(Январь 1950 года)

★

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Н. Артюхова. Повести о детях. 264 стр. Цена 11 р.

С. Бытовой. Тихоокеанская весна. Путевые очерки. 230 стр. Цена 5 р. 50 к.

Александр Волошин. Земля Кузнецкая. Роман. 322 стр. Цена 9 р. 50 к.

Н. Васильев. Америка с чёрного хода. Очерки и зарисовки. 338 стр. Цена 9 р. 50 к.

Б. Кербабав. Решающий шаг. Роман. Перевод с туркменского. 574 стр. Цена 12 р. 50 к.

Хаджи Мурат Мугуев. Две повести. 248 стр. Цена 8 р.

Виссарион Саянов. Небо и земля. Роман. 792 стр. Цена 24 р.

Рудольф Сирге. Шаг за шагом. Повести и рассказы. Перевод с эстонского Н. Кооля. 178 стр. Цена 6 р. 50 к.

Тугельбай Сыдыкбеков. Люди наших дней. Роман. Авторизованный перевод с киргизского. 358 стр. Цена 12 р.

С. Трегуб. Живой с живыми. Сборник статей. 362 стр. Цена 11 р.

С. Тудор. День отца Сойки. Роман. Перевод с украинского В. Гарсиса. 342 стр. Цена 8 р.

Е. Фёдоров. У горы Магнитной. Повесть. 170 стр. Цена 6 р.

И. Шемакин. Глубокое течение. Роман. Перевод с белорусского С. Григорьевой. 324 стр. Цена 10 р.

ГОСЛИТИЗДАТ

С. Т. Аксаков. Избранные сочинения. 596 стр. Цена 18 р.

Антология туркменской поэзии. 548 стр. Цена 25 р.

Жан-Ришар Блок. Тулон. Избранная публицистика. Перевод с французского. 180 стр. Цена 4 р. 50 к.

Иржи Волькер. Избранное. Перевод с чешского. 144 стр. Цена 5 р.

Гольдони. Комедии. 736 стр. Цена 13 р. 50 к.

М. Горький. Собрание сочинений. В 30 томах. Том 1. 512 стр. Цена 12 р.

Поэзия Грузии (антология). Иллюстрации И. Тоидзе. 508 стр. Цена 30 р.

И. А. Гончаров. Обломов. Роман в четырёх частях. 512 стр. Цена 8 р.

Лео Кначели. Гвади Бигва. Перевод с грузинского. 208 стр. Цена 3 р. 25 к.

Георгий Леонидзе. Сталин. (Детство и отрочество). Эпопея. Книга первая. Перевод с грузинского Н. Тихонова. 154 стр. Цена 5 р.

В. А. Луговской. Хозяева земли. 156 стр. Цена 6 р. 50 к.

А. Н. Островский. Полное собрание сочинений. Том 1. 416 стр. Цена 10 р.

Польская новелла. Сборник. Перевод с польского. 660 стр. Цена 11 р. 50 к.

Генрих Сенкевич. Повести и рассказы. 404 стр. Цена 7 р. 25 к.

Л. Н. Толстой. Казаки. 164 стр. Цена 14 р.

Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Том XII. 700 стр. Цена 18 р.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

М. Ауэзов. Абай. 588 стр. Цена 15 р.
А. Ваньков. Плавание. 32 стр. Цена 80 к.

Б. Изюмский. Алые погоны. 240 стр. Цена 7 р.

Н. Михайлов. Над картой Родины. Издание второе. 288 стр. Цена 10 р.

Молодёжная эстрада № 6. Сборник. 96 стр. Цена 4 р.

И. Осипов. Славай нормы комплекса ГТО. 48 стр. Цена 1 р.

С. Савин. Футбол. 48 стр. Цена 1 р. 20 к.

Ф. Спешнев. Утренняя гимнастика. 40 стр. Цена 1 р.

А. Шишко. Каменных дел мастер. 216 стр. Цена 4 р. 50 к.

Б. Юрцев. Живые шарady (книжка-малышка). 48 стр. Цена 25 к.

В. Яковлев. 10 пирамид (книжка малышка). 32 стр. Цена 25 к.

«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

Б. Анзин. Вишня и слива. 118 стр. Цена 2 р. 75 к.

А. Бершадский. Районная газета. 52 стр. Цена 1 р.

С. Болдохин. Организация и оплата труда в колхозе. 56 стр. Цена 1 р. 50 к.

В. Гостев. Пути улучшения качества продукции. 40 стр. Цена 1 р.

За сверхплановые социалистические накопления. 76 стр. Цена 1 р. 35 к.

Из опыта работы московских агитаторов. 78 стр. Цена 1 р. 50 к.

Как провести занятия по теме: «Построение социалистического общества в СССР». 18 стр. Цена 50 к.

П. А. Морозов. Мастер — полноправный руководитель участка. 112 стр. Цена 2 р. 50 к.

Люди Трёхгорки. Очерки. 108 стр. Цена 2 р. 50 к.

Людмила Немытшева. Большой резерв. 26 стр. Цена 75 к.

Об опыте работы политшкол. 62 стр. Цена 1 р. 25 к.

Песни о Сталине. 94 стр. Цена 3 р.

В. Сафонов. Земля в цвету. 438 стр. Цена 14 р.

В. Соседов. Советская торговля и её роль в развитии народного хозяйства СССР. 36 стр. Цена 75 к.

М. Фролов. Наша сталь. 46 стр. Цена 1 р.

ПРОФИЗДАТ

Б. Батулин. Мечты сбываются. 312 стр. Цена 6 р. 50 к.

Михаил Златогоров. Беспокойные сердца. Очерки. 152 стр. Цена 2 р.

Алексей Пантиелев. Первая неделя. 216 стр. Цена 6 р. 40 к.

Ф. А. Романов. Рабочее и профессиональное движение в годы первой мировой войны и второй русской революции (1914 — февраль 1917 года). Исторический очерк. 208 стр. Цена 5 р. 20 к.

ГОСПОЛИТИЗДАТ

К. Маркс. Капитал. Том III. 932 стр. Цена 20 р.

К. Маркс. К критике политической экономии. 270 стр. Цена 5 р.

В. И. Ленин. Что делать? 196 стр. Цена 3 р.

И. В. Сталин. Год великого перелома. 16 стр. Цена 20 к.

И. В. Сталин. Доклад о проекте Конституции Союза ССР. 32 стр. Цена 35 к.

И. В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. 64 стр. Цена 1 р.

И. Сталин. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г. и 9 февраля 1946 г. 24 стр. Цена 30 к.

И. В. Сталин. Речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев. 20 стр. Цена 30 к.

И. В. Сталин. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников. 20 стр. Цена 30 к.

Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. 244 стр. Цена 5 р.

А. А. Андреев. Сталин и колхозное крестьянство. 14 стр. Цена 30 к.

Л. П. Берия. Великий вдохновитель и организатор побед коммунизма. 24 стр. Цена 30 к.

Н. А. Булганин. Сталин и Советские Вооружённые Силы. 22 стр. Цена 30 к.

К. Е. Ворошилов. Гениальный полководец Великой Отечественной войны. 24 стр. Цена 30 к.

Л. М. Каганович. Сталин ведёт нас к победе коммунизма. 24 стр. Цена 30 к.

А. Н. Косыгин. Нашими успехами мы обязаны великому Сталину. 14 стр. Цена 30 к.

Г. М. Маленков. Товарищ Сталин — вождь прогрессивного человечества. 16 стр. Цена 30 к.

А. И. Микоян. Великий зодчий коммунизма. 24 стр. Цена 30 к.

В. М. Молотов. Сталин и сталинское руководство. 24 стр. Цена 30 к.

Н. С. Хрущёв. Сталинская дружба народов — залог непобедимости нашей Родины. 14 стр. Цена 30 к.

Н. М. Шверник. Товарищ Сталин — продолжатель великого дела Ленина. 14 стр. Цена 30 к.

М. Д. Багиров. Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана. 256 стр. Цена 5 р. 25 к.

А. И. Болотин. Девятая Всероссийская конференция РКП(б). 56 стр. Цена 75 к.

ВПШ при ЦК ВКП(б). История СССР. Альбом наглядных пособий. Выпуск X. 37 табл. Цена 100 р.

Б. Г. Гафуров. История таджикского народа. Том 1. 476 стр. Цена 8 р. 50 к.

Н. П. Кузин. Как вести занятия в политшколе. 68 стр. Цена 80 к.

Л. А. Леонтьев. Империализм доллара в Западной Европе. 420 стр. Цена 9 р.

Совещание Информационного Бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 г. 104 стр. Цена 1 р.

П. М. Соин. Десятый съезд РКП(б). 110 стр. Цена 1 р. 75 к.

ДЕТГИЗ

С. Аксаков. Детские годы Багрова внука. 292 стр. Цена 7 р. 80 к.

Башкирские народные сказки. Составитель А. Усманов. 80 стр. Цена 1 р. 90 к.

Болгарские рассказы. 128 стр. Цена 4 р. 50 к.

Н. Верзилин. Путешествие с домашними растениями. 296 стр. Цена 10 р.

Ф. Вигдорова. Мой класс. 248 стр. Цена 8 р.

Глобус. Географический ежегодник для детей. 432 стр. Цена 31 р. 85 к.

И. Майзелис. Шахматы. Основы теории. 296 стр. Цена 14 р.

С. Михалков. Я хочу домой. Драма в 3-х актах, 9-ти картинах, с прологом и эпилогом. 70 стр. Цена 3 р.

Д. Нагишкин. Храбрый Азмун. Амурские сказки. Для младшего возраста. 230 стр. Цена 8 р. 50 к.

Д. Наливкин и Л. Петров. Наша нефть. 100 стр. Цена 3 р. 50 к.

Поэты пушкинской поры. Избранные стихотворения. 288 стр. Цена 4 р.

И. Презент. Великий преобразователь природы И. В. Мичурин. 62 стр. Цена 85 к.

Б. Прилежаева-Барская. Как жили наши предки славяне. 70 стр. Цена 2 р. 70 к.

А. Рахманов. Яблочков. 84 стр. Цена 2 р. 95 к.

К. Симонов. Подвиг капитана Сабурова. 36 стр. Цена 50 к.

Л. Толстой. Хаджи Мурат. 254 стр. Цена 6 р. 70 к.

К. Ушинский. Рассказы. 14 стр. Цена 1 р.

О. Хавкин. Всегда вместе. Повесть. 360 стр. Цена 7 р.

А. Чехов. Рассказы. 236 стр. Цена 8 р. 60 к.

В. Шекспир. Король Лир. Перевод Б. Пастернака. 178 стр. Цена 2 р. 80 к.

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. Антоновская. Георгий Саакадзе. 878 стр. Цена 22 р.

Э. Войнич. Овод. Роман. 308 стр. Цена 8 р. 50 к.

А. Гончар. Знаменосцы. Роман в 3-х частях. 386 стр. Цена 12 р.

В. Гюго. Отверженные. Роман в 2-х томах. Том 1. 780 стр. Цена 16 р. Том 2. 572 стр. Цена 12 р.

П. Журба. Герой Советского Союза Александр Матросов. 64 стр. Цена 70 к.

Ф. Левинзон-Александров, С. Давыдов и И. Жеребцов. Радиотехника. Учебник для сержантов. 240 стр. Цена 7 р. 75 к.

Г. Леонидзе. Сталин. (Детство и отрочество). Эпопея. Книга 1-я. Перевод с грузинского Н. Тихонова. Издание 2-е. 164 стр. Цена 10 р.

Е. Максименко. Дважды Герой Советского Союза Е. М. Кунгурцев. 46 стр. Цена 50 к.

П. Павленко. Степное солнце. Повесть. 78 стр. Цена 1 р. 10 к.

Песни Советской Армии и Военно-Морского Флота. Сборник. 110 стр. Цена 8 р.

Б. Полевой. Вернулся. Повесть. 62 стр. Цена 85 к.

П. Ф. Пупышев. Охотничьи легавые собаки. 148 стр. Цена 3 р. 40 к.

И. Тюленев, генерал армии. Боевая слава советской кавалерии. 108 стр. Цена 2 р. 50 к.

Д. Финк. Техника радиолокации. Часть 1-я. Перевод с английского. 280 стр. Цена 9 р. 40 к.

М. В. Фрунзе. Избранные произведения. 584 стр. Цена 16 р.

П. Чувилов. Краткий очерк марксистско-ленинской теории о войне и армии. 192 стр. Цена 4 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Т. Берк. Американский империализм и «план Маршалла». Перевод с чешского. 110 стр. Цена 5 р.

Т. Биссон. Военная экономика Японии. Перевод с английского. 298 стр. Цена 15 р. 70 к.

Дж. Вайян. История ацтеков. Перевод с английского. 242 стр. Цена 19 р.

Т. Джексон. Борьба Ирландии за независимость. Перевод с английского. 362 стр. Цена 22 р. 50 к.

Р. Жувенель. Интернационал предателей. Перевод с французского. 168 стр. Цена 5 р.

Э. Камилар. Мгла. Перевод с румынского. 216 стр. Цена 9 р. 70 к.

Гордон Кан. Прогрессивные деятели Голливуда перед судом. Сокращённый перевод с английского. 208 стр. Цена 8 р. 70 к.

Анри Клод. Кому нужна война. Перевод с французского. 208 стр. Цена 9 р.

П. Ланжевен. Избранные произведения. Перевод с французского. 438 стр. Цена 26 р. 50 к.

А. Сакстон. Большая среднезападная. Перевод с английского. 362 стр. Цена 11 р.

Дж. Спивак. «Спасители» Америки. Перевод с английского. 82 стр. Цена 3 р.

И. Стил. В защиту мира. Перевод с английского. 54 стр. Цена 1 р.

Факты о положении трудящихся в США. Перевод с английского. 136 стр. Цена 5 р. 75 к.

Ф. Фонер. История рабочего движения в США. Перевод с английского. 636 стр. Цена 37 р. 50 к.

Ю. Фридбах. В тени форта Нокс. Перевод с немецкого. 292 стр. Цена 12 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Белинский — историк и теоретик литературы. Сборник. 448 стр. Цена 35 р.

Л. С. Берг. Очерки по физической географии. 338 стр. Цена 15 р.

Воинские повести древней Руси. 358 стр. Цена 16 р.

Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание АН СССР, посвящённое истории отечественной науки 5—11 января 1949 г. 912 стр. Цена 52 р.

Горьковские чтения, 1947—1948. 524 стр. Цена 25 р.

Д. П. Григорьев и И. И. Шафрановский. Выдающиеся русские минералоги. 274 стр. Цена 13 р. 50 к.

Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX веках. Том 1. 524 стр. Цена 40 р.

Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. Части I и II. 368 стр. Цена 28 р.

Кризис колониальной системы в Восточной Азии. 288 стр. Цена 17 р.

Литературное наследство. Н. А. Некрасов. Т. 1. 652 стр. Цена 50 р.

Онежские былины. Том 1. 736 стр. Цена 32 р. 25 к.

С. А. Петрушевский. Философские основы учения И. П. Павлова. 126 стр. Цена 6 р.

Г. М. Свердлов. Советское законодательство о браке и семье. 110 стр. Цена 4 р.

СЕЛЬХОЗГИЗ

М. Г. Азаев. Травопольная система земледелия. Издание третье, переработанное и дополненное. 152 стр. Цена 2 р. 90 к.

Е. А. Богданов. Избранные сочинения. 384 стр. Цена 9 р. 60 к.

А. Н. Бахарев. Иван Владимирович Мичурин. 168 стр. Цена 2 р. 80 к.

А. М. Вильер. Гигиена кормления сельскохозяйственных животных. 264 стр. Цена 5 р. 60 к.

В. Р. Вильямс. О проведении травопольной системы земледелия. 64 стр. Цена 85 к.

Т. Е. Дяньшин. Стадийное развитие пшеницы в условиях Севера. 80 стр. Цена 1 р. 90 к.

А. А. Измаильский. Избранные сочинения. 336 стр. Цена 7 р. 20 к.

С. А. Ижевский. Розы. 256 стр. Цена 5 р. 25 к.

Г. Е. Киселёв. Цветоводство. 720 стр. Цена 19 р.

П. А. Костычев. Почвы чернозёмной области России. 240 стр. Цена 6 р. 60 к.

А. В. Крылов. Преобразованная степь. 168 стр. Цена 2 р. 70 к.

П. Н. Кулешов. Избранные работы. 216 стр. Цена 6 р. 65 к.

К. Ф. Лискун. Отечественные породы крупного рогатого скота. 176 стр. Цена 4 р. 85 к.

Т. Д. Лысенко. Итоги работы Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина и задачи сельскохозяйственной науки. 32 стр. Цена 50 к.

ГЕОГРАФИЗ

Д. Н. Анучин. Избранные географические работы. 388 стр. Цена 15 р. 50 к.

В. К. Арсеньев. Сквозь тайгу. 404 стр. Цена 11 р. 75 к.

Ф. Ф. Беллингаузен. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в 1819, 1820 и 1821 годах. 360 стр. Цена 14 р. 50 к.

Руд. Бершадский. На раскопках древнего Хорезма. 112 стр. Цена 1 р. 75 к.

Э. Б. Валев. Болгария. 408 стр. Цена 11 р.

М. Виташевская. Путешествие за три моря Афанасия Никитина. 124 стр. Цена 2 р. 25 к.

И. А. Гончаров. Фрегат «Пайлада». 712 стр. Цена 23 р. 25 к.

Н. В. Думитрашко. Среди гор и лесов. 184 стр. Цена 4 р. 50 к.

Е. Л. Штейнберг. Первые исследователи Каспия (XVIII—XIX вв.). 76 стр. Цена 1 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ

Б. Вадецкий. Фёдор Матюшкин. 152 стр. Цена 6 р.

М. П. Виноградов. Морские млекопитающие Арктики. 280 стр. Цена 15 р.

Василий Головин. Сочинения. 508 стр. Цена 21 р.

А. А. Дорохов. Ледокол «И. Сталин» во льдах. 72 стр. Цена 2 р. 50 к.

М. А. Кузнецов. Снежные хижины. 98 стр. Цена 2 р. 50 к.

Г. С. Максимов. Гидрографическая опись. 486 стр. Цена 20 р.

В. А. Перевалов. Ломоносов и Арктика. 504 стр. Цена 18 р.

ГОСКИНОИЗДАТ

В. Р. Гардин. Воспоминания. 232 стр. Цена 13 р.

Е. М. Голдовский. Демонстрация цветных кинокартин. 148 стр. Цена 5 р. 75 к.

Избранные сценарии советского кино. Том I. 598 стр. Цена 23 р. Том II. 532 стр. Цена 23 р. Том III. 520 стр. Цена 23 р.

А. Иорданский, К. Мертц, Н. Овечкис, В. Чальцов. Цветная фотография на трёхслойных светочувствительных материалах. 100 стр. Цена 9 р. 50 к.

Главный редактор **Константин Симонов.**
Редколлегия: **Борис Агапов, Валентин Катаев,**
Александр Кривицкий (зам. главного редактора),
Константин Федин, Михаил Шолохов.

Редакция: Москва, 6, Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
Вход с улицы Чехова, 1.

Сдано в набор 27/I-50 г.

А 01385.

Объём 17 печ. л.

Подписано к печати 12/II-50 г.

Тираж 66.300.

Заказ № 32.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова.

Цена 9 руб.